

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69). № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского, протокол № 1 от 5 марта 2018 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 05.03.2018. Формат 70x100 1/16.

19.83 усл. п. л. Тираж 50. Заказ № НП/149.

Дата выхода в свет 26.03.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской
деятельности КФУ имени В. И. Вернадского

295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

УДК 347.7 : 652.612

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ В/О «СОВФРАХТ» КАМПАНИЙ ПО ФРАХТОВАНИЮ В 1933–1934 ГГ.

Благодатная Е. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблемам изучения фрахта в отечественной науке посвящено достаточно много различных работ. В то же время работ, посвященных изучению проблемы правовой организации фрахта, на сегодня нет. Этим и обуславливается актуальность исследования. Объединение дела фрахтования иностранных судов произошло лишь после того, когда постановлением СТО СССР от 8 марта 1929 г. в составе Народного комиссариата внутренней и внешней торговли было создано акционерное общество «Совфрахт», имевшее свои фрахтовые конторы за рубежом. Реальную работу эта организация начала лишь в 1932 г. Указывается, что планирование операций по фрахтованию на 1933 г. началось в январе этого же года, с анализом накопленного опыта. Отдельным направлением работы «Совфрахт» в этот период стала корректировка содержания использовавшихся чартеров с целью наибольшего их приспособления для удобства советской стороны

Ключевые слова: фрахт, рынок, Совфрахт, кризис, торговый флот, грузы, перевозка.

Проблемам изучения фрахта в отечественной науке посвящено достаточно много различных работ. Среди них особенно следует выделить исторические труды таких авторов, как Шершеневич Г. Ф. [1, с. 267–268], Невзоров А. С. [2], Генкин Д. М. [3], Жудро А. К. [4], Кейлин А. Д. [5–7], а также современных нам исследователей: Тонких А. В. [8, с. 78–83], Витрянский В. [9, с. 36–54; 10, с. 60–71], Медведев А. [11, с. 63–65], Тихенко Т. Ю. [12, с. 103–107], Стригунова Д. П. [13, с. 71–75], Калпин А. Г. [14], Косовская В. А. [15, с. 138–143; 16, с. 13–18], Джобава Н. А. [17, с. 78–90], Ротко С. В. [18, с. 44–46], Ермолаев В. Г. и Сиваков О. В. [19] и др. В то же время работ, посвященных изучению проблемы организации и деятельности Совфрахта, на сегодня нет. Этим и обуславливается актуальность исследования.

Как известно, советский монополист в области фрахтования В/О «Совфрахт» был создан и начал свою работу в первой половине 1932 г. [20, с. 3; 21, с. 3]. Первый же операционный год позволил накопить весьма богатый опыт. Тщательный его анализ позволил уже в конце 1932 г. начать организационную перестройку всей работы по фрахтованию со стороны советских агентов и контор. Процесс этот начался в наиболее спокойный от работы период – зимой 1933 г.

31 января и 1 февраля 1933 г. в Ленинграде состоялось расширенное заседание правления Совфрахта совместно с заведующими заграничными конторами Совфрахта, материалы которого долгое время бы секретными [22, л. 6]. Заслушав

доклады заведующих конторами о работе заграничных контор за 1932 г., доклады заместителя начальника оперативного управления и начальника учетно-финансового сектора, правление Совфрахт констатировало, что за отчетный (1932) год произошло значительное качественное улучшение работы контор, выразившееся в:

- а) перевыполнении валютной экономии, давшей в общей сумме 13,7 миллионов рублей против задания 10,8 млн руб.;
- б) снижении фрахтовых ставок;
- г) своевременном предоставлении годовых бухгалтерских отчетов (за исключением конторы в Осло);
- д) выполнении задания НКВТ по реализации бункера.

В то же время правление вынуждено было указать и на имеющиеся в процессе работы контор следующие недочеты:

- а) взаимную несогласованность действий в оперативной работе;
- б) недостаточно высокую технику работы некоторых контор (Гамбург, Осло); фрахтование без полномочий, котирование уже покрытых ордеров, ошибки в составлении чартеров и др.;
- г) недостаточную инициативу в деле снижения ставок фрахта;
- д) недостаточную работу по привлечению иррегулярных линий к советским перевозкам.

Обращаясь более детально к деятельности конкретных контор, правление отметило, в частности, что основными достижениями Лондонской конторы в 1932 г. были:

- а) выполнение задания по увеличению фрахтования английского рынка;
- б) выполнение лимита и отсутствие переплат по фрахтованию английского тоннажа по лесу, несмотря на данные в свое время правлением преференции в отношении англичан [22, л. 6];
- в) реальная помощь торгпроду в проведении им торгово-политической деятельности;
- г) выращивание кадров и комплектование ими других филиалов Совфрахта;
- д) помощь работниками другим конторам в моменты затруднений, в особенности по лесу.

Вместе с тем, по мнению правления, в работе конторы «чувствовалась недостаточная инициатива в деле снижения ставок фрахта в поворотные моменты».

Основными достижениями в работе Гамбургской конторы были названы:

- а) было зафрахтовано свыше 1000 пароходов при неукomплектованном и недостаточно квалифицированном аппарате, при отсутствии постоянного руководства и в напряженных конъюнктурных условиях (усиленная конкуренция немецких экспортеров ржи, сахара, польского угля из антрацита и ряд других);
- б) овладение новым рынком (Дания);
- в) увеличение процента непосредственных фрахтований;
- г) успешная ликвидация дебиторской задолженности: остаток на 1 января 1933 г. – 2200 Германских марок вместо бывшего на 1 января 1932 г. долга в 187.000.

«Отрицательными моментами» в работе конторы были названы следующие:

а) невыполнение квартальных фрахтовых лимитов НКВТ по отдельным видам грузов (пиломатериалы, балансы во 2 и 4 кварталах);

б) недостаточное уменьшение разрыва между осенними и зимними ставками в сравнении с разрывом по Белому морю.

Основные достижения в работе конторы в Осло были названы такие:

а) эта контора, проведя первый год самостоятельной работы по лесному фрахтованию из Белого моря, «бывшему целый ряд лет в руках иностранного общества “Руссонорзе”, с аппаратом вдвое больше, чем имела контора в Осло, – с работой справилась, охватив рынок и даже снизив ставки фрахта против установленных лимитов».

В данном случае, очевидно, необходимо сделать отступление в нашем исследовании и указать на тот факт, что «Руссонорзе» лишь формально было частным и независимым, так как изначально создавалось и действовало исключительно под контролем СССР. Доказательством этому служит тот факт, что в состав правления Русско-норвежского акционерного мореходного общества (Руссонорзе) входил Александр Леонтьевич Малченко – личный друг В. И. Ленина. В 1929 г. он был арестован и в 1930 г. расстрелян [23; 24]. Общество было ликвидировано в 1928 г., а его документы составили фонд Р-6996, ныне находящийся на хранении в ЦГА СПб. Скорее всего, его ликвидировали в результате реформирования органов управления транспорта и организации фрахтового дела в СССР.

К другим достижениям конторы в Осло были отнесены:

б) уменьшение разрывов фрахтовых ставок в осенние месяцы;

в) экономия по смете административно-хозяйственных расходов.

Отрицательными моментами в работе конторы были названы:

а) недостаточно уверенная и часто недостаточно обоснованная оценка состояния фрахтового рынка;

б) недостаточно согласованная работа с другими конторами, ограничившая широкое вовлечение в беломорские перевозки других флагов, кроме норвежского;

в) вычернуто;

г) недостаточное внимание к принятию мер к организации учета в соответствии с инструкцией правления и новой формой работы, что привело к задержке составления годового отчета конторы и поставило угрозу несвоевременного представления баланса Правления [22, л. 7].

Среди достижений в работе Одесской конторы были названы:

а) увеличение объема фрахтования;

б) проявление инициативы в деле комбинированных фрахтований по отправке леса.

К недостаткам были отнесены:

а) невыполнение распоряжения правления о введении нового лесного чартера;

б) недостаточное снижение фрахта по круглому лесу;

в) перерасход по смете административно-хозяйственных расходов на 1800 руб.;

г) задержка в выполнении ордеров (пробка с лесными ордерами).

Очевидно, что названные по одесской конторе недостатки были вызваны, в первую очередь, спецификой черноморского и средиземноморского рынков грузоперевозок и специализированных под них судов (т. е. для перевозки леса).

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, правление Совфрахта, принимая во внимание значительную валютную экономию, полученную в результате борьбы системы Соврахта за снижение фрахтовых ставок и сокращение административно-хозяйственных расходов, признало необходимым премировать особо отличившихся в этом отношении работников.

Следует упомянуть и о том, что в своем докладе председатель правления Совфрахта Салтанов не дал оценку работы Генуэзской и Пирейской контор, что предполагалось сделать на следующих заседаниях Правления [22, л. 8].

Следующее заседание правления Совфрахта, на котором уже обсуждались вопросы фрахтования судов на навигацию 1933 г., происходило 3–4 февраля 1933 г. На нем был заслушан доклад председателя правления Совфрахта по вопросу о перспективах лесной кампании (системы обработки лесных ордеров) на 1933 г.

Правление, во-первых, считало, что имеющаяся на тот период конъюнктура лесного фрахтового рынка и лучшая организация аппарата Совфрахта, по сравнению с 1932 г., «позволит энергично добиваться значительного снижения ставок фрахта в предстоящую навигацию».

Во-вторых, было принято решение сохранить на навигацию 1933 г. систему заблаговременного фрахтования по конторам, тайм-чартеру и послед-рейсам с тем, однако, чтобы максимально приблизить контрольные ставки к рейсовым и охватить контрактами весь период навигации (поздние месяцы).

Для первоначальной работы устанавливалось следующее количество заблаговременного фрахтования:

Белое море – контракты под пиломатериалы 50–60 тыс. станд.; под кругляк, пропсы, опцион балансов 20–25 тыс.

Ленинград – контракты под пиломатериалы 30–40 стали.; под кругляк, пропсы, опцион балансов 40–50 тыс. а.с.

По таймчартеру 12–15 пароходов, преимущественно английского фрахта, с учетом использования главным образом Ленинградского направления и «под кругляк».

Также правление считало желательным взятие некоторого количества тоннажа на после рейса как для Белого моря, так и для Ленинграда (около 15 пароходов).

Для начала выступления на фрахтовом рынке предлагалось установить следующие ставки:

		Контрагенты	Рейсы
Белое море	ДЕБ	46/6-47/-	45/-
	Пропсы	43/-40/5	39/6 - 40/-
	Баланс	38/- 38/5	37/6 – 38/-
Ленинград	ДЕБ	27/6 – 38/-	37/- 37/6
	Пропсы	31/6	31/-
	Баланс	29/-	28/6

Ставки по таймчартеру предлагалось снизить на 8-5% против ставок 1932 г. (все ставки по старым чартерам).

В вопросе кредита по таймчартерам было решено «поручить тов. Паксу переговорить с тов. Ланда» и в зависимости от переговоров решить вопрос относительно кредитов по таймчартированным пароходам.

Некоему Леонидову предоставлялось право в случае необходимости не требовать кредитов.

Конторам поручалось вести работу по лесным фрахтованиям как по контрактам, так и по рейсовым фрахтованиям одновременно, для чего следовало получить у Экспортлеса ордера на П.С.В.

Проблему дальнейшего увеличения заблаговременных фрахтований предлагалось разрешить в зависимости от уровня ставок, считая необходимым, в случае выгоды, распылить контракты против указанных количеств.

С целью максимального ослабления отрицательного влияния фобовских запродаж леса на общий уровень ставок фрахта планировалось добиваться заключения с фобовскими покупателями соглашения о фрахтовании для них тоннажа по твердым ставкам и, в случае необходимости, отказаться от фрахтовой комиссии.

Ввиду отказа Экспортлеса от концентрации выдачи ордеров в Москве устанавливался следующий порядок выдачи ордеров:

а) на Ленинградское направление ордера выдавались Ленинградской конторой Экспортлеса конторе Совфрахта в Ленинграде. Отзыв тоннажа по генеральным договорам оставался за Экспортлесом;

б) по Белому морю выдача ордеров возлагалась Архангельской конторой Экспортлеса конторе Совфрахта в Осло, однако ордера Экспортлеса до передачи их за границу следовало согласовывать с конторой в Архангельске.

С целью уменьшения влияния гамбургских брокеров на судовладельцев иностранных государств, что затрудняло работу Совфрахта, было принято решение сосредоточить в Ленинградской фрахтовой конторе обработку эстонского и финского флагов.

Вопрос о подчинении агентств в Копенгагене и в Стокгольме непосредственно правлению или соответственно Гамбургу или Осло предполагалось решить специально командированному члену правления.

Для наибольшего охвата норвежского тоннажа и сокращения отрицательного влияния Бергонских судовладельцев на работу Совфрахта предлагалось открыть в Бергово агентуру Норвежской конторы Совфрахта [22, л. 4-5]. Такие планы были у Совфрахта на кампанию 1933 г.

Усилия Совфрахта на организационном уровне в 1933 г. были поддержаны правительством СССР. Так, 13 сентября 1933 г. ЦИК и СНК СССР утверждено положение о торговых представительствах и торговых агентствах СССР за границей. Согласно п. «а» ст. 1 этого постановления на торговые представительства СССР возложено представительство интересов страны в области внешней торговли и содействия развитию торговых и хозяйственных отношений СССР со страной пребывания; п. «б» той же статьи предусматривает право торгпредств осуществлять внешнюю торговлю СССР [25].

Ст. 6 того же постановления указывает, что по обязательствам торгового представительства несет ответственность казна СССР. Это является следствием того, что СССР от своего имени и за свой счет осуществляет через торгпредства монополию внешней торговли.

Однако монополия внешней торговли осуществляется не только непосредственно от СССР и за счет последнего, но и через специальные экспортно-импортные общества, организация которых предусмотрена специальным постановлением правительства. Эти общества реализуют государственную собственность, но от своего имени и за свой счет, выступая на внешнем рынке не иначе, как под контролем министерства внешней торговли СССР, и не иначе, как в случаях, указанных в законе [26, с. 68].

Уставы этих обществ устанавливают, что за свою деятельность последние отвечают по операциям и обязательствам лишь тем имуществом, на которое, согласно действующему законодательству СССР, может быть обращено взыскание. Государство по операциям и обязательствам этих обществ ответственности не несет. В свою очередь, эти общества не несут ответственность за долги и претензии, предъявленные к СССР, так как эти общества являются самостоятельными юридическими лицами [26, с. 69].

Однако начавшаяся в 1933 г. совсем еще слабая экономическая стабилизация обстановки в мире значительно повлияла на осуществление планов советских фрахтователей, что к тому же накладывалось еще и на внутренние сложности в организации всех частей Совфрахта. Так, в частности, правление Совфрахта 2 декабря 1933 г. вынужденно было обратиться с письмом к своим подразделениям по теме «О взаимоотношениях между конторами».

В нем указывалось, что «За последнее время участились случаи, говорящие о том, что взаимоотношения между отдельными конторами становятся все более и более ненормальными». Разногласия возникали по поводу обработки отдельных пароходов и по вопросу о том, что некоторые конторы нарушали установленные Совфрахтом положения относительно обработки того или иного флага той или иной конторой. Правление вынужденно было указать, что «при таких ненормальных отношениях будет страдать общее нам дело и мы не сможем выполнить тех задач, которые на нас возложены».

В качестве иллюстрации к написанному приводились следующие примеры.

1. Лесной ордер из Ленинграда на Южную Америку, ноябрьской погрузкой. Ордер был покрыт в Лондоне по ставке 58/3. Был зафрахтован греческий пароход. Совфрахт не мог в этом случае утверждать, что ставка 58/3, полученная Лондоном, являлась неудовлетворительной. Наоборот, судя по тем предложениям, которые имелись из других контор, это была самая низкая ставка. Однако у правления не было уверенности в том, что были использованы все возможности для организованного снижения ставок фрахта. Здесь оно ссылалось на письмо Совфрахта в Стокгольме от 10 ноября, в котором указывается, что Стокгольму ни разу не дали шанса для того, чтобы сделать контр-оферту.

Шведский пароход действительно просил в начале 62/6, затем снизил ставку до 60/-. По мнению правления, это, однако, не говорило о том, что эту ставку нельзя

было бы дальше снизить. Такие вопросы обычно решались реальной контр-офертой, и на такие направления, как Южная Америка Соврахт нередко получал разовые снижения арматора на 5/- и даже больше. Достаточно указать, что по второму лесному ордеру на Южную Америку Лондон снизил ставку до 55/- вместо первоначальной оферты судовладельца 65/-.

Правление Совфрахта, с одной стороны, указывало, что оно не может упускать из своей работы вопросы о предпочтении тому или иному флагу, но, с другой, требовало «использовать и другие рынки для того, чтобы максимально снизить ставки фрахта для интересующего нас флага». Исходя из этих соображений, оно считало неправильным, что со стороны Совфрахта в Гамбурге – держателя ордера – не было сделано твердой контр-оферты конторой в Стокгольме хотя бы по искусственно пониженной ставке фрахта, тем более что арматор проявил усиленный интерес к этому фрахту.

Случай второй. Лесной ордер из Ленинграда на Южную Америку, декабрьской погрузки. Спор возник между Лондоном и Гамбургом по поводу фрахтования Голландского парохода. Судя по данным Гамбурга, греческий пароход за это дело запросил первоначально 64/-, а голландец, согласно телеграмме из Лондона № 1068, оферировался по ставке 70/-.

Вполне естественно, что не следовало упускать такого дешевого предложения [22, л. 56].

15 декабря 1933 г. специальным письмом Софракт своим конторам в Лондон, Гамбург, Осло, Геную и Пирей отправил план фрахтования иностранного тоннажа для экспорта на январь 1934 г., с учетом перевозок судами Совторгфлота и линиями. В приложении к плану указывалось количество полученных и покрытых ордеров по состоянию на 14 декабря по разным группам. Импорт грузов должен был обеспечиваться пароходами Совторгфлота [27, л. 29]. Следует отметить, что в данном документе появляются еще такие пункты как Ирак и Палестина, а количество покрытых ордеров составляло уже около половины [27, л. 30].

Секретная объяснительная записка к плану фрахтования иностранного тоннажа на 1934 г., для фрахтования иностранного тоннажа на 1934 г., была Софрахтом составлена на основе планов экспортных объединений и плана Внешторгтранса. В ней были охвачены все грузы, предполагаемые к продаже сиф на 1934 г., и которые планировалось перевозить морем, за исключением тех, которые планировалось перевозить пароходами Совторгфлота.

Из всего количества перевозок морем по сифовским запродажам, за исключением перевозок по Каспийскому морю, Совторгфлоту предстояло перевезти 2.767,3 тыс. тонн.

К зафрахтованию на 1934 г. намечалось:

под лес – 1.770 пароходов (4.848,2 тыс. тонн, или 42,5 %);

хлеб – 454 пароходов (2.614,0 тыс. тонн, или 24,5 %);

уголь – 167 пароходов (1.017,0 тыс. тонн, или 8,8 %);

нефть – 116 танкеров (982,0 тыс. тонн, или 8,5 %);

руда – 204 пароходов (1.405,5 тыс. тонн, или 12,2 %);

генеральные грузы – 64 парохода (399,8 тыс. тонн, или 3,8 %).

Всего: 2.775 пароходов под 11.186, 1 тыс. тонн 100% грузов. И это не считая перевозок, производимых иностранными регулярными линиями [27, л. 4]. Вышеуказанные планы Совфрахта в дальнейшем уточнялись ежемесячно и поквартально.

Точно так же, как с планом работы на январь, еще в декабре 1933 г. Правление Совфрахта своим фрахтовым конторам отправило план фрахтования на 1-й квартал 1934 г.

Согласно этому документу, фрахтование иностранного тоннажа в 1-м квартале 1934 г. намечалось только из портов Черного моря. Соответственно, все морские перевозки из портов Белого моря должны были производиться Совторгфлотом. Фобовские перевозки из портов Черного моря намечались в количестве 1142.285 т., из них: нефть – 155.000 т., уголь – 156.000 т., каменноугольный пек – 20.000 т. и генеральные грузы – 12.285 т. Перевозки импортных грузов обеспечивались, как уже указывалось, полностью тоннажем Совторгфлота [27, л. 25].

По этому плану работали такие порты, как Батум, Новороссийск, Херсон, Одесса (5.01.1934 г.) [27, л. 26].

В феврале 1934 г. Совфрахт сообщал своим конторам за границей о намечаемых на 1934 г. фрахтовых заказах по перевозкам леса на 1934 г., со ссылкой на хоздоговор с Экспортлесом [27, л. 16]. Данные эти были предварительными, а конечные же должны были быть уточнены на совещании в Гамбурге, куда планировалось прибытие ответственного сотрудника Совфрахта.

Ограниченное количество отдельных видов контрактов объяснялось неблагоприятным положением рынка для данного товара. Кроме того, свою лепту в уменьшение фрахтования иностранных судов вносило и значительное увеличение советского тоннажа. В частности, предполагалось, что в навигации 1934 г. по Ленинграду будут действовать 25–30 пароходов для перевозки леса ежемесячно, в основном кругляка.

Далее в сообщении были даны приблизительные возможные ставки фрахта по Белому морю и Ленинграду. Эти ставки базировались на новых условиях чартера. При этом правление напоминало о полагающихся скидках с фрахта за условия чартера 1934 г. В данном случае имелся в виду новый «Руссвуд» (Руссвуд – название типового чартера для перевозки леса из портов Белого моря).

Правление Совфрахта считало, что введение нового чартера, уже апробированного Палатой судоходства, будет удобней для судовладельцев, так как новая форма чартера расширит круг судовладельцев, заинтересованных в советских перевозках леса. Поэтому правление считало, что это должно быть учтено в ставке фрахта в размере 6 пенсов за .рт или акс. То же самое относилось к апробированному Ленинградскому чартеру.

Отдельно устанавливались обязательные скидки в пункте о повышенных нормах погрузки [27, л. 17].

Особую роль сыграл «Совфрахт» в деле разработки и доработки использовавшихся в этот период чартеров. Это особо важно в свете того, что в дореволюционный период основные формы чартеров разрабатывались и использовались лишь иностранными компаниями, в первую очередь английскими. Они, соответственно,

отображали интересы иностранных судовладельцев, а никак не российских сторон. Совфрахту удалось изменить эту ситуацию. Приведем примеры.

В 1933 г. был разработан и Палатой торгового мореплавания введен Беломорский лесной чартер для пароходов и теплоходов, направляющихся из Белого моря в Великобританию, Ирландию и на континент [28, с. 130]. В него были включены такие условия, как «Дополнительные заводы в Архангельске или Ковде», «Погрузка в Онеге», «Лихтеровка в Архангельске» (706, с. 133). Однако в нем остались некоторые чисто английские условия чартера, в частности, столь важное для российской стороны – арбитраж в Англии, а не в Морской арбитражной комиссии [28, с. 142].

Балтийский лесной чартер Палаты торгового мореплавания 1926 г. (из Балтики и Норвегии на Великобританию и Ирландию) для пароходов и теплоходов согласован с федерацией лесной торговли Англии 17.06 1926 г., также активно использовался Совфрахтом [28, с. 157].

А вот «Нефтяной чартер» включал в себя «Дополнения при фрахтовании тоннажа для советских фрахтователей» [28, с. 178]. В них содержатся советские, согласованные с иностранными компаниями, правила для осуществления подобных операций. Среди прочих положительных для советской стороны норм находим также то, что «гарантия по обязательствам, падающая на грузы при общей аварии и/или оплате расходов по спасанию судна, выдается Черноморско-Балтийской компанией генерального страхования» [28, с. 183], расположенной в Лондоне. Как известно, данная компания была специально создана СССР для подобных операций и полностью им контролировалась.

Содержит данный чартер и Арбитражную оговорку, которая хотя и предусматривает арбитраж в Англии, однако оставляет сторонам договора возможность оговорить этот вопрос иначе, т. е. обратиться в МАК [28, с. 183].

Советский черноморский рудный чартер (Советор) уже полностью был разработан советской стороной, безусловно, с учетом международного опыта в данной сфере [28, с. 195].

Русский черноморско-азовский фрахтовый договор 1926 г. также к началу 1930-х гг., под давлением советской стороны, претерпел ряд изменений и дополнений и в редакции 1933 г. вполне защищал интересы советского фрахтователя [28, с. 217].

Типовой генеральный чартер (Джеккон) был принят Комитетом по документации Палаты судоходства соединенного королевства и предназначался для фрахтовок, заключенных с 15 сентября 1922 г. [28, с. 245]. В него были внесены изменения и дополнения, применяемые при советских фрахтованиях, преимущественно под угольные грузы, которые касались особенностей погрузки, разгрузки, условий расторжения договора, общей аварии, агентирования, броккеража, оговорки об арбитраже, условий забастовки, оговорки о льде [28, с. 254–256]. Также в пересмотренный чартер вошли специальные оговорки для Норзен Рендж [28, с. 257].

Использовался советской стороной при фрахтовании иностранных судов и разработанный Советом по документации Балтийско-Беломорской морской конференции в 1912 г. тайм чартер (Балтайм), измененный в 1920 г. [28, с. 266].

Однако и к нему были разработаны и внедрены изменения и дополнения, применяемые при советских фрахтованиях и защищающие интересы Совфрахта [28, с. 272].

Список использованных источников и литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. – М.: Статут, 2003. – 412 с.
2. Русские биржи. Вып. 4: Свод торговых обычаев и правил русских бирж / Невзоров А. С., и. д. э.-орд. проф. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. – 588 с.
3. Генкин Д. М.. Понятие несчастного случая в области страхования // Право. – 1909 г., № 31, с. 1706–1709.
4. Жудро А. К. Правовое регулирование деятельности морских торговых портов в СССР. – М.: Мортранспорт, 1971. – 80 с.
5. Кейлин А. Д. Вопросы морского права в практике Морской арбитражной комиссии в 1967 г. по делам с участием организаций социалистических стран // Информационный бюллетень Бюро координации фрахтования судов / СЭВ. – 1968. – № 3.
6. Кейлин А. Д., Виноградов П. П.. Морское право. Под ред.: Солодилов А. П. – М.: Водный транспорт, 1939 г. – 246 с.
7. Внешнеторговый транспорт. Под общей ред. А. Д. Кейлина. – М. – Л.: Международная книга, 1938. – 347 с.
8. Тонких А. В. Об ограничении ответственности фрахтователя по требованиям, вытекающим из торгового мореплавания // Юридическая мысль. – 2003. – № 4. – С. 78–83.
9. Витрянский В. Ответственность по договору перевозки груза // Хозяйство и право. – 2001. – № 5. – С. 36–54.
10. Витрянский В. Понятие и виды договора перевозки: система договоров перевозки // Хозяйство и право. – 2001. – № 1. – С. 60–74.
11. Медведев А. Понятие «фрахт»: налоговый лабиринт в налогообложении доходов иностранных юридических лиц // Хозяйство и право. – 2000. – № 6. – С. 63–65.
12. Тихенко Т. Ю. Правовая природа договора фрахтования (чартера) // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 1. – С. 103–107.
13. Стригунова Д. П. Правовое регулирование договора фрахтования / Д. П. Стригунова // Современное право. – 2012. – № 11. – С. 71–75.
14. Калпин А. Г. Договор фрахтования судна (чартер) как института морского права: теоретические и практические проблемы: Автореф. дис. доктора юрид. наук. М., 1990. – 35 с.
15. История становления института морской перевозки груза в европейских странах / В. А. Косовская // Проблемы европейской интеграции. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 138–143.
16. Косовская В. А. К вопросу определения понятия договора морской перевозки груза / В. А. Косовская // Транспортное право. – 2002. – № 3. – С. 13–18.
17. Джобаван Н. А. Коносамент: основные функции и понятие / Н. А. Джобаван // Кодекс info. – 2004. – Май – Июнь. – С. 78–90.
18. Ротко С. В. Коносамент в российском и зарубежном законодательстве / С. В. Ротко // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 1. – С. 44–46.
19. Ермолаев В. Г., Сиваков О. В. Морское право: Учебное пособие. – М.: Юринформцентр, 2001. – 255 с.
20. Благодатная Е. Ю. Деятельность советских органов фрахтования в 1929–1933 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 2 (68). № 1. – С. 3–14.
21. Благодатная Е. Ю. Правовые основы организации всесоюзного объединения «Совфрахт» в 1930-х гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 2 (68). № 2. – С. 3–14.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-9052, оп. 1, д. 6. План фрахтования иностранного тоннажа под советские экспортные грузы на 2 квартал 1933 г. и снижения накладных расходов в области морского фрахтования по экспорту массовых грузов на 1933 г. 27.01.1933 – 27.07.1933. 62 л.
23. Лондон / Сост. М. Л. Каган-Шабшай. — London: Рус.-норвеж. мореход. о-во (Руссонорзе), 1926. — XVI, 280 с.
24. На фото с Лениным и Мартовым. О Вятке. URL: <http://viatka-history.livejournal.com/19415.html> (дата обращения 6.05.2017)
25. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах СССР за границей. - СЗ СССР, 1933, N 59, ст. 354.

26. Лисовский В. И. Торговые представительства Союза ССР за границей. – М.: Международная книга, 1947. – 92 с.
27. ЦГА СПб. Ф. Р-9052, оп. 1, д. 7. Планы фрахтования иностранного тоннажа под экспортно-импортные грузы на 1934 г. 4.01.1934 – 17.10.1934 г. 146 л.
28. Типовые чартера. – М.: Внешторгиздат, 1936. – 274 с.

Blagodanaya E. Yu. Planning and realization in/about Sovfracht of campaigns on chartering in 1933-1934 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 3–11.

The problems of study of freight enough much different works are sanctified to in home science. In too time of the works sanctified to the study of problem of legal organization of freight, it is not for today. This is stipulate research actuality. The association of matter of chartering of foreign courts happened only after that, when by a decision Advice of Labour and Defensive the USSR from March, 8 1929 in composition the Folk commissariat of domestic and external trade was created joint-stock company of «Sovfracht», having the chartered offices abroad. Real work this organization of beginning only in 1932 is Specified, that planning of operations on chartering on 1933 began in January of the same year, with the analysis of the accumulated experience. Adjustment of maintenance of used чартеров became separate work of «Sovfracht» assignment in this period, with the purpose of their most adaptation for comfort of soviet side.

Keywords: freight, market, Sovfracht, crisis, mercantile fleet, loads, transportation.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literatury

1. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava. T. III: Vekselnoe pravo. Morskoe pravo. – М.: Statut, 2003. – 412 s.
2. Russkie birzhi. Vyip. 4: Svod torgovyih obyichaev i pravil russkih birzh / Nevzorov A. S., i. d. e.-ord. prof. – Yurev: Tip. K. Mattisena, 1900. – 588 s.
3. D. M. Genkin. Ponyatie neschastnogo sluchaya v oblasti strahovaniya // Pravo. – 1909 g., № 31, s. 1706–1709.
4. Zhudro A. K. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti morskikh torgovyih portov v SSSR. – М.: Mortsport, 1971. – 80 s.
5. Keylin A. D. Voprosy morskogo prava v praktike Morskoj arbitrazhnoy komissii v 1967 g. po delam s uchastiem organizatsiy sotsialisticheskikh stran // Informatsionnyy byulleten Byuro koordinatsii frahtovaniya sudov / SEV. – 1968. – № 3.
6. A. D. Keylin, P. P. Vinogradov. Morskoe pravo. Pod red.: Solodilov A. P. – М.: Vodnyiy transport, 1939 g. – 246 s.
7. Vneshnetorgovyy transport. Pod obschey red. A. D. Keylina. – М. – L.: Mezhdunarodnaya kniga, 1938. – 347 s.
8. Tonkih A. V. Ob ogranichenii otvetstvennosti frahtovatelya po trebovaniyam, vyitekayuschim iz torgovogo moreplavaniya // Yuridicheskaya mysl. – 2003. – № 4. – S. 78–83.
9. Vitryanskiy V. Otvetstvennost po dogovoru perevozki gruza // Hozyaystvo i pravo. – 2001. – № 5. – S. 36–54.
10. Vitryanskiy V. Ponyatie i vidy dogovora perevozki: sistema dogovorov perevozki // Hozyaystvo i pravo. – 2001. – # 1. – S. 60–74.
11. Medvedev A. Ponyatie «fraht»: nalogovyy labirint v nalogooblozhenii dohodov inostrannykh yuridicheskikh lits // Hozyaystvo i pravo. – 2000. – № 6. – S. 63–65.
12. Tihenko T. Yu. Pravovaya priroda dogovora frahtovaniya (chartera) / T. Yu. Tihenko // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava. – 2008. – № 1. – S. 103–107.
13. Strigunova D. P. Pravovoe regulirovanie dogovora frahtovaniya [Tekst] / D. P. Strigunova // Sovremennoe pravo. – 2012. – # 11. – S. 71–75.
14. Kalpin A. G. Dogovor frahtovaniya sudna (charter) kak instituta morskogo prava: teoreticheskie i prakticheskie problemy: Avtoref. dis. doktora yurid. nauk. M., 1990. – 35 s.
15. Istoriya stanovleniya instituta morskoy perevozki gruza v evropeyskikh stranah [Tekst] / V. A. Kosovskaya // Problemy evropeyskoy integratsii. – SPb.: Asterion, 2007. – S. 138–143.
16. Kosovskaya V. A. K voprosu opredeleniya ponyatiya dogovora morskoy perevozki gruza / V. A. Kosovskaya // Transportnoe pravo. – 2002. – № 3. – S. 13–18.
17. Dzhobava N. A. Konosament: osnovnyie funktsii i ponyatie / N. A. Dzhobava // Kodeks info. – 2004. – May – Iyun. – S. 78–90.
18. Rotko S. V. Konosament v rossiyskom i zarubezhnom zakonodatelstve [Tekst] / S. V. Rotko // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2011. – # 1. – S. 44–46.
19. Ermolaev V. G., Sivakov O. V. Morskoe pravo: Uchebnoe posobie. – М.: Yurinformtsentr, 2001. – 255 s.

20. Blagodatnaya E. Yu. Deyatel'nost' sovetskikh organov frahtovaniya v 1929–1933 gg. // Uchenyie zapiski Kryimskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 2 (68). № 1. – S. 3–14.
21. Blagodatnaya E. Yu. Pravovyye osnovy organizatsii vsesoyuznogo ob'edineniya «Sovfraht» v 1930-h gg. // Uchenyie zapiski Kryimskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 2 (68). № 2. – S. 3–14.
22. TsGA SPB. F. R-9052, op. 1, d. 6. Plan frahtovaniya inostrannogo tonnazha pod sovetskie eksportnyie gruzyi na 2 kvartal 1933 g. i snizheniya nakladnyih rashodov v oblasti morskogo frahtovaniya po eksportu massovyih gruzov na 1933 g. 27.01.1933 – 27.07.1933. 62 l.
23. London / Sost. M. L. Kagan-Shabshay. — London: Rus.-norvezh. morehod. o-vo (Russonorze), 1926. — XVI, 280 s.
24. Na foto s Leninyim i Martovyim. O Vyatke. URL: <http://viatka-history.livejournal.com/19415.html> (data obrascheniya 6.05.2017)
25. Polozhenie o torgovyih predstavitelstvakh i torgovyih agentstvakh SSSR za granitsey. - SZ SSSR, 1933, N 59, st. 354.
26. Lisovskiy V.I. Torgovyye predstavitelstva Soyuzha SSR za granitsey. – M.: Mezhdunarodnaya kniga, 1947. – 92 s.
27. TsGA SPB. F. R-9052, op. 1, d. 7. Planiy frahtovaniya inostrannogo tonnazha pod eksportno-importnyie gruzyi na 1934 g. 4.01.1934 – 17.10.1934 g. 146 l.
28. Tipovyye chartera. – M.: Vneshtorgizdat, 1936. – 274 s.

УДК 340.15:347.79

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ МЕР ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ТОРГОВОГО ФЛОТА

Гурина Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Практическую подготовку будущих кадров советского торгового флота в СССР осуществляли на основании таких документов: приказ № 7319 /уу/ приложение к Оф. Отд. ВПС № 763 от 26.06.1925 г. и инструкция № 7309/уу/ приложения к Фо. Отд. ВПС № 701 от 24.06.1925 г.

9 декабря 1927 г. был объявлен приказ НКПС № 98 «О введении в действие положения о рабоче-учебных судах для практической подготовки судового экипажа судов морского торгового флота и инструкции по выполнению учащимися разных служебных обязанностей на рабоче-учебных судах».

10 ноября 1927 г. датируется «Инструкция по выполнению учащимися разных служебных обязанностей на рабоче-учебных судах». Не вдаваясь в ее детальное рассмотрение, укажем лишь следующее. Оно состояла из 83 пунктов, разделенных на такие разделы: «Общая часть», «О вахтенном мостике», «О вахтенном на руле», «О вахтенном на баке», «О вахтенном на передаче», «О смене вахты», «О шлюпочных старшинах», «О гребцах», «О дневальном».

Также 10 ноября 1927 г. вышел приказ ЦУМОРТрана «О введении в действие судовых правил для учащихся на рабоче-учебных судах» (в отмену судовых правил для учащихся на рабоче-учебных судах, утвержденных 19 июня 1925 г.).

Ключевые слова: приказ, инструкция, учебные суда, учащиеся, практическая подготовка.

В отечественной науке достаточно много внимания уделено различным аспектам подготовки кадров для торгового флота. Среди них, в частности, можно выделить работы таких авторов как Вальдемар Х. М., Кузнецов В. Ф., Бордученко Ю. Л., Зуев А. В., Змерзлый Б. В., Ланцева В. Ю. и других [1–7].

Как известно, для занятия определенных должностей в советском торговом флоте, особенно на морском и речном транспорте, устанавливались различные требования в вопросах наличия практического опыта (ценза). Таковой была не только отечественная, но и мировая практика. Приобретение же такого опыта требовало дополнительных расходов от государства, так как необходимо было организовывать практику учащихся на соответствующих предприятиях и судах.

Основой этого процесса должны были стать приказ № 7319 /уу/ приложение к Оф. Отд. ВПС № 763 от 26.06.1925 г. и инструкция № 7309/уу/ приложения к Фо. Отд. ВПС № 701 от 24.06.1925 г., однако этого не случилось по многим причинам.

13 октября 1927 г. состоялось междуведомственное совещание при ЦУМОРе представителей Цетранспроса Совторгфлота и ЦКВодников, посвященное данному вопросу. На основании высказанных мнений и рекомендаций 9 декабря 1927 г. был объявлен приказ НКПС № 98 «О введении в действие положения о рабоче-учебных

судах для практической подготовки судового экипажа судов морского торгового флота и инструкции по выполнению учащимися разных служебных обязанностей на рабоче-учебных судах», с отменой ранее принятых норм в этом вопросе [9, л. 1].

Что касается самого положения, то оно предусматривало, что рабоче-учебные суда должны служить для практической подготовки из числа учащихся техникумов водных путей сообщения судового экипажа судов морского торгового флота с одновременным выполнением грузовых перевозок (п. 1).

Общее руководство и наблюдение за работой рабоче-учебных судов, в чьем бы ведении они ни находились, возлагалось на ЦУМОРТран, с учетом в этом случае условий коммерческой эксплуатации (п. 2). На эти суда возлагались коммерческие перевозки под непосредственным руководством соответствующих органов Совторгфлота (п. 3).

При этом рабоче-учебные суда, в чьем бы ведении они ни находились, носили флаг портовых судов и приравнивались в правах к судам служебного флота управлений торговых портов (п. 4).

Расходы по содержанию рабоче-учебных судов возлагались на:

а) ЦУМОРТран: содержание кадрового состава экипажа (денежное, пищевое и вещевое, аптека, соответствующая часть морской провизии, канцелярские и другие непредвиденные расходы), навигационные расходы (ввод судна в док, текущий ремонт, подкраска и содержание его в чистоте и опрятности во время плавания), расходы по штурманской части, капитальный ремонт и дооборудование судна;

б) Центральное Управление Просвещения на транспорте: содержание учащихся во время нахождения их на борту судна (вещевое, пищевое, денежное, стоимость перевозки учащихся от места учебного заведения до посадки и обратно, соответствующая часть неприкосновенного запаса морской провизии, аптеки, больничных, канцелярских, хозяйственных и других расходов, содержание педагогического персонала), расходы по Учебной Части (навигационные инструменты, приборы, морские карты, учебные пособия и пр. необходимый учебный инвентарь);

в) Правление Совторгфлота: расходы по шкиперскому снабжению, по изготовлению судна в состоянии годности для перевозки груза, расходы, связанные с перевозкой груза (портовые расходы и расходы на содержание берегового состава по среднему проценту этого расхода к расходу на кадровый плавающий экипаж; буксировка для постановки судна под груз и для срочной доставки такового), по выплате премии и сверхурочных кадровому составу экипажа.

Размер указанных выше расходов определялся по специальной смете, составляемой Цумором по соглашению с Центральным Управлением Просвещения на транспорте и Правлением Совторгфлота (п. 5).

При этом предусматривалось, что доходы, которые могли быть от эксплуатации рабоче-учебных судов, должны были идти на покрытие: а) расходов по амортизации судна, считая 6 % годовых от балансовой его стоимости; б) расходов Совторгфлота, предусмотренных в п. «в» ст. 5.

Оставшаяся же сумма от эксплуатационных доходов, после покрытия расходов, указанных выше, поступала в кассу Совторгфлота и расходовалась исключительно на улучшение и развитие постановки дела рабоче-учебных судов по распоряжению

ЦУМОРТрана (п. 6). Припадающие на ЦУМОРТран и Центральное управление просвещения на транспорте суммы вносились последними в кассу Совторгфлота (п. 7).

Положением предусматривалось, что судовой экипаж рабоче-учебного судна разделялся на: состав кадровый, состоящий из лиц судовой администрации, команды и служителей; переменный, состоящий из преподавателей и учащихся. При этом преподаватели рассматривались как лица судовой администрации (п. 8).

Важным для будущих дипломированных моряков было то, что весь кадровый состав экипажа рабоче-учебных судов считался на службе в НКПС и в оперативном отношении находился в ведении Совторгфлота (п. 9).

Табели комплектации кадрового состава экипажа рабоче-учебных судов устанавливались ЦУМОРТраном по соглашению с правлением Совторгфлота и Союзным органом на местах (п. 10).

Капитан, его помощник и судовой врач утверждались и увольнялись начальником ЦУМОРТрана по согласованию с Совторгфлотом. Назначение капитана согласовывалось, кроме того, с центральным управлением просвещения на транспорте и с ЦК профсоюза рабочих водного транспорта СССР или с его местным органом (п. 11).

В то же время педагогический состав утверждался и увольнялся Центральным Управлением Просвещения на транспорте по соглашению с ЦУМОРТраном (п. 12).

Прием и увольнение лиц команды, а также оплата труда кадрового состава экипажа и все правовые условия регулировались на основании существовавших на этот предмет положения, коллективных договоров и тарифных соглашений, заключаемых с органами союза, хотя капитану и предоставлялось право отбора. Принятая же команда проводилась приказом по ЦУМОРТрану (п. 13).

Все лица судового экипажа, безусловно, подчинялись всем распоряжениям и постановлениям, регулирующим порядок жизни на судах морского торгового флота и специально издаваемым для рабоче-учебных судов (п. 14). Точно так же все лица судового экипажа, а также учащиеся и преподаватели обязаны были подчиняться капитану судна (п. 15).

Общие собрания и всякого рода заседания учащихся допускались лишь на стоянке судов и всякий раз с разрешения капитана (п. 16). При этом за систематическое неисполнение правил судового порядка или серьезных нарушений судовой дисциплины виновные в этом учащиеся могли быть списаны с судна распоряжением капитана. Списанные учащиеся за границей на общих основаниях передавались в распоряжение консула, а списанные в портах СССР снабжались средствами от рабоче-учебного судна для проезда до места нахождения техникума (п. 17).

В развитие этих правил капитаном судна могли издаваться особые инструкции, нормирующие обязанности лиц кадрового и переменного состава экипажа, согласно уставу внутренней службы на судах морского торгового флота и применительно задачам рабоче-учебных судов (п. 18).

Положение также предусматривало, что в частях ст. ст. 3, 5, 6, 9, 10 и 11, где указывался Совторгфлот, в случае нахождения судна в непосредственном ведении и состоянии в списках судов других мореходных предприятий все обязанности

Совторгфлота и взаимоотношения с ним распространялись на эти мореходные предприятия (п. 19).

Что касается учебной части на рабоче-учебных судах, то общее руководство по практическому обучению учащихся на судне возлагалось на капитана рабоче-учебного судна и велось им через своих помощников и специально назначаемых преподавателей на основании установленных программ и инструкций (п. 20).

Преподаватели назначались по расчету один на каждые 25–30 учащихся, при чем один из них назначался старшим преподавателем и являлся заведующим учебной частью на судне под руководством капитана (п. 21).

Обучение учащихся на судне состояло из: а) изучения судовой службы и ее обязанностей; б) изучения производства судовых работ; в) изучения грузовых операций; г) специальных практических занятий в соответствии с теоретическими курсами техникумов (п. 22).

Обучение по литерам «а», «б» и «в» велось путем выполнения учащимися соответствующих служебных обязанностей и работ. Специально-практические занятия велись согласно программам, вырабатываемым советом техникумов в связи с их зимними теоретическими курсами и утверждаемыми центральным управлением просвещения на транспорте по соглашению с ЦМОРТраном.

Главными предметами этих практических занятий были морская практика и штурманское дело. Занятия по ним велись путем выполнения учениками соответствующих учебных обязанностей во время вахты, частью – путем специальных групповых занятий в подвахтенное время в течение рабочего дня. При этом для обучения штурманскому делу на вахте выделялись по очереди соответствующие группы учащихся в 2–3 чел. в вахте на определенные сроки на ходу с расчетом, чтобы поочередно и равномерно провести всех учащихся через эти занятия. В случае же общих авральных работ и тревог выделенные на штурманскую вахту ученики вступали в свое место по общему судовому расписанию (п. 23).

Изучение учащимися судовой службы и работ и специальные занятия по морской практике велись помощниками капитана, а по штурманскому делу и по другим установленным программами предметам – преподавателями.

При наличии 3 преподавателей руководство в море вахтенными занятиями по штурманскому делу велось ими в порядке непрерывной вахтенной службы наряду с их занятиями в подвахтенное время. При меньшем их числе капитаном определялось время непосредственного руководства ими среди других их работ, штурманскими вахтенными занятиями в соображении с материалами, оказывающимися для них в наличии в обстановке плавания (п. 24).

При начале плавания, а затем периодически по мере надобности капитаном созывалось, преимущественно на стоянках в портах, педагогическое совещание под своим председательством в составе всех своих помощников, врача и преподавателей по организационным вопросам учебных занятий, где проводилось распределение очередных занятий с учащимися между помощниками капитана и преподавателями, распределение учащихся на очередные группы по специальным занятиям, намечалось время для их проведения, а также обсуждались все другие детали организации на судне учебных занятий. На этих же заседаниях выяснялось достигнутое на

предыдущих занятиях и обсуждались результаты периодической проверки знаний учащихся.

В случаях, когда капитан был не согласен с решением большинства по тому или иному вопросу, то он мог поступить согласно своему решению, о чем при первой возможности должен был сообщить ЦУМОРТрану с мотивировкой, заставившей его принять решение вопреки вынесенному постановлению (п. 25).

Заведывание всеми учебными пособиями и забота об исправности их состояния возлагалась на старшего преподавателя на время нахождения учащихся на борту судна. Он обязан был принять их до начала плавания и сдать при окончании плавания по указанию капитана (п. 26).

Журналы совещаний вел старший преподаватель, он же, как заведующий учебной частью, вел списки учеников с их групповыми разделениями для занятий с отметками о проведении отдельных групп и учащихся через установленные на совещаниях занятия с учетом времени, фактически затраченного на занятия, количества отдельных учений и работ на них выполненных учащимися и т. п. (п. 27).

По мере хода занятий в плавании преподаватели и помощники капитана, ведущие практические занятия с учениками, вели непрерывный учет этих занятий и достижений в них учеников и докладывали капитану в сроки по его указанию в письменной форме, учитываемые на очередных педагогических совещаниях. Сведения о ходе занятий и поведении учащихся во время плавания сообщались из порта по окончании перехода Центральному Управлению морского транспорта, которое, в свою очередь, ставило в известность центральное управление просвещения на транспорте, ЦКВод, Совторгфлот и Каспар по принадлежности (п. 28).

По окончании плавания капитан должен был представить в ЦУМОРТран в двухнедельный срок общий отчет об учебных занятиях на судне с приложением составленного к концу плавания отчета старшего преподавателя о занятиях по штурманскому делу и другим предметам, порученным преподавателям со своим, капитана, заключением по нему.

К своему отчету капитан также прилагал журнал всех педагогических совещаний: на судне и списки учета старшим преподавателем занятий учащихся, а также ведомости периодических оценок успешности учащихся.

В свой отчет капитан должен был включать аттестации успешности и поведения учащихся во время плавания, составленные в заключительном педагогическом совещании при окончании плавания (п. 29).

Что касается обязанностей помощника капитана на учебно-рабочих судах, то они, кроме исполнения своих прямых обязанностей по судну: несения вахтенной службы, содержания судна в порядке и проч., находились в непосредственном распоряжении капитана для практических занятий с учащимися морскому делу. В случае значительного числа учащихся на судне, некоторые отделы занятий по морскому делу капитаном могли быть поручены преподавателям.

При этом старший помощник капитана являлся ближайшим помощником капитана рабоче-учебного судна по всем его обязанностям и заступал на его место в случае болезни его или отсутствия по каким-либо причинам. Ему подчинялись и все служащие (ст. 31). Он также ведал непосредственно службой и учащимися, состав-

лял всякого рода расписания по морскому делу и распределял учащихся по вахтам (ст. 32).

2-й помощник капитана заведовал инвентарным имуществом учащихся; о всяких замеченных неисправностях или недостатках означенного имущества он немедленно докладывал старшему помощнику капитана. Он также руководил непосредственно деятельностью артельщика по закупке провизии и хранению запасов; следил, чтобы по артели не образовался перебор, а также чтобы не было чрезмерной экономии в расходовании харчевых денег, для чего он обязан требовать у артельщика предоставления ежедневного письменного отчета; заботился о закупках достаточного количества и соответствующего качества провизии на переход, а также о том, чтобы всегда было достаточное количество запаса морской провизии (п. 33–36).

3-й помощник капитана ведал судовой канцелярией. О всяких поломках и утратах казенного имущества 3-й помощник капитана ежемесячно составлял соответствующие акты (п. 37, 38).

Что касается судового врача, то он обязан был заботиться о здоровье всех лиц экипажа рабоче-учебного судна, для чего: а) производил освидетельствование состояния здоровья у всех находящихся уже на судне и вновь назначаемых; б) следил за доброкачественностью пищевых продуктов и питьевой воды, а также и за тем, чтобы они целесообразно сохранялись; в) обращал внимание на то, чтобы санитарное состояние судна удовлетворяло бы установленным требованиям. О всяких недочетах и необходимых мерах к устранению таковых он докладывал капитану (п. 39).

Нуждающихся во врачебной помощи врач принимал в лазарете ежедневно в 7 ч. утра, в экстренных случаях помощь оказывалась в больничном лечении немедленно. О тех больных, которые нуждались в освобождении от работ или вахт, врач доводил до сведения старшего помощника капитана (п. 40).

Врач должен был наблюдать, чтобы предметы, необходимые для пользования больных, имелись всегда в запасе в достаточном количестве и надлежащего качества; о мерах, необходимых для устранения недостатка таких предметов, он заблаговременно предоставлял капитану. Ядовитые и сильно действующие медикаменты следовало хранить в отдельном помещении под ключом, который должен был находиться у врача (п. 41).

Если судно получало назначение идти в места, известные своим вредным климатом, или оставаться в море в позднее осеннее или зимнее время, то врач, будучи извещен о том заблаговременно, должен был предоставлять капитану о мерах, необходимых для сохранения здоровья команды, смотря по местности и времени года (п. 42).

С прибытием судна в места малоизвестные врачу следовало стараться приобрести вернейшие сведения о климате и о господствующих там болезнях, узнать мнение местных врачей в происхождении оных, о предохранительных средствах и о способах лечения; также сообщать сведения о качестве воды, о растениях и о животных употребляемых в пищу, насколько они могут иметь влияние на здоровье экипажа. Сведения эти он предоставлял капитану (ст. 43).

О всех случаях оказания медицинской помощи врач должен был вести особую ведомость (п. 44).

Распределение занятий с учащимися по морскому делу между отдельными помощниками капитана производилось капитаном судна (п. 45). При этом вахтенный помощник имел особое непрерывное наблюдение за судовыми шлюпками, находящимися на посылках, производящими учения или работы (п. 46). На вахтенного помощника также возлагалась обязанность контроля купания учащихся и отпуск их на берег (п. 47–50).

Что касается боцманов на учебно-рабочих судах, то от учащихся он должен был требовать быстрого и точного выполнения работ и серьезного отношения к своим обязанностям (п. 51). При этом ему следовало помнить, что требуя от учащихся выполнения работ в мере действительной надобности, учащегося также еще надо учить (п. 52).

Боцманы были обязаны 1 раз в неделю после свежего ветра при первой возможности тщательно осматривать весь рангоут рабоче-учебных судов, такелаж и о результатах осмотра докладывать старшему помощнику капитана (п. 53). Кроме того, 1-й боцман был ответственен за рангоут, такелаж и паруса, утлагеря, бушприта, фок-мачты и паруса грот и бизань мачты (п. 54). Осмотр парусов, рангоута и такелажа следовало производить после всякого перехода по прибытии судна в порт (п. 55).

Боцманы также должны были следить, чтобы никто из вахтенных, а также никто во время аврала и тревог не опускался в помещение ранее команды «подвахтенные вниз» (п. 56). Кроме того, в ходу боцманы и старший матрос разводили учащихся и команду на вахту (п. 57).

Для осуществления профессиональной работы среди учащихся членов союза организовывался на общих основаниях комитет учащихся (п. 58). Его ведению подлежали: а) взаимоотношения учащихся между собой; б) содействие судовой администрации в поддержке судовой дисциплины среди учащихся; в) вопросы коммунистического воспитания и культурно-просветительной работы среди учащихся, в частности – организация ученических кружков самообразования, работающих вне времени судового рабочего дня; г) вопросы, вносимые капитаном рабоче-учебного судна в комитет учащихся, на совещательное обсуждение; д) все другие вопросы, связанные с профессиональной работой среди учащихся.

При этом кадровый состав экипажа имел низовую профсоюзную ячейку, работающую на общих основаниях с прочими судами (п. 59) [9, л. 1 об. – 4 об.].

10 ноября 1927 г. датируется «Инструкция по выполнению учащимися разных служебных обязанностей на рабоче-учебных судах». Не вдаваясь в ее детальное рассмотрение, укажем лишь следующее. Она состояла из 83 пунктов, разделенных на такие разделы: «Общая часть», «О вахтенном мостике», «О вахтенном на руле», «О вахтенном на баке», «О вахтенном на передаче», «О смене вахты», «О шлюпочных старшинах», «О гребцах», «О дневальном». Данная инструкция была весьма подробной и регламентировала, наряду с иными нормативно-правовыми актами, всю деятельность учащихся на учебно-рабочих судах [9, л. 5–7].

В этот же день, т. е. 10 ноября 1927 г., вышел приказ ЦУМОРТрана «О введении в действие судовых правил для учащихся на рабоче-учебных судах» (в отмену судовых правил для учащихся на рабоче-учебных судах, утвержд. 19.06.1925 г. и опубл. Приложением к Оф. Отд. ВПС №761 от 24.06.1925 г.) [9, л. 8]. Эти правила также были весьма четко регламентированными и скорее превращали учащихся в практически бесправное орудие в руках их непосредственного руководства.

Так, в частности, ими предусматривалось, что назначенные на рабоче-учебные суда учащиеся, входя в состав экипажа, обязаны были безоговорочно выполнять все служебные обязанности и работы, возлагаемые на них лицами командного состава и боцманами, неся общую со всею командою ответственность за их выполнение, а равно обязаны были подчиняться всем установленным на судне правилам службы и внутреннего распорядка (п. 1).

Учащийся по прибытии на судно должен был явиться к старшему помощнику и предъявить документы о назначении (п. 1). Для хранения своих вещей учащиеся получали в назначенном для этого помещении ящик с номером, соответствующим номеру на койке, на рабочем и дождевом платье, и номеру, под которым они входили в судовые расписания (п. 3). При этом никто из учащихся не мог самовольно переменить данный ему номер или переменить указанное ему место в жилом помещении (п. 4).

В жилом помещении каждый учащийся должен был спать на своем месте в установленном в судовом расписании время (п. 5). После утренней пробудки учащиеся немедленно обязаны были убрать свои койки. В течение дня (от 8 ч. до 21 ч.) и после каждого отдыха койки должны были быть тщательно убраны (п. 6).

По команде для подъема или спуска флага, для разводки на работы, занятия и прочее учащиеся должны были немедленно собираться в установленном месте и организованном порядке (п. 7). После подъема флага учащиеся обязаны были, получив соответствующие распоряжения, немедленно отправляться на места и приниматься за исполнение полученной работы (п. 8). Во время работ учащиеся обязаны были быть в рабочем платье (п. 9).

О всех неисправностях, какие кем-либо были замечены в парусах, такелаже, рангоуте, корпусе судна, шлюпках и т. п., необходимо было немедленно докладывать вахтенному помощнику капитана (п. 10). При работах на реях, марсах и салингах следовало соблюдать должную осторожность в обращении с разного рода инструментами, которые непременно должны были быть прихвачены штернами (п. 11).

Спуск в жилую палубу в рабочее время, во время вахты, аврала и тревог, без разрешения вахтенного помощника капитана строго воспрещался (п. 12). Не дозволялось сидеть на борту судна или на поручнях, а также лазить без надобности на мачту, бушприт и проч. (п. 13). Никто из учащихся, помимо служебных обязанностей, не имел права входить в трюмы, подшкиперскую, штурманскую рубку, камбуз и прочие служебные помещения, а равно находиться на юте и капитанском мостике (п. 14).

В ночное время, когда на судне освещение прекращено и оставлены только дежурные огни, строго запрещалось зажигать какие-либо другие огни (п. 15). Стро-

жайше запрещалось употребление на судне своих собственных свечей, ламп, кроме карманных электрических фонарей (п. 16).

Полученные для работ инструменты и материалы, по миновании в них надобности, должны сдаваться или укладываться в назначенные для них места (п. 17). Курение табака разрешалось лишь на верхней палубе. Воспрещалось курить на вахтенных постах, юте, командном мостике, во время занятий и в ночное время на баке (п. 18). Также воспрещалось бросать на палубу окурки или плевать (п. 19), строго воспрещалась карточная игра и всякие игры на деньги, а также употребление учащимися спиртных напитков (п. 20).

Безусловно, на учащихя распространялись дисциплинарные взыскания, предусмотренные законом о судовом экипаже судов, плавающих под флагом СССР, и лишение права съезда на берег до 3 очередей за отдельный проступок (п. 21). Кроме того, постановления педагогического совещания, приказы капитана по судну, записи в трудовых списках, вахтенном журнале не подлежали опротестованию учащихя перед капитаном на судне ни в устной, ни в письменной форме. Возможное обжалование Учкома поступало через капитана с его заключением в Цутранпрос по прибытии судна в первый порт СССР и обсуждалось центральным управлением просвещения на транспорте совместно с ЦУМОРТран и ЦКВодников (п. 22).

В особо указанные дни по распоряжению с вахты учащиея обязаны были стирать свое белье, парусиновые койки и рабочее платье (п. 23). В праздничные дни, когда на судне работы не производились, учащиея должны были быть чисто одеты по форме согласно распоряжению с вахты (п. 24). Во время послеобеденного отдыха, а также после 22 ч. до побудки в жилом помещении следовало соблюдать надлежащую тишину (п. 25). К завтраку, обеду, чаю и ужину все учащиея, кроме вахтенных, обязаны были являться вовремя и в опрятном виде (п. 26).

За порчу или утрату казенных вещей, происшедшую по вине учащегося, с последнего взыскивалась стоимость вещи по инвентарной расценке (п. 27). Забота же о сохранности своих вещей лежала на самих учащихя (п. 28). При этом всякий учащийся должен был всемерно стараться поддерживать на судне порядок и чистоту, а также заботиться о сохранности судового имущества (п. 29). Кроме того, каждый учащийся по мере своих сил и умений должен был оказывать во всяком судовом деле помощь и содействие, не ожидая побуждения со стороны старших (п. 30).

Смена носильного белья и рабочего платья должна была производиться не реже 1 раза в неделю, постельного белья и подвесных парусиновых коек – 1 раз в 2 недели (п. 31).

Нуждающиеся в помощи врача обязаны были являться на прием к нему в 7 ч. утра; в экстренных случаях врачебная помощь оказывается во всякое время (п. 32). От работ или вахты, вследствие недомогания или болезни, учащиея освобождались старшим помощником капитана лишь после заключения судового врача (п. 33). При этом учащийся, который не мог вследствие недомогания выйти на работу или на вахту, обязан был заблаговременно через дневального доложить вахтенному помощнику капитана (п. 34).

В обращении со всеми лицами судового экипажа учащиея должны были быть вежливы (п. 35), а учащиея, желающие обратиться к капитану судна с какой-либо

просьбой, должны предварительно испросить на этот предмет разрешения через старшего помощника капитана (п. 36).

За всякими разъяснениями и со всякого рода просьбами учащиеся должны были обращаться к старшему или вахтенному помощнику капитана; при этом они должны были соблюдать приличествующий такт (выбирать подходящее для этого время и место) (п. 37).

На стоянках в портах, если тому не препятствовала погода, дальность расстояния от берега или другое какое-либо обстоятельство по усмотрению капитана, подвахтенные учащиеся отпускались старшим помощником капитана после работы на берег. При этом при стоянке на рейде одновременно отпускались с судна на берег не более $\frac{1}{2}$ общего числа учащихся (п. 38).

Учащиеся, желающие отправиться на берег, должны были испрашивать на то каждый раз разрешение старшего помощника капитана. По получении разрешения при сходе на берег и по возвращении на судно учащиеся отмечались у вахтенного помощника в специально для этого заведенной книге. Ученики, отправляющиеся на берег, должны были быть одеты по форме или в штатском, согласно расписания, издаваемого капитаном (п. 39). Безусловно, что во время пребывания на берегу учащиеся должны вести себя безупречно (п. 40).

В будние дни после окончания рабочего дня, а в воскресные и праздничные дни с 10 ч. утра разрешалось приглашать на судно гостей. Пребывание гостей на судне разрешается лишь до спуска флага (п. 41). В свободное от занятий и работ время учащимся разрешалось пение, игра на музыкальных инструментах, разные игры, катанье на шлюпках, проведение гонок, прогулок и экскурсий – с разрешения в каждом отдельном случае старшего помощника капитана (п. 42).

Учащийся мог быть списан с рабоче-учебного судна по собственному желанию лишь в том случае, когда капитан признавал причины списания уважительными (п. 43). Списание же учеников с рабоче-учебного судна согласно заключению врача, а равно увольнение учащихся в исключительных случаях в кратковременные отпуска – принадлежало капитану (п. 43) [9, л. 9–10].

Как видим, подобными условиями учащиеся фактически переводились в категорию военнослужащих, судя по строгости дисциплины, и даже уволиться с судна самостоятельно права не имели.

Список использованных источников и литературы

1. Вальдемар Х. М. Защита настоящей системы наших мореходных школ. – М., 1897.
2. Кузнецов В. Ф. От петровых кораблей до советских теплоходов. Из истории Азовского флота. – Изд. 2-е, дополненное и переработанное. – Ростов н-Д., 1946. – 116 с.
3. Зуев А. В. Подготовка моряков торгового флота в Санкт-Петербурге в дореформенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 4. Ч. 2. – С. 84–86.
4. Зуев А. В. Проблемы подготовки кадров морского торгового флота во второй половине XIX века // Известия российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2012. – № 149. – С. 7–15.
5. Бордученко Ю. Л., Зуев А. В. Мореходные учебные заведения в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 9. Ч. 2. – С. 28–31.

6. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
7. Змерзлый Б. В. Изменение подходов к выдаче свидетельств судоводителей в Российской империи в начале XX в. // Науковий вісник ужгородського національного університету. Серія «Право». – 2013. – Випуск № 29. Т. 1. – С. 34–40.
8. Ланцева В. Ю. Правовое регулирование торгового мореплавания в Российской империи XIX – начала XX вв.: дис. на соискание ученой степени кандидата юрид. наук. 12.00.01 / В. Ю. Ланцева. – М., 2017. – 188 с.
9. Государственный архив Республики Крым, ф. р-1584, оп. 2, д. 217. Распоряжение НКПС и приказы НКПС. 27.06.1927–12.1927. 62 л.

Gurina L. Legal adjusting of practical measures of training of personnels of mercantile fleet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 12–22.

The Practical training of future personnels of soviet mercantile fleet in the USSR was carried out on the basis of such documents: order after №7319 /yy/ appendix to the official separation of Announcer of Ways of Report №763 from 26.06.1925 and instruction for №7309/yy/ applications besides to edition №701 from 24.06.1925 on the order of folk commissariat of ways of report №was December, 9 1927 declared 98, «About introduction to the action of position about working-educational courts for the practical ship crew of courts of trade navy and instruction training on implementation students different official duty on working-educational court» 10 November 1927 dated "instruction on implementation students different official duty on working-educational court». Not jutting out into her detailed consideration, we will specify the only following. She consisted of 83 points divided into such divisions as: «general part», «About a watch bridge», «About a watch on a helm», «About a watch on a tank», «About a watch on a transmission», «About changing of watch», «About boat-handling petty officers», «About rowers», «About дневальном». Also on November, 10 1927, the order of central management of marine and river transport went out «About introduction to the action of ship rules for students on working-educational courts» (in abolition of ship rules for students on the working-educational courts, ratified on June, 19 1925).

Keywords: order, instruction, training-ships students, practical preparation.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literatury:

1. Valdemar H. M. Zashchita nastoyaschey sistemyi nashih morehodnyih shkol. M., 1897.
2. Kuznetsov V. F. Ot petrovnykh korablye do sovetzkikh teplohodov. Iz istorii Azovskogo flota. – Izd. 2-e, dopolnennoe i perarabotannoe. – Rostov n-D., 1946. – 116 s.
3. Zuev A. V. Podgotovka moryakov torgovogo flota v Sankt-Peterburge v doreformennyiy period // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 4. Ch. 2. S. 84–86.
4. Zuev A.V. Problemy podgotovki kadrov morskogo torgovogo flota vo vtoroy polovine XIX veka // Izvestiya rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2012. № 149. S. 7–15.
5. Borduchenko Yu.L., Zuev A.V. Morehodnyie uchebnyie zavedeniya v godyi pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2015. № 9. Ch. 2. S. 28–31.
6. Zmerzlyiy B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale HH v. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
7. Zmerzlyiy B. V. Izmenenie podhdov k vyidache svidetelstv sudovoditeley v Rossiyskoy imperii v nachale HH v. // Naukoviy vIsnik uzghorodskogo natsionalnogo unIversitetu. SerIya «Pravo». – 2013. – Vipusk №29. T. 1. – S. 34–40.
8. Lantseva V. Yu. Pravovoe regulirovanie torgovogo moreplavaniya v Rossiyskoy imperii HHH – nachala HH vv.: dis. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yurid. nauk. 12.00.01 / V. Yu. Lantseva: M., 2017. – 188 s.
9. Gosudarstvennyiy arhiv Respubliki Kryim, f. r-1584, op. 2, d. 217. Rasporyazhenie NKPS i prikazy NKPS. 27.06.1927–12.1927. 62 l.

УДК 51.74

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ КАК МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе указано, что в XIX в. роль монастырей как мест заключения в России прошла глубокую эволюцию от безусловного восприятия монастырей как мест заключения до постепенного исключения монастырей из этой системы и оставление за ними лишь узко-религиозных, обрядных функций. На основе представленного материала указано, что монастыри в XIX в. чаще выступали как место покаяния и искупления, нежели как место заключения и наказания. В отдельных случаях монастыри рассматривались законом как место предварительного заключения для несовершеннолетних, именно эта роль была отведена для них в принятом 14 августа 1845 г. «Уложении о Наказаниях Уголовных и Исправительных» и закреплена в последующих нормативных актах.

Ключевые слова: монастыри, место заключения, пенитенциарная система, покаяние, исправление.

Проблеме изучения эволюции пенитенциарной системы России посвящено довольно много научных работ самых различных направлений [1–6]. Не обошли ученые своим вниманием и такой аспект данной проблемы, как роль и место монастырей в этой системе [8–10]. Роль монастырей как места заключения, как минимум, двойка. В первую очередь следует помнить о том, что церковь долгое время была крупнейшим землесобственником, а в период крепостного права – еще владельцем крепостных душ. Подавляющее большинство находящихся в монастырских тюрьмах были именно принадлежащие церкви крестьяне, и только меньшую часть таких заключенных составляли сосланные в монастыри политические и прочие узники. По проведению секуляризации церковных земель право церкви в отношении суда над своими крепостными также было утрачено.

С другой стороны, при огромной роли религии в Российской империи, монастыри служили, кроме основных своих функций, местом для покаяния оступившихся, но не заслуживших наказания тюрьмой, каторгой или членовредительством. Эту роль монастыри играли вплоть до событий 1917 г.

Еще одной категорией заключенных в монастырях были так называемые вероотступники. Таких людей после церковного раскола XVII в. в империи оказалось достаточно много, а отдельные их общины благополучно, несмотря на различные периоды гонений и притеснений, дожили до XX в. И хотя государство предпочитало заключению в монастырях вероотступников расселение их по окраинам империи, однако известная часть таковых все же попадали в монастыри.

Так, к примеру, 12 марта 1827 г. было принято положение комитета министров, изъясненное в указе Синода: «О обращении монастырским начальствам особенного внимания на содержащихся в монастырях за разные вероизвращения, и о недозво-

лении им иметь у себя денег более того, что необходимо нужно на их содержание» (951) [11, с. 234].

Как известно, 14 августа 1845 г. было принято «Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных» (19283). Его раздел 1 назывался «О преступниках и наказаниях вообще», а гл. 2 – «О наказаниях». В данной главе находим отделение 1 «О родах, степенях и последствиях наказаний». В нем, в частности, указывалось, что «на основании статьи 3 сего Уложения, все наказания, определяемые законом за преступления и проступки, принадлежат к двум главным разрядам: наказаний уголовных и наказаний исправительных; каждый из сих главных разрядов наказаний разделяется на несколько родов и степеней, как сие подробно означено в статьях: 19, 21, 22, 23, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44 сего отделения» (ст. 18) [12, с. 601]. К исправительным наказаниям закон определил «5. Временное заключение в тюрьме. 6. Кратковременный арест. 7. Выговоры в присутствии суда; замечания и внушения от мест судебных или правительственных; денежные взыскания...» (ст. 34).

Продолжение временного заключения в крепости, с потерей лишь некоторых особенных, лично или по состоянию осужденного присвоенных ему прав и преимуществ, определялось, по мере вины, в такой постепенности: Степень 1. Заключение в крепости на время от 4 до 6 лет; Степень 2. Заключение в крепости на время от 2 до 4 лет (ст. 37).

Продолжение временного заключения в крепости без всякого ограничения прав и преимуществ определялось, по мере вины, в следующей постепенности: Степень 1. Заключение в крепости на время от 1 до 2 лет; Степень 2. Заключение в крепости на время от 6 месяцев до 1 года; Степень 3. Заключение в крепости на время от 6 недель до 6 месяцев (ст. 38).

Продолжение заключения в тюрьме определялось также по мере вины следующим образом: Степень 1. На время от 1 до 2 лет; Степень 2. На время от 6 месяцев до 1 года; Степень 3. на время от 3 до 6 месяцев (ст. 41).

Продолжение кратковременного ареста определялось по мере вины следующим образом: Степень 1. Арест на время от 3 недель до 3 месяцев; Степень 2. Арест на время от 7 дней до 3 недель; Степень 3. Арест на время от 3 до 7 дней; Степень 4. Арест на время от 1 дня до 4 дней (ст. 42) [12, с. 605].

Как видим, заключение в монастыре как мера наказания из широкого и общего употребления была изъята. Однако ст. 61 указывала, что «к наказаниям как уголовным, так и исправительным присоединяется в некоторых определенных законами случаях церковное покаяние по распоряжению духовного начальства осужденных... Виды церковного покаяния и сроки продолжения онаго определяются духовным начальством...» [12, с. 609].

Или же статьей 91 предусматривалось, что «священно- и церковнослужители, и монашествующие, осужденные на временное заключение, в тех случаях, когда с сим не соединены потеря духовного сана или исключение из духовного звания, отсылаются не в места заключения, а к их епархиальному начальству для исправления их по распоряжению онаго».

Статья же 144 гласила: «Наказание имеющих от 10 до 14 лет от роду и учинивших преступление с разумением, смягчается на следующих основаниях: ...2) за преступления, подвергающие лишению всех прав, телесному наказанию через палачей и ссылке на поселение, они присуждаются к заключению в монастыре, если в том месте или не в весьма дальнем от онаго расстояния есть монастыри их вероисповеданий... 3) за преступления менее тяжкие, за которые определяются законом лишения всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или в рабочие дома, они присуждаются к заключению на время от 2 месяцев до 1 года в монастыре или в смиренном доме...» [12, с. 621].

Что касается возможного распространения норм Уложения на иностранцев, то в нем однозначно указывалось, что «иностранцы, в России жительствующие или временно в оной пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как и подданные Российские, если о каком-либо из сего изъятия не сделано особенного постановления в договоре с тою иностранною державою, у коей они находятся в подданстве» (ст. 175) [12, с. 626].

Уложение, безусловно, содержало в себе и положения, относящиеся к религиозным нормам. В частности, находим: Разд. 2. «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», а в нем гл. 1. «О богохулении и порицании веры»; гл. 2. «О отступлении от веры и постановлений церкви»; гл. 3. «О оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния»; гл. 4 «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел»; гл. 5. «О лжеприсяге».

Что касается последнего, то законом предусматривалось, что «учинивший лживую присягу, если он не подвергается наказанию, определенному в ст. 259, предается церковному покаянию по усмотрению духовного начальства его исповедания» (ст. 262) [12, с. 644].

Раздел 11 Уложения носил название «О преступлениях против прав семейственных», а его гл. 1. – «О преступлениях против союза брачного». В ее отд. 1 находим «О противозаконном вступлении в брак» ст. 2040, в которой предусматривалось, что «кто похитит незамужнюю женщину для вступления с нею против воли ее в брак, тот, по принесенной на сие от нее или же от родителей или опекунов ее жалобы, подвергается:... Когда похищение учинено с согласия похищенной, то виновные, по жалобе родителей или опекунов, или той и другой стороны, приговариваются: похититель – к заключению в тюрьме на время от 6 месяце до одного года; а согласившаяся на похищение – к заключению на столько же времени в монастыре» [12, с. 963].

В ст. 2087 указывалось, что «За кровосмешение с родственником или родственницей в прямой, восходящей или исходящей линии, в какой бы то ни было степени, виновные приговариваются: к лишению всех прав состояния, а неизъятые по закону от наказаний телесных, и к наказанию плетьюми через палачей в мере, определенной ст. 22 сего уложения для первой степени наказаний сего рода, и потом к ссылке в отдаленнейшие места Сибири для заключения там, вместо поселения, в тюрьме в

уединении на 10 лет; по истечении сего времени они отдаются в монастырь на всю жизнь, для употребления на тяжкие в оном работы».

Продолжала эту тему и ст. 2088, которой предусматривалось «за кровосмешение с родственниками в боковых линиях и с близкими, до второй степени включительно, свойственниками, виновные, исповедующие Православную веру, подвергаются наказаниям, смотря по степени более или менее близкой родства или свойства, на следующем основании: за кровосмешение во второй степени родства – лишение прав, плети, ссылка в Сибирь на 5 лет, после в монастырь пожизненно «для употребления...»; «за кровосмешение в четвертой степени родства, т. е. с двоюродным братом или двоюродной сестрою, или же второй степени свойства, т. е. с деверем или невесткою, зятем или своячнею: заключение в монастыре на время от 6 месяцев до 1 года» [12, с. 973].

Как видим, Уложение 1845 г. лишь в отдельных, фактически принадлежащих церковной власти, делах предусматривало заключение в монастыре. В последующем же заключение в монастырь становилось все более редкой мерой наказания.

Так, к примеру, 29 июня 1859 г. был принят указ №34690 «О замене заключения в Сибири женщин в монастырь на всю жизнь ссылкой в отдаленные округа Восточной Сибири, и о порядке содержания преступниц, осужденных на кратковременное заключение в монастыре». Им, если кратко, предусматривалось тех женщин, кого ранее за кровосмешение заключали в монастырь, в дальнейшем отправлять в Сибирь на поселение.

Вторая же часть указа предписывала преступниц, осуждаемых на кратковременное заключение в монастыре, во время содержания в тюрьмах удалять от других преступников и преступниц [13, с. 661–662].

И хотя материалов о содержании заключенных в монастырях Крыма достаточно мало, однако и они использовались для вышеуказанных целей. В качестве подтверждения своих слов можем указать, что, к примеру, прокурор Симферопольского окружного суда 7 июня 1877 г. обратился в Таврическое губернское правление, просил поставить на довольствие как арестантов 5 осужденных, преданных церковному покаянию в монастырях по делу о скопческой секте [14, л. 1].

К концу XIX в. роль монастырей в качестве мест заключения еще более снизилась. Способствовало этому процессу и новое законодательство, которое чаще всего закрепляло за монастырями роль места покаяния и лишь в отдельных, специфических, случаях – временного содержания.

Так, как известно, 2 июня 1897 г. был принят указ № 14233 «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости». Им предписывалось «I. В Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Свода Зак. Т. XV, ч. 1, изд. 1885 г.) ввести следующие дополнения и изменения:

137/1. В местностях, где исправительные приюты или колонии не устроены для несовершеннолетних преступников, или в случае недостатка в них свободных помещений, несовершеннолетние от 10 до 17 лет, признаваемые судом учинившими преступное деяние без разумения, вместо обращения их в особые помещения, устроенные для них при тюрьмах в особые помещения, устроенные для них при

тюрьмах или домах для арестуемых по приговорам мировых судей, могут быть отдаваемы для исправления на срок, определенный судом, но не далее, как до наступления 18-летнего возраста, в монастыри их вероисповедания... Избрание православных монастырей, для помещения в них несовершеннолетних, производится по предварительном сношении с местными Архиеереями.

138 1/. В местностях, где исправительные приюты или колонии для несовершеннолетних преступников не устроены, или в случае недостатка в них свободных помещений, означенные в п. 1 и 2 ст. 1138 несовершеннолетние, вместо заключения их в особые помещения, устроенные для них при тюрьмах или домах для арестуемых по приговорам Мировых Судей, могут быть присуждаемы к заключению в монастыре их вероисповедания, если в месте производства дела имеются такие монастыри, и если по правилам, для них установленным, жительство в них посторонним лицам не воспрещено. За учинение преступных деяний, означенных в п. 1 ст. 138, заключение в монастыре может быть определено на время от 2 до 5 лет, а за совершение деяний, указанных в п. 2. – на время от 1 месяца до 1 года» [15, с. 358].

Отделение третье главы второй книги первой дополнялось также двумя статьями, которыми несовершеннолетние от 10 до 17 лет при отсутствии возможности размещения их в специальных колониях или отдаче на поруки (ст. 77/1) «могут быть помещаемы в монастыри их вероисповедания, если в месте производства дела... Избрание православных монастырей, для помещения в них несовершеннолетних, производится по предварительном сношении с местным Архиеереями» (ст. 77/2) [15, с. 361].

Главу шестую раздела второго книги второй дополнили следующими статьями:

«416/1. При необходимости взятия под стражу несовершеннолетних (на время следствия) возрастом от 10 до 17 лет, их полагалось помещать в исправительные приюты или колонии для несовершеннолетних преступников, где они были, или отдавать под ответственный присмотр. Несовершеннолетних от 14 до 17 лет, при совершении уголовных преступлений, на время следствия полагалось помещать в те же заведения, или в специальные помещения в тюрьмах.

416/2. В случае же невозможности применения мер пресечения, указанных в предыдущей статье, несовершеннолетние от 10 до 17 лет могут быть помещаемы в монастыри их вероисповедания... Избрание православных монастырей, для помещения в них несовершеннолетних, производится по предварительном сношении с местным Архиеереем» [15, с. 362].

И, наконец, пункт V указа предписывал: «В Правила об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено в действие Положение о Земских Участковых Начальниках (Свода Зак. Т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.), ввести следующие дополнения и изменения: .. 2) отделение второе главы третьей раздела второго дополнить следующими статьями: 184/2. «В случае невозможности применения мер пресечения, указанных в предшедшей (184/1 статье, несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет могут быть помещаемы в монастыри их вероисповедания, если в месте производства дела такие монастыри имеются...» [15, с. 364].

Таким образом, постепенно, с усилением государственной власти, ослаблением роли и влияния церкви, восприятием идеи о необходимости отделения церкви от государства, монастыри переставили быть местом заключения в Российской империи к началу XX в.

Список литературы

1. Саломон А. П. Тюремное дело в России / А. П. Саломон. – СПб.: Типография Петербургской тюрьмы, 1898. – 38 с.
2. Никитин В. Н. Тюрма и ссылка: История законодательства, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения тюрьмы до наших дней: 1560–1880 гг. / В. Н. Никитин. – СПб.: Тип. В. Шпарварт, 1880. – 684 с.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: Т. 1. 1762–1825 / М. Н. Гернет. – М.: Госюриздат. 1951 г. – 357 с.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: Т. 2. 1825–1870 / М. Н. Гернет. – М.: Госюриздат. 1951 г. – 548 с.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: Т. 3. 1870–1900 / Гернет М. Н. – М.: Госюриздат. 1952 г. – 521 с.
6. Печников А. П. Главное тюремное управление российского государства, 1879 – октябрь 1917 гг.: автореф. дис. на соискание уч. степени док. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; История правовых учений» / А. П. Печников. – М., 2002. – 52 с.
7. Кокорева Т. В. Монастырские тюрьмы как место заточения старообрядцев и сектантов в XIX веке: тема диссертации и автореферата по ВАК 07.00.00, 07.00.02, кандидат исторических наук. Кокорева, Татьяна Викторовна. – М., 2001. – 203 с.
8. Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в 16–19 вв. / М. А. Колчин. – М., 1908.
9. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством / А. С. Пругавин. – М., 1905.
10. Бонч-Бруевич В. Д. Материалы по истории и изучению русского сектантства и раскола / В. Д. Бонч-Бруевич. – СПб., 1908–1909.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. 1827. – СПб., 1830. – 1138 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. – СПб., 1846. – 1045 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIV. Отделение первое. 1859. – СПб., 1861. – 839 с.
14. ГААРК, ф. 36, оп. 1, д. 624. О производстве кормового довольствия Одерову, Щетинину, Работягову и Дьякову, преданным церковному покаянию в монастырях по делу о скопческой секте. 25.05.1877 г. 3 л.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVII. Отделение 1. 1897 г. – СПб., 1900. – 730 с.

Zmerzlu B. Role of monasteries as places of confinement In the Russian empire in XIX of century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 23–29.

It is in-process indicated that in XIX of century role of monasteries as places of confinement in Russia passed a deep evolution from absolute perception of monasteries as places of confinement, to the gradual exception of monasteries from this system and abandonment after them only narrowly-religious, ceremonial functions. It is indicated on the basis of the given material, that monasteries in XIX of century more often came forward as a place of confession and expiation, than as a place of confinement and punishment. On occasion monasteries were examined by a law as a place of preliminary confinement for minor, exactly this role was taken for them in accepted on August, 14 a 1845 g". Code of law about Punishments Criminal and Correctional" and envisaged in subsequent normative acts.

Keywords: monasteries, place of confinement, пенитенциарная system, confession,

Spisok literaturyi:

1. Salomon A. P. Tyuremnoe delo v Rossii / A. P. Salomon. – SPb.: Tipografiya Peterburgskoy tyurmyi, 1898. – 38 s.
2. Nikitin V. N. Tyurma i ssylka: Istoriya zakonodatelstva, administrativnoe i byitovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyilnykh, ih detey i osvobodzhdennykh iz-pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya tyurmyi do nashih dney: 1560 – 1880 gg. / V.N. Nikitin. – SPb.: Tip. V. Shparvart, 1880. – 684 s.
3. Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyurmyi / Gernet M. N. T. 1. M., 1762 – 1825. – M.: Gosyurizdat. 1951 g. – 357 s.
4. Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyurmyi / Gernet M. N. T. 2. M., 1825 – 1870. – M.: Gosyurizdat. 1951 g. – 548 s.
5. Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyurmyi / Gernet M. N. T. 3. 1870 – 1900. – M.: Gosyurizdat. 1952 g. – 521 s.
6. Pechnikov A. P. Glavnoe tyuremnoe upravlenie rossiyskogo gosudarstva, 1879 – oktyabr 1917 gg. : avtoref. dis. na soiskanie uch. stepeni dok. yurid. nauk : spets. 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; Istoriya pravovykh ucheniy» / A. P. Pechnikov. – M., 2002. – 52 s.
7. Kokoreva T. V. Monastyirskie tyurmyi kak mesto zatocheniya staroobryadtsev i sektantov v XIX veke : tema dissertatsii i avtoreferata po VAK 07.00.00, 07.00.02, kandidat istoricheskikh nauk. Kokoreva, Tatyana Viktorovna. M., 2001. 203 s.
8. Kolchin M.A. Ssyilnye i zatochennye v ostrog Solovetskogo monastyirya v 16-19 vv., M., 1908.
9. Prugavin A.C. Monastyirskie tyurmyi v borbe s sektantstvom. M., 1905.
10. Bonch-Bruevich V.D. Materialy po istorii i izucheniyu russkogo sektantstva i raskola, Spb., 1908-1909.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. II. 1827. – SPb., 1830. – 1138 s.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XH. 1845 g. Otdelenie pervoe. – SPb., 1846. – 1045 s.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXHIV. Otdelenie pervoe. 1859. – SPb., 1861. – 839 s.
14. GAARK, f. 36, op. 1, d. 624. O proizvodstve kormovogo dovolstviya Oderovu, Schetininu, Rabotyagovu i Dyakovu, predannym tserkovnomu pokayaniyu v monastyiryah po delu o skopcheskoy sekte. 25.05.1877 g. 3 l.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie trete. T. XVII. Otdelenie 1. 1897 g. – SPb., 1900. – 730 s.

УДК 340.11

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИХ АНАЛИЗУ

Скакун О. Ф.

Севастопольский государственный университет

Статья посвящена разъяснению роли и места экономического междисциплинарного подхода к исследованию экономических прав человека и гражданина в постсоветских государствах. В системе методологических ресурсов правовой науки экономический подход к анализу права рассматривается как концептуально-методологическое ядро экономической теории права (экономики права) в целом и экономических прав человека и гражданина в частности. Подчеркивается, что экономический подход к познанию экономических прав человека и гражданина определяет общую ориентацию исследования, что не исключает необходимости применения основного методологического аппарата – дисциплинарных юридических методов и принципов. Обозначенный подход раскрывается через экономическую эффективность норм права, точнее, через соразмерность экономических целей норм права, содержащихся в нормативно-правовых актах, и юридических средств, необходимых для их достижения. Указываются достоинства и пределы экономического подхода к анализу экономических прав человека и гражданина, перечисляются отрасли права, в которых он наиболее востребован.

Ключевые слова: экономические права человека и гражданина, методологический подход к экономическому анализу прав человека и гражданина, достоинства и пределы этого подхода.

Введение. Постановка проблемы прав человека и гражданина в контексте экономического анализа привлекательна уже тем, что позволяет на междисциплинарном уровне углубить познание взаимосвязи двух важных сфер общественной деятельности – экономической и юридической. Их тесная связь продиктована жизнью. Юридические нормы на всех уровнях их закрепления нуждаются в материальном (финансовом) обеспечении, которое обусловлено наличествующими экономическими возможностями отдельного государства.

Цель исследования – акцентировать внимание на роли методологических (междисциплинарных) подходов вообще и экономического подхода в частности в постижении разносторонней сущности правового обеспечения экономических прав и свобод человека.

Задачи исследования: кратко characterize состояние разработки поставленной темы; описать основные правовые (международные и внутригосударственные) документы об экономических правах человека как источники для изучения темы; определить место междисциплинарного экономического подхода в системе методологического многообразия познания прав человека; указать на достоинства и пределы экономического подхода к анализу экономических прав человека и гражданина.

Состояние разработки поставленной темы. В постсоветских государствах наметились два подхода к изучению прав и свобод человека и гражданина: узкогрупповой и обособленный. Узкогрупповое изучение прав человека и гражданина выражается во включении в предмет анализа двух групп прав, например, социальных и экономических [1]. В конце прошлого века редко кто из ученых решался анализировать одну обособленную группу экономических прав человека и гражданина [2].

В XXI веке количество таких исследований возросло [3]. Этому способствовали такие объективные факторы, как наличие некоторого опыта формирования рыночных отношений в постсоветских государствах, принятие собственных конституций с фиксацией в них прав и свобод человека в соответствии со складывающимися политическими и социально-экономическими условиями развития, развитие системы судебной защиты прав человека и др.

Следует выделить научные исследования второго десятилетия XXI века по проблемам прав человека и гражданина, в том числе об экономических правах. Их качество не уступает, а где-то и превосходит новыми исследовательскими достижениями [4], что обуславливается использованием многообразия междисциплинарных подходов к изучению правовых явлений как результата глубинного осознания преимуществ, которые предоставляет признанный и утвердившийся в территориальных рамках бывшего СССР на протяжении более чем двух с половиной десятилетий принцип методологического плюрализма.

К сожалению, автор не нашел специальных юридических статей, посвященных изучению экономических прав человека в свете экономического методологического подхода. Вместе с тем экономическая теория права (экономика права), в которой первенствует экономический методологический (междисциплинарный) подход к познанию права, в том числе прав человека и гражданина, получила глубокое освещение в монографиях [5], учебной литературе [6], иного рода публикациях.

Основные правовые (международные и внутригосударственные) документы об экономических правах человека как источники для исследования темы – это европейские документы о правах человека и конституционные акты современных государств постсоветского периода. Автор использует предложенную Международными пактами ООН по правам человека и признанную в Европе нормативную классификацию прав человека как автономных равноценных подсистем по жизненно важным сферам общества: социальные, экономические, культурные, гражданские и политические. В тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г. права человека излагаются в целом, без их разграничения. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (вступил в силу в 1976 году) в названии проведено разграничение прав (социальные, экономические и культурные), однако в тексте документа указанные права изложены без отдельного выделения. Права человека гарантируются Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и дополнительными Протоколами к ней (ныне действует с изменениями от 2004 г.), Европейской социальной хартией 1996 г.

Будучи ратифицированной постсоветскими государствами, Европейская Конвенция о защите прав человека предоставляет право их гражданам (в случае нарушения официальными органами государства их гражданских и политических прав)

обращаться в Европейский Суд по правам человека с индивидуальными жалобами, в том числе и такими, которые имеют отрицательные социальные и экономические последствия.

В Европейском Суде по правам человека объектом защиты часто выступают право частной собственности и право беспрепятственного пользования своим имуществом, а также право на предпринимательскую деятельность. Специально не регламентируя все вопросы обеспечения экономической деятельности человека, Европейский Суд по правам человека сформировал эталоны и принципы, которые используются государствами в целях обеспечения свободы такой деятельности.

В конституционных актах государств постсоветского пространства уделено внимание всему комплексу прав человека и гражданина, в том числе экономическим правам. В Конституции РФ это – статьи 34–36, в Конституции Украины – статьи 13–15, 41–44, в Конституции Республики Беларусь – статьи 13, 41–42, в Конституции Республики Казахстан – статьи 24–26, в Конституции Латвийской республики – статьи 105–106, в Конституции Литовской республики – статьи 23–24, 46–48, в Конституции Грузии – 21, 30.

В Конституции РФ определены такие виды экономических прав: право частной собственности; право на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности; право на выбор рода деятельности и профессии; право объединения для совместной экономической деятельности; право на свободу договора и на защиту от незаконной конкуренции. Нет сомнения в том, что конституционное право человека и гражданина на свободу труда и выбор рода деятельности и профессии, при наличии свободного рынка труда, является его экономическим правом. К категории экономических прав ученые относят также права трудящихся и работодателей на заключение коллективных договоров, право на свободное объединение в национальные и международные организации для защиты своих интересов [7].

К перечню экономических прав в Конституции РФ близки, в разной степени, статьи конституций других государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Все они исходят из понимания того, что: 1) гражданин обладает комплексными правами, которые касаются как общих прав человека, так и прав, позитивно закрепленных государством; 2) права гражданина недостаточно закрепить конституционно: их необходимо наделить качеством реальности.

Обрести качества реальности экономическим (как и иным) правам человека и гражданина призван помочь экономический подход к анализу права. Его использование важно в процессах правотворчества, толкования права, реализации права.

Место междисциплинарного экономического подхода в системе методологического многообразия познания прав человека. Каждая научная дисциплина имеет собственный дисциплинарный подход, соответствующий предмету изучения, свою дисциплинарную методологию (систему методов и принципов). При расширении сферы научного познания, появлении объекта исследования на границе между юридическими, с одной стороны, и философскими, социально-гуманитарными, естественными науками, с другой, возникает необходимость в заимствовании исследо-

вательских методов этих наук, с тем, чтобы рассмотреть проблему в другом ракурсе.

В любой научной работе, в зависимости от ее цели, могут быть использованы разные подходы, если они не исключают друг друга и соответствуют современному научному мировоззрению (феноменологический, институциональный, информационный, право-социологический, социально-культурный, синергетический, коммуникативный, аксиологический, праксиологический/деятельностный, геояридический, экономический и др.). Междисциплинарные подходы (их еще называют общими подходами) к анализу права, как и дисциплинарные методы, логические приемы вместе с их теориями и концепциями, составляют тот методологический арсенал, из которого ученый-юрист набирает необходимый ему комплект для проведения исследования интересующей темы.

Общий (междисциплинарный) подход, в нашем случае – экономический подход к изучению экономических прав и свобод человека и гражданина, не конкурирует с дисциплинарными юридическими методами, не подменяет их: он акцентирует внимание на экономической стороне объекта познания, обозначая общую направленность исследования.

Напомним, что научное междисциплинарное направление «экономическая теория права (экономика права)» сформировалось в прошлом столетии в США, в условиях активного развития капиталистического рынка, благодаря соблюдению принципа междисциплинарного обогащения, т. е. использования экономической наукой достижений юридической науки и наоборот. У его истоков стояли экономисты и юристы Г. Беккер, Г. Калабрези, Р. Коуз, Р. Познер. Постепенно охватив умы ученых других государств мира, включая и постсоветских, «экономическая теория права» получила новый подъем в своем развитии.

В системе методологических ресурсов юридической науки и практики экономический подход к анализу права может быть оценен как концептуально-методологическое ядро экономической теории права. В этом качестве он значим в анализе экономических прав человека и гражданина так же, как социологический подход – в изучении социальных прав человека и гражданина, культурологический – в познании культурных прав человека и гражданина. Экономический междисциплинарный подход к анализу права, базирующийся на синтезе юридического и экономического анализа внутригосударственных и международных нормативно-правовых актов и документов о правах человека и гражданина, способен обеспечить разносторонность и глубину изложения экономических прав человека и гражданина, определить его статус как участника экономической деятельности.

Достоинства и пределы экономического междисциплинарного подхода к анализу экономических прав человека и гражданина. Экономический подход к анализу права – это применение научного аппарата экономической науки (в частности категорий, принципов, методов, концепций, как правило, неинституциональной микроэкономики) для установления экономического эффекта от принятия или изменения юридических норм, содержащихся в нормативно-правовых актах. Нормы о правах человека, задекларированные в конституциях государств и приобретающие дальнейшую конкретизацию в системе законодательных актов (из них «экономической

конституцией» в РФ считается Гражданский кодекс, в ФРГ – Торговый кодекс), обязаны находиться, во-первых, в соответствии с научными данными политической экономии; во-вторых, быть ориентированными на интересы, потребности, ожидания, идеалы общества и личности.

Уже на стадии подготовки и принятия нормативно-правового акта необходим его экономический анализ с целью:

1) создания моделей экономически эффективных правовых отношений, в том числе предупреждающих ошибки или пресекающих нарушения в экономическом развитии;

2) выработки рекомендаций по дальнейшему практическому использованию согласованной системы правовых норм для стимулирования экономического развития в направлении обеспечения нужд и чаяний человека и гражданина.

Экономический анализ востребован на стадии реализации правовых норм, закрепленных в законах государства, при принятии подзаконных актов, осуществлении реального бюджетного финансирования, эффективного использования выделяемых финансов. Здесь обнаруживают себя такие его принципы: расходы общества не должны перевешивать пользу от достижения цели, заложенной в правовых нормах; общество может получать дополнительные блага благодаря снижению издержек реализации права. Без соблюдения этих принципов конституционно-провозглашенные экономические и иные права человека останутся красивой декларацией, далекой от жизненного воплощения.

Следовательно, экономический подход к анализу прав человека и гражданина раскрывается через факторы (коэффициенты) экономической эффективности: правотворческой (потенциальной) и правореализационной (реальной). Коэффициент правотворческой экономической эффективности состоит в соразмерности экономических целей правовых норм нормативных актов, обеспечивающих способность личности свободно участвовать в экономических отношениях современного рыночного общества, и тех юридических средств, которые необходимы для их достижения. Коэффициент правореализационной (в том числе правоприменительной) экономической эффективности заключается в соразмерности реального использования гражданами нормативно-установленных экономических прав (правоприменительных органов – в соразмерности выполняемых нормативно-установленных профессиональных обязанностей) и тех материальных ресурсов для их реализации, которые определены нормативно-правовыми актами.

Реализация экономических прав человека и гражданина происходит при опоре на соответствующие отрасли экономического права (экономики права), в которых экономический анализ наиболее востребован (ученые считают обоснованным говорить об отраслевой эффективности норм права). В РФ сферу экономического права составляют: право конституционное, административное, финансовое, налоговое, гражданское (договорное право, право собственности, интеллектуальная собственность), а также трудовое и корпоративное право. В ФРГ в состав экономического права (права в сфере экономики) входят: хозяйственное право, торговое право, предпринимательское право, корпоративное право, право концернов и картельное право. Хозяйственным правом охватывается также антимонопольное право и право

конкуренции, банковское право, продовольственное право и многие другие совокупности либо системы правовых норм, институтов, законов в материальном и формальном смысле [8].

За пределами указанных отраслей права досягаемость экономического подхода к их анализу, а значит и к анализу экономических прав человека и гражданина, менее значима или минимальна.

Заключение. Акцент на экономических правах человека не означает недоучета объективной определенной общности, которой обладает содержание основных прав человека и гражданина. Взаимная зависимость и нуждаемость прав человека и гражданина в обеспечении надлежащим экономическим базисом, который соответствует экономической модели, закрепленной в конституции и кодифицированных нормативных актах государства, требует их (прав человека и гражданина) дальнейшего углубленного познания в комплексе – использования для этих целей экономического междисциплинарного подхода в единении с дисциплинарными юридическими методологическими средствами.

В качестве методологической доктрины экономический подход к анализу экономических прав человека и гражданина чрезвычайно полезен уже тем, что позволяет расширить инструментарий изучения поведения личности в конкретных практических ситуациях, способствует повышению эффективности воплощения в жизнь всего комплекса прав человека и гражданина, закрепленных в международных актах и конституциях постсоветских государств.

Список литературы

1. Гапоненко Л. Б. Конституционное закрепление социально-экономических прав человека в теории и практике социального государства // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. Уральский гуманитарный ин-т. Екатеринбург, 2015. – № 34. – С. 30–38; Кольжанов И. В., Сидорова Е. И Социально-экономические права и свободы: вопросы теории и практики // Наука и практика. 2016. – № 3 (68). – С. 67–71; Кириченко А. А. Понятие, система, юридическая природа и механизмы реализации социальных и экономических прав человека (гражданина) в Российской Федерации // Северокавказский юридический вестник. – 2016. – № 1. – С.76–83.
2. Гаджиев Г. А. Основные экономические права: сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных государств: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – М., 1996. – 50 с.
3. Вагина А. М. Экономические права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. – 202 с.; Дружинин Д. Н. Экономические права и свободы граждан РФ (конституционно-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. – 171 с.
4. Мальцев К. Л. Экономические конституционные права человека и гражданина в России: научное исследование. - М.: РУСАЙНС, 2017. – 184 с.; Хомченко К. А. Проблема классификации экономических прав человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. № 1. – С. 18–32.
5. Мальцев К. Л. Экономические конституционные права человека и гражданина в России: научное исследование. – М.: РУСАЙНС, 2017. – 184 с.; Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Мау В. А. Конституционная экономика. – М.: ЗАО Юридический Дом «Юстицинформ», 2006. – 528 с.; Очерки Конституционной Экономики. 23 октября 2009 года / Отв. ред. Г. А. Гаджиев. - М. : Изд. «Юстиц-информ», 2009. – 280 с.

6. Одинцова М. И. Экономика права: учеб. пособие / М. И. Одинцова; Гос. ун-т. – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 430 с.; Тамбовцев В. Л. Право и экономическая теория: учеб. пособие. – М.: ИНФРА, 2005. – 224 с.
7. Кириченко А. А. Указ. работа. – С. 77.
8. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.

Skakun O. F. Economic rights of a person and a citizen in the context of a methodological economic approach to their analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68), № 3. – P. 30–36.

Summary. The article is devoted to explaining the role and place of the economic interdisciplinary approach to the study of economic rights of man and citizen in the post-Soviet states. In the system of methodological resources of legal science, the economic approach to the analysis of law is viewed as a conceptual-methodological core of the economic theory of law (economics of law) in general and economic rights of man and citizen in particular. It is emphasized that the economic approach to the cognition of the economic rights of a person and a citizen determines the overall orientation of the research, which does not exclude the necessity of applying the basic methodological apparatus - disciplinary legal methods and principles. The indicated approach is disclosed through the economic effectiveness of the norms of law, more precisely, through the proportionality of economic goals of the norms of law contained in legal acts, and legal means that are necessary to achieve them. The advantages and limits of the economic approach to the analysis of economic rights of a person and a citizen are indicated, the branches of law in which it is most in demand are listed.

Key words: economic rights of man and citizen, methodological approach to economic analysis of the rights of man and citizen, dignity and limits of this approach.

Spisok literatury

1. Gaponenko L. B. Konstitutsionnoe zakreplenie sotsialno-ekonomicheskikh prav cheloveka v teorii i praktike sotsialnogo gosudarstva // Problemy obespecheniya, realizatsii, zashchity konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka. Uralskiy gumanitarnyy in-t. Ekaterinburg, 2015. №34. – S. 30–38; Kolzhanov I. V., Sidorova E. I Sotsialno-ekonomicheskie prava i svobody: voprosy teorii i praktiki // Nauka i praktika. 2016. № 3 (68). – S.67-71; Kirichenko A. A. Ponyatie, sistema, yuridicheskaya priroda i mehanizmy realizatsii sotsialnykh i ekonomicheskikh prav cheloveka (grazhdanina) v Rossiyskoy Federatsii // Severokavkazskiy yuridicheskiy vestnik. 2016. № 1. – S.76-83.
2. Gadzhiev G. A. Osnovnyie ekonomicheskie prava: sravnitelnoe issledovanie konstitutsionno-pravovykh institutov Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: Avtoref. dis. ...dokt. yurid. nauk. - M., 1996. – 50 s.
3. Vagina A. M. Ekonomicheskie prava cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie. Dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2005. – 202 s.; Druzhinin D. N. Ekonomicheskie prava i svobody grazhdan RF (konstitutsionno-pravovoy aspekt). Dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. – 171 s.
4. Maltsev K. L. Ekonomicheskie konstitutsionnyie prava cheloveka i grazhdanina v Rossii: nauchnoe issledovanie. – M.: RUSAYNS, 2017. – 184 s.; Homchenko K. A. Problema klassifikatsii ekonomicheskikh prav cheloveka // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. 2010. # 1. – S.18-32.
5. Maltsev K. L. Ekonomicheskie konstitutsionnyie prava cheloveka i grazhdanina v Rossii: nauchnoe issledovanie. – M.: RUSAYNS, 2017. – 184 s.; Barenboym P. D., Gadzhiev G. A., Lafitskiy V. I., Mau V. A. Konstitutsionnaya ekonomika. - M.: ZAO Yuridicheskiy Dom «Yustitsinform», 2006. – 528 с.; Ocherki Konstitutsionnoy Ekonomiki. 23 oktyabrya 2009 goda / Otv. red. G. A. Gadzhiev. - M. : Izd. «Yustitsinform», 2009. – 280 s.
6. Odintsova M. I. Ekonomika prava: ucheb. posobie / M. I. Odintsova; Gos. un-t. – Vysshaya shkola ekonomiki. – M.: Izd. dom GU VShE, 2007. – 430 s.; Tambovtsev V. L. Pravo i ekonomicheskaya teoriya: ucheb. posobie. – M.: INFRA, 2005. – 224 s.
7. Kirichenko A. A. Ukaz. работа. – S.77.
8. Zhalinskiy A., RYoriht A. Vvedenie v nemetskoe pravo. – M.: Spark, 2001. – 767 s.

УДК 347.644/462

ОФОРМЛЕНИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ АВАРИЙ В ТОРГОВОМ ФЛОТЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сорокин Г. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрено правовое урегулирование вопросов, связанных с оформлением и расследованием аварий в торговом флоте в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Указано, что основными нормативными актами, заключающими в себе эти положения, были «Устав купеческого водоходства»; Консульский устав Российской империи; «Высочайше утвержденное положение о биржевых маклерах, гоф-маклерах, аукционистах, нотариусах, корабельных маклерах, диспашерах и о биржевом комитете для надзора за благочинием при С. Петербургском порте»; уставы коммерческих судов; положения об управлении и заведовании морскими торговыми портами.

Ключевые слова: оформление, расследование, авария, закон, указ, положение, устав.

Так как торговое судоходство и все связанное с ним было делом частным, то долгое время российское государство фактически не вмешивалось в регулирование проблем, с ним связанным. В полной мере это относится и к проблеме оформления и расследования аварий, крушений и столкновений морских судов. Как известно, «Устав купеческого водоходства» 1781 г. содержал в себе мало каких-либо конкретных норм в данном вопросе.

Так, к примеру, в его ст. 296 предусмотрено, что в случае, когда лоцман, взявший на свою ответственность судно, разобьет его о камни или посадит на мель, на берег, «то по изследовании порядком уголовных дел... и изследовав судити виновного по мере его вины или намерения» [1, с. 335]. Требование судить порядком уголовным встречаем в уставе и в ст. 287.

В ст. 277 устанавливалось, что при крушении окружной земский исправник должен был собрать все данные о потерпевшем судне (см. ст. 277) и сообщить их в губернское правление, губернский и городской магистрат или ратушу и таможню. Губернское же правление должно было обнародовать эти сведения прибитием листа к дверям городского и губернского магистрата, на бирже или гостинном дворе, или на рынке. Губернский же и городской магистрат или ратуша должны были записать это известие. Однако порядка расследования и, при необходимости, судебного разбирательства по морской аварии или крушению уставом не предусмотрено.

Отсюда можно сделать вывод, что делами о крушении занимались вышеуказанные власти вплоть до учреждения коммерческих судов и развития их нормативной базы.

Как уже выше указывалось, в Западной Европе своеобразными «движителями» процесса урегулирования норм, регулирующих порядок оформления и расследования аварий и крушений морских судов, выступали страховые общества как наибо-

лее заинтересованные в нормировании всех его составляющих. Однако в Российской империи зарождение таких дееспособных обществ относится лишь к первой половине XIX в., а реальное формирование страхового рынка и, как следствие, влияние страховых обществ в качестве важных налогоплательщиков на принятие тех или иных нормативных актов можно отнести в лучшем случае лишь ко второй половине этого столетия.

Однако регулировать отдельные вопросы, связанные с морскими происшествиями вне страны, так или иначе приходилось. Впервые попытка комплексно это сделать была предпринята в Консульском уставе Российской империи, принятом 25 октября 1820 г. (№ 28.444). В нем, в частности, предусматривалось, что в случае, если российское купеческое судно попадет на мель и в связи с этим произойдет его разрушение, то консул должен был принять на свое попечение людей и груз, и стараться о сохранении их. При отсутствии в месте крушения представителей судовладельцев или владельцев груза на консула возлагалась вся ответственность в принятии необходимых мер по спасению судна и груза, сохранению уцелевших вещей и недопущению того, «чтобы за переем (*fauvetade*) оных хозяева обременялись несправедливыми или излишними поборами» (ст. 26) [2].

В редакции устава 1903 г. это было изложено так: «61. Консул принимает все зависящие от него меры в случае кораблекрушения судна, посадки на мель, в других случаях для спасения выгод всех заинтересованных в деле лиц». Там же указывалось, что на консула возлагалось составление протокола о происшествии с изложением подробностей дела, причин происшествия и убытков. Если корабельщик был вынужден выбросить в море часть груза, то он должен был подать о том донесение консулу, где указывались причины такого шага, опись выброшенных вещей. Эти документы доставлялись хозяевам судна и груза (ст. 62) [3, с. 1173].

При большой аварии, т. е. общей или чрезвычайной, или даже в том случае, когда убытки, причиненные судну или грузу, были менее значительны, консул, если он действовал вместо поверенного или корреспондента, должен был через экспертов или, за неимением их и других людей, достойных доверия, в своем присутствии или же в присутствии депутата от консульства, освидетельствовать и оценить повреждения и сделать смету необходимых починков (ст. 66) [3, с. 1174].

В том случае, когда судно подверглось такому несчастью в отдаленности от местопребывания консула, консул должен был узнать, поступил ли шкипер разрушенного судна согласно с общими правилами, т. е. объявил ли о постигшем его судно несчастье немедленно и под присягой перед нотариусом, или, где его не было, перед местным начальством (ст. 27 устава 1820 г.).

В обоих же случаях консул, рассмотрев шкиперское объявление, обязан был составить формальный протокол о потере корабля и груза, основываясь на обстоятельном письменном показании шкипера и корабельных служителей. С этого протокола одну копию, за надлежащей скрепой, следовало отправлять вместе с описью спасенных вещей в департамент внешней торговли, а другую такую же доставить к имеющим участие в грузе или прямо от себя, или через их корреспондентов (ст. 28).

На консуле лежала обязанность отправки в Россию спасенных членов экипажа судна, а до того – заботиться о них и оказывать необходимую помощь (ст. 29).

Также при аварии или других каких-либо убытках, случающихся на море, если они не так важны «и корыстолюбивый шкипер в таком случае может выпустить из виду и честность, и верность своим хозяевам и участникам в грузах, особливо при частном и малом повреждении», на консула возлагалась обязанность в подробностях рассмотреть произошедшую порчу, освидетельствовать расходы, которых требовало состояние судна и груза, контролировать починки, производимые шкипером или его комиссионерами. При отсутствии комиссионеров консул должен был сам распоряжаться необходимыми в таком случае работами или поручить это надежному человеку. В любом случае он должен был смотреть, чтобы расчеты при таких починках составляемы были по правилам, указанным в сочинении Емирикона под заглавием *Traite des assurances et Contrats a la grosse* (вышедшем в Париже в 1784 году в 2 частях).

Консул должен был поверить таковые расчеты и, если находил их справедливыми и согласными с предписанными в той книге правилами, то утвердить своей подписью. Эти расчеты и протоколы консул должен был доставлять в департамент внешней торговли и хозяевам или наемщикам судна (ст. 30).

Что же касается до важных повреждений в целом, т. е. общих или чрезвычайных, то и здесь следовало все испорченное осмотреть в подробностях на том же месте, где случилось несчастье, и засвидетельствовать надежными ценовщиками или при их отсутствии – «веры достойными людьми». Ценовщики, освидетельствовав, обязывались под присягой объявить свое мнение в присутствии местного начальства или нотариусов и свидетелей, или же самого консула. Спасенные с корабля товары также полагалось вскрыть, таким же образом оценить в присутствии того же начальства, если не было их хозяев и их поверенных (ст. 31) [2, с. 472–473].

Убытки, причиненные случившимся с судном и грузом, для производства всех необходимых последующих действий следовало засвидетельствовать. Именно для этой цели существует морской протест, совершить который – прямая обязанность капитана судна. По прибытии судна в порт капитан в течение 24 часов обязывался подать декларацию таможенному надзору или таможене, а затем в течение 7 дней со дня прибытия обязан учинить протест, т. е. объявить о происшедшем под присягой [4]. В частности, в принятом 14 декабря 1819 г. «Таможенном уставе по Европейской торговле» (№ 28030) устанавливалось, что «на конец, буде претерпел бурю или аварию, и для спасения корабля и груза выбросил часть товаров в море, или по какому либо случаю оставил часть товаров в другом порте. Или же просто сомневается в целостном сохранении оных, и марен учинить, или уже действительно учинил протест, корабельщик должен о сем в декларации объявить особо» [5, с. 423].

За границей, как уже указывалось, протест следовало подавать российскому консулу, а в последствии и перед нотариусом, а при отсутствии такого – перед местным начальством [6].

Протест полагалось совершать в порту назначения или в ближайшем порту, куда судно зашло после несчастья. Если груз предназначается в разные порты, то протест в отношении груза следовало бы совершать в каждом порту, и только протест в отношении судна – в порту назначения. Протест должен содержать описание

несчастливого события, указание пожертвования, объяснение причин его вызвавших, обоснование его неизбежности [7]. Такой порядок в общих чертах сохранялся и при принятии последующих узаконений в данной сфере [8].

Производство аварийного расчета в пределах Российской империи с начала XIX в. возлагалось на диспашеров. Изначально институт диспашеров был создан при биржах, однако с развитием торгового судоходства диспашеры стали появляться и при особо важных портах. Так, 12 января 1831 г. вышел указ «Высочайше утвержденное положение о биржевых маклерах, гоф-маклерах, аукционистах, нотариусах, корабельных маклерах, диспашерах и о биржевом комитете для надзора за благочинием при С. Петербургском порте» [9, с. 18].

Им предусматривалось для определения разряда аварии, учета потери в целом и расчета ущерба каждого лица, участвующего в аварии, назначить при С. Петербургском порту двух присяжных диспашеров (ст. 127).

Диспашеров следовало избирать и определять из числа корабельных маклеров тем же порядком, как и биржевые маклеры (ст. 128).

Поступающий в диспашеры должен был пройти испытание по назначению департамента внешней торговли в знании всех правил, обрядов и узаконений по своей должности как отечественных, так и иностранных (ст. 129).

Испытание диспашерам следовало производить в биржевом комитете его членами, наиболее опытными купцами, диспашером, а также поверенными иностранных страховых обществ (ст. 130).

По успешной сдаче испытания диспашеру вручалось пять печатей на пяти же языках (ст. 131) [9, с. 31].

Диспашер во всех действиях своих подчинялся Санкт-Петербургской таможне и состоял под главным Департаментом внешней торговли (ст. 133).

Устанавливалось, что диспашаи или акты диспашера, содержащие определение, учет и расчет аварии, имеют полную веру внутри и вне государства и обязательную силу для участников аварии (ст. 134).

Диспашер в определении разряда аварии, учете и расчете по ней обязан был следовать точно по правилам, изложенным в XII гл. устава купеческого водоходства. В случае, когда встречалось обстоятельство, о котором в уставе о водоходстве не упоминалось или если оно не могло быть применено ни к одной статье этого законоположения, то в таком случае разрешалось диспашеру поступать по торговым обычаям (ст. 135).

Диспашеру следовало приступать к определению и исчислению аварии только по сделанному о том от судовладельца, его корреспондента или корабельщика поручению (ст. 136).

Срок для окончания расчетов по аварии для диспашера устанавливался в 6 недель. Если же процесс замедлялся по вине участвующих в аварии, в объявлении товаров в таможне, без чего к расчету в общей аварии приступить было нельзя, то диспашер должен был о тех аварийных товарах, которые после двухнедельной публикации еще не были объявлены, донести таможне и требовать досмотра и оценки их в установленном порядке (ст. 137).

Если при аварийном случае положен будет таможенной арест, то диспашер должен был немедленно объявить о том купечеству выставлением билета на Бирже и публикацией в публичных ведомостях, чтобы все участвующие в грузе, по рассмотрении морского протеста, подтвержденного экипажем судна под присягой, мог объявить на свой товар цены и внести предварительно сумму, которая по учету диспашера на его часть причиталась, если для того потребовалось освобождение его товаров со стороны участвующих в аварии (ст. 138).

Диспашеру запрещался сбор аварийных денег, если у него не было на то особого поручения, а только должен был составленную им диспашу со счетами по числу участвующих вручить тому, от кого исчисление аварии ему было поручено, а этот уже сам, или через поверенного, должен был собирать и раздавать аварийные деньги (ст. 139).

Диспаши предписывалось писать на пятидесятикопеечной, а если требовался лист большого формата – на трехрублевой крепостной бумаге, и утверждать подписью диспашера с приложением его печати (ст. 140).

Диспаши, следующие для использования внутри государства, писались на русском языке, а отсылаемые за границу – на одном из наиболее употребляемых иностранных языков: немецком, итальянском, французском или английском, прикладывая к ним и печать с подписью на том же языке (ст. 141). Таким образом, диспаша признавалась документом, обладающим силой закона и, вследствие этого, являлась основанием для последующего исполнительного производства.

Устанавливалось, что все документы, на основании которых составлялась диспаша, должны быть открыты для всех участвующих в аварии, и по требованию их диспашер должен давать с них засвидетельствованные копии (ст. 142).

Если при расчете аварии диспашер встретил от участвующих спор или недоумение, то для разрешения ситуации должен был избрать со стороны диспашера и со стороны спор предъявивших по одному из неучаствующих в той аварии опытных людей, которые большинством голосов избирали уже для перевеса, кого сами считали нужным. Этим способом следовало прекращать всякие споры окончательно, и записки о таком разборе посредников свидетельствовать у публичных нотариусов (ст. 144). Только в случае злоупотреблений со стороны диспашера допускается жалоба в таможенную, а «в особо важных случаях» – даже коммерческому суду.

Так, с одной стороны, государство освободило свои судебные органы от разрешения подобных дел. С другой же стороны, подобное третейское разбирательство было одним из наиболее эффективных способов для разрешения подобных споров в торговой среде.

Плата диспашеру за его труды в составлении диспашей и вообще по аварийному делу устанавливалась $\frac{1}{4}$ % с объявленной цены корабля, фрахта и груза. Уплачивал работу диспашера заказчик диспаши (ст. 145).

За продажу корабля и аварийных товаров диспашер устанавливался куртуаж по 1% с продажной цены; за сбережение же и отправление аварийных товаров, плата ему полагалась от владельцев их, по обоюдной договоренности. Одновременно с этим, диспашерам запрещалось требовать себе какую либо плату, под названием за

спасение судна или груза при крушении корабля, однако он был обязан, как только узнает о таком несчастном случае, уведомлять хозяев судна и участников в грузе (ст. 146).

Также диспашеру строго запрещалось производить какую либо торговлю или иметь участие в кораблях и всех отраслях судоходной коммерции, заниматься какими бы то ни было купеческими делами, кроме маклерских (ст. 148).

В то же время диспашерам разрешалось принимать от участников аварий комиссии на продажу кораблей и аварийных товаров, также на сбережение и отправление выгружаемых или спасенных товаров (ст. 149) [9, с. 33].

Также следует указать, что Гл. XVI документа была посвящена вопросам ответственности диспашеров (ст. ст. 150–158) [9, с. 33–34].

Таким образом, можно заметить, что выбор диспашера со стороны заявителя в России был свободен в пределах конкретного района, но право выбора не было предоставлено грузовладельцам, которые сами не могли возбуждать аварийного производства.

Нормы, регулирующие деятельность диспашеров, безусловно развивались и в последующие годы. Так, в своем специальном исследовании Шершеневич указывал, что по инструкции, изданной для Одесского порта 23 сентября 1894 г., диспашер по получении от судовладельца или его агента, корреспондента, или капитана поручения обязан был немедленно оповестить об этом в двух местных и одной столичной газетах, с приглашением товарополучателей к известному сроку, но не менее двух недель: 1) объявить стоимость своих товаров; 2) явиться к нему, диспашеру, для обеспечения уплаты доли, какая по диспаше на те товары причтется, или же взноса залога с целью освобождения товара от ареста; 3) представить документы, какие признаны будут ими необходимыми в защиту своих интересов [7].

Таким образом, институт диспашеров играл важную роль при установлении размеров аварии и расчете убытков. Однако это касалось лишь случаев, в которых сторонами дела были лишь частные суда. В случае же, если одно из судов было государственным, законом устанавливался иной порядок.

Уставом торговым этому посвящена специальная глава под названием «О удовлетворении частных убытков от повреждения купеческих судов казенными и обратно», в которой предусматривалось, что, если военное судно сойдется или свалится с купеческим на рейде или гавани какого-либо российского порта, то главное местное начальство немедленно, по принесении на это жалобы, обязано было распорядиться о производстве по этому поводу случая следствия через знающих морское дело чиновников, при депутатах со стороны купечества, если следствие производилось по распоряжению морского в порту начальства, и при депутатах как со стороны купеческой, так и военно-морской, если следствие производилось по распоряжению гражданского ведомства (ст. 487).

Если же такой случай происходил в удалении от портов, но при российских берегах, то прибрежное полицейское начальство должно было выяснить все обстоятельства дела через отбор показаний от жителей. Командирам военного и торгового

судов следовало немедленно сообщить полицейскому начальству все подробности происшествия (ст. 488).

Предварительное изучение дела, в случае принесения с которой-либо стороны жалобы, служило потом основанием при производстве формального следствия в том российском порту, куда прибыли оба означенные суда; если же суда пошли в разные порты, то жалобу следовало приносить в том месте, где находится то судно, с которого отыскивалось удовлетворение убытков, и где тогда производилось и формальное следствие с истребованием нужных к делу сведений через начальство того порта, куда отправилось другое судно (ст. 489).

При повреждении военных судов российскими купеческими судами и, наоборот, при берегах иностранных держав, предварительное следствие полагалось производить с помощью российских консулов. А формальное же следствие проводить в одном из российских портов (см. ст. 489, ст. 490).

Результаты предварительного следствия с мнением всех участвовавших в нем лиц в случае возбуждения судебного производства отправлялись в местный коммерческий суд, а где его не было – в подлежащий суд гражданский, для рассмотрения поступков и прав всех лиц гражданского ведомства и для определения с них взыскания в пользу казны или следующего им, на основании законов, удовлетворения за убытки, причиненные им казенным судном, не касаясь того, на чей счет должно быть отнесено такое удовлетворение (ст. 492).

При необходимости эти дела по решению в нижних инстанциях поступали в высшие на основании общих узаконений.

При производстве же дел в коммерческих судах предписывалось присутствие в них со стороны морской депутаты на равном праве с другими членами. Правительствующий Сенат как высшая инстанция для коммерческих судов по делам такого рода должен был требовать предварительного заключения от управляющего морским ведомством (ст. 494).

Окончательные решения по таким делам приводились в исполнение на общем основании с тем, что взыскиваемые с частных лиц за повреждение военных судов деньги поступали в морское ведомство, обязанное исправить на свои суммы те повреждения. Присуждаемые средства в пользу частных лиц за причиненные им военными судами убытки удовлетворялись от министерства финансов (ст. 495).

При этом устанавливалось, что удовлетворение убытков частных лиц за повреждения, причиненные им военными судами, следовало производить немедленно, по окончании его присуждения (ст. 496).

Если комиссия, созданная для изучения причин столкновения судов, находила, что оно произошло не по вине частного лица, должна была изложить точно все данные, на основании которых определялось, произошло ли столкновение по военным, или от причин, от них не зависящих, и представить на усмотрение морского начальства свое в этом отношении предварительное заключение (ст. 497) [3, с. 1013].

Как видно из представленного выше материала, важным звеном в разрешении дел по морским авариям и крушения в Российской империи были коммерческие суды. По мнению многих исследователей отечественного коммерческого права, система таких судов была заимствована во Франции. И действительно, в Торговом

Ордонансе 1673 г. Титул 12 был посвящен коммерческим судам. В частности, в компетенцию судей и советников коммерческих судов входило рассмотрение споров, вытекающих из страхования, договоров морского займа, обязательств и договоров, связанных с морской торговлей, с фрахтованием и арендой судов (ст. 7) [571, с. 1129].

В Российской империи, согласно Уставу судопроизводства торгового (Издание 1903 г.), раздел 1, гл. 3., «Предметы и пространство ведомства», таким судам, кроме прочего, подлежали дела по морскому страхованию, аварии, бодмерее и кораблекрушению, однако ему не подлежали «все споры по торговле, не превышающие ста пятидесяти руб.» (ст. 43).

В то же время устанавливалось, что коммерческий суд сам по себе ни к какому делу не приступает и, как судебное учреждение, входил в рассмотрение дел и приступал к решению их только по жалобам и искам (ст. 44).

Устанавливалось, что ведомство каждого коммерческого суда простирается не далее того города, в котором он был учрежден, и его уезда. Однако подсудность по делам, ведомству суда подлежащим, распространялась как на живущих в том городе и уезде, так и на временно пребывающих в нем. Кроме того, подсудность распространялась на всех без исключения иногородних торгующих: 1) когда в условиях договора между ними было постановлено, в случае спора, разбираться в том именно городе; когда сам предмет тяжбы, как-то: товары, суда и т. п. были в том месте, где и коммерческий суд (ст. 47).

Коммерческий суд был первой степени гражданского суда по всем делам, к ведомству его принадлежащим, но жалобы и апелляционные прошения его приносились в Правительствующий Сенат (ст. 48).

При этом Коммерческий суд решал окончательно и без апелляции: 1) все дела, по коим первоначальный иск не простирается в столицах свыше 3500 руб.; 2) все дела, которые хотя и превышали эту сумму, но в которых обе тяжущиеся стороны, по взаимному согласию, в суде предъявленному, пожелали окончить дело в этом суде без апелляции (ст. 49) [3, с. 1121–1122].

С принятием 7 мая 1891 г. «Положения об административном заведовании торговым мореходством и портовой полиции в приморских торговых портах» (7674), в портах появились капитаны портов и их помощники, а также техники и другие должностные лиц [11, с. 393]. К обязанностям капитанов портов были отнесены и случаи аварий и крушений морских судов [11, с. 394].

12 июня 1901 г. было принято «Положение о местном управлении приморскими торговыми портами» (20383), в котором начальники портов также получили определенные обязанности в отношении аварий и крушений морских торговых судов [11, с. 405–408]. С введением в действие этих важнейших положений появились не только новые должностные лица, но их обязанности. Далее, к примеру, морской протест следовало заявлять начальнику порта, а оценку повреждений торговых судов при авариях возложили на портовых техников, хотя институт диспашеров не был отменен. Внедрение новых норм происходило постепенно.

Так, к примеру, одним из начальников торговых портов, за неимением прямых указаний в циркулярном предложении административной части отдела торговых

портов от 9 июля 1903 г., – был возбужден вопрос о порядке вознаграждения портовых техников и приглашенных в необходимых случаях экспертов по просьбе заинтересованных лиц за труды по определению стоимости повреждений судов при авариях.

Вследствие этого, по докладу ситуации временно управляющему министерством торговли и промышленности, отдел торговых портов в специальной инструкции начальникам торговых портов от 12 апреля 1906 г. № 2006 вынужден был разъяснить, что, хотя в законе 12 июня 1901 г. и не встречалось прямых указаний на обязанность со стороны портовых управлений производить оценку повреждений судов, тем не менее, с целью содействия торговому мореплаванию, начальники портов могли поручить портовым техникам производить такую оценку. По представлении портовым техникам такой оценки в управление порта, от начальника порта зависела выдача от портового управления соответствующего удостоверения просителям.

Исходя из этого, производимая техниками оценка, как поручение по службе, никакой оплате подлежать не могла. В случае, когда для оценки требовалось приглашение специалиста, расчет с ним следовало производить просителю, которому и полагалось это заранее объявить [12, с. 245–246].

Следует указать, что, к примеру, в Италии, по Уставу торгового мореплавания Итальянского королевства, обнародованном 25 июня 1865 г., на капитана порта возлагалось разбирательство по вопросу об убытках, причиненных одним судном другому столкновением, бросанием якорей или каким-либо другим движением судна внутри порта, гавани или каналов участка

Во всех этих случаях капитаны порта и портовые чиновники, без обрядностей судопроизводства, по выслушивании сторон и даже в отсутствие той из них, которая не явилась, делали постановления о надлежащем по делу взыскании.

О всяком деле они должны были составлять протокол, после которого излагалось надлежащее решение, служащее исполнительным по делу документом. Против этого решения не допускались ни возражения, ни апелляции [13, с. 5–6].

В Германии в изучаемый период действовал закон от 27 июля 1877 г. «О разбирательстве по делам о морских несчастьях». На его основании для разбирательства по делам о морских несчастьях, постигших торговые суда, на германских берегах были созданы морские управы и Главная морская управа [14, с. 153–162].

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXI. С 1781 по 1783. – СПб., 1830. – 1083 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXXVII. 1820 – 1821. – СПб., 1830. – 983 с.
3. Свод Законов Российской империи. Т. XI. ч. 2. Издание не официальное – СПб.: «Дятел». – 1321 с.
4. Свод Законов Российской империи. Т. XI, ч. 2, Устав торговый, ст. 460; т. VI, Устав таможенный, ст. 219.
5. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXVI. 1819. – СПб., 1830. – 734 с.
6. Свод Законов Российской империи. Т. XI, ч. 2, Устав консульский, ст. 62, 63.
7. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. – М.: «Статут», 2003. – 412 с.
8. Таможенный устав по европейской и азиатской торговле : Доп. соответственными законоположениями, инструкциями и разъяснениями по 1 июня 1893 г. / Изд. М. Н. Миклашевского. – Неофиц. изд. – СПб.: М.Н. Миклашевский, 1893. – VIII, 516. – 391 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение первое. 1831. – СПб., 1832. – 834 с.
10. Коммерческий кодекс Франции / предисловие, перевод с французского, дополнение, словарь-справочник и комментарии В. Н. Захватаева. – М.: Волтер Клувер, 2008. – 1272 с.
11. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
12. Сборник узаконений и административных распоряжений, относящихся до торгового мореплавания и торговых портов. Часть вторая. Циркуляры, правила и инструкции (до 1 января 1913 г.). Разделы II и III. – СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума (отделение). – 1914 г. – 356 с.
13. Устав Торгового мореплавания итальянского королевства. – СПб.: Печатано в типографии морского министерства, в Главном Адмиралтействе, 1877. – 196 с.
14. Германские законы о торговом мореплавании. Под редакцией В. С. Садовского. – СПб.: Типография Т-ва «Народная польза», 1902. – 248 с.

Sorokin G. Registration and investigation of accidents in a mercantile fleet in Russia in the end XVIII – beginning of XX // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – Т. 2 (68). № 2. – P. 37–46.

In the article the legal settlement of questions of the accidents related to registration and by investigation is considered in a mercantile fleet in the Russian empire in the end XVIII - beginning of XX vv. It is indicated that basic normative acts containing these positions it was been "charter of merchant водоходства"; Consular charter of the Russian empire; Very "tall ratified position about exchange brokers, гоф-маклерах, auctioneers, notaries, ship brokers, staters, and about an exchange committee for a supervision after благочинием at С. Petersburg port"; charters of commercial courts; positions about a management and management marine trade ports.

Keywords: registration, investigation, accident, law, decree, position, charter.

Spisok literatury:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XHI. S 1781 po 1783. – SPb., 1830. – 1083 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649. T. HHHVII. 1820 – 1821. – SPb., 1830. – 983 s.
3. Svod Zakonov Rossiyskoy imperii. T. XI. ch. 2 Izdanie ne ofitsialnoe – SPb. «Dyatel». – 1321 s.
4. Svod Zakonov Rossiyskoy imperii. T. XI, ch. 2, Ustav torgovyy, st. 460; t. VI, Ustav tamozhennyiy, st. 219.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 g. T. XXXVI. 1819. – Spb, 1830. – 734 s.
6. Svod Zakonov Rossiyskoy imperii. T. XI, ch. 2, Ustav konsulskiy, st. 62, 63.
7. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava. T. III: Vekselnoe pravo. Morskoe pravo. – M.: «Statut», 2003. – 412 s.
8. Tamozhennyiy ustav po evropeyskoy i aziatskoy torgovle : Dop. sootvetstvennyimi zakonopolozheniyami, instruktsiyami i raz'yasneniyami po 1 iyunya 1893 g. / Izd. M.N. Miklashevskogo. - Neofits. izd. – Sankt-Peterburg : M.N. Miklashevskiy, 1893. - VIII, 516, 391 s.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. VI. Otdelenie pervoe. 1831. – SPb., 1832. – 834 s.
10. Kommercheskiy kodeks Frantsii / predislovie, perevod s frantsuzskogo, dopolnenie, slovar-spravochnik i kommentarii V. N. Zahvataeva. – M.: Volter Kluver, 2008. – 1272 s.
11. Zmerzlyiy B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale HH v. / B.V. Zmerzlyiy. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
12. Sbornik zakonov i administrativnykh rasporyazheniy, odnosyashchisya do torgovogo moreplavaniya i torgovyih portov. Chast vtoraya. Tsirkulyari, pravila i instruktsii (do 1 yanvarya 1913 g.). Razdelyi II i III. – S.-Peterburg. Tipografiya V. F. Kirshbauma (otdelenie). – 1914 g. – 356 s.
13. Ustav Torgovogo moreplavaniya italyanskogo korolevstva. – SPb.: Pечатano v tipografii morskogo ministerstva, v Glavnom Admiralteystve, 1877. – 196 s.
14. Germanskie zakonyi o torgovom moreplavanii. Pod redaktsiey V. S. Sadovskogo. – SPb.: tipografiya T-va «Narodnaya polza», 1902. – 248 s.

УДК 348.96

ТРАДИЦИОННОЕ ИУДЕЙСКОЕ ПРАВО: ПРИЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Струнский А. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена анализу приемов толкования нормативных предписаний Ветхого Завета в традиционном иудейском праве. Проанализирована раввинистическая литература по этому вопросу, в том числе Сифра, Мехилга, отдельные трактаты Талмуда. Также уделено внимание и научной литературе на русском и английском языке по данному вопросу. Обозначены главные причины развития ветхозаветной экзегетики в межзаветный период. Указываются основные методы толкования Священного Писания, применяемые в иудаизме в это время. В работе сделан акцент на изучении метода толкования библейских текстов посредством совмещения логических и софистических построений. Рассмотрены конкретные приемы толкования с примерами из Священного Писания и другой раввинистической литературы. Показана схожесть некоторых приемов ветхозаветной экзегетики с современными приемами толкования правовых норм.

Ключевые слова: толкование, экзегетика, иудейское право, Тора, Ветхий Завет, Библия.

Основу традиционного иудейского права составляет Пятикнижие Моисея. Мудрость и предписания, данные в нем, являются абсолютom для любого набожно-го еврея, а в древности оно являлось нормативным источником регулирования всех аспектов жизни еврейского общества. При этом основным религиозным посылом в иудаизме является то, что Пятикнижие представляет собой всеобъемлющее божественное откровение, данное израильскому народу и содержащее ответы на любые вопросы. Этот нормативный акт нельзя отменить, изменить или дополнить. Он вечен, как и мудрость, изложенная в нем.

Такой подход стал неизбежной предпосылкой к появлению ветхозаветной экзегетики. На ранних этапах объектом толкования выступала сама Тора, выяснение ее буквального смысла. Это первый уровень познания и понимания Пятикнижия – пшат. Мы будем называть его «чистой» экзегетикой. Иногда необходимо было выяснить скрытый или глубокий смысл – ремез (второй уровень толкования). Для понимания ранней ветхозаветной экзегетики опишем некоторые виды проблем, которые она была призвана решить: наличие в Священном Писании слов, реальное значение которых было утеряно; отсутствие подробностей, затрудняющее выполнение предписаний; противоречия между разными отрывками Священного Писания; буквальное толкование текста было недопустимо из-за практических или доктринальных причин [1, p. 199–203].

Приведем один пример из юридической сферы, который ярко иллюстрирует необходимость в толковании Священного Писания. Так, галаха (нормативная часть иудаизма) не дает точного ответа о процедуре развода и только упоминает: «Когда мужчина берет жену и обладает ею и она не найдет благоволения в глазах его, по-

тому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего...» [2, 24:1]. Сама процедура развода понятна, а вот причины, являющиеся основаниям для развода, не ясны. Фраза «что-нибудь противное» в еврейской версии звучит «эрват дабар», что буквально значит «нагота вещей». Подобная же фраза используется в другом отрывке закона, который предписывает справлять нужду за пределами лагеря: «...Чтобы Бог не видел “эрват дабар” среди вас» [1, р. 206; 2, 23:12]. Это выражение имеет смысл чего-то непристойного или неподобающего. Однако что можно считать таковым в деле о разводе?

Интерпретация данного параграфа в истории претерпевала различные вариации. Некоторые толковали эту норму как возможность развестись по абсолютно любой причине, в том числе если мужчина встретил другую женщину. Законоучитель Шаммаи придерживался более справедливых взглядов и «эрват дабар» считал синонимом фразы «дабар эрвах», означающей греховный поступок, например, показываться на людях с непокрытой головой или руками (выше запястья).

В то время, как первые мидраши (собрания текстов библейской экзегетики) в основном устраняли неясности в ветхозаветных текстах, то в начале I в. н. э. перед экзегетикой была поставлена новая задача: согласования Священного Писания с новыми обычаями и взглядами общества [1, р. 221]. В данном случае речь пойдет о драш – толковании текста посредством совмещения логических и софистических построений. В основном такая «прикладная» экзегетика была направлена на решение галахических вопросов, на которые отсутствует ответ в Священном Писании. Это, а также исторические события, связанные с возрастающей ролью в политической жизни Иудеи фарисейского движения, стали одной из причин формулирования четко определенных правил толкования, миддот (букв. – меры). Раввинистическая литература указывает на то, что первоначально было сформулировано семь миддот, записанных в единую систему Хиллелем (к. I в. до н. э. – нач. I в. н. э.). Следует отметить, что многие ученые указывают на то, что данные приемы не были сформулированы Хиллелем и использовались и в более ранние периоды, он лишь систематизировал их.

Позднее в п. п. II в. н. э. рабби Исмаил бен Элиша развил эту систему уже до 13 правил, а рабби Элиезер бен Иосе в к. II в. н. э. расширил систему до 32 правил. Однако следует отметить, что миддоты, сформулированные рабби Элиезер бен Иосе, используются в основном для толкования аггадических (ненормативных) текстов, в то время, как правила, сформулированные Хиллелем и рабби Исмаилом, применяются для толкования галахических текстов [3, кол. 89–94].

Мы рассмотрим правила толкования, используемые для разъяснения правовых норм. За основу возьмем 7 миддот, сформулированных Хиллелем. И хотя в более поздних мидрашах используются правила, разработанные рабби Исмаил бен Элиша, однако они кардинально не отличаются от системы миддот Хиллеля, а лишь дополняют ее. При этом нами будут отмечены те противоречия, которые содержат правила, сформулированные рабби Исмаилом.

1. Кал ва-хомер (вывод из легкого с отягощением) является распространенным логическим выводом *conclusio e minore ad majus*. Является разновидностью логического вывода *a fortiori*. В байрайте рабби Исмаила бен-Элиши приводится пример

подобного вывода из Священного Писания. Так, в Пятикнижии нам рассказывается, как Мириам, сестра Моисея, злословила на своего брата, за что Бог наказал ее проказой. Однако Моисей попросил Бога пощадить ее, на что Бог ответил, что если бы отец плюнул своей дочери в лицо (разгневавшись на нее), не должна ли она пребывать в стыде 7 дней? Так пусть будет она изгнана из лагеря на 7 дней и после вернется [4; 12:1–15]. В данном примере речь идет о том, что Мириам оскорбила самого Бога, так как злословила на него в лице Моисея. И если за гнев отца своего она должна ходить в стыде 7 дней, то тем более (кал ва-хомер) за гнев Божий она должна понести подобное наказание [5].

Теперь приведем другой пример применения вывода кал ва-хомер, сделанный уже не в самом Пятикнижии, а на его основе. Так, если человек пришел, чтобы украсть (и угроза насилия отсутствовала) и жертва убила вора, то жертва виновна, тем более (кал ва-хомер) то же правило применяется и в случае, если есть сомнения, пришел ли человек чтобы украсть (и был убит) [6, р. 94]. По сути это правило может быть сформулировано так: если даны два сходных предписания и законом менее строгому предписанию надлежит определенное отягощение (санкция), то, следовательно, и к более строгому предписанию следует применять это отягощение (санкцию). Также верно и обратное: если одно предписание, являющееся более строгим и закон в одном каком-либо отношении присваивает ему облегчение, то это облегчение тем более должно быть присвоено менее строгому предписанию. В этом случае речь идет о *conclusio e maiore ad minus*, или о выводе из строгого предписания и облегченного. После анализа системы миддот нами будет рассмотрен комплексный пример использования сразу нескольких миддот, в том числе и вывода из строгого предписания и облегченного.

2. Гзера шава – заключение, основанное на тождественности выражений. В Сифре дается пример, согласно которому в случае, если человек взял вещь на хранение за плату и вещь погибла не по его вине и нет свидетелей этому, то этот вопрос решается «между ними двумя клятвой перед Богом о том, что один не наложил руки на имущество другого» [7, 22:9–10]. Если человек взял вещь на хранение бесплатно и ее украли, а вора не нашли, то должен хозяин дома «поклониться перед Богом, что не наложил руки на имущество другого» [7, 22:6–7]. Автор Сифры задает вопрос, должны ли во втором случае потомки хранителя дать клятву, что их отец не брал вещь? Автор считает что нет, так как в обоих предписаниях имеется клятва о том, что хранитель «не наложил руки на имущество другого». При этом в первом примере четко обозначено, что эта клятва касается только двоих – хранителя и собственника вещи. Следовательно, и во втором случае клятва будет касаться только хранителя и собственника вещи [5].

В каком-то роде метод гезер шава сходен с аналогией закона, то есть применением к неурегулированному отношению нормы закона (действующего позитивного права), регулирующей сходные (аналогичные) отношения. В праве США мы также можем найти сходную лингвистическую максиму толкования *in pari materia* (в аналогичном случае) [8, с. 89].

При этом гзера шава не единственный вид аналогии, используемый в раввинистической традиции толкования. Его не стоит путать со сходными правилами хек-

кеш (сравнение), смухим (смежные) и с миддотой мазину. Хеккеш применяется для разъяснения двух законов, содержащихся в одном стихе, что позволяет сделать вывод: предписания одного закона распространяются и на второй. Правило смухим аналогично хеккешу, но для аналогии берутся два закона в смежных стихах.

3. Мазину (аналогия) – данный метод толкования схож с первым силлогизмом Аристотеля, когда на основании сравнения двух подлежащих и одного сходного им признака мы переносим сказуемое, относящееся к одному подлежащему, на другое подлежащее. Рабби Исмаил бен-Элиша не включил этот вид аналогии в свою систему миддот, однако пользовался им как вспомогательным приемом.

4–5. Биньян ав – построение общего принципа на основе одного или двух смежных текстов. Хотя Хиллел и разделял этот принцип на два отдельных, однако мы укажем их вместе, как это сделал рабби Исмаил бен-Элиша, так как это один прием и разница лишь в том, выводится принцип из одного текста (биньян ав микатув эхад) или из нескольких текстов (биньян ав мишене кетубим).

Классический пример этого метода приводится в трактате Баба Кама, согласно которому имеется 4 вида причинения ущерба: бодливый вол, вырытая и непокрытая яма, потрава и огонь. Сначала говорится о несхожести таких видов причинения ущерба, так как у них разная сущность, по сути говорится о том, что нельзя использовать метод гзера шава. И действительно, одна норма гласит, что «если вол забодает мужчину или женщину насмерть, вол должен быть забит камнями и его мясо не должно быть съедено...», а вторая норма гласит, что «если человек пустит свой скот топтать чужую землю и таким образом позволит потравить поле или виноградник чужой, то должен он возместить ущерб с лучшего своего поля и с лучшего своего виноградника». В этих предписаниях нет тождественных выражений и применение метода гзера шава невозможно, но возможно применение метода биньян ав. Хотя все эти действия не схожи, но все же у них есть одно общее – все они являются видами причинения ущерба. А так как по поводу возмещения ущерба, причиненного потравой, говорится, что виновное лицо должно возместить ущерб с лучших своих земель, то это правило применяется и для других видов ущерба [9].

6. Клал у-фрат у-фрат у-хлал (общее и частное). В 13 миддотах рабби Исмаила бен-Элиши этот принцип толкования разложен на два: Клал у-фрат (общее предшествует частному) и Прат у-хлал (частное предшествует общему), а также дополнен еще 6 принципами: Клал у-фрат у-хлал (общее, частное и снова общее), Клал ше-ху царих ли-фрат у-фрат ше-ху царих ли-хлал (общее, которое нуждается в частном, и частное, которое нуждается в общем), Яца леламед (вычленен для пояснения), Яца литон тоан ахер ше-ху хе-иньяно (вычленен для другого предписания, но той же категории), Яца литон тоан ахер ше-ло хе-иньяно (вычленен для предписаний другой категории), Яца лидон ба-давар хе-хадаш (вычленен для суждения о новом случае).

6.1 Клал у-фрат (общее предшествует частному) – если за общим правилом следует последующий специальный пример или несколько примеров, то правило применяется исключительно к этому примеру (примерам). Пятикнижие устанавливает запрет на кровосмешение: «Никто из вас не должен ни к какому родственнику по крови приближаться с тем, чтобы открыть наготу его» [10, 18:6]. Это общее пра-

вило, а за ним следуют конкретные примеры: «Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай: она мать твоя, не открывай наготы ее. Наготы жены отца твоего не открывай: это нагота отца твоего...» [10, 18:7–17]. В данном случае запрет на кровосмешение распространяется только на те категории лиц, которые перечислены в специальных примерах [5, 13:14].

6.2. Прат у-хлал (частное предшествует общему) – если за специальным примером следует общее правило, то общее правило применяется без ограничений. Для примера снова вернемся к норме о платном хранении, которая гласит: «Если кто даст ближнему своему осла, или вола, или овцу (специальные примеры), или другой скот (общее правило) на сбережение...» [7, 22:9]. В данном случае специальные примеры не ограничивают общее правило и на сбережение можно отдать любой домашний скот.

6.3. Клал у-фрат у-хлал (общее, частное и снова общее) – если сначала идет общее правило, а за ним специальный пример, а затем снова общее правило, то норму следует толковать обобщая, но лишь в пределах аналогии к специальным примерам. Иудейский закон гласит: «Во всех обвинениях в неправомерном присвоении (общее правило) – вола, осла, овцы, одежды (специальные примеры) или другой вещи (общее правило), о которой кто-нибудь скажет, что она его... и тот, кого суд посчитает виновным, должен заплатить двойную цену другому» [7, 22:8]. При этом Мишна исходит из того, что это правило не распространяется на рабов, документы, земли и освященное имущество, так как вывод клал у-фрат у-хлал ограничивает применения этой нормы к объектам, аналогичным специальному примеру — движимое личное имущество [11].

6.4. Клал ше-ху царих ли-фрат у-фрат ше-ху царих ли-хлал (общее, которое нуждается в частном, и частное, которое нуждается в общем) – в этом случае не только частное ограничивает общее, но и общее ограничивает частное.

Закон гласит: «Посвяти мне каждого первенца (общее правило), разверзающего чрево (специальный пример)» [7, 13:2]. Во-первых, сначала следует сказать, что закон подразумевает не всякого первенца, а только мужского пола. Это выясняется методом гзера шава при толковании другой части Пятикнижия: «Ты должен посвящать Богу всех первенцев мужского пола, которые родятся в стадах твоих» [2, 15:19]. Но, кроме того, под эту норму также не попадают первенцы, родившиеся посредством кесарева сечения, так как это не входит в понятие «разверзающего чрева». Таким образом на лицо классический вывод посредством миддоты клал у-фрат. Однако в данном случае не только специальное правило уточняется общим, но и наоборот. Дело в том, что посвятить богу можно не всякое дитя, «разверзающее чрево», но только первенца. То есть если в первый раз ребенок родился посредством кесарева сечения, а во второй – посредством нормальных родов, то его не посвящают Богу, так как общее правило гласит, что только первенца посвящают. Следовательно, в данном случае общее правило также конкретизирует специальное.

6.5. Яца леламед (вычленен для пояснения) – выделение из общего правила специального примера, который служит пояснением ко всему правилу. Так норма о находках предписывает: «Когда увидишь вола соплеменника своего или овцу его заблудившейся... должен привести ты ее своему соплеменнику. Должен ты сделать

то же и с ослом, должен сделать ты то же и с одеждой его, так поступай со всякой потерянной вещью соплеменника... ты не можешь уклоняться» [2, 22:1–3]. В трактате Бава Меца говорится о том, что пример с одеждой в составе общего правила выделен специально, чтобы дать пояснение всему закону. И делается вывод, что эта норма распространяется только на возвращение тех вещей, которые, как и одежда, имеют отличительные признаки их владельца, который будет их искать [12, с. 8].

6.6. Яца литон тоан ахер ше-ху хе-иньяно (вычленен для другого предписания, но той же категории) – если случай, который подходит под общий закон, выделен из последнего для других требований, но той же категории, что общий закон, то он выделен для облегчения, а не отягощения. Закон о цараате (проказе)¹ предусматривает общее правило для явлений проказы на коже тела [10, 13:1–3] и специальные правила относительно явлений проказы после ожогов и воспаления кожи [10, 13:18–28]. И хотя эти случаи должны были бы подходить под общее правило, однако для них устанавливается послабление и применение более строгих правил к ним недопустимо.

6.7. Яца литон тоан ахер ше-ло хе-иньяно (вычленен для предписаний другой категории) – если случай, который подходит под общий закон, выделен из последнего для других требований иной категории, чем общий закон, то он может применяться как для облегчения, так и для отягощения. Если вернуться к примеру с законом о проказе, он также устанавливает совсем иные правила в случае язв на голове и бороде: «Если у мужчины или у женщины будет язва на голове или на бороде... и она окажется углубленной в коже, и волос на ней желтоватый тонкий, то священник объявит их нечистыми» [10, 13:29–30]. При этом белый волос (седой) не будет считаться признаком проказы. С одной стороны мы имеем послабление, так как по общему правилу, относительно проявлений проказы на коже тела (не головы и бороды), белый волос на язве является признаком нечистоты, однако тут же мы имеем и отягощение, так как по общему правилу желтый волос не является признаком нечистоты [5].

Обе предыдущие миддоты сходны с принципом римского права *lex specialis derogat generali*, согласно которому в случае коллизии между общей и специальной нормой последняя имеет приоритет.

6.8. Яца лидон ба-давар хе-хадаш (вычленен для суждения о новом случае) – правило толкования, согласно которому случай, подпадающий под общее правило, выделен в отдельное специальное правило, регулирующее исключительную ситуацию, нельзя применять с общим правилом, если Святое Писание прямо не указывает на это. Это правило ограничивает обратный вывод кал ва-хомер и вывод яца леламед. Мы уже приводили норму о запрете кровосмешения, которая в том числе включает и запрет на женитьбу на овдовевшей или разведенной жене брата. Однако закон также предписывает левиратный брак в случае, если брат умер и не оставил потомков. При этом, если следовать выводу яца леламед, то это пояснение можно

¹ Цараат скорее всего является родовым понятием для группы различных кожных заболеваний и переводить его как проказу не совсем верно, но именно такой перевод принят в русском синодальном переводе Библии.

перенести и на другие случаи кровосмешения. При этом Пятикнижие не запрещает жениться на племяннице, а применения нормы о левиратном браке в случае смерти брата без потомков и женатого на своей племяннице, приводило бы к вступлению в брак с собственной дочерью. Некоторые авторы указывают на то, что вывод яца лидон ба-давар хе-хадаш прямо противоречит выводу яца леламед [12, стб. 15], однако мы с этим можем не согласиться. В барайте рабби Исмаила бен Элиша прямо указано, что яца лидон ба-давар хе-хадаш используется только для специального правила, регулирующего исключительную ситуацию, поэтому оно не вступает в противоречие с правилом яца леламед, а лишь ограничивает его в отдельных случаях.

7. Давар ха-ламед ме-иньяно (вывод из контекста) – установление значения предписания с учетом прямого контекста (контекста соответствующего отрывка). Рабби Исмаил бен Элиша дополнил эту миддоту также выводом из «отдаленного» контекста (давар ха-ламед ми-софо). Самым известным примером этого метода толкования является анализ 8 заповеди Моисея. Иудейский закон гласит: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего» [7, 20:13]. Рабби Исмаил бен-Элиша утверждает, что в данном случае речь идет о краже человека [13]. Так почему же это запрет кражи человека, а не имущественных ценностей?

Другой закон гласит: «Не кради; не утаивайте и не возводи лжи на другого» [10, 19:11]. Тут речь идет о краже имущественных ценностей. Во-первых, один из принципов толкования в иудейском праве – в Торе нет ничего лишнего. Поэтому в данном случае речь идет о разных видах преступлений, однако почему в первом случае речь идет о краже человека, а во втором о краже имущества? Рабби Исмаил бен-Элиша решает этот вопрос с учетом контекста. В первом случае 4 заповеди записаны в один стих и перед запретом на кражу идет запрет убийства и прелюбодеяния. И то, и другое является смертным грехом, и нет никаких сомнений в их толковании, в то время, как запрет кражи является неопределенным. Но с учетом того, что речь в предыдущей части стиха идет о смертных грехах, автор Мехилты делает вывод о том, что речь идет о краже людей. Запрет же на воровство в Левите стоит рядом с запретом врать, который не является смертным грехом. Как мы видим, в данном примере используется как толкование с учетом контекста, так и, по сути, системное толкование.

8. Шней хтувим ха-маххишим зе эт зе (два противоречивых текста) – прием, который решает противоречие между двумя стихами, прибегая к помощи третьего стиха, который решает возникшее противоречие. Распространенным примером может являться предписание о числе дней, в течение которых следует есть маццу на Песах. Противоречие возникает между двумя стихами Второзакония: «семь дней есть пресный хлеб» [2, 16:3] и «после приема в пищу пресного хлеба шесть дней...» [Там же, 16:8]. Для устранения этого противоречия используется закон о принесении в храм первого снопа нового урожая, после чего разрешается есть хлеб нового урожая. Согласно толкованию фарисеев – это всегда происходило во второй день праздника, а противоречие разрешалось следующим образом: 7 дней разрешается есть маццу старого урожая, а 6 дней – нового урожая. Но в этом толковании есть значительный огрех – оно основывается на норме [10, 23:11], которая сама не имеет

однозначного толкования. Если фарисеи утверждали, что первый сноп всегда приносится на второй день, то по толкованию саддукеев этот день может быть необязательно вторым [12, стб. 17–18]. То есть важным замечанием при применении этого метода является необходимость однозначного толкования стиха, который призван примирить конфликтующие предписания.

Таким образом, мы рассмотрели все основные приемы толкования, применяемые для выяснения смысла правовых предписаний Священного Писания. Следует сказать, что использование этих приемов не всегда допустимо, так при разрешении уголовных дел сам Исмаил бен-Элиша не всегда применял разработанные им правила толкования, отмечая, что степень наказания за любое преступление должна быть ясно указана в Священном Писании и не может являться лишь результатом толкования библейского текста [13, кол. 995–998]. Это во многом согласуется с современным принципом уголовного законодательства: преступлением признается только то общественно-опасное деяние, которое прямо предусмотрено уголовным законом.

Теперь хотелось бы привести пример толкования Пятикнижия с использованием сразу нескольких миддот.

Священное писание предписывает на праздник Песах приносить в жертву пасхального агнца [7, 12:1–28, 43–49], однако возникает вопрос, можно ли приносить в жертву пасхального агнца, если Песах выпал на субботу? Дело в том, что закон устанавливает запрет на работу в субботу: «Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота – Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела...» [7, 20:9–10]. При этом для проведения жертвоприношения необходимо было произвести работы, которые запрещены в субботу.

Для разрешения этой проблемы Хиллел воспользовался тремя миддотами: мазину (аналогия), кал ва-хомер (*a fortiori*), гзера шава (тождественность выражений).

1. Хиллел сравнивает пасхального агнца с тамидом (храмовая жертва всесождения, приносимая два раза в день). Тамид является общественной жертвой, а так как пасхальный агнец обязателен для всего народа, то он тоже является общественной жертвой. В законе сказано, что тамид оттесняет субботу, то есть на него не распространяется запрет о работе в субботу [7, 22:9]. Хиллел делает вывод, что раз и то, и то является общественной жертвой, то пасхальный агнец также оттесняет субботу. Кроме того, не только тамид, но и все муссафы (общественные жертвы, приуроченные к известному времени) оттесняют субботу. Однако само по себе это утверждение легко опровергнуть, что, согласно Иерусалимскому Талмуду, и было сделано Батирадами, которые указали, что для всех муссаф закон четко устанавливает число жертв, которые необходимо принести в субботу, а для пасхального агнца это число неопределенно, а так как каждое семейство должно принести в жертву агнца [7, 12:3], то число жертв неопределенно и значительно, и даже если закон допускает принесение определенного количества жертв в субботу, то он не может допустить бесконечное множество нарушений.

2. Тогда Хиллел прибегает к методу кал ва-хомер, утверждая, что если тамид, неисполнение которого не несет санкции, оттесняет субботу, то тем более (кал ва-хомер) должен оттеснять субботу пасхальный агнец, нарушение которого влечет

Карет (небесная кара). Однако и это утверждение можно парировать. Хиллел исходит из того, что пасхальный агнец в силу санкции является более строгим правилом по сравнению с тамидом, однако последняя имеет статус «великих святынь», он полностью сжигается на алтаре и, возможно, именно поэтому оттесняет субботу. В свою очередь пасхальный агнец имеет статус «малой святыни». Эти утверждения ставят под сомнения сделанный Хиллелем вывод о том, что пасхальный агнец является более строгим предписанием.

3. В необходимости дальнейшего обоснования своего вывода Хиллел прибегает к умозаключению гзера шава. В законе о пасхальном агнце сказано: «Пусть израильтяне принесут пасхальную жертву в назначенное время» [4, 9:2], а закон о тамиде гласит: «Будьте точны в приношении Мне в назначенное время подношений пищи...» [4, 28:2], а в законе о тамиде прямо сказано, что его надо приносить и в субботу [4, 28:9].

Таким образом, можно отметить, что в раввинистической литературе была разработана сложная система приемов и правил толкования правовых норм Священного Писания. При этом мы можем проследить сходство этих правил с современными приемами толкования, в том числе и с теми приемами, которые были выработаны еще древнеримскими юристами.

Также нами были отмечены некоторые противоречия этой системы толкования, а также указано, что их применение не всегда уместно, например, в уголовном праве. При этом мы не ставили целью показать какое-либо превосходство или преимущество этих приемов, а скорее указать на глубокие исторические корни современной методологии учения о толковании норм права, которые можно найти в традиционном иудейском праве.

Список литературы

1. Vermes, G. Bible and midrash: early old testament exegesis. In: P. Ackroyd, C. Evans, editors. The Cambridge History of the Bible. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – P. 199–231.
2. Jewish Publication Society. Deuteronomy. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. – P. 273–336.
3. Краткая еврейская энциклопедия. В 11-ти т. Т. 2. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин в сотрудничестве с Еврейским университетом, 1982. – 756 кол.
4. Jewish Publication Society. Numbers. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. – P. 203–272.
5. Rabbi Silverstein S. Sifra [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: <https://www.sefaria.org/Sifra> (дата обращения: 17.11.2017).
6. Klein D.A. Rabbi Ishmael, Meet Jaimini: The Thirteen Middot of Interpretation in Light of Comparative Law. Brooklyn: Hakirah. Vol. 16, 2013. – P. 91–111
7. Jewish Publication Society. Exodus. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. – P. 85–152.
8. Тонков Е. Н. Толкование закона в Англии : монография. – Санкт-Петербург : Изд-во Алетея, 2013. – 420 с.
9. Davidson W. Bava Kamma. In: Talmud [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: https://www.sefaria.org/Bava_Kamma (дата обращения: 19.11.2017).
10. Jewish Publication Society. Leviticus. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. P. 153-202.
11. Davidson W. Bava Metzia. In: Talmud [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: https://www.sefaria.org/Bava_Metzia (дата обращения: 19.11.2017).

12. Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. В 16-ти т. Т. 11. СПб.: Издательство Брокгауз и Ефрон, 1911. – 962 стб.
13. Rabbi Silverstein S. Mekhilta d'Rabbi Yishmael [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: https://www.sefaria.org/Mekhilta_d'Rabbi_Yishmael (дата обращения: 18.11.2017).
14. Краткая еврейская энциклопедия. В 11-ти т. Т. 3. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин в сотрудничестве с Еврейским университетом, 1986. – 1024 кол.

Strunskiy A. D. Traditional Jewish law: techniques of interpretation of the provisions of the Old Testament // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 47–56.

The article is sanctified to the analysis of interpretative techniques of the Old Testament prescriptions in the traditional Jewish law. The rabbinical literature in this sphere is analyzed, including Sifra, the Mekhilta, and some tractates of the Talmud. The scientific literature on Russian and English languages is also examined. The main reasons for the development of Old Testament exegesis in the intertestamental period are indicated in the article. The basic methods of interpretation of the Scripture used in Judaism at this time are pointed. An accent is in-process done on the research of the method of interpreting biblical texts by combining logical and sophisticated constructions. Specific techniques of interpretation with examples from the Scripture and other rabbinic literature are considered. It is shown the resemblance of some techniques of Old Testament exegesis with modern techniques of interpretation of the law.

Key words: interpretation, exegesis, Jewish law, Torah, Old Testament, Bible.

Spisok literaturyi:

1. Vermes, G. Bible and midrash: early old testament exegesis. In: P. Ackroyd, C. Evans, editors. The Cambridge History of the Bible. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 199–231.
2. Jewish Publication Society. Deuteronomy. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. P. 273–336.
3. Kratkaja evrejskaja jenciklopedija. V 11-ti t. T. 2. Ierusalim: Obshhestvo po issledovaniju evrejskih obshhin v sotrudnichestve s Evrejskim universitetom, 1982. 756 kol.
4. Jewish Publication Society. Numbers. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. P. 203–272.
5. Rabbi Silverstein S. Sifra [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: <https://www.sefaria.org/Sifra> (дата обращения: 17.11.2017).
6. Klein D.A. Rabbi Ishmael, Meet Jaimini: The Thirteen Middot of Interpretation in Light of Comparative Law. Brooklyn: Hakirah. Vol. 16, 2013. P. 91–111
7. Jewish Publication Society. Exodus. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. P. 85–152.
8. Tolkovanie zakona v Anglii : monografija / Tonkov E. N. Sankt-Peterburg : Izd-vo Aletejja, 2013. 420 s.
9. Davidson W. Bava Kamma. In: Talmud [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: https://www.sefaria.org/Bava_Kamma (дата обращения: 19.11.2017).
10. Jewish Publication Society. Leviticus. In: Tanakh: The Holy Scriptures : the new JPS translation according to the traditional Hebrew text. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1985. P. 153–202.
11. Davidson W. Bava Metzia. In: Talmud [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: https://www.sefaria.org/Bava_Metzia (дата обращения: 19.11.2017).
12. Evrejskaja jenciklopedija Brokgauza i Efrona. V 16-ti t. T. 11. SPB.: Izdatel'stvo Brokgauz i Efron, 1911. 962 stb
13. Rabbi Silverstein S. Mekhilta d'Rabbi Yishmael [electronic resource] // Sefaria: a Living Library of Jewish Texts : [site]. [2017]. URL: https://www.sefaria.org/Mekhilta_d'Rabbi_Yishmael (дата обращения: 18.11.2017).
14. Kratkaja evrejskaja jenciklopedija. V 11-ti t. T. 3. Ierusalim: Obshhestvo po issledovaniju evrejskih obshhin v sotrudnichestve s Evrejskim universitetom, 1986. 1024 kol.

УДК 340.15:347.79

РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ РЕЧНЫМ И МОРСКИМ ТРАНСПОРТОМ 1930 Г.

Коваль А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что 13 февраля 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации управления морским и речным транспортом». Этот документ предписывал образовать в ведении НКПС всесоюзные объединения морского и речного транспорта, действующие на основе хозяйственного расчета. Всесоюзному объединению морского транспорта и передавались все морские торговые порты, в том числе и Ленинграда, со всем их имуществом. 30 мая 1930 г. вышел приказ начальника Главного управления СТФ № 67 об утверждении структуры морских управлений советского торгового флота. Детальное определение круга ведения отдельных частей вновь образованных органов предусматривалось в издаваемых особо типовых положениях об этих органах.

Во главе Азовского управления СТФ стоял управляющий СТФ Азовского моря. Управляющему СТФ Азовского моря подчинены: а) Ростовское портовое Моравенство; б) управление Мариупольского районного порта; в) Керченское районное портовое Моравенство.

Во главе Черноморского управления СТФ стоял управляющий СТФ Черного моря. Во главе управления портов были управляющие (Одесского, Николаевского, Херсонского). В отдельную структуру было выделено Управление СТФ крымского района. Было образовано управление СТФ Северокавказского района. Во главе его, находившегося в Новороссийске, стоял управляющий СТФ Северокавказского района. На районные управления СТФ было возложено, кроме прочего, заведование хозяйством районного порта и руководство хозяйством подчиненных портов, погрузочно-разгрузочным и транспортно-экспедиционным делом; руководство ремонтом, снабжением портов, плавучими средствами и портовыми новыми ремонтно-строительными работами; инспектирование и инструктирование подчиненных портов.

Районные управления были подчинены во всех отношениях по работе флота Черноморскому управлению СТФ; по работе тоннажа и по портовому хозяйству они подчинялись Центральному управлению СТФ.

Порты Одессы, Николаева и Херсона подчинялись управлению бассейна центра во всех отношениях за исключением вопросов новых работ и обслуживания иностранных судов. По этим вопросам они подчинялись центру.

Ключевые слова: реформа, управление, порт, советский торговый флот.

Быстрое экономическое развитие страны, индустриализация, наращивание объемов экспорта и многие другие факторы требовали создания не только мощного торгового флота, но и его слаженной работы. Все это было невозможно без создания действенной и четкой системы управления водным транспортом. К концу 1920-х гг., как помним, он, вместе с портами, оказался разделенным между наркоматами путей сообщения и внешней торговли.

Создавшаяся ситуация требовала немедленных мер, а ее разрешение – принятия коллегиальных, взвешенных решений. 18 января 1930 г. вышло постановление СТО, заложившее основу дальнейшей реформы.

23 января 1930 г. состоялось совещание по вопросу реорганизации управления морским и водным транспортом. На нем присутствовали: ЦЧ – В. И. Черный, от Цумора – Ачканов, Соловьев, Аристов; от СТФ – Сергеев, Семенов, от Цуводпути – Николаев; от ЦПУ – Бовкин; от Центрореки – Илларионов. Председательствовал В. И. Зоф, который еще в 1927 г. был назначен на должность председателя правления Совторгфлота, в том же году стал членом коллегии НКПС. Кроме того, он с 1930 по 1931 гг. работал заместителем наркома путей сообщения СССР [1].

Главным вопросом была организационная структура управления речным и морским транспортом. В ходе работы совещания были приняты следующие решения.

I. Основная функция управления речного и морского транспорта – технико-экономическое руководство работой речного и морского транспорта, причем эти функции осуществляются через Управление речного и морского отдельных бассейнов.

II. Организационную структуру управления морским и отдельно речным транспортом центра наметили так: во главе управления – начальник, имеющий, примерно, 2-х заместителей, причем один из них должен быть освобожден от непосредственного заведования отделами, являясь фактически заместителем этого начальника, особенно при его отсутствии. Второй заместитель начальника – заведующий одним или несколькими отделами.

Структуру управления определили в основном так: эксплуатационный, технический, планово-экономический, финансовый отделы, отдел кадров, нового строительства.

Функции отделов предусматривались такие: 1) эксплуатационный – все вопросы коммерческой эксплуатации; 2) технический – вопросы ремонта, снабжения как флота, так и береговых сооружений, вопросы теплотехники и связи; 3) планово-экономический: плановые вопросы и, кроме того, бюро рационализации; 4) финансовый: бюджетно-финансовые функции, сметные и бухгалтерские вопросы; 5) кадров: вопросы учета, комплектования личного состава, общее руководство подготовкой и переподготовкой кадров; выдвиженчество; вопросы труда и быта; штаты, нормирование (ТНБ); 6) нового строительства: новые портовые работы, включая гидротехнические и береговое строительство; дноуглубительные работы; судостроение – причем в этом отношении создавалась группа на правах автономного п/отдела. Функции руководства из центра землечерпательными работами повседневного порядка предполагалось сосредоточить в технических отделах как по речному, так и по морскому транспорту.

Кроме отделов, создавалось управление делами, в котором сосредотачивались административные и хозяйственные функции, обслуживание юрисконсультами и проч.

III. В соответствии с решением специальной правительственной комиссии определялось, что функции судоходного надзора в отношении судов внутреннего плавания как речного, так и морского флота выделялись из состава Регистра и передава-

лись непосредственно в управление речного и морского транспорта в центр, для чего создавалось специальное бюро. В отношении морского транспорта, кроме того, это бюро должно было выполнять обязанности по разработке вопросов морского законодательства.

IV. В отношении организационной структуры управления речным и морским транспортом по бассейнам наметили следующее:

1) во главе транспорта речного и морского дальнего бассейна стоял управляющий;

2) структуру аппарата управления речного и морского транспорта бассейна грубо наметили так: оперативные функции – вопросы эксплуатации, техники, производство берегового судоремонта и проч. работы. Новое судостроение, новое портостроение – выполнялись отдельно, непосредственно будучи подчиненными центру, за исключением деревянного судостроения и мелкого судостроения, выполняемого на предприятиях, подчиненным пароходствам.

Для осуществления нового строительства портов, гидротехнических, береговых, новых, дноуглубительных работ в соответствующих морских и речных бассейнах следовало создавать районные конторы, объединяющие производство этих работ по признаку концентрации объектов строительства.

3) Бассейны на Черном море и на Азовском морях являлись отдельными и непосредственно подчиненными центру.

4) Управляющий транспортом соответственно речного и морского бассейна имел не менее 2 заместителей – одного по коммерческой и другого по технической части.

5) По местным управлениям морского и речного бассейнов намечались следующие отделы: 1) эксплуатационный, 2) технический, 3) финансовый, 4) планово-экономический, 5) кадров.

Функции нового деревянного судостроения и мелкого, выполняемого на предприятиях, подчиненных данному пароходству, включались непосредственно в состав соответствующей группы технического отдела.

Указанную выше структуру решили считать нормальной для морских бассейнов и для пароходств: Волги, Сев. Западного, Днепропетровского. Что же касается остальных бассейнов речного флота, то там структура несколько упрощалась.

6) В отношении больших судоремонтных предприятий как в речных, так и в морских бассейнах, работающих на законченном хозрасчетном бюджете, они через технические отделы подчинялись непосредственно управляющему транспортом данного бассейна.

Вопросы в отношении судоремонтных заводов в Одессе и Архангельске, а также о наименовании предполагаемых управлений морского и речного транспорта решили специально обсудить на предполагаемом широком совещании.

V. Постановили, что первичной ячейкой на месте являлся начальник порта и моррагент, причем в основных портах – Новороссийск, Ленинград, Мариуполь – моррагент должен был быть подчинен начальнику порта.

VI. При детальной разработке организационной структуры местных органов речного и морского транспорта решили предусмотреть большую увязку эксплуата-

ционной работы и планового строительства с краевыми и областными центрами, в особенности в вопросах местного сообщения.

VII. Для выработки детальной схемы и положения в первую очередь о центральных управлениях речного и морского транспорта постановили выделить комиссии из следующих лиц: 1) по управлению речным транспортом – председатель В. Черный, члены – Бовин, Лепин, Илларионов, лица, необходимые для работы по усмотрению председателя из числа работников эксплуатации. Кроме того, один представитель ЦК Союза; 2) по морскому транспорту – председатель Сергеев, члены – Ачканов, Соловьев, Тихонов, Семенов; от ЦК Союза – Муза.

VIII. Управляющие местными управлениями речного и морского транспорта получили те же права, что и председатели правлений ж/д, также являясь уполномоченными наркома путей сообщения.

XIX. В соответствии с постановлением правительства относительно выработки порядка проведения хозрасчета и режима финансирования управления речного и отдельно морского транспорта – теперь же поручить комиссиям связаться с НКФ, чтобы одновременно с разработкой общей организационной схемы, совместно с НКФ, выработать порядок проведения хозрасчета и режима финансирования.

XXI. Срок работы комиссий установили неделю, чтобы к 30 января иметь первые результаты. За своевременность работы отвечали председатели комиссий. И, наконец, в отношении реорганизации наметили резкое уплотнение работы во всех отделах и группах вновь создаваемых управлений, с жестким сокращением штатов и качественным улучшением как квалификации, так и политических требований, предъявляемых к составу.

Одновременно следовало предусмотреть необходимость значительного увеличения процента выдвиженцев в обоих управлениях примерно в пределе, равном 10 %, причем выдвиженчество иметь в виду в центральном аппарате за счет производственных предприятий речного и морского транспорта, а также за счет фабрично-заводских предприятий преимущественно металлообрабатывающей промышленности московского района [2, л. 76–78].

Как видим, требования в отношении дальнейшей проработки реформы были установлены жесткие, а сроки – сжатые. Уже 31 января 1930 г. состоялось постановление морской секции совещания по реорганизации морского транспорта. В нем указывалось, что, рассмотрев и обсудив проекты организационной структуры управления транспортом морского бассейна и управления Всесоюзным объединением морского транспорта, представляющего собой структуру законченного бассейнового транспортного хозяйства с единым бассейновым центром по правлению работой флота, всех портов и погрузочно-разгрузочным делом в них, секция постановила принять указанную структуру с такими дополнениями изменениями к ней.

Во-первых, в отношении структуры бассейновых центров.

1) Для наибольшей гибкости системы управления транспортом в бассейне, особенно Черноморском, наделить начальников крупнейших портов Черного моря функциями Глав агентов уполномоченных бассейнового управления с подчинением этим уполномоченным порайонно, тяготеющих к ним мелких портов и портовых приписных пунктов в административном и хозяйственном отношениях.

2) Считать, что таких главагентов-уполномоченных по портам Черного моря должно быть 4: 1) В Северо-Западном районе, с местонахождением в г. Одессе, 2) в Крымском районе, с местонахождением в Феодосии; 3) в Северокавказском районе, с местонахождением в Новороссийске, 4) в Закавказском районе, с местонахождением в Батуми.

3) Главагенты-уполномоченные бассейного управления подчинялись управляющему мортранспорта бассейнами: а) заведовали эксплуатацией флота местного сообщения; б) руководили хозяйством подчиненных портов; в) представляли в районе интересы морского транспорта, увязывая и согласовывая его работу с республиканскими, краевыми и окружными организациями, представляя в последних.

4) В соответствии с тем, что начальник Батумского порта наделялся функциями Главагента – уполномоченного по Закавказским портам – отдел портов Закавказья при реорганизации следовало упразднить.

5) В отношении технических портовых аппаратов и функций его установили, что: а) главные инженеры с техотделами должны быть только в крупнейших портах (начальники которых были главагентами), причем техническими аппаратами их обслуживались все порты района и приписные пункты, за исключением порта Туапсе как новостроящегося и имеющего поэтому свой технический аппарат; б) для производства портовых гидротехнических сооружений, гражданского строительства и капитального дноуглубления в каждом бассейне следовало организовать строительную контору, подчиненную непосредственно управлению Всероссийского объединения мортранспорта, но увязывающую в то же время и согласующую свою работу с управляющими мортранспортом каждого бассейна по принадлежности. До организации этих контор на весь переходный период (т. е. до конца текущего бюджетного года), в течение которого окончательно должна была определиться структура организации по новому строительству портов, все новые портовые работы и дноуглубление с базами этих работ следовало подчинить бассейному центру; в) судоремонтные базы в Одессе и Архангельске также предлагалось подчинить бассейному центру, но оставить на отдельном хозрасчете с самостоятельными директорами во главе.

6). В отношении структуры техотделов в бассейнах центральных, то здесь считалось необходимым выделение функций технического снабжения в самостоятельный отдел материально-технического снабжения.

7). Функции транспортно-экспедиционной работы предлагалось отделить от эксплуатационного отдела, создав в каждом бассейном центре самостоятельные транспортно-экспедиционные отделы.

8). Предлагалось установить, что образование самостоятельных транспортно-экспедиционных отделов и материально-хозяйственного снабжения должно быть приведено с соблюдением общей установки о сжатии штатов по бассейным центрам при реорганизации на 30 %.

По Азовскому бассейну предлагалось, а) в бассейне Азовского моря иметь 3-х нач. гл. портов Ростова-на-Дону, Мариуполя, Керчи с бассейным центром в Ростове-на-Дону;

б) управление порта в Таганроге построить по схеме Евпаторийского агентства с объединением функций в лице Морагента и капитана порта при нем;

в) порты Бердянска и Ахтари подчинить Мариупольскому порту, возглавляемому морагентом, с имеющимся при нем капитаном порта;

г) начальнику Керченского порта подчинить Таманский полуостров, Темрюк и прочие приписные пункты;

д) в порту Ейск предлагалось иметь морагента с капитаном порта;

е) в остальных пунктах должны были находиться морагенты с надзирателями портов;

ж) аппарат бассейнового центра создавать на общих, указанных выше основаниях и с установкой на уплотнение штата и работы;

з) в отношении гидротехнических сооружений порт Таганрога предлагалось обслуживать в порту Ростовом-на-Дону и своего штата не иметь.

Что же касается структуры центрального управления, то ее организация виделась построенной так: 1) учитывая характер нового объединения на началах хозрасчета и сношения с границей, предлагалось назвать его «Всесоюзным Объединением Морского Транспорта» (ВОМТ), во главе которого стоял бы начальник управления; 2) предложенную схему центрального аппарата принять в целом, с уточнением функций управления местами, дополнив слова «административный» словом «хозяйственный»; 3) предлагалось пересмотреть функции отделов с тем, чтобы центральный орган морского транспорта был построен так, чтобы он являлся исключительно органом по центральному планированию, технико-экономическому руководству, инструктажу и контролю работы мест.

Что касается вопроса о порядке финансирования, то морская секция пришла к мнению, что принципиально правильным и совершенно необходимым был бы переход организуемого объединения морского транспорта на централизованную кассу.

Одним из важнейших был вопрос о штатах. Секция считала, что одновременно об уточнении функций отделов центра и мест следовало произвести жесткое сокращение штатов по запроектированным структурам в пределах 30 % от всего имеющегося к моменту реорганизации штатного контингента по Совторгфлоту, Цумору, Каспару и их периферийным органам.

При этом сжатие штатов предполагалось:

а) по линии объединения обслуживающего и финансово-счетного персонала по бассейновому центру с аппаратом начальников портов в Одессе, Архангельске, Владивостоке, Ростове на Дону и Ленинграде так, чтобы обслуживающий персонал по административно-хозяйственной и финансовым частям имелся бы в этих центрах, в каждом отдельном случае и в одном месте;

б) по линии особо жесткого сжатия штатов административно-хозяйственного состава и финансово-счетных работников, а также состава Техотдела при реорганизации на местах аппаратов порта, морагенств, имея в виду, что в этот период эти функции и штатный состав на местах были параллельно у Совторгфлота и в портах, по всей периферии;

в) сжатие аппарата по центру предлагалось провести за счет изъятия оперативной работы отделов в центре с передачей ее местам. При этом по ЦУМОру при сли-

янии с СТФ и организации бассейных центров необходимую часть квалифицированных и инженерно-механических работников аппарата ЦУМОра следовало выделить для укрепления бассейных центров, принимающих на себя полностью работу по руководству портами, каковая до сего велась Цумором опосредованно [2, л. 92–94].

13 февраля 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации управления морским и речным транспортом». Этот документ предписывал, во-первых, образовать в ведении НКПС всесоюзные объединения морского и речного транспорта, действующие на основе хозяйственного расчета.

Во-вторых, передать всеозному объединению морского транспорта: а) все морские торговые порты, в том числе и Ленинградский, со всем их имуществом; б) весь актив и пассив акционерных обществ «Совторгфлот» и «Госкаспар» по балансам на 1 января 1930 г.

В-третьих, передать всеозному объединению речного транспорта:

а) все состоящие в ведении НКПС речные пароходства;

б) все имущество, находящееся в ведении управлений внутренних водных путей.

В-четвертых, на всеозные объединения морского и речного транспорта возложить заведывание и эксплуатацию имущества пароходств и других предприятий, состоящих в их ведении, организацию новых пароходств и других предприятий, руководство капитальным строительством в соответствующих отраслях транспорта.

Всеозные объединения морского и речного транспорта должны были действовать на основании уставов, утверждаемых СНК СССР. Наркому НКПС поручалось возложить руководство морским и речным транспортом на одного из своих заместителей. Кроме того, НКПС следовало в месячный срок представить на утверждение СНК СССР изменения действующего законодательства, вытекающие из этого постановления [3].

Во исполнение данного постановления 30 мая 1930 г. вышел приказ № 67 начальника Главного управления СТФ об утверждении структуры морских управлений советского торгового флота. Ранее существовавшие органы управления морского транспорта на местах (Совторгфлота, Каспара, Цумора) признавались упраздненными.

Соответствующие аппараты на местах реорганизовывались на основании объявленной ниже временной структуры местных органов Центрального Управления Совторгфлота. Детальное определение круга ведения отдельных частей вновь образованных органов предусматривалось в издаваемых особо типовых положениях об этих органах.

Во главе Азовского управления Совторгфлота стоял управляющий СТФ Азовского моря. Ему непосредственно были подчинены его 2 заместителя, органы периферии (перечисленные ниже) и отделы: а) планово-экономический; б) кадров, в) плановый; г) управление делами; и) инспекция; е) бюро рационализации.

В ведении первого заместителя Управляющего находился эксплуатационный отдел, состоящий из 5 групп, в том числе и группы «эксплуатации портов».

Управляющему СТФ Азовского моря подчинены: а) Ростовское портовое моррагенство; б) управление Мариупольского районного порта; в) Керченское районное портовое моррагенство.

Во главе управления Мариупольского районного порта стоял управляющий. Ему непосредственно подчинялись: а) моррагент, в ведении которого были группы эксплуатационная и транспортно-экспедиторских работ; б) планово-экономическая группа; в) группа кадров и экономики труда; г) финансово-расчетная группа; д) административно-хозяйственная группа; е) инженер порта, в ведении которого были группы техническая и материально-хозяйственного снабжения; ж) портовый моррагент и субагент в Геническе.

Во главе Керченского районного портового моррагенства также находился управляющий, которому были непосредственно подчинены: а) моррагент, в ведении которого были группы эксплуатационная и транспортно-экспедиторских работ; б) административно-хозяйственная группа; в) бухгалтерия; г) инженер порта, в ведении которого были группы: техническая и материально-хозяйственного снабжения; д) портовый моррагент в Темрюке в ведении которого была оперативная группа; е) субагент в Тамани [2, л. 5–8].

Во главе Черноморского управления Совторгфлота стоял управляющий СТФ Черного моря. Ему непосредственно были подчинены 2 его заместителя и нижеперечисленные органы, а также: а) отдел кадров, труда и быта; б) финансовый отдел; в) планово-экономическое бюро; г) бюро рационализации; д) инспекция; е) секретариат управления.

В ведении первого заместителя управляющего находился эксплуатационный отдел, непосредственным руководителем которого он и был. Эксплуатационный отдел состоял из 5 групп, в том числе «эксплуатации портов».

Во главе управления Одесского порта стоял управляющий, которому непосредственно подчинялись: а) моррагент, в ведении которого были 1) эксплуатационный отдел, состоящий из групп: малого каботажа и заграничного плавания, обслуживания и эксплуатации плавсредств; 2) транспортно-экспедиторский отдел, состоящий из транспортно-экспедиторских операций, складских таможен, операций, погрузочно-разгрузочных работ и автоперевозок; б) учетно-распределительный отдел и тарифно-нормативный, состоящие из групп: учета и распределения, нормирования зарплаты; в) финансовый отдел, состоящий из нескольких групп; г) административно-хозяйственный отдел, состоящий из административно-хозяйственной группы и секретной переписки; д) главный инженер, в ведении которого был технический отдел, состоящий из групп: ремонта вспомогательного флота, плавсредств, ремонта портовых и гидротехнических сооружений, дноуглубительных работ, новых портостроительных работ, материального снабжения; е) портовый моррагент в Очакове.

Во главе управления Николаевского порта стоял управляющий, которому непосредственно были подчинены: а) эксплуатационный отдел, состоящий из групп: малого каботажа и заграничного плавания, эксплуатации плавсредств и портовых устройств, транспортно-экспедиционный и погрузочно-разгрузочных операций; б) тарифно-нормировочное бюро; в) бухгалтерия; г) технический отдел, состоящий из групп: ремонта порта и плавсредств, дноуглубительных работ (которой подчинена

база дноуглубительных работ), материально-хозяйственного снабжения, новых работ.

В отдельную структуру было выделено Управление СТФ Крымского района. Во главе этого управления (г. Феодосия) стоял управляющий СТФ Крымского района. Ему подчинялись соответствующие морагенства и иные структуры, но не начальники портов и сами порты [2, л. 5, 9].

Также было образовано управление Совторгфлота Северокавказского района. Во главе его (г. Новороссийск) стоял управляющий СТФ Северокавказского района. В ведении главного инженера этого управления находился технический отдел, непосредственным руководителем которого он и был. Технический отдел состоял из групп: ремонта вспомогательного флота и плавсредств, ремонта портовых и гидротехнических сооружений, материально-хозяйственного снабжения, новых порто-строительных работ.

Управляющему СТФ Северокавказского района подчинялись: а) управление Туапсинского порта; б) возглавляемые портовыми морагентами эксплуатационные группы этих морагенств; а) морагенты в Адлере, Геленджике и Джубге.

Во главе управления Туапсинского порта стоял управляющий, которому непосредственно были подчинены: а) морагент, в ведении которого был эксплуатационный отдел, состоящий из групп: морских операций и транспортно-экспедиционных работ; б) главный инженер, в ведении которого находились группы техническая и строительных работ порта; в) тарифно-нормировочное бюро; г) бухгалтерия; д) административно-хозяйственная группа [4, л. 9–9 об.].

Основной круг ведения органов Совторгфлота на Черном море устанавливался такой. В ведение Управления бассейнового центра входило: а) управление транзитным (грузовым и пассажирским) флотом; б) планирование (перспективное и составление годовых планов), анализ и учет работы флота и портов; в) ремонт, техническая эксплуатация флота и портовых устройств, снабжение флота; в) учет, комплектование и подготовка личного состава флота.

В круг ведения районного управления СТФ входило: а) управление линиями местного значения и вспомогательным флотом; б) заведывание хозяйством районного порта и руководство хозяйством подчиненных портов, погрузочно-разгрузочным и транспортно-экспедиционным делом; в) руководство обслуживанием иностранных судов и судов СТФ транзитных линий; г) руководство ремонтом, снабжением портов, плавучими средствами и портовыми новыми ремонтно-строительными работами; д) инспектирование и инструктирование подчиненных портов; е) отчетность по району.

В круг ведения управления портов и портовых Морагенств входило: а) эксплуатация судов местного значения, плавсредств и портовых устройств; б) транспортно-экспедиционные и погрузочно-разгрузочные работы; в) обслуживание иностранных судов и судов СТФ, транзитных линий; г) ремонт и снабжение плавсредств, благоустройство и охрана порта; д) санитарная и противопожарная охрана порта; е) служба связи.

В круг ведения морагентов входило: а) обслуживание судов местных и транзитных; б) производство погрузочно-разгрузочных работ.

Районные управления были подчинены во всех отношениях по работе флота Черноморскому управлению СТФ; по работе тоннажа и по портовому хозяйству они подчинялись Центральному управлению СТФ.

Порты Одессы, Николаева и Херсона подчинялись управлению бассейнового центра во всех отношениях за исключением вопросов новых работ и обслуживания иностранных судов. По этим вопросам они подчинялись центру [4, л. 10–10 об.].

Приказом начальника Центрального управления Совторгфлота 30 мая 1930 г. № 68 было введено Временное типовое положение об управлении СТФ для каждого определенного моря. В нем указывалось, что данное Управление СТФ имеет своей задачей эксплуатацию флота и портов данного моря в соответствии с требованиями социалистического строительства и советской экономики, на основе общих директив Центрального Управления СТФ и на началах хозяйственного расчета (п. 1).

Во главе управления СТФ стоял управляющий флотом, подчиненный начальнику центрального управления СТФ (п. 2).

На плано-экономический отдел управления возлагалась задача анализа работы флота и портов, годовое планирование развития и работы флота и портов и контроль в выполнении планов (п. 6). Для осуществления стоящих перед ним задач плано-экономический отдел производил:

а) по группе анализа работы флота и портов: 1) экономический анализ эксплуатации отдельных линий и судов на устанавливаемых сообщениях (и такой же анализ работы торговых портов с точки зрения интересов народного хозяйства приморских районов и удовлетворения грузопотоков советским тоннажем; 2) составление сводок и отчетов о работе флота и портов, а также иностранного и стороннего тоннажа на советские порты;

б) по группе планирования работы флота и портов: 1) установление потребности в тоннаже СТФ и способов наиболее целесообразного его использования на основе изучения грузо- и пассажиропотоков на данном море; 2) составление годовых планов работы флота и портов с расчетом наилучшего удовлетворения тяготеющих к морю районов в морских перевозках; 3) наблюдение и контроль за выполнением планов и внесение коррективов в планы по согласованию с эксплуатационным отделом (п. 8).

На эксплуатационный отдел возлагалось оперативное руководство производственной эксплуатацией транспортного флота (кроме судов местного значения) и портов путем максимального удовлетворения пассажиропотоков и потребности советской промышленности, сельского хозяйства и торговли в морском транспорте для перевозки грузов с помощью максимальной загрузки СТФ, сокращения участия в советских перевозках иностранных судов и наиболее рациональной постановки работы портов (п. 9).

Эксплуатационный отдел должен был уплотнять работу флота и портов, ускорять оборачиваемость судов, обеспечивать полное выполнение утвержденных планов эксплуатации и снижение себестоимости для наибольшего и наилучшего удовлетворения потребности в морских перевозках (п. 10).

Для осуществления стоящих перед ним задач эксплуатационный отдел должен был производить: в) по транспортно-экспедиторской группе – инструктирование по

производству транспортно-экспедиторских операций в портах данного моря; д) по группе эксплуатации портов – руководство эксплуатацией портового хозяйства и портовым обслуживанием (п. 11).

На технический отдел возлагалось руководство технической эксплуатацией и ремонтом флота и портов (п. 12). Он должен был поддерживать в технически исправном состоянии транспортные и вспомогательные суда флота и портовые устройства, обеспечивать наиболее производительное использование применяемых технических устройств, ускорить производство и уменьшить стоимость, с одновременным повышением качества, ремонта судов и ремонтно-строительных работ в портах.

По группе технической эксплуатации портовых устройств и ремонтных работ порта он наблюдал за технически исправным состоянием портовых устройств и принятием мер к обеспечению их своевременным ремонтом в плановом порядке; осуществлял техническое руководство производством ремонта портовых устройств в отношении сроков, качества, объема, стоимости (п. 13).

На отдел материально-хозяйственного снабжения возлагалась задача организации снабжения флота и портов данного моря (п. 15). Он должен обеспечивать рациональную постановку планового снабжения, устанавливать нормы и измерители потребления, не допускать затоваривания и улучшать складское хранение и учет материалов, топлива и др. видов снабжения флота и портов.

На заготовительную группу возлагалось выявление потребности в материально-хозяйственном снабжении флота и портов.

На группу нормирования и распределения возлагалось распределение по портам заготовительных материалов, инвентаря и топлива.

На складочную группу возлагалось руководство постановкой складского хранения топлива и предметов снабжения в портах, реализацией в портах неликвидных материалов, инвентаря, механизмов и другого дефектного имущества.

На учетно-материальную группу возлагалось: учет инвентаря, материалов, топлива и прочих видов снабжения на судах и в портах; ведение сводного материально-учета по флоту и портам (п. 16). Отдельно были прописаны и обязанности финансового отдела [4, л. 13 об. –18].

Вместе с типовым положением для управления морей этим же приказом было введено и типовое положение о районном управлении СТФ. В нем предусматривалось, что районное управление СТФ имеет своей задачей эксплуатацию линии местного назначения, заведывание портовым хозяйством района на началах хозяйственного расчета (п. 1). Во главе каждого районного управления СТФ стоял управляющий районом СТФ, который назначался управляющим СТФ и был подчинен управляющему СТФ данного моря (п. 2).

Районное управление СТФ одновременно было управлением местного порта (п. 3). По всем вопросам, перечисленным ниже (ст. ст. 7–13), районное управление СТФ составляло планы и производственные программы по всем портам и приписным пунктам, находящимся в составе своего района, и регулировало работу этих портов (пунктов) (п. 4).

Каждое районное управление портами СТФ состояло из следующих 5 групп (отделов) в крупных управлениях: а) эксплуатационный; б) технической; в) материально-хозяйственного снабжения; г) финансово-расчетной; д) кадров; е) административно-хозяйственной (п. 5).

На экспедиционную группу возлагались: а) эксплуатация соответствующих линий местного значения; б) эксплуатация ледокольных средств и вспомогательного флота; в) эксплуатация территории местного порта, его причальных линий, складочных помещений, механического оборудования, жилых зданий, гражданских сооружений и других устройств порта; г) транспортно-экспедиторские и товарно-складские операции; д) агентирование судов, посещающих местный порт; е) погрузочно-разгрузочные работы; ж) исчисление портовых сборов и плат за услуги; з) регулирование эксплуатационной работой организаций, работающих в местном порту; и) согласование с местными коммунальными и другими органами вопросов о границах портов (п. 6).

На техническую группу возлагалось: а) содержание в технически исправном состоянии судов местных линий, ледоколов и вспомогательных судов и сооружений и оборудования местного порта; б) теплотехнические работы, в частности контроль расхода топлива; в) заведование землечерпальными средствами, поддержание определяющих глубин в портах и приписных пунктах района, в частности принятие мер к удалению предметов, затонувших в пределах портовых вод, на фарватерах и вблизи границ портов и препятствующих судоходству; г) заведование всеми видами связи с районом, в том числе и руководство эксплуатацией портовой и судовой радиосвязи, электроустановками в местном порту; е) регулирование работы организаций, производящих строительство в местном порту (п. 8).

На группу материально-хозяйственного снабжения возлагались: а) заготовка материалов, инвентаря, топлива и продовольствия; б) хранение заготовительных предметов снабжения и заведование складами; в) снабжение транспортных, ледокольных судов и вспомогательного флота материалами, инвентарем, топливом и продовольствием; г) реализация неликвидных материалов, инвентаря, механизмов, и другого дефектного имущества; д) материальный учет.

На финансово-расчетную группу возлагалось: а) составление финансовых планов и доходных и расходных смет; б) получение и распределение денежных средств; в) учет кредитов и контроль за соблюдением денежной дисциплины; г) получение фрахта и платы за транспортно-экспедиторское обслуживание; д) взимание портовых и других установленных сборов и платы за портовое обслуживание; е) учет доходных поступлений по портам и приписным пунктам района; ж) всякого рода расчеты; з) бухгалтерский учет операций районного управления; и) составление установленной периодической и годовой финансовой отчетности и баланса по всему району (п. 9).

На группа кадров возлагалось: а) поддержание связи с местными учебными заведениями, готовящими кадры для СТФ, для оказания влияния и поддержки со стороны производства на подготовку; б) оформление и согласование с заинтересованными организациями вопросов приема, увольнения, перемещения и т. п. личного состава, оформляемого в установленном порядке в районном управлении, и наблю-

дение за правильным комплектованием судов экипажем; в) ведение установленных видов учета личного состава; г) проверка и установление норм выработки расценок сдельных работ в портах и приписных пунктах района; д) обследование и изучение условий производства работ, отдельных трудовых процессов; е) дача заключений по вопросам нормирования и производительности труда, оплаты труда; ж) разработка мер по рациональному пользованию рабочей силы и времени, объединение работы по установлению штатных измерителей; з) разработка вопросов, связанных с заключением и выполнением коллективных и трудовых договоров; и) разработка и проведение правил внутреннего распорядка и наблюдение за трудовой дисциплиной (п. 10).

На административно-хозяйственную группу возлагалось административное, делопроизводственное, хозяйственное и юридическое обслуживание районного управления (п. 11) [4, л. 18–19].

Ну и, наконец, было введено Типовое положение об управлении порта и портовом морагенстве СТФ. На управление порта (портовое морагенство) возлагалось заведование хозяйством порта, производство транспортно-экспедиторских и перегрузочных операций и агентирование судов, посещающих порт, – на началах хозяйственного расчета (п. 1).

Во главе управления портом стоял управляющий портом (портовый морагент), он назначал управляющим СТФ своего моря и был подчинен управляющему районом СТФ (п. 2).

Управление порта состояло из следующих групп: а) эксплуатационной; б) технической; в) финансово-расчетной; г) административно-хозяйственной (п. 3).

Эксплуатационная группа производила: а) эксплуатацию вспомогательного флота; б) эксплуатацию территории порта, его причальных линий, складочных помещений, механического оборудования и иных зданий, гражданских сооружений и других устройств порта; в) транспортно-экспедиторские и товарно-складские операции; г) агентирование судов, посещающих порт; д) погрузочно-разгрузочные работы; е) исчисление портовых сборов и плат за услуги; ж) регулирование эксплуатационных работ организаций, работающих в порту; з) согласование с местными коммунальными и другими организациями вопросов о границах портов (п. 4).

Техническая группа производила: а) содержание в технически исправном состоянии вспомогательных судов, плавучих средств и сооружений и оборудования порта; б) заведование всеми видами связи в порту, в том числе и эксплуатация радиосвязи и электроустановок в порту; в) регулирование работы организаций, производящих строительство в порту; г) заготовка и хранение материалов, инвентаря, топлива и продовольствия и заведование складами; д) снабжение транспортных и ледокольных судов и вспомогательного флота материалами, инвентарем, топливом и продовольствием; е) реализация неликвидных материалов, инвентаря, механизмов и другого дефектного имущества; ж) инвентарный учет (п. 5).

Финансово-расчетная группа производила: а) составление финансовых планов и доходных и расходных мест; б) получение и распределение денежных средств; в) учет кредитов; г) получение фрахта и платы за транспортно-экспедиторское обслуживание; д) взимание портовых и других установленных сборов и платы за порто-

вое обслуживание; е) всякого рода расчеты; ж) бухгалтерский учет операций порта; з) составление установленной периодической и годовой финансовой отчетности и баланса (п. 6).

Административно-хозяйственная группа заведовала личным составом и производила административное, делопроизводственное, хозяйственное и юридическое обслуживание порта, а также наблюдение за правильным комплектованием судов СТФ экипажем (п. 7) [4, л. 19–20].

Следует также указать, что реформирование органов управления портовым делом в Черноморско-Азовском регионе было начато еще до издания вышерассмотренного приказа начальника Центрального Управления СТФ 30 мая 1930 г. Так, согласно выписки из книги приказов Крымского районного управления СТФ на 1930-й г., приказом управления СТФ Черного моря от 12 апреля 1930 г. № 1 управление Феодосийского торгового порта было реорганизовано в управление Крымским районом СТФ, в состав которого вошли торговые порты Феодосии, Севастополя, Евпатории и Ялты, объединившиеся с местными морагентами, причем Ялтинский порт объединял приписные портовые пункты и морагенства в Алушке, Гурзуфе, Алуште и Судаке, о чем объявлялось подчиненным портам и приписным пунктам.

В этот же день, на основании приказа по управлению СТФ Черного моря от 14 апреля 1930 г. № 172, вступил в исполнение обязанностей Управляющего Крымским районом Управления СТФ Черного моря и Феодосийским торговым портом. С 5 мая 1930 г. морагент Николаенко А. В. назначен ответственным руководителем по эксплуатационной части с возложением на него обязанностей по замещительству Управляющего районом [4, л. 8].

Также можно указать, что в ходе реформы в состав управления Николаевского торгового порта вошел приписной порт Очакова; в состав управления порта Херсона вошли приписные порты в Хорлах, Скадовске и пункты в Прорайске, Станиславе, Збурьевке и Голой Пристанни [2, л. 24].

Следует упомянуть и о том, что в этом же 1930 г. был принят Устав всесоюзного объединения морского транспорта (Совторглот / СТФ). Среди его основных целей находим и пункт «г», по которому СТФ заведовал территорией портов и причальными линиями и эксплуатировал портовые склады, механическое оборудование и другие портовые устройства и приспособления, а также ледоколы и суда вспомогательного флота [5, л. 192–195 об.].

В продолжение реформы управления водным транспортом 22 ноября 1930 г. СНК СССР принял постановление № 661 «О разделении народного комиссариата внешней и внутренней торговли Союза ССР на два самостоятельных народных комиссариата: народный комиссариат снабжения Союза ССР и народный комиссариат внешней торговли Союза ССР» [6]. За последним из них были оставлены порты Ленинграда и Кронштадта.

Таким образом, по реформе управления водным транспортом и портами Черноморско-Азовского региона в 1930 г. можно указать следующее. 13 февраля 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации управления морским и речным транспортом». Этот документ предписывал образовать в ведении НКПС всесоюзные объединения морского и речного транспорта, действующие на

основе хозяйственного расчета. Всесоюзному объединению морского транспорта и передавались все морские торговые порты, в том числе и Ленинграда, со всем их имуществом. Во исполнение данного постановления № 67 от 30 мая 1930 г. вышел приказ начальника Главного управления СТФ об утверждении структуры морских управлений советского торгового флота. Детальное определение круга ведения отдельных частей вновь образованных органов предусматривалось в издаваемых особыми типовых положениях об этих органах.

Во главе Азовского управления Совторгфлота стоял управляющий СТФ Азовского моря. Управляющему СТФ Азовского моря подчинены: а) Ростовское портовое моррагенство; б) управление Мариупольского районного порта; в) Керченское районное портовое моррагенство.

Во главе Черноморского управления Совторгфлота стоял управляющий СТФ Черного моря. Во главе управления портов были управляющие (Одесского, Николаевского, Херсонского). В отдельную структуру было выделено Управление Совторгфлота крымского района. Во главе этого управления, находившегося в Феодосии, стоял управляющий СТФ Крымского района. Ему подчинялись соответствующие моррагенства и иные структуры, но не начальники портов и сами порты.

Также было образовано управление Совторгфлота Северокавказского района. Во главе его стоял управляющий СТФ Северокавказского района. Управляющему СТФ Северокавказского района подчинены: а) управление Туапсинского порта; б) возглавляемые портовыми моррагентами портовые Моррагенства в Анапе и Сочи, которым подчинялись эксплуатационные группы этих моррагенств; а) моррагенты в Адлере, Геленджике и Джубге.

Именно на районные управления СТФ было возложено, кроме прочего, заведование хозяйством районного порта и руководство хозяйством подчиненных портов, погрузочно-разгрузочным и транспортно-экспедиционным делом; руководство ремонтом, снабжением портов, плавучими средствами и портовыми новыми ремонтно-строительными работами; инспектирование и инструктирование подчиненных портов.

В круг ведения Управления портов и портовых моррагенств входило: а) эксплуатация судов местного значения, плавсредств и портовых устройств; б) транспортно-экспедиционные и погрузочно-разгрузочные работы; в) обслуживание иностранных судов и судов СТФ, транзитных линий; г) ремонт и снабжение плавсредств, благоустройство и охрана порта; д) санитарная и противопожарная охрана порта; е) служба связи.

В круг ведения моррагентов входило: а) обслуживание судов местных и транзитных; б) производство погрузочно-разгрузочных работ.

Районные управления были подчинены во всех отношениях по работе флота Черноморскому управлению СТФ; по работе тоннажа и по портовому хозяйству они подчинялись Центральному управлению СТФ.

Порты Одессы, Николаева и Херсона подчинялись управлению бассейнового центра во всех отношениях за исключением вопросов новых работ и обслуживания иностранных судов. По этим вопросам они подчинялись центру.

Приказом начальника Центрального управления Совторгфлота 30 мая 1930 г. № 68 были введены: временное типовое положение об управлении СТФ для каждо-

го определенного моря; типовое положение о районном управлении СТФ и типовое положение об управлении порта и портовом моррагентстве СТФ. В частности, последним на управление порта (портовое моррагентство) возлагалось заведование хозяйством порта, производство транспортно-экспедиторских и перегрузочных операций и агентирование судов, посещающих порт, – на началах хозяйственного расчета.

Во главе управления портом стоял управляющий портом (портовый моррагент), он назначал управляющим СТФ своего моря и был подчинен управляющему районном СТФ. Управление порта состояло из следующих групп: а) эксплуатационной; б) технической; в) финансово-расчетной; г) административно-хозяйственной.

Приказом управления Совторгфлота Черного моря от 12 апреля 1930 г. № 1 управление Феодосийского торгового порта было реорганизовано в управление Крымским районом СТФ, в состав которого вошли торговые порты Феодосии, Севастополя, Евпатории и Ялты, объединившиеся с местными моррагентами, причем Ялтинский порт объединял приписные портовые пункты и моррагентства в Алушке, Гурзуфе, Алуште и Судаке.

В ходе реформы в состав управления Николаевского торгового порта вошел приписной порт Очакова; в состав управления Херсонского торгового порта вошли приписные порты в Хорлах, Скадовске и пункты в Прорайске, Станиславе, Збурьевке и Голой Пристани.

Список использованных источников и литературы

1. Вячеслав Иванович Зоф. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_z/zof_vi.php (дата обращения 2.12.2017).
2. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-1599, оп. 1, д. 120. Материалы по реорганизации морского транспорта и объединению управления Ялтинского торгового порта с Ялтинским морским агентством Совторгфлота (приказы, циркуляры, протоколы, штаты, функции по отделам и должностям служащих и рабочих Ялтинского торгового моррагентства). 27.02.1930-25.04.1930. 97 л.
3. Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации управления морским и речным транспортом» [электронный ресурс] // Правовая Россия – URL: <http://lawru.info/dok/1930/02/13/n1199391.htm> (дата обращения: 31.03.2016).
4. ГАРК, ф. Р-1599, оп. 1, д. 107. Приказы и циркуляры Центрального управления советского торгового флота. Измененная структура морских управлений Своторгфлота. 11.04.1930-20.10.1930 г. 31 л.
5. ГАРК, ф. Р-1599, оп. 1, д. 110. Протоколы совещаний работников управления Крымским районом Совторгфлота Черного моря, Феодосийского, Севастопольского, Евпаторийского, Сочинского торговых портов и переписка с управлением Крымским районом Совторгфлота Черного Моря, Управлением советским торговым флотом Черноморского бассейна по хозяйству порта. Ведомости на плавание порта. 8.05.1930-27.12.1930 г. 499 л.
6. Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О разделении Народного комиссариата внешней и внутренней торговли Союза ССР на два самостоятельных народный комиссариата: Народный комиссариат снабжения Союза ССР и Народный комиссариат внешней торговли Союза ССР». СЗ СССР 1930 г. № 56, ст. 592.

Koval A. Management reform by a river and marine transport 1930 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 57–73.

That on was February, 13 1930 accepted decision of managing the USSR "About reorganization of management by a marine and river transport". This document ordered, to form in a conduct the commissariat of ways of report the all-union associations of marine and river transport, operating on the basis of economic

calculation. To the all-union association of marine transport and all marine trade ports were passed, including Leningrad, with all their property. on May, 30 1930 after №67 the order of chief of Main administration of the Soviet mercantile fleet (SMF) went out about claim of structure of marine managements of soviet mercantile fleet. The detailed determination of circle of conduct of separate parts of again well-educated organs was envisaged in the published especially model positions about these organs. At the head of Азовского management of SMF the manager of SMF of sea of Azov stood. Inferior the manager of SMF of sea of Azov : а) Ros-tov on Don port Морепенство, the б) management of Mariupol district port and в) is Kerch district port marine agency. The manager of SMF of the Black sea stood at the head of the black Sea management of SMF. At the head of management of ports there were managers (Odesa, Mykolaiv, Kherson). Management of SMF of the Crimean district was distinguished in a separate structure. The management of SMF of the NorthCaucasian district formed. At the head of him being in Novorossisk, the manager of SMF of the NorthCaucasian district stood. On district managements SMF was laid, except other, management and guidance the economy of district port by the economy of inferior ports, loading and unloading and transport-expeditionary business; guidance by repair, supply of ports, floating facilities and port new repair-building works; inspecting and instructing of inferior ports.

District managements were inferior in all the relations on work of fleet to the black Sea management of SMF; on work of tonnage and on a port economy they submitted to the Central management of SMF. Ports of Odesa, Mykolaiv and Kherson submitted to the management of pool of center in all respects except for the questions of new works and maintenance of foreign courts. On these questions they submitted to the center.

Keywords: reform, management, port, soviet mercantile fleet.

Spisok ispolzovannyih istochnikov i literaturyi:

1. Vyacheslav Ivanovich Zof. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_z/zof_vi.php (data obrascheniya 2.12.2017).

2. Gosudarstvennyiy arhiv Respubliki Kryim (dalee – GARK), f. R-1599, op. 1, d. 120. Materialyi po reorganizatsii morskogo trasporta i ob'yadineniyu upravleniya Yaltinskogo torgovogo porta s Yaltinskim morskim agenstvom Sovtorgflota (prikazyi, tsirkulyaryi, protokolyi, shtatyi, funktsii po otdelam i dolzhnostyam sluzhaschih i rabochih Yaltinskogo torgovogo moagenstva). 27.02.1930–25.04.1930. 97 l.

3. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR «O reorganizatsii upravleniya morskim i rechnym transportom» [elektronnyiy resurs] // Pravovaya Rossiya – URL: <http://lawru.info/dok/1930/02/13/n1199391.htm> (data obrascheniya: 31.03.2016).

4. GARK, f. R-1599, op. 1, d. 107. Prikazyi i tsirkulyaryi Tsentralnogo upravleniya sovetского torgovogo flota. Izmenennaya struktura morskikh upravleniy Svotorgflota. 11.04.1930-20.10.1930 g. 31 l.

5. GARK, f. R-1599, op. 1, d. 110. Protokolyi soveschaniy rabotnikov upravleniya Kryimskim rayonom Sovtorgflota Chernogo morya, Feodosiyskogo, Sevastopolskogo, Evpatoriyskogo, Sochinskogo torgovyih portov i perepiska s upravleniem Kryimskim rayonom Sovtorgflota Chernogo Morya, Upravleniem sovetским torgovym flotom Chernomorskogo basseyna po hozyaystvu porta. Vedomosti na plavsredstva porta. 8.05.1930–27.12.1930 g. 499 l.

6. Postanovlenie Tsentralnogo ispolnitelnogo komiteta i Soveta narodnyih komissarov «O razdelenii Narodnogo komissariata vneshney i vnutrenney torgovli Soyuzа SSR na dva samostoyatelnyih narodnyih komissariata: Narodnyie komissariat snabzheniya Soyuzа SSR i Narodnyiy komissariat vneshney torgovli Soyuzа SSR». SZ SSSR 1930 g. № 56, st. 592

УДК 94

УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ МОРСКИХ ТОРГОВЫХ ПОРТОВ И ИХ СТАТУС В СССР В 1920–1930-Х ГГ.

Любинецкий А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что установление и корректировка границ морских торговых портов СССР в изучаемый период происходило на основе как общесоюзного законодательства (постановления ЦИК и СНК СССР, СТО), так и приказов НКПС. В процессе установления границ морских торговых портов важное значение сыграла деятельность центрального и южного комитетов по портовым делам, которые представляли все заинтересованные в этом вопросе стороны. Следует признать недостаточное внимание к установлению водных границ портов, что в отдельных случаях создавало помехи для нормального судоходства и эксплуатации водных путей.

Ключевые слова: порты, границы, центральный комитет, южный комитет, постановление, народный комиссариат путей сообщения.

При рассмотрении процедуры установления границ морских торговых портов в СССР в 1920–1930-х гг. следует иметь в виду, что, с одной стороны, доставшиеся советскому государству порты на момент установления советской власти имели свои четко очерченные границы. С другой же стороны, коренное изменение форм собственности, а также использования и эксплуатации не только земли вообще, но и специальных земель, в том числе и занятых транспортом, потребовало определенного времени в связи с необходимостью выработки соответствующих правовых механизмов и норм. Также следует помнить о том, что основные морские торговые порты Российской империи находились в руках государства, а потому национализации в новых условиях не требовали, в отличие от частных пристаней.

Процесс установления границ морских торговых портов в 1920-х гг. возглавлял и курировал НКПС, в основном с помощью Центрального Комитета по Портовым Делах (далее – ЦКПД). Более детально правовые основы их деятельности, права и обязанности рассмотрены в публикации Коваля А. В. «Организация и деятельность комитетов по портовым делам в Черноморско-Азовском регионе» [1, с. 44–57]. Следует указать, что ЦКПД, будучи общегосударственным органом, состоящим из представителей различных ведомств, в разном составе действовал с 1922 по 1927 гг., занимаясь вместе с областными комитетами в том числе и установлением границ торговых портов.

Приведем следующие примеры. Так, на заседании ЦКПД от 18 декабря 1925 г. были одобрены границы Генического приписного пункта (приписанного к Керченскому порту) в описании Керченского совещания и Южного комитета по портовым делам. Кроме того, на этом же заседании были одобрены приписные к Херсонскому

торговому порту пункты: Скадовск и Хорлы в границах херсонского совещания по портовым делам [2, л. 5–6 об.].

Согласно протоколу заседания ЦКПД от 18 февраля 1926 г. были одобрены границы приписанного к Новороссийскому порту пункта Геленджик в описании, установленном Новороссийским Портовым Совещанием и Юго-восточным Краевым комитетом по портовым делам, но при условии: 1) отнесения устройства проезда вдоль набережной и содержания его на кредиты, отпускаемые по смете Новороссийского порта; 2) исключение требования Черноморской плановой комиссии об устройстве моста через ручей, не вошедшего в границы Геленджикского приписного пункта [2, л. 10–11 об.].

На заседании ЦКПД 8 января 1926 г. были одобрены границы приписанных к Бердянскому порту пунктов Царедворевки и Ногайска в описании, установленном Бердянским Совещанием и Южным Окружным комитетом по портовым делам [2, л. 9–9 об.].

7 мая 1926 г. одобрены границы приписанного к Ростовскому торговому порту Азовского торгового порта в описании, составленном Ростовским Совещанием Юго-восточного краевого комитета по портовым делам [2, л. 20–21 об.].

На заседании ЦКПД 23 октября 1926 г. из границ Севастопольского торгового порта были исключены «таможенный спуск, от таможенных ворот до въезда в город» [2, л. 26–27].

На последнем своем заседании, состоявшемся 4 октября 1927 г., одобренные постановлениями ЦКПД от 7 мая и 13 июня 1926 г. и от 20 января 1927 г. границы портов и приписных пунктов Азова, Петропавловской, Сухуми, Очемчири, Гудауты, Гагры, Нового Афона, Балаклавы и Новороссийска (в отношении включения в портовую территорию дополнительно отведенного участка) были утверждены в порядке постановления ЦИК и СНК СССР от 6 апреля 1927 г. «Об установлении и изменении сухопутных границ морских торговых портов (Собр.Зак.СССР-27 г. № 22 ст. 243) [3, л. 2].

Тем не менее основные границы морских торговых портов были установлены еще до издания данного постановления. Так, в частности, ранее всех по решению НКПС 13 мая 1922 г. была установлена граница порта г. Алушты. Границы Евпаторийского порта были установлены Совещанием по портовым делам от 10 августа 1922 г., протокольным постановлением № 7. Намеченные границы были вторично пересмотрены 24 марта 1923 г. совещанием по портовым делам и остались без изменения по сравнению с намеченными границами в 1922 г.

Окончательно границы этого порта были утверждены ЦКПД 24 июля 1923 г. и опубликованы в официальном Отделе Вестника Путей Сообщения № 267 от 23 сентября 1923 г.

Так, в частности, границы территории Евпаторийского Морского Торгового порта, начинаясь у оконечности Карантинного мыса, охватывали прибрежные полосы, проходя вдоль каменного забора у карантинной и Военно-Санитарной станции. От северного угла Военно-Санитарной станции, в конце дороге у карантинной, граница проходила по прямой линии до угла квартала № 111 против Таможенной пристани. Далее граница порта шла вдоль линии зданий кварталов № 110 и 111, а от восточно-

го угла квартала № 110 поворачивала на юго-запад, направляясь по прямой линии к северному углу зданий Управления порта и вдоль последнего здания доходила до морского берега. Отсюда граница порта тянулась по линии уреза воды, до участка, занимаемого пристанью и постройками Госпароходства, откуда, углубляясь внутрь материка до края ул. Революции, охватывала означенный выше участок Госпароходства. От этого последнего участка граница порта тянулась до уреза воды переул-ка Азис, где охватывала прибрежное пространство по линии строений городских кварталов №№ 3, 2 и 1 и далее тянулась по прямой линии уреза воды склада Нефлесиндиката, Пересыпи, Сасык-Сивашских пристаней, откуда тянулась до соле-промыслов Сакских, включая бывшую балашевскую пристань, откуда тянулась по прямой линии, проведенной по румбу 250° Сакских пристаней, под прямым углом с линией, идущей по румбу 350° до мигалки.

Границы участка, отведенного под портостроительство: с востока земля бывшего горного ведомства Министерства торговли и промышленности, от уреза воды с юга на север на протяжении 8,75 саж. Далее граница поворачивала на запад под углом 91 гр. 55 мин. 30 сек. и шла на протяжении 56, 35 саж., далее линия этой границы, образуя угол в 184 гр. 52 мин. 50 сек., шла на протяжении 56, 85 саж., уклоняясь несколько на север, далее, образуя угол в 161 гр. 38 мин., линия границы шла на протяжении 64, 22 саж., уклоняясь к югу, затем, образуя угол в 183 гр. 18 мин. 10 сек., линия границы шла на протяжении 47,42 саж., уклоняясь немного к северу, далее образуя угол в 175 гр. 50 мин., линия границы шла на протяжении 45,15 саж., уклоняясь немного к югу и, наконец, образуя угол в 86 гр. 57 мин. 5 сек., линия границы поворачивала на юг и шла на протяжении 13,40 саж. до уреза морской воды. С севера этот участок граничил с улицей (продолжение Приморской), с запада – городским свободным местом, с юга – морем [4, с. 5].

Границы участков, отведенных под постройку рабочей гавани, имели протяже-ние от бывшей Таможенной пристани до границы участка, находящегося под Вра-чебно-Санитарной станцией по берегу моря, по прямой линии в 82, 7 сажени, а все-го площадей 2.224,23 кв. саж. [4, с. 6].

В 1923 г. были установлены границы таких портов:

– 20 сентября Херсон (Скадовск, Хорлы) решением НКПС, а в последующем решением СТО от 30 апреля 1926 г.;

– Ленинград и Кронштадт – постановлением СНК РСФСР от 14 июня 1923 г.;

– Ялта, Евпатория, Мариуполь – решением НКПС от 20 сентября 1923 г.; грани-цы порта Одесса также были определены НКПС 20 сентября 1923 г. и уточнены 16 февраля 1924 г.;

– Феодосия (Судак) – решение НКПС 28 сентября 1923 г. [5, с. 31–32].

16 февраля 1924 г. за № 313 был издан приказ НКПС РСФСР «О границах пор-тов: Батуми, Сухуми, Новороссийска, Бердянска, Ейска, Ахтарей, Темрюка, Таган-рога, Керчи и водных границах Одесского порта».

Им объявлялись одобренные ЦКПД 13 ноября, 4 декабря и 18 декабря 1923 г. границы морских портов: Батуми, Сухуми, Новороссийска, Бердянска, Ейска, Ахта-рей, Темрюка, Таганрога и Керчи и водные границы Одесского порта.

В частности устанавливалось, что граница Батумского порта, начинаясь на морском берегу у устья реки Барцханы, идет по прямой линии к югу до линии домов Заводской ул., далее граница порта проходит по линии домов той же улицы до столба № 4, обозначающего границу территории, отчужденной под устройство порта, от этого столба к югу до пограничного столба № 7, а затем, поворачивая на запад, проходит по той же линии до столба № 17, от которого, соответственно границе отчуждения, тянется вдоль линии домов до столба № 28. Отступая у последнего столба от линии домов, граница порта шла по линии отчуждения до столба № 29, откуда вновь по линии домов тянется до столба № 36, а далее по прямой линии проходит через столб № 37 до столба № 38, а отсюда к столбу № 39, где поворачивала на юго-запад, огибая территорию домов, принадлежащих Портовому Управлению, и затем возвращается к столбу № 40. Отсюда по линии домов направлялась на северо-запад, пересекала дорогу и упиралась в Здание Батумской Таможни, огибая затем участок Таможни, огороженный каменным забором, направлялась до Оглобженской ул., и поворачивала вдоль здания до угла Святополк-Мирской ул. Отсюда граница порта поворачивала на северо-восток, пересекая железную дорогу, и упиралась в угол навеса, а, перейдя железную дорогу, шла прямо на угол бывших минных казарм; затем по линии фасада казарм, пересекая вновь железнодорожный путь, упиралась в подошву Бурун-Табие, огибая подошву ее, граница останавливалась против юго-западной оконечности ограды маяка, где пересекала дорогу в северо-восточном направлении и проходила вдоль забора маяка до столба № 49, здесь граница поворачивала в северо-западном направлении, дойдя этим направлением до столба № 50, где снова поворачивала на Бурун-Табийский мол и тянулась по нему к северо-востоку до конечной точки. От конечности Бурун-Табийского мола граница порта шла по прямой линии под углом 112 град. 30 до пересечения с меридианом левого берега устья реки Барцханы, а по этому меридиану проходила до самого устья.

Граница Сухумского порта, начинаясь с правого берега реки Сухумки с началом набережной стенки, тянулась вдоль ее полосы шириной в полторы сажени от внутреннего края парапета (устье реки Беследки до первого пешеходного моста семисаженной полосой по обоим берегам было в распоряжении Управления порта). При подходе к корню пассажирской пристани площадь портовой территории расширялась по оси пристани до асфальтовой мостовой на протяжении 14 саж. (по семи саж. в обе стороны от оси пристани). Далее полоса портовой территории шла опять по набережной стенке той же полуторасаженной шириной до конца асфальтовой мостовой близ поворота на Воронцовскую ул., откуда полоса эта уширялась до семи сажен и такой шириной шла к крепости. В крепости за Управлением порта признавалось право возведения разных сигнальных и проч. сооружений гидрографического свойства. За крепостью портовая территория начиналась шириной прибрежной полосы в 35 саж. вглубь от уреза воды и такой шириной шла на протяжении ста саженей, после чего сокращалась до ширины в семь сажен и такой полосой шла по берегу до Сухумского маяка (фабрика Азсоюза оставалась расположенной на территории порта).

Граница портовой территории Новороссийского порта, начинаясь у берега моря в 10-ти саж. южнее Западного мола у точки А, шла параллельно молу по мощеной части Набережной улицы. Отсюда граница поворачивала вправо под прямым углом и шла параллельно 2 и 3 кварталам, оставляя мощеную часть улицы вне территории порта. После встречи с Вельяминовской ул. поворачивала вдоль последней и тянулась на 8 саж., оставляя конец этой улицы вне пределов порта. Отсюда граница поворачивала вправо и под 45 град. пересекала площадь до встречи с Морской ул. Далее граница тянулась параллельно Морской улице протяжением 57,60 саж., после чего поворачивала влево по правой стороне Раевской улицы и шла по ней на протяжении 10,20 саж., после чего поворачивала вправо и шла до Агентского переулка, где сворачивала влево и шла до направления бровки тротуара. Отсюда граница сворачивала вправо и шла вдоль тротуара, оставляя во владении порта мощеную часть улицы, а левый тротуар и сточную канаву – во владении Коммунального Отдела. Таким же порядком граница пересекала Романовскую и Нефтяную улицы, а затем поворачивала вправо и шла параллельно берегу в 50 саж. от последнего и до встречи с владениями бывшей Владикавказской железной дороги, захватив усадьбу и дом бывшего Российского Общества. После этого граница поворачивала вправо и при встрече с портовым шоссе поворачивала влево и шла параллельно последнему, имея слева бетонный забор, ограничивающий отчуждения железной дороги. Минувя пристань № 3, граница поворачивала влево, огибая усадьбу Рабочей Конторы, пристань, переданную железной дорогой порту при национализации пристанских сооружений. Выйдя затем вторично на портовое шоссе, граница шла вдоль моря таким же порядком до конца усадьбы Русского Общества Пароходства и Торговли. Далее граница поворачивала влево, идя вдоль северо-восточной границы участка бывшего РОПИ. Та до его конца сворачивала вправо, направлялась параллельно железнодорожным путям и охватывала незастроенную площадь, граничащую с казармами порта, издавна принадлежавшую порту и предназначенную для постройки рабочих домов. Возле железнодорожной будки она пересекала Сухумское шоссе и шла вдоль последнего по правой бровке с морской стороны до встречи с владениями цементного завода, затем граница шла по крутому откосу владений цементного завода и, минуя заводские земли, охватывала слева усадьбу портовой центральной метеорологической станции, после чего направлялась к берегу моря к точке «В».

Приблизительно также устанавливались границы портов Бердянского, Ейского, Ахтырского, Темрюкского, Таганрогского, Керченского. Водные же границы Одесского порта, в дополнение к приказу НКПС от 20 сентября 1923 г. № 111470, устанавливались от Березани до Санджейского маяка [5, с. 31–32].

Установленные решением от 16 февраля 1924 г. границы портов Темрюк (Ахтари, Тамань) были изменены решением НКПС от 23 декабря 1924 г.

Кроме того, в 1924 г. НКПС были установлены границы портов Севастополь – 11 июня; Петровск – 22 августа; Поти – 22 августа; Владивосток, Петропавловск на Камчатке – 7 октября; Ейск (Ясенская переправа) – НКПС 11 декабря [5, с. 31–32].

Согласно протоколу № 7 (12) заседания Южного комитета по портовым делам от 14 ноября 1924 г. был рассмотрен вопрос о границах Николаевского торгового порта. В результате обсуждения было решено изменение в описании территориаль-

ной границы Николаевского порта в части, соприкасающейся с заводом «Наваль» и принятой в описании Николаевского Совещания по портовым делам от 15 июля, а именно: идет далее к востоку параллельно берегу до встречи существующей границы завода «Наваль», по этой границе спускается до уреза воды, далее тянется по уреза воды к востоку до западной границы казенной портовой территории.

Что же касается распространения сферы водного влияния Николаевского торгового порта на Очаковский район до стыка с конечным пунктом влияния Одесского порта (Березань), то комитет признал необходимым включить Очаковский район до о. Березань в сферу влияния николаевского порта, поручив ОМОРУ, по согласованию этого вопроса с штабом УВО, предоставить его в центр для окончательного решения [6, л. 36–37].

В 1925 г. были установлены границы портов: Николаев и Анапа – 10 февраля; Архангельск (Онега, Мезень, Куя) – 16 июня; Баку – 20 августа; Мурманск – 9 ноября [5, с. 31–32].

В 1926 г. установлены границы портов: Геническ – 30 апреля; Геленджик – 8 октября [5, с. 31–32]; Николаевск-на-Амуре и Александровск-на-Сахалине – 31 декабря 1926 г.

В 1927 г. установлены границы порта Ростов-на-Дону (Азов) – 4 июня; Краснодарск – 14 октября; Туапсе (Сочи, Адлер) – 11 декабря; Балаклава – 23 декабря; Сухуми (Очамчыры, Гудауты, Новый Афон, Гагры) – 30 декабря; уточнены границы порта Мурманск – 29 апреля. В этом же 1927 г., решением НКПС от 30 декабря, были уточнены границы порта Новороссийск [5, с. 31–32].

Продолжали уточняться границы морских торговых портов и в последующие годы, хотя уже и не так активно. Так, в частности, 25 сентября 1929 г., в частичную отмену приказа от 16 февраля 1924 г., был издан приказ НКПС РСФСР за № 1093 «Об изменении границ Таганрогского торгового порта».

Им на основании статьи 2 Положения о землях, предоставленных транспорту, по согласованию с Таганрогским Окрисполкомом, были объявлены для сведения и руководства границы территории порта в новом описании. Наиболее же важным, с нашей точки зрения, изменением, было то, что в приказе было предписано: «Водными границами Таганрогского торгового порта считать водное пространство от меридиана плавучего маяка Донских гирл до Безымянной косы включительно» [7].

В данном конкретном случае следует обратить внимание на то, что при определении границ портовой территории в изучаемый период в СССР крайне мало уделялось внимания четкому ограничению границ порта. Это следует признать существенным недостатком и пробелом в законодательстве. В имперский период водные границы порта чаще всего определялись достаточно четко [8, с. 422–430].

Дело собственно в том, что, не определив конкретно водные границы порта, невозможно было установить и юрисдикцию данной территории – порта, его начальника и т. д. Это не способствовало поддержанию в порядке акватории портов, определению расстановки судов, расследованию аварий морских судов и т. д.

Кроме того, вследствие своей обязанности обеспечивать полную безопасность движения судов на портовых акваториях и на подходах к ним, морские порты обла-

дают особыми правами в отношении затонувшего на этих акваториях и путях имущества.

Так, к примеру, приложение IX КТМ СССР 1929 г. «О затонувшем в море имуществе» устанавливало, что в тех случаях, когда затонувшее в пределах портовых вод, на фарватерах или вблизи границ морского порта имущество препятствует судоходству или производству гидротехнических работ, управление подлежащего морского порта имеет право установить определенный срок, необходимый для его подъема [9, с. 158], и назначить владельцу имущества, кроме того, особый срок для заявления о намерении производства подъемных работ. Если владелец имущества не известен, управление порта делает публикацию с предложением владельцу в назначенный срок заявить о своем намерении поднять затонувшее имущество и осуществить сам его подъем. При наличии сведений о флаге затонувшего иностранного судна, помимо публикации о сроках его подъема, порт ставит в известность комиссариат иностранных дел СССР о своих намерениях в отношении этого судна.

При непринятии владельцем затонувшего имущества мер к своевременному его подъему в пределах установленного морским портом срока порт имеет право поднять это имущество самостоятельно либо при необходимости уничтожить его. Все эти меры могли и должны были предприниматься портом и без предварительного назначения владельцу затонувшего имущества сроков на его подъем, если представляется необходимым удалить это имущество немедленно, поскольку оно препятствовало или угрожало безопасному судоходству.

Владелец затонувшего имущества утрачивал свои права на него либо с момента отказа от имущества, либо по истечении срока, данного заявлением о намерении поднять имущество, либо при невыполнении подъемных работ в срок, который был ему для этого назначен.

При рассмотрении норм Приложения IX к КТМ СССР 1929 г. следует иметь в виду, что они могли, по нашему мнению, применяться только в тех случаях, когда речь идет о подъеме имущества, не являющегося государственной социалистической собственностью. Иначе это могло привести к нарушению установленного законом порядка распределения средств и имущества, находящегося в оперативном управлении государственных организаций.

Сказанное не освобождало морские порты от обязанности своевременно осуществлять подъем любого затонувшего имущества, в том числе принадлежащего государственным социалистическим организациям, если это имущество препятствовало нормальному судоходству [9, с. 159].

Таким образом, установление и корректировка границ морских торговых портов СССР в изучаемый период происходили на основе как общесоюзного законодательства (постановления ЦИК и СНК СССР, СТО), так и приказов НКПС. В процессе установления границ морских торговых портов важное значение сыграла деятельность комитетов по портовым делам, которые представляли все заинтересованные в этом вопросе стороны. Существенным недостатком следует признать недостаточное внимание к установлению водных границ портов.

Список использованной литературы и источников:

15. Коваль А. В. Организация и деятельность комитетов по портовым делам в Черноморско-Азовском регионе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 44–57.
16. Государственный архив Республики Крым, ф. р-1584, оп. 2, д. 149. Переписка с центральным комитетом по портовым делам. 16.12.1925-1.12.1926. 22 л.
17. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 225. Протоколы Центрального комитета по портовым делам. 1927 г.
18. Отчет о деятельности Евпаторийского Морского Порты за 1922-1923 бюджетный год. – Евпатория, Крымполиграфтрест, 1924. – 47 с.
19. Сборник законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам. НКПС. Центральное управление морским транспортом. – М.: Транспечать, НКПС, 1928. – 380 с.
20. (43, л. 36–37)
21. Об изменении границ таганрогского торгового порта. URL : <http://lawru.info/dok/1929/09/25/n1199810.htm> (дата обращения – 7.12.2017).
22. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
23. Правовое регулирование деятельности морских торговых портов СССР. – М.: И-во Морской транспорт, 1957. – 160 с.

Lyubinetzkiy A. N. Establishment of borders of marine trade ports and their status in the USSR in 1920-1930 th // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 73–80.

In the article are indicated that establishment and adjustment of borders of marine trade ports of the USSR in a studied period took place on the basis of both all-union legislation (decisions of Central Executive Committee and Advice of Folk Commissars of the USSR, Advice of Labour and Defensive) and orders of Folk Commissariat of Ways of Report. In the process of establishment of borders of marine trade ports an important value was played by activity central and south committees on port businesses that presented all in this question parties concerned. It is necessary to confess insufficient attention a substantial defect to establishment of water borders of ports, that on occasion created hindrances for a normal navigation and exploitation of water-ways.

Keywords: ports, borders, central committee, south committee, decision, folk commissariat of ways of report.

Spisok ispolzovannoy literatury i istochnikov:

1. Koval A. V. Organizatsiya i deyatelnost komitetov po portovym delam v Chernomorsko-Azovskom regione // Uchenye zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 44–57.
2. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kryim, f. r-1584, op. 2, d. 149. Perepiska s tsestralnyim komitetom po portovym delam. 16.12.1925-1.12.1926. 22 l.
3. Tam zhe, f. r-1584, op. 2, d. 225. Protokoly Tsestralnogo komiteta po portovym delam. 1927 g.
4. Otchet o deyatelnosti Evpatoriyskogo Morskogo Porta za 1922-1923 byudzhetniy god. – Evpatoriya, Kryimpoligraftrest, 1924. – 47 s.
5. Sbornik zakonov i rasporyazheniy po trgovomu moreplavaniyu i portam. NKPS. Tsestralnoe upravlenie morskim transportom. – M.: Transpechat, NKPS, 1928. – 380 s.
6. (43, l. 36–37)
7. Ob izmenenii granits taganrogsckogo trgovogo porta. URL : <http://lawru.info/dok/1929/09/25/n1199810.htm> (data obrascheniya – 7.12.2017).
8. Zmerzlyiy B. V. Pravovoe regulirovanie trgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale HH v. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
9. Pravovoe regulirovanie deyatelnosti morskikh trgovyih portov SSSR. – M.: i-vo Morskoy transport, 1957. – 160 s.

УДК 340.11

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ИНТЕГРАЛЬНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ (ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Разнообразие видов правопонимания в конечном счете привело к появлению концепции интегрального правопонимания. Но и оно не смогло дать в такой степени интегрировать сложившиеся виды правопонимания, чтобы были определены весь состав источников права, место каждого из источников в составе права и взаимосвязь этих источников. В то же время игнорируется значение Конституции как акта позитивного права, на базе которого должно формироваться интегральное правопонимание. В предлагаемой вниманию читателей статье излагается пригодная для целей правоприменения схема концепции интегрального правопонимания, основанная на действующей Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: право, интегральное правопонимание, Конституция, состав права, источники права.

В начале XX века Г. Ф. Шершеневич обратил внимание на «историческое разобщение между философией права и юридическими науками. В то время как юристы занимались исключительно толкованием и систематизированием норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе не причастными к правоведению. Одни изучали право, как оно дано им в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы. Эта разобщенность продолжается, к сожалению, и донныне ...» [1, с. 15]. В. Н. Жуков не без оснований утверждает, что Г. Ф. Шершеневич обозначил болевые точки, имеющие место и сейчас [2, с. 22]. В этой связи представляется уместной и даже актуальной попытка формулирования современной, пригодной, по крайней мере, для целей правоприменения, концепции интегрального правопонимания на базе действующей Конституции Российской Федерации.

Многочисленность видов правопонимания и исследований каждого из них, общеизвестность имен ученых, которые занимались исследованиями в этой сфере и выдвинулись в категорию классиков, могут служить оправданием тому, что здесь нет указания на имена ученых, которые создали концепции, используемые в настоящей статье. Целью данной публикации является формулирование такой концепции интегрального правопонимания, которая дает целостное представление о реально действующем праве, которое (представление) необходимо для каждого профессионала, а особенно для тех профессионалов, которые работают в сфере правопримене-

ния и имеют возможность влиять на правоприменение в стране не только интеллектуально и профессионально, но и в силу данной им законом и занимаемыми должностями властью.

Следует согласиться с В. И. Круссом в том, что признание в Конституции РФ и охрана ею прав и свобод человека стали предпосылкой к получению правом исторически беспрецедентной возможности стать конституционным, то есть «повсеместно доступным для научной идентификации, образовательного усвоения и практического утверждения как права достоверного» [3, с. 171]. Возможно, В. И. Крусс несколько увлекся, утверждая, что конституционное правопонимание противостоит всем конкурирующим концептам права и неуклонно отсылает «в поисках ответов на любые вопросы к универсальному источнику правовых смыслов» [3, с. 171]. Но стержень обосновываемых В. И. Круссом идей не должен вызывать каких-либо сомнений.

Более того, достойно удивления то обстоятельство, что и после принятия Конституции РФ 1993 г. идея конституционного правопонимания не получила в юридической науке ни широкого распространения, ни всеобщего признания, хотя критиков она нашла быстро. В этой связи заметим, что идея конституционного правопонимания постепенно пробивает себе дорогу и косвенно признается не только в России.

Обратимся к авторитету бывшего председателя Федерального конституционного суда ФРГ и бывшего президента ФРГ Романа Херцога: «Понятие прав человека несет нагрузку и в смысле их происхождения и защищенности. Позитивизм считает, что права действуют в соответствии с тем и в том объеме, в котором они гарантируются государственно-правовыми нормами (нормативистская теория Кельзена). От этих прав отличаются те, источником которых являются христианские ценности и которые не требуют государственного признания, а действуют как надпозитивные права. Однако такой подход не имеет особого практического значения в ФРГ, поскольку Основной закон и без этого содержит широкий перечень прав, и не было особой необходимости провозглашать или апеллировать к понятию надпозитивных прав, хотя в начале своей деятельности ФКС использовал это понятие. Основной закон исключает конфликт действующей Конституции и надпозитивных прав. Догосударственные права – это те же самые права человека, санкционированные государством» [4, с. 15]. Разве эти мысли не созвучны тому, о чем пишет В. И. Крусс? Мы можем то же самое сказать, что сказал Р. Херцог о Конституции ФРГ, о Конституции Российской Федерации. Она впитала в себя все идеи и принципы естественного права, высшие достижения мировой философской и юридической мысли. Поэтому пора уже перейти от идеи преодоления позитивизма и утверждения естественного права и правопонимания к утверждению конституционного правопонимания, которое, как свидетельствует содержание Конституции РФ и принятых на ее основе законов, не может быть каким-либо другим, кроме как интегральным. Другое дело, что дорогу к утверждению конституционного правопонимания еще предстоит открыть – и науке, и, прежде всего, Конституционному Суду. Если бы удалось достигнуть утверждения конституционного правопонимания недостаточно определенные понятия не правового закона и правового закона можно было заме-

нить гораздо более определенными понятиями конституционного закона и закона, не соответствующего Конституции. Помимо большей определенности эти два последние понятия имеют также признак конструктивности, ибо нацеливают на решение проблемы прямого и реального действия Конституции, на поиск путей последовательного воплощения Конституции в общественные отношения. Мировой опыт показывает, что этому надо учиться непрерывно и долго. Эта учеба не может закончиться никогда, по крайней мере – в обозримом будущем.

Истоки современной правовой традиции в России, конечно же, являются советскими. А они не допускали того, чтобы стержнем права, определяющим и само понимание, была признана Конституция. Определение права, по советской традиции, непосредственно связывается с правовыми нормами. Так, один из ведущих советских теоретиков права Л. С. Явич писал: «Признание правом общих норм поведения явилось важным этапом в развитии советской науки и практики» [5, с. 75]. Для С. С. Алексеева право также было системой общеобязательных, формально – определенных норм [6, с. 104]. Такое понимание права вошло и в учебники теории права [7, с. 11].

Но изложенное не дает ответа на вопрос о том, в каких источниках следует искать эти самые нормы, которые в своей совокупности и составляют право. Исследуя на рубеже XIX и XX веков проблемы толкования и применения гражданских законов, Е. В. Васьковский пришел к выводу о том, что деятельность практической цивилистики должна состоять из четырех стадий: 1) собирания норм; 2) проверки их подлинности; 3) толкования; 4) догматической переработки [8, с. 53]. Но «собирание норм» он признавал выходящим за пределы «научного изучения права», поскольку эта деятельность «не относится к юридической методологии, как не относится к методологии естественных наук исследование способов собирания минералов, растений и животных» [8, с. 54]. По нашему мнению, это утверждение не является правильным. Истоки приведенного утверждения Е. В. Васьковского кроются в том, что он ограничил свою задачу исследования процесса работы с законами, полагая вместе с тем, что выводы относительно догматической переработки законов распространяются и на юридические обычаи, то есть несколько за пределы законов [8, с. 55].

Но этот подход, заключающийся в отождествлении толкования права, правовых норм (с обычаями включительно) и законов основательно укоренился в науке. С. И. Вильнянский в 1948 г. писал о толковании норм и законов, выбирал то термин «норма», то термин «закон», руководствуясь, как можно сделать вывод из соответствующего текста исключительно соображениями изящной словесности (имеется в виду, что многократное употребление одного и того же слова лишает текст признака изящной словесности) [9, с. 42–61].

И. С. Перетерский применительно к теме своего исследования полагал, что «толкование международного договора является одним из видов толкования юридических норм» [10, с. 5]. С таким подходом в свое время согласился П. Е. Недбайло: «В обыденной жизни и в литературе толкование законов и других нормативных актов весьма часто именуется просто толкованием правовых норм [11, с. 324–325]. Можно было бы и не возражать против такого подхода, если бы он не мешал делу,

не вуалировал проблемы, не низводил уровень повседневной практики правотолкования и правоприменения до уровня повседневного, интуитивного, иррационального, а в конечном счете до такого уровня, который немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кетц назвали органолептическим [12, с. 207].

А. С. Пиголкин издал монографию под названием «Толкование нормативных актов в СССР», что не помешало ему без каких-либо оговорок вести речь, то о толковании нормативных актов, то о толковании правовых норм [13, с. 5–9 и последующие]. Не стал противиться формированию традиции отождествления понятий толкования права (правовых норм) и толкования закона и А. Ф. Черданцев [14, с. 5–6], который де-факто принял на себя ответственность за развитие науки толкования права в СССР и постсоветской России и нес ее в течение, по крайней мере, 40 лет.

С. С. Алексеев писал, что «главное значение в праве имеет толкование нормативных юридических актов», хотя соответствующая глава в его книге и называлась «Толкование в праве» [15, с. 290].

На этом закончим обзор мнений советских ученых-юристов по проблеме понимания права и его толкования и посмотрим, как же далее развивались представления по этому вопросу в отечественной юридической науке.

Возникли новые условия, из которых следует обратить внимание на исчезновение идеологического контроля над юридической (да и не только юридической) наукой и появление концепции интегрального правопонимания, или интегральной юриспруденции. Эта концепция, правда, возникла еще в 50-е годы. Ее возникновение связывают с именем американского теоретика права Джерома Холла. Истоки этой концепции находят и в дореволюционной российской философии права. Она стала развиваться в последнее время и в современной России.

Сама по себе идея интегральной юриспруденции, интегрального правопонимания должна быть признана конструктивной. Но в теорию правотолкования и правоприменения она внедряется с трудом или вообще пока не внедряется. По существу интегративная юриспруденция пока остается как предмет дискуссии только в сфере философии права и весьма абстрактно понимаемой теории права. Соотечественник Джерома Холла, который имел возможность хорошо осмыслить разработанное им учение, профессор университета в г. Майами С. Хаак высказывает мнение о том, что необходимо искать «золотую середину» между «чисто рационалистическим правовым логицизмом и грубо циничным правовым реализмом» – только в этом случае право может выступать «двигателем морального прогресса» [16, с. 129].

Призыв искать «золотую середину» в середине прошлого века выглядел бы конструктивно. В XXI веке пора уже было делиться результатами таких поисков.

Пока же и философия права остается на позиции абстрактных научных поисков, и теория права вместе с отраслевыми юридическими науками не корректируют свои исследования с учетом констатации, в принципе, очевидной необходимости придания современному правопониманию характера интегрального нет. Даже и В. С. Нерсесянц, стремившийся свой изящный философский дискурс объединить с реальной юридической практикой, характеризовал легистский подход к пониманию права не без элементов примитивной схемы или даже карикатуры: «По существу именно для юридического (“юридический”, поясняет автор. – от слова *jus* – право. –

В. Р.) правопонимания вопрос “что такое право?” является подлинным вопросом, действительной проблемой. Для легистского (от слова *lex* – закон. – В. Р.) же подхода такого вопроса в подлинном смысле не существует, поскольку для него право – это уже официально данное, действующее, позитивное право. У легизма здесь нет проблем, у него лишь трудности с определением (дефиницией) того, что уже есть и известно как право. Трудность эта главным образом состоит в том, что определение позитивного права (как определенная согласованная, непротиворечивая, обобщенная характеристика изменчивого и противоречивого эмпирического материала действующего права) должно и соответствовать определяемому объекту, и вместе с тем быть свободным от его противоречий, исключений и особенностей, которые как раз и существенны для действующего права. Отсюда и та большая осторожность, с какой римские юристы относились к определениям и обобщенным характеристикам действующего права и его институтов. Об этом предупреждает и известное изречение “всякое определение опасно”, восходящее к положению юриста Яволена: “В гражданском праве всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто”» (Д 50.17.202) [17, с. 32–33].

Все-таки легистский подход не является столь примитивным. Ведь именно в законе мы находим отсылки и к обычаям (ст. 5 ГК), и к нравственности, добросовестности и справедливости (ст. 10, 169 ГК), и к официальному (очевидно, в первую очередь, – к судебному) толкованию (ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и к доктрине (ст. 1191 ГК), и к существу отношений сторон (ст. 4 СК; п. 3 ст. 307.1 ГК), и к интересам сторон или стороны [ст.1 ГК; ст.2 ГПК]. Разве в последних двух случаях не идет речь о включении в позитивное право социологических и аксиологических компонентов?

Поэтому автор настоящей статьи предлагает свое понимание интегральной юриспруденции, которое разработано преимущественно индуктивным путем – от осмысления в течение десятков лет эмпирического материала (положений правовых актов и практики правоприменения) до формирования на этой основе теоретических обобщений.

Осмысление эмпирического материала целесообразно было бы начать с обращения к Конституции РФ. Такой подход может вызвать возражения по той причине, что он уж очень явно устраняет претензии естественно-правового правопонимания на свою определяющую роль, если не вообще, то хотя бы в составе интегрального правопонимания, ориентированного на цели правотолкования и правопонимания. При этом имеется в виду, что Конституция РФ является стержнем позитивного права. А раз так, то речь надо вести не о преодолении позитивизма, о чем не только пишут в науке. Эту мысль можно встретить и в практике Конституционного суда РФ, пока что – в виде особого мнения судьи Г. А. Гаджиева к Постановлению Конституционного суда [от 16 июня 1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»].

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ, Конституция имеет прямое действие и подлежит применению на территории Российской Федерации. Конституция имеет также высшую юридическую силу. Все субъекты правотворчества в России обязаны соблюдать предписание части первой ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с ко-

торой законы и иные акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Часть вторая ст. 15 Конституции возлагает на органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, на граждан и их объединения обязанность соблюдать Конституцию и законы. Это перекликается с положением части первой ст. 120 Конституции о том, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

В соответствии с частью четвертой ст. 15 Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Они включаются в состав позитивного права.

Указы и распоряжения Президента Российской Федерации также не должны противоречить Конституции и федеральным законам (часть третья ст. 90 Конституции). При этом указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации (часть вторая ст. 90 Конституции).

Из части третьей ст. 115 Конституции («постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам и указам Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации») при помощи вывода от последующего правового явления (возможности отмены постановлений и распоряжений Правительства ввиду их противоречия Конституции, федеральным законам и указам Президента) обнаруживается правовая норма, запрещающая Правительству Российской Федерации издавать постановления и распоряжения в противоречии с Конституцией, федеральными законами и указами Президента. При условии отсутствия такого противоречия постановления и распоряжения правительства Российской Федерации обязательны к исполнению (часть вторая ст. 115 Конституции).

Конституция РФ (ст. 76) признает также правотворческие полномочия субъектов Российской Федерации, которые осуществляются в пределах и в соответствии с этой статьей. Поскольку ст. 12 Конституции признает самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий, ст. 43 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает целую систему муниципальных правовых актов. Уже это краткое изложение некоторых положений Конституции РФ дает основания утверждать, что основное содержание объективного права, которое действует в России и подлежит применению и толкованию, составляют нормативные правовые акты, включающие в себя Конституцию, федеральные конституционные законы, иные федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, иные нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты.

Заметим, что термин «законодательство» к настоящему времени утратил свою определенность, поскольку в одних случаях им охватываются все нормативные правовые акты (ст. 3 ГК), которые устанавливают нормы соответствующей отрасли

права, в других случаях к ним относятся и муниципальные правовые акты представительных органов муниципальных образований (ст. 2 БК), в третьих случаях термином «законодательство» охватываются только федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации (ст. 5 ГК). Поэтому во избежание неопределенности употребление термина «законодательство» в тексте, имеющем теоретико-правовое или межотраслевое содержание, является нецелесообразным.

Следующий после нормативных правовых актов блок правовых актов, охватываемых понятием позитивного права, – это «внутренние документы» акционерных обществ (подпункт 8 п. 2 ст. 33 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»; подпункт 19 п. 1 ст. 48; подпункт 13 п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об акционерных обществах»), других корпоративных юридических лиц. К этой же категории правовых актов относятся коллективные договоры, соглашения, локальные нормативные акты – источники трудового права. Их юридическая обязательность либо прямо предусмотрена законом, либо вытекает из него.

Договоры (гражданско-правовые, трудовые, административные), иные обязательные индивидуальные акты прямо в состав права не могут быть включены в силу укоренившегося в науке представления о нормах права как таких, которые распространяются не на конкретных субъектов, а на неопределенный круг лиц. Но они в силу указания закона обязательны к исполнению, применяются вместе с правовыми нормами, дополняют нормативный регулятор. Поэтому такие акты должны быть признаны третьим блоком, составляющим позитивное право.

В содержание позитивного права включаются нормы нравственности, поскольку Конституция (например, часть третья ст. 55) или федеральный закон отсылают к такого рода нормам (например, в соответствии со ст. 169 ГК признаются ничтожными сделки, совершенные с целью, противной основам нравственности). Ряд положений Гражданского кодекса отсылает к справедливости (п. 1 ст. 308.3; п. 5 ст. 393 ГК), а несправедливость приговора является основанием для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке наряду с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и неправильным применением уголовного закона (ст. 389.15 УПК). Это – четвертый блок норм, включаемых в содержание права.

Пятый блок норм, который включается в содержание позитивного права, – это обычаи. Они занимают довольно высокое место в иерархии средств правового регулирования, поскольку препятствуют применению гражданского законодательства в порядке аналогии закона, а тем более – регулированию гражданских отношений исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, то есть в порядке аналогии права (ст. 6 ГК).

Устоявшаяся судебная практика составляет шестой блок источников, образующих позитивное право. Ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предписывает Конституционному Суду при принятии решения по делу оценивать как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой. Ст. 1191 ГК предписывает судам при применении иностранного права устанавливать содержание его норм, в частности в

соответствии с их официальным толкованием, практикой применения. Пункт 4 ч. 4 ст. 180 КАС устанавливает, что «в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятые Верховным Судом Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики и законности». Ст. 310 КАС к неправильному применению норм материального права, являющемуся основанием для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке, относит неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовых позиций, содержащихся в постановлениях Конституционного суда, Пленума Верховного Суда, Президиума Верховного Суда. Эти два законодательные положения содержат прямые указания на обязательность правовых позиций, выработанных названными органами судебной власти. В других случаях (ст. 391.9 ГПК; ст. 341 КАС; ст. 308.8 АПК) основанием для отмены или изменения судебных постановлений названо, в частности нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права. Президиум Верховного Суда в Обзоре судебной практики Верховного Суда, утвержденном 25 ноября 2015 г. разъясняет, что «под нарушение судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в постановлении Президиума Верховного Суда РФ».

Седьмой блок источников позитивного права – это доктрина. Ее особенность заключается в том, что без нее современное позитивное право является невыполнимым, поскольку опускается до повседневного, бытового уровня. Указание в ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» на учет Конституционным Судом не только официального, но и иного толкования, может быть интерпретировано как предписание учитывать доктринальное толкование соответствующего акта. На обязанность суда устанавливать содержание норм иностранного права в соответствии с доктриной, существующей в соответствующем иностранном государстве, указывается в ст. 1191 ГК.

За пределы позитивного права не выходят социологические и аксиологические компоненты, поскольку на них либо содержится прямое указание в законе как на источник, в котором следует искать в соответствующих случаях содержание правового регулирования, либо необходимость их учета при правотолковании и правоприменении вытекает из логики закона, иного нормативного правового акта или отдельного его положения.

В международном праве выделяются акты так называемого «мягкого» права. К ним, как обычно считается, относятся резолюции, декларации и тому подобные международные документы. Но это не вполне точно. С одной стороны, когда к актам мягкого права относят Всеобщую декларацию прав человека, то она, хотя и принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, а поэтому считается документом, который рекомендован для всех членов ООН, содержит общепризнан-

ные принципы и нормы международного права, которые признаются частью правовой системы Российской Федерации (часть четвертая ст. 15 Конституции). С другой стороны, к актам «мягкого» права относится Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, хотя он и является международным договором. Он ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР и вступил в силу для СССР 3 января 1978 г. Для Российской Федерации он является обязательным в силу правопреемства. Его юридическая сила основывается также на ст. 15 Конституции. И все же ст. 2 указанного Пакта не обязывает его участников безусловно гарантировать предусмотренные им права, а только предписывает им «принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер». Приведенная формулировка исключает признание Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах актом «твердого» или «жесткого» права. Таким образом, следует признать, что акты «мягкого» права не имеют самостоятельного места и значения в составе позитивного права или права вообще. Но они могут использоваться при толковании актов позитивного права, в особенности Конституции.

Приведенный здесь состав позитивного права, во-первых, показывает, что интегральное правопонимание для целей правоприменения может быть сформировано на базе конституционного, то есть позитивистского правопонимания, если только последнее не будет доводиться до абсурда. Во-вторых, приведенный состав позитивного права исключает отождествление толкования права и правовых норм, поскольку до того, как субъект правотолкования подойдет к толкованию норм права, он должен выполнить большой объем работы, связанный с определением источников, в которых он будет искать правовые нормы и на основе которых он будет эти нормы конструировать, если только эти нормы непосредственно не сформулированы в соответствующих источниках. В-третьих, приведенный состав позитивного права, возможно, и не является исчерпывающим. Возможно, есть и иные компоненты, входящие в состав позитивного права и прямо или косвенно определяющие содержание правового регулирования. О них следует вести дискуссию. Возможность их признания источниками права (позитивного) необходимо обосновывать. Но такие компоненты немотивированно и безоговорочно приносить в состав права (позитивного) нельзя, хотя бы такое приращение и осуществлял Конституционный суд.

В частности, в мотивировочной части Постановления Конституционного суда от 25 января 2001 г. № 1-П сначала дается ссылка ст. 52 и 53 Конституции, которые интерпретируются таким образом, что отсутствие в них «указания на необходимость вины соответствующего должностного лица или лиц, выступающих от имени органа государственной власти, как на условие возмещения государством причиненного вреда, не означает, что вред, причиненный, в частности, при осуществлении правосудия незаконными действиями (или бездействием) органа судебной власти и его должностных лиц, в том числе в результате злоупотребления властью, возмещается государством независимо от наличия их вины». А потом утверждается, что

«наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания». Но сразу же возникает вопрос о том, что же это за принцип и где же место упомянутого принципа в составе права. К тому же это место должно быть высоким, чтобы указанный принцип мог повлиять на решение вопроса о соответствии Конституции положения предложения второго п. 2 ст. 1070 ГК («вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу»). Подвести этот «общий и общепризнанный» принцип под формулировку части четвертой ст. 15 Конституции «Общепризнанные принципы и нормы международного права» невозможно. Значит, Конституционный суд считает возможным не только индуктивно выводить принципы из многочисленных норм, в данном случае, гражданского права, но и применять такие принципы преимущественно перед установленными законом конкретными правовыми нормами. Такая практика в свое время была опробована Президиумом Высшего Арбитражного Суда, который пришел к выводу о том, что в соответствии с основными принципами Гражданского кодекса за одно и то же правонарушение не могут применяться две меры ответственности. Но текстуально в Гражданском кодексе указанный принцип не закреплен. Он был, очевидно, выведен Президиумом Высшего Арбитражного Суда из Гражданского кодекса индуктивно. Это не помешало Президиуму Высшего Арбитражного Суда применить указанный принцип преимущественно перед ст. 395 ГК и отказать в иске о взыскании процентов (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 18 ноября 1997 г. №2969/97). Пеню за просрочку платежа Президиум все-таки взыскал, но уменьшил сумму пени на основании ст. 333 ГК.

Автор этой статьи не уверен в том, что закону не соответствует практика индуктивного выведения принципов из положений законов и последующее применение таких принципов вопреки конкретным правовым нормам. Но в любом случае, совершая такую операцию, суд (а тем более – Конституционный суд) не должен был ограничиваться указанием на выведенный индуктивно «общий и общепризнанный принцип» вины как условия ответственности, а изложить весь логический дискурс, который привел к выводу о возможности индуктивного выведения такого принципа и корректировки с его помощью ст. 52 и 53 Конституции, ибо Конституционный суд – это не только средоточие власти, но и средоточие интеллекта и профессионализма. И юридическое сообщество ожидает от Конституционного суда не только обладающих обязательной юридической силой актов правосудия, но и уроков правотолкования, правоприменения и образцов правосудия.

Но, как представляется, в данном случае какой-либо логический дискурс был и вообще невозможным, ибо речь шла о весьма специфических отношениях, когда государство при осуществлении судебной власти причиняет вред своему гражданину. По логике вещей, государство как могущественнейший субъект в споре с противостоящим ему слабым и, как обнаруживается, беззащитным гражданином должно

было бы взять на себя ответственность и возместить вред, причиненный гражданину при осуществлении правосудия, без каких-либо условий (кроме условий, установленных ст. 53 Конституции, которые не могут вызывать каких-либо критических замечаний). И это было бы возможно, если бы не обнаружился этот «общий и общепризнанный принцип».

Такой «общий и общепризнанный принцип», если бы дело касалось юридической ответственности человека, можно было бы вывести из ст. 2 Конституции. И это вполне укладывалось бы в пределы полномочий Конституционного суда. Но в данном случае речь шла об ответственности государства перед человеком. И найти конституционные основания для формулирования указанного принципа в позитивном праве, да и в праве вообще, было невозможно. Это лишь подчеркивает актуальность и значимость проблемы привнесения в позитивное право чуждых ему элементов.

Состав компонентов, охватываемых понятием позитивного права, должен особо тщательно осмысливаться и тогда, когда речь идет о включении в него аксиологических и социологических элементов. В упомянутом выше Постановлении Конституционного суда даются ссылки на целый ряд социологических элементов: 1) возможность предъявления в суде требований о возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия, на общих основаниях будет порождать параллельно с производством в апелляционном и кассационном производстве, производство по делам о возмещении вреда, что по существу перечеркнет процедуру пересмотра судебных решений вышестоящими инстанциями; 2) при отправлении правосудия судья применяет общую правовую норму к конкретным обстоятельствам, дает собственное толкование правовых норм, оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него) и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной); 3) наличие судебской дискреции делает трудновыполнимой задачу разграничения «незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины».

Раз Конституционный суд в обоснование своего Постановления ссылается на эти обстоятельства, значит он признает их имеющими юридическое содержание и значение. Они при таких условиях не могут не иметь такого содержания и значения. Иначе они не приводились бы в подтверждение соответствия п. 2 ст. 1070 ГК Конституции Российской Федерации. И все-таки представляется, что в данном случае приведенные Конституционным Судом обстоятельства не могли юридически повлиять на разрешение дела. Эти обстоятельства нельзя отнести к социологическому компоненту позитивного права. А потому они были излишними и даже неуместными. Они уместны были бы в выступлении депутата в Государственной Думе, который обосновывал бы отсутствие необходимости во внесении изменений в п. 2 ст. 1070 ГК.

Однако практика использования Конституционным Судом подобного рода ссылок в порядке мотивировки своих постановлений получила распространение. И эта практика свидетельствует о том, что Конституционный суд подчас решает не вопросы о конституционности соответствующих правовых актов, а вопросы об уста-

новлении целесообразного правового регулирования. Но это уже – предмет иного исследования.

Изложенное дает основание для вывода о необходимости дальнейшего исследования состава позитивного права и регулирующего значения каждого из компонентов, входящих в этот состав. Целью является достижение такого положения, когда каждый юрист будет не только четко представлять себе состав компонентов позитивного права, но четко понимать место каждого из этих компонентов в составе позитивного права, его соотношение с другими компонентами и юридическое значение каждого из компонентов.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. *Философия права*. Т. 1. Часть теоретическая. *Общая теория права*. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911.
2. Жуков В. Н. *Философия права (теоретико-методологический аспект)* // *Государство и право*. – 2009. – № 3. – С. 21–30.
3. Крусс В. *Конституционное правопонимание* // *Право України*. – 2010. – №4. – С. 170–175.
4. *Цит. по: Общая теория прав человека* / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М.: Норма, 1996. – 520 с.
5. Явич Л. С. *Общая теория права*. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. – 288 с.
6. Алексеев С. С. *Общая теория права: В 2-х т. Т.1.* – М.: Юридическая литература, 1981. – 360 с.
7. *Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т.2.* / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
8. Васьковский Е. В. *Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов*. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
9. Вильнянский С. И. *Толкование и применение гражданско-правовых норм* // *Методологические материалы Всесоюзного юридического заочного института*. – 1948. – Вып. 2. – С. 42–61.
10. Перетерский И. С. *Толкование международных договоров*. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
11. Недбайло П. Е. *Применение советских правовых норм*. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.
12. Цвайгерт К., Кетц Х. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В. 2-х т. Т. 1. Основы*. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
13. Пиголкин А. С. *Толкование нормативных актов в СССР*. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
14. Черданцев А. Ф. *Толкование советского права*. – М.: Юридическая литература, 1976. – 168 с.
15. Алексеев С. С. *Общая теория права: В 2-х т. Т. 2.* – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
16. Антонов М. В. *Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство. XXIII Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии* // *Правоведение*. – 2008. – № 2. – С. 126–130.

Rotan. V. The constitutional nature of integral law interpretation (aspect of law application) // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 82–94.

A variety of types of law interpretation finally led to the emergence of the conception of integral law interpretation. But it could not integrate the existing types of law interpretation to the extent that the whole structure of the sources of law was determined, as well as the place of each source in the structure of law and the interrelation of these sources. At the same time the importance of the Constitution as an act of positive law is often ignored, despite the fact that it should be a base for the formation of the integral law interpretation. In the present article, which is offered to attention of readers, the scheme of the concept of integral law interpretation based on the Constitution of the Russian Federation and suitable for the purposes of the law application is proposed.

Key words: law; integral law interpretation; Constitution of the Russian Federation; structure of law; sources of law.

Spisok literatury

1. Shershenevich G. F. *Filosofiya prava*. T.1. Chast teoreticheskaya. *Obschaya teoriya prava*. – M.: Izdanie Br. Bashmakovyih, 1911.
2. Zhukov V. N. *Filosofiya prava (teoretiko-metodologicheskii aspekt)* V.N. Zhukov // *Gosudarstvo i pravo*. – 2009. – №3. – S. 21-30.
3. Kruss V. *Konstitutsionnoe pravoponimanie* / V. Kruss // *Pravo UkraYini*. – 2010. – №4. – S. 170–175.
4. Tsit. po: *Obschaya teoriya prav cheloveka* / Pod red. E.A. Lukashevoy. – M.: Norma, 1996. – 520 s.
5. Yavich L. S. *Obschaya teoriya prava*. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1976. – 288 s.
6. Alekseev S. S. *Obschaya teoriya prava: V 2-h t. T.1*. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1981. – 360 s.
7. *Obschaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs v 2-h tomah. T.2*. / Pod red. M. N. Marchenko. – M.: Zertsalo, 1998. – 640 s.
8. Vaskovskiy E. V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov*. – M.: TsentrYurInfoR, 2002. – 508 s.
9. Vilnyanskiy S. I. *Tolkovanie i primeneniye grazhdansko-pravovyih norm* / S.I. Vilnyanskiy // *Metodologicheskie materialy Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta*. – 1948. – Vyip. 2. – S. 42–61.
10. Pereterskiy I. S. *Tolkovanie mezhdunarodnyih dogovorov*. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 172 s.
11. Nedbaylo P. E. *Primeneniye sovetskikh pravovyih norm*. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 511 s.
12. Tsvaygert K., Ketts H. *Vvedeniye v sravnitelnoye pravovedeniye v sfere chastnogo prava. V. 2-h t. T. 1. Osnovyi*. – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. – 480 s.
13. Pigolkin A. S. *Tolkovanie normativnyih aktov v SSSR*. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 166 s.
14. Cherdantsev A. F. *Tolkovanie sovetskogo prava*. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. – 168 s.
15. Alekseev S. S. *Obschaya teoriya prava: V 2-h t. T.2*. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
16. Antonov M. V. *Pravo i pravovyye kul'tury v XXI veke: razlichie i edinstvo. XXIII Vsemirnyiy kongress Mezhdunarodnoy assotsiatsii filosofii prava i sotsialnoy filosofii* / M. V. Antonov, A. V. Polyakov // *Pravovedeniye*. – 2008. – № 2. – S. 126–130.

УДК 347.79

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВИЛ ПРИПИСКИ МОРСКИХ СУДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В СССР

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Работа посвящена изучению правового регулирования правил приписки морских судов в первой половине XX века в СССР, которое был призвано повысить безопасность торгового мореплавания. Общемировая практика по приписке судов к конкретному порту в России получила начало с принятием указа от 23 июня 1865 г. Важный вклад в разработке многих вопросов в этом направлении внесли рассматриваемые в работе международные Конгрессы по судоходству. Основы современного правового фундамента относительно правил регистрации и технического освидетельствования судов были выработаны в первой половине XX века. В работе рассматриваются основные правовые акты изучаемого периода, регулирующие эту деятельность, анализируется их роль в обеспечении безопасности торгового мореплавания в СССР. Установлено, что правовой фундамент относительно правил регистрации и технического освидетельствования судов в СССР в первой половине XX века базировался как на отечественном, так и зарубежном опыте, откорректированном с учетом специфики страны и сложившихся социально-экономических условий.

Ключевые слова: правовое регулирование, торговое судоходство, безопасность торгового мореплавания, морское судно, международный конгресс, торговый порт, нормативно-правовой акт, приписка судов, судовой регистр, техническое освидетельствование судов.

Известно, что в последние годы в РФ достаточно большие ресурсы государства стали направляться на развитие транспортной морской и портовой инфраструктуры, инфраструктуры внутреннего водного транспорта. Осваивается Северный морской путь, по всей стране строятся и модернизируются порты, находившиеся в упадке с начала 90-х (Санкт-Петербургский морской канал, порт Усть-Луга в Ленинградской области, транспортные узлы Мурманский и Восточный–Находка и многое другое), решается проблема транспортной доступности Крымского полуострова не только за счет строительства моста, но и совершенствования паромной инфраструктуры и встраивания ее в дальнейшем в международный транспортный коридор «Север – Юг», активно пополняется новыми судами ледокольный и торговый флот, обновляются средства связи и навигации.

При таком интенсивном развитии инфраструктуры закономерное развитие получит и сфера торгового мореплавания – ключевой элемент данной системы. В то же время повышение безопасности торгового мореплавания в данных условия приобретает особую актуальность. Решение данного вопроса требует пристального внимания и всестороннего изучения, что невозможно без учета богатого и по большей части положительного исторического опыта. Во многом схожие процессы, свя-

занные с активной модернизацией и развитием экономики, восстановлением деятельности всего комплекса торгового судоходства, протекали в первой половине XX века в СССР. Упорядочиванию деятельности торгового мореплавания через установление правил приписки морских судов отводилось важное место в этом процессе.

Цель работы: показать эволюцию развития правового регулирования правил приписки морских судов в первой половине XX века в СССР как деятельности по упорядочиванию торгового мореплавания и важного элемента системы по обеспечению безопасности торгового мореплавания. При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: В. Г. Воронина, В. Н. Гуцуляка, С. А. Гурьева, И. В. Зенкина, Б. В. Змерзлого и др. [2; 11; 12; 13; 14]. В работах отечественных и зарубежных авторов исследование данного вопроса в обозначенном нами аспекте и временных рамках не проводилось или же проводилось поверхностно в рамках изучения другой, более широкой проблемы.

Общемировая практика по приписке судов к конкретному порту в России получила начало с принятием указа от 23 июня 1865 г. «Правила о порядке выдачи патентов на Русский флаг» [1, с. 27]. В соответствии с указом поднятие российского купеческого флага разрешалось по внесении судна в корабельный список одного из российских портов и по выдаче владельцу патента. Обязанность по регистрации судов была возложена на таможенные органы империи. Правила же относительно регистрации и технического освидетельствования судов были выработаны лишь в начале XX в. [2, с. 146–147].

Важный вклад в разработку многих вопросов в этом направлении внесли международные Конгрессы по судоходству. Так, решением IX Международного Конгресса по судоходству в 1905 г. была создана постоянная международная Ассоциация конгрессов по судоходству (ПМАКС) как неполитическая, некоммерческая техническая организация. Членами Постоянной международной Ассоциации конгрессов по судоходству были частные лица, организации и правительства. Целями Ассоциации объявлялось содействие развитию морского и речного судоходства, поощрение прогресса в конструировании, проектировании, строительстве, модернизации, содержании и эксплуатации речных и морских путей, подходов к портам, каналов, речных и морских портов, прибрежных районов. Эксплуатация рыболовных, спортивных и прогулочных судов также входит в круг интересов организации.

Первый международный конгресс по судоходству состоялся в Брюсселе в 1885 г. Затем они проводились ежегодно или раз в 2 года, кочуя по Европе. После десятого конгресса 1905 г. в Милане был определен трехгодичный цикл проведения.

XI международный судоходный конгресс в Санкт-Петербурге открылся 19 мая 1908 г. На нем основное время отвели обсуждению положения судоходства в ведущих странах мира, состоянию каналов и проблемам развития разного рода портов: морских, рыболовных, убежищ для каботажного флота и пр. Сильные прения вызвал вопрос «монополии тяги»: австрийские и германские специалисты выступали за государственную монополию на право проводки судов по каналам, рекам и озерам посредством механической тяги, в то время как их французские и бельгийские коллеги защищали частную инициативу в этом вопросе [3, с. 38–43].

Следующий, двенадцатый, предвоенный судоходный конгресс проходил в Будапеште.

С началом революционных событий 1917 г. система органов, занимавшихся этими вопросами, стала резко меняться, а первые годы советской власти характеризуются разработкой и принятием скорее чрезвычайного законодательства в этом вопросе, нежели осознанным созданием логической единой системы. Как известно, 3 апреля 1919 г. было опубликовано постановление народного комиссара труда «О передаче надзора по технике безопасности судов в ведение народного комиссариата труда». Им предлагалось, что находящиеся в составе главного управления водного транспорта (Главвода) отдел по испытанию паровых котлов на судах и учреждение портовых техников переходят, с момента опубликования этого постановления, со всем имуществом, делами, приборами и инструментами в отдел социального обеспечения и охраны труда комиссариата труда, образуя в его составе «Инспекцию Судостроительства».

Личный состав отдела по испытанию паровых котлов на судах и учреждения портовых техников, как в центре, так и на местах переходил в ведение комиссариата труда в мере, действительной надобности названного личного состава для успешной работы в «Инспекции Судостроительства». Взаимоотношения между «Инспекцией Судостроительства» комиссариата труда и центральными и местными органами Главвода предлагалось установить особой инструкцией, изданной комиссариатом труда по соглашению с Главводом. Главвод также обязывался сдать архивы, дела, имущество, приборы и инструменты отдела по испытанию паровых котлов на судах и учреждения портовых техников в двухнедельный срок со дня опубликования постановления в комиссариат труда [4, с. 284–285].

В развитие данного положения 13 октября 1922 г. в УССР местным СНК было принято постановление «Про освідчення парових котлів та апаратів, працюючих під нагнітом» [5, ст. 608]. Им, в частности, предусматривался порядок и стоимость проведения испытаний паровых котлов, а также приборов, работающих под давлением пара или на газу.

Что же касается измерения вместимости торговых судов, то данному вопросу было посвящено принятое специальным декретом положение от 16 мая 1921 г. Согласно данному документу измерение вместимости судов торгового флота РСФСР следовало производить по системе Мурсома (Morsom). Технические правила о производстве обмера судов разрабатывались НКПС по соглашению с НКВТ и утверждались высшим советом по перевозкам.

По вопросам измерений иностранных торговых судов и о значении их национальных свидетельств предусматривалось издание особых правил. До их издания национальные свидетельства иностранных судов могли служить удостоверением их вместимости, если судно было измерено по принятому в РСФСР способу и если притом в государстве, к которому принадлежало судно, русским мерительным свидетельствам предоставлялось такое же преимущество (п. 12).

В полном соответствии с данным документом и на его основании 1 апреля 1922 г. было принято соответствующее постановление СНК УССР «Про вимір суднів морської торговельної флоти» [5, Ст. 255]. Основными отличиями данного

документа можно считать то, что согласно существовавшей тогда системе уполномоченных центральных органов власти на Украине все основные разработки и согласования производились не непосредственно центральными ведомствами, а их с помощью уполномоченных при них представителей УССР (п. 1). При этом мерительные свидетельства составлялись на украинском или русском языках, но обязательно на английском (п. 9).

Важным дополнением в украинском документе было то, что уполномоченному путей сообщения поручалось «об'явити форми судових паперів: судового призначення, судового свідоцтва, посвідчення про огляд торговельного судна та мірильного свідоцтва» (п. 13).

Следует также упомянуть, что с постепенным возрождением торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в этот период было более чем актуально его регулирование соответствующими нормативно-правовыми актами. Так, к примеру, согласно отчету о деятельности управления керченского торгового порта за июль 1923 г. по административной части было освидетельствовано 37 судов [6, л. 33–33 об.]. Эта работа пополняла не только скудный бюджет страны и портов, но и способствовала дальнейшему становлению в регионе международных стандартов торгового флота.

Так, в отчете о деятельности управления керченского торгового порта за июль 1923 г. Находим, что за этот период в порту было освидетельствовано 37 судов. Также известно, что в 1924 г. в Севастополе работала местная комиссия по проверке судовых документов, председателем ее был Алексеев. В Керчи соответствующую подкомиссию по проверке судовых документов частновладельческих судов керченского торгового порта возглавлял помощник начальника порта по административной части К. Н. Даль [7, л. 47]. В декабре 1924 г. ей были предоставлены документы на 14 судов [8, л. 19].

Происходила и иная работа в этом направлении. Так, на основании приказа НКПС от 10 декабря 1923 г. № 1825 13 июня 1925 г. в официальном отделе «ВПС» № 753 в рубрике «Приказы Центрального Управления морского транспорта НКПС» (Москва) была опубликована информация о присвоении позывных флажных сигналов судам морского торгового флота СССР, приписанным к портам Черного и Азовского морей, флажные позывные сигналы по международному своду: WBNS/ЧБОУ «Вьюга»; WBNT/ЧБОУ «Нечай»; WBNU / ЧБОХ «Сухум» [9, л. 18].

Следует также упомянуть, что в этот период (1923 г.) был разработан ряд важнейших нормативно-правовых актов, направленный на строгий учет имеющихся торговых судов. К ним следует отнести: приказы центрального управления морского транспорта (далее – ЦУМТ) № 1214 от 7 февраля 1923 г. «Об обязательном присвоении всем судам морского торгового флота наименований или номеров»; № 1725 «Формы свидетельства на право плавания и судового свидетельства» от 10 мая 1923 г.; № 1898 «Форма временного свидетельства на право плавания под флагом РСФСР» от 9 июня 1923 г.; от 4 сентября 1923 года № 11408. «О приписке судов к портам (объявлены для точного и неуклонного исполнения и руководства)» (вступили в действие с 01 января 1924 г.), «Правила о приписке морских торговых судов к портам и о регистрации таковых судов», а также «Правила о приписке маломер-

ных морских судов»; «Правила о приписке маломерных морских судов» от 4 сентября 1923 г. (вступили в действие с 1 января 1924 г.); постановление СТО СССР «Об учете судов Морского торгового флота» от 27 октября 1923 г.; приказ ЦУМТ № 11631 от 9 ноября 1923 г. «О переименовании судов Морского торгового флота СССР»; приказ ЦУМТ № 11714 от 23 ноября 1923 г. «Об отметках о взыскании гербового сбора при выдаче судовых документов».

Многие из этих нормативных актов были изданы во исполнение, развитие и изменение более ранних, таких как, к примеру, декрет СНК от 22 сентября 1919 г. «О приписке морских судов к порту». Им приписка морских судов к порту передавалась из ведения Главного Управления (ГУ) таможенного контроля при комиссариате торговли и промышленности в ГУ водного транспорта ВСНХ (Главвод). ГУ таможенного контроля в месячный срок должно было передать Главводу необходимые делопроизводство и материалы по приписке морских судов к порту. Самому же Главводу было поручено немедленно выработать и опубликовать с утверждения президиума ВСНХ правила о приписке морских судов к порту органами Главвода [4, с. 660].

Положение «О приписке судов к порту», оформленное как постановление ВСНХ, было издано уже 24 октября 1919 г. и состояло из 7 разделов. Первый был посвящен ведению судовых списков. В нем указывалось, что все морские суда, носящие флаг РСФСР, подлежат регистрации в портовых управлениях, для чего последними ведутся судовые списки (п. 1). Эти списки были открыты для обозрения всех заинтересованных учреждений и лиц (п. 2). В разделе II содержался перечень необходимых сведений для внесения в судовой список. Раздел III регулировал вопросы перемены порта приписки судна. В нем, в частности, указывалось, что назначенный в судовом списке порт приписки судна мог быть, по усмотрению ГУ Водного Транспорта или собственника судна, если оно не национализировано, переменяем (п. 10). Внесению в судовой список морских судов, приобретенных за границей, посвящался раздел IV. Указывалось, что при приобретении за границей судна лицом, имеющим правом пользоваться флагом РСФСР, временное свидетельство на плавание до избранного порта приписки выдавалось местным Российским Консульством на основании правил, установленных Консульским уставом (п. 13). По прибытии снабженного временным свидетельством судна в пределы избранного собственником судна портового управления, судно вносилось в судовой список в общем установленном этими правилами порядке (п. 14).

Внесение в судовой список новых данных регламентировал раздел V. Предусматривалось, что сведения о всех существенных изменениях, касающихся судна, подлежат внесению в судовой список. Раздел VI регулировал порядок исключения судов из судового списка. Ну и последний, VII раздел, был посвящен регистрации маломерных судов менее 20 т. [4, с. 703–706].

Судя по содержанию вышерассмотренного документа, он базировался на отечественном и зарубежном опыте лишь откорректированном с учетом сложившихся социально-экономических условий. Тенденция к дальнейшей коррекции вопросов, связанных с припиской и регистрацией судов, сохранилась и в декрете СНК РСФСР от 20 мая 1921 г. «О приписке морских судов к порту и о внесении их в судовой ре-

есть». Им, в частности, признавалась для всех русских морских судов обязательной заявка для приписки их к тому порту, из которого они обычно совершали плавание.

Для морских судов вместимостью в 20 и более регистровых тонн, вводилась, сверх приписки к порту, обязательная заявка для внесения в судовой реестр (п. 1).

ГУПС обязывалось определить те портовые управления, при которых будут вестись судовые реестры, и установить район каждого из них. На образуемые таким образом в составе портового управления регистрационные учреждения могло быть возложено ведение реестра судам, приписанным к различным портам, расположенным на одном море (п. 2).

При этом приписке к портовым управлениям подлежали все русские суда, предназначенные для морской перевозки грузов и пассажиров, морских промыслов (рыболовных, китобойных и т. п.), буксирные, спасательные, лоцманские и иные вспомогательные морские суда, баржи, яхты, лодки и т. п., совершающие плавание вне района внутренних вод РСФСР, в чьем бы ведении они ни находились и кем бы они ни использовались, независимо от их размеров, устройства и назначения.

Внесению в судовой реестр при регистрационных учреждениях подлежали морские суда вместимостью в 20 и более регистровых тонн (п. 3). Русские морские суда вместимостью менее 20 регистровых тонн также могли вноситься регистрационным учреждением в судовой реестр по просьбе о том владельцев судна.

Подразумевалось, что русскими судами признаются все морские суда, принадлежащие РСФСР, а также русским гражданам и коллективам.

Также разрешалась приписка лодок, шлюпок и проч. беспалубных судов, имеющих постоянный причал вне портовых вод, к месту их постоянного причала в управление милиции, в ведении которого находился соответствующий прибрежный участок.

При этом от обязанности приписки к порту и внесения в судовой реестр освобождаются суда, специально построенные для военных целей, поскольку за ними сохранялось военное назначение, а также лодки, шлюпки и пр., являющиеся принадлежностью какого-либо морского судна.

Декретом предусматривалось, что иностранные суда также могут приписываться к русскому порту каждый раз по особому разрешению ГУПС. Кроме того, иностранные суда, приписанные к русским портам, могли вноситься регистрационным учреждением в судовой реестр по просьбе о том владельцев судна (п. 4).

Порядок устройства регистрационных учреждений, а также приписки морских судов к порту и внесение их в судовой реестр как первоначальных, так и всех последующих изменений и исключения из записей и реестров производились согласно инструкции, издаваемой НКПС (п. 9).

В развитие и исполнение этого декрета 1 апреля 1922 г. было опубликовано постановление СНК Украины «Про припис морських суден до порту і про внесення їх в судові реєстри». В нем в основном повторялись выше рассмотренные положения. Так, п. 1 гласил: «З метою повного та всебічного обліку засобів морського транспорту та забезпечення прав на морські судна як в межах, так і по за межами УСРР – визнати за для всіх морських суден Російської Федерації обов'язкову заявку для припису їх до того порту, з якого вони звичайно роблять плавбу. Для морських су-

ден вмісткістю 20 і більше т. заводиться, окрім припису до порту, ще й обов'язкова заявка за для внесення їх до судового реєстру». Отличия, вызванные особенностями взаимоотношений республик, содержали п. 2, 4 и 9. Так, пунктом 2 обязанность об определении тех портовых управлений, при которых должны вестись судовые реестры, возлагалась «Уповнаркомшляхів по згоді НКПС». Пунктом 4 иностранным судам давалось право приписки к порту РСФСР, «що знаходиться на території України після особливого в кожному окремім випадкові дозволу Уповнаркомшляхів». Издание инструкции, регулирующей порядок устройства регистрационных учреждений, а также приписки морских судов к порту и внесение их в судовый реестр как первоначальных, так и все последующих изменений и исключение из записей и реестров также возлагалось на «Уповнаркомшляхів».

Известно, что согласно сообщению капитана керченского торгового порта начальнику того же порта, только с 1 по 15 января 1924 г., поступило 6 заявлений от судовладельцев о переименовании судов: «Св. Николай» Де-Стефана Леонарна в «Леонар»; «Неа Эллас» Рыбалок Григория и Ивана в «Брастский»; «Св. Сергей» Стеляренко Варфаломея и Рязанцева Ефима в «Сергий»; «Михаил Архангел» в «Михаил»; «Ардита Бишельза» в «Ардито»; «Св. Николай» в «Ла Провиденса» [10, л. 1].

За январь 1924 г. было приписано к порту Керчи менее 20 регистровых тонн 48 различных судов, в их числе перевозочные парусные баркасы, рыбачьи баркасы и шлюпки и всего 2 буксирных катера [10, л. 1].

Изначально задействованные советской властью подходы к регистрации судов в большинстве своем были заимствованы из отечественной дореволюционной практики. В то же время в этой практике имелся и иной, более современный опыт. Так, в частности, еще в 1913 г. был основан Российский морской регистр судоходства.

Стремясь использовать этот, по тем временам весьма прогрессивный опыт, для осуществления надзора за состоянием судов и классификацией судов, плавающих под русским торговым флагом, 24 марта 1923 г. СТО РСФСР принял постановление «Об отчетности по перевозкам и работе флота на внутренних водных путях сообщения и о регистрации частновладельческих судов». Им на НКПС возлагалось производство регистрации всех частновладельческих судов (п. 2).

Таким образом, правовой фундамент относительно правил регистрации и технического освидетельствования судов был выработан в первой половине XX века и базировался как на отечественном, так и зарубежном опыте, откорректированном с учетом специфики страны и сложившихся социально-экономических условий. Принятие вышеперечисленных нормативных актов было весьма своевременным и поспело к началу активизации восстановления деятельности всего комплекса торгового судоходства, обеспечило всех заинтересованных лиц и учреждения порядком регистрации, учета и освидетельствования судов различной размерности и классификации, что позволило обеспечить безопасность торгового судоходства в государстве и заложить основы к дальнейшему правовому совершенствованию этой деятельности в будущем.

Список литературы

1. Проект с объяснениями «О праве плавания под русским национальным флагом». – СПб., 1902. – С. 9.
2. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. – Симферополь, 2014. – 660 с.
3. Труды XI Международного судоходного конгресса. Доклады и сообщения русских членов конгресса / Типография Министерства Путей Сообщения. – С.-Петербург, 1909. – 366 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М., 1943. – 886 с.
5. Збірник постанов та розпоряджень робітниче-селянського уряду України / Рада Народних Комісарів УРСР, Народний Комісаріат юстиції УРСР. – Харків: Друк. «Вукопспілки», 1922. – 1147 с.
6. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. р-1584, оп. 2, д. 68. Управление морского транспорта. Инструкции. 1923. 80 л.
7. ГАРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 78. Переписка и циркуляры с уполнаркомпути НКПС Морчасти. 3.01.1924–2.12.1924. 66 л.
8. ГАРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 174. Переписка с комиссией по регистрации частновладельческих судов. 1.01.1925–30.12.1925. 211 л.
9. ГАРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 125. Распоряжения о прописке и выдаче документов и прочее относящееся к регистрации судов. 28.08.1924–18.10.1925 г. 117 л.
10. ГАРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 113. Списки и выписки о наличии переименований и перепродажи судов Керч. торгового порта. 1.06.1924–31.12.1924. 97 л.
11. Воронин В. Г. Административно-правовое регулирование организации и управления морской безопасностью в Российской Федерации : дис. на соискание учен. степени к. ю. н. : спец. 12.00.14. – Ростов н/Д., 2006. – 171 с.
12. Морское право. Учебное пособие / Гуцуляк В. Н. – М.: РосКонсульт, 2000. – 325 с.
13. Гуреев С. А. Международное морское право : Учебное пособие / С. А. Гуреев, И. В. Зенкин, Г. Г. Иванов ; отв. ред. С.А. Гуреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Инфра-М, Норма, 2011. – 432 с.
14. Зенкин И. В. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности на море : автореферат дис. на соискание учен. степени д. ю. н. 12.00.10. – Москва., 1993. – 48 с.

Sharmoyants A. Peculiarities of legal regulation of the rules note of merchant shipping in the first half XX century in the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 95–103.

In the work one researches the legal basis for the functioning of the rules for the registration of ships in the first half 20th century in the USSR, which was designed to improve the safety of merchant shipping in the USSR. World practice on the assignment of ships to a specific port in Russia was initiated with the adoption of the decree of June 23, 1865. The international shipping congresses under consideration were an important contribution to the development of many issues in this field. Fundamentals of the modern legal foundation, concerning the rules of registration and technical certification of vessels, were developed in the first half of the twentieth century. The work examines the main legal acts of the period under study that regulate this activity, analyzes their role in ensuring the safety of merchant shipping in the USSR. It is established, that the legal basis for registration and technical certification of ships in the USSR in the first half of the twentieth century was based both on domestic and foreign experience, adjusted for the specifics of the country and the prevailing socio-economic conditions.

Keywords: legal regulation, merchant shipping, safety of merchant shipping, sea craft, international congress, trading port, legal act, registration of ships, register of ships, technical survey of ships.

Spisok literaturyi

1. Proekt s ob'yasneniyami «O prave plavaniya pod russkim natsional'nym flagom». SPb., 1902. – S. 9
2. Zmerzlyi B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale XX vv. / B.V. Zmerzlyi. – Simferopol', 2014. – 660 s.
3. Trudy XI Mezhdunarodnogo sudokhodnogo kongressa. Doklady i soobshcheniya russkikh chlenov kongressa / Tipografiya Ministerstva Putei Soobshcheniya., C.-Peterburg, 1909., 366 s.
4. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g., M., 1943., 886 s.
5. Zbirnik postanov ta rozporyadzen' robitniche-selyans'kogo uryadu Ukraïni, Rada Narodnikh Komisariv URSR, Narodnii Komisariat yustitsii URSR., Kharkiv: Druk. «Vukospilki», 1922., 1147 s.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym, f. r-1584, op. 2, d. 68. Upravlenie morskogo transporta. Instruktsii. 1923. 80 l.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym, f. r-1584, op. 2, d. 78. Perepiska i tsirkulyary s upolnarkomputi NKPS Morchasti. 3.01.1924-2.12.1924. 66 l.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym, f. r-1584, op. 2, d. 174. Perepiska s komissiei po registratsii chastnovladel'cheskikh sudov. 1.01.1925-30.12.1925. 211 l.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym, f. r-1584, op. 2, d. 125. Rasporyazheniya o propiske i vydache dokumentov i prochee otnosyashcheesya k registratsii sudov. 28.08.1924-18.10.1925 g. 117 l.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym, f. r-1584, op. 2, d. 113. Spiski i vypiski o nalichii pereimenovaniï i pereprodazhi sudov Kerch. torgovogo porta. 1.06.1924-31.12.1924. 97 l.
11. Voronin V. G. Administrativno-pravovoe regulirovanie organizatsii i upravleniya morskoy bez-opasnost'ju v Rossijskoj Federatsii : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. ju. n. : spec. 12.00.14 / V. G. Voronin., Rostov n/D., 2006., 171 s.
12. Morskoe pravo. Uchebnoe posobie / Guculjak V.N., M.: RosKonsul't, 2000., 325 c.
13. Gureev S.A. Mezhdunarodnoe morskoe pravo : Uchebnoe posobie / S.A. Gureev, I.V. Zenkin, G.G. Ivanov ; otv. red. S.A. Gureev., 2-e izd., pererab. i dop., M: Infra-M, Norma, 2011., 432 s.
14. Zenkin I. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie obespecheniya bezopasnosti na more : avtorefe-rat dis. na soiskanie uchen. stepeni d. ju. n. 12.00.10 / I. V. Zenkin., Moskva., 1993., 48 c.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.914

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

Бугаев В. А., Сударикова Т. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье предпринята попытка исследования отдельных факторов экстремистской и террористической преступности на религиозной почве; мотивации поведения лиц, которые, манипулируя религиозными текстами, ссылаясь на богословские авторитеты, искажая теологическую информацию различных религий, совершают указанные преступления, уничтожая лиц иного вероисповедания. Наша страна уникальна тем, что в ней удастся мирно сосуществовать представителям различных религиозных конфессий. Главная задача государства – сохранить это мирное сосуществование, несмотря на такие негативные мировые тенденции, как все возрастающее количество преступлений, совершенных на религиозной почве, активизацию деятельности террористов и экстремистов. Религиозная тема приобрела новый контекст после серии террористических актов 11 сентября 2001 года. Именно с этого момента проблема приобрела повышенную актуальность и стала объектом более глубоких исследований. Преступления по мотивам религиозной ненависти и вражды – одни из самых сложных и неочевидных, что порождает проблемы их квалификации.

Ключевые слова: религия, религиозные преступления, влияние религии на преступность, религиозная свобода, терроризм, экстремизм, ислам, христианство.

Анализ современного состояния преступности в России и мире позволяет сделать вывод, что без религиозного, философского и научного подхода к данной проблеме конструктивно изучить это многогранное явление в жизни общества невозможно. Особенностью современного российского общества является исторически сложившаяся многоукладность вероисповедания народов, населяющих нашу страну, что имеет определённое влияние на уровень преступности в ней. Религиозная многоконфессиональность российской политической нации имеет наряду с позитивными аспектами и отдельные негативные. В условиях стабильного развития государства влияние религиозного вероисповедания на отношения внутри российского общества практически не отмечается. Однако на переломных кризисных этапах развития государства, обостряются, в том числе, религиозные противоречия ортодоксальных религиозных течений. Причём они используются для радикализации настроений в определённых реакционно настроенных группах населения.

Исследуя разные источники, мы пришли к выводу, что основной причиной совершения преступлений на религиозной почве является неспособность самого общества регулировать межконфессиональные отношения. Именно это дает возмож-

ность радикалам использовать религиозные взгляды и убеждения в своих преступных целях.

В настоящее время правоохранительные органы сталкиваются с увеличившимся количеством правонарушений со стороны ортодоксальных религиозных деструктивных организаций и тоталитарных сект. Для предупреждения и пресечения преступлений, связанных с религиозным экстремизмом и терроризмом необходима координация совместных усилий как правоохранительных органов, так и общественных, религиозных и иных организаций гражданского общества. В связи с этим МВД РФ все чаще взаимодействует с представителями традиционных религиозных конфессий. К примеру, уже подписано Соглашение о сотрудничестве с Русской Православной Церковью [6, с. 40].

Позитивный аспект взаимодействия с Церковью признают и специалисты ФСИН РФ. Неоднократно было отмечено положительное влияние религии на морально-психологическую обстановку в исправительных учреждениях. Профилактика преступности должна происходить через воспитание и просвещение, направленных на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей. Именно поэтому Православная Церковь все чаще активно взаимодействует со школой, СМИ и правоохранительными органами.

Необходимо отметить, что признаком состава любого преступления, совершённого на религиозной почве, является умышленная форма вины. Такие преступления посягают на религиозную свободу граждан, на религиозную безопасность российского общества. Следует отметить, что религиозная безопасность является составной частью духовной безопасности, а, следовательно, и общественной безопасностью в целом.

Очень точно определил понятие религиозной безопасности в своей монографии В. Г. Беспалько: «Религиозная безопасность – состояние политико-правовой защищенности и социальной стабильности религиозных отношений, в том числе религиозного мира, свободы совести и вероисповедания, невмешательства государства и кого бы то ни было в дела Церкви, недопустимость распространения в России деструктивных культов, деятельности тоталитарных сект, проявления религиозного экстремизма» [2, с. 201].

Бесспорно, РФ является светским государством, однако факт возрастания в мире религиозного экстремизма требует от него борьбы с данным видом социального зла. По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД в первом полугодии 2016 года отмечается рост преступлений террористической и экстремистской направленности. Так, за указанный период зарегистрировано 1313 преступлений террористического характера, что на 66,6 % больше, чем за январь–апрель этого же года и 830 преступлений экстремистской направленности, что на 10 % больше, чем за указанный период того же года [5, с. 47–48].

Президент РФ В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию особо отметил, что кое-кто не гнушается и самыми грязными технологиями, пытаясь разжечь в нашей многонациональной демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь. В связи с чем необходимо ускорить принятие попра-

вок в законодательство, ужесточающих ответственность за экстремистские действия [7, с. 2].

Следовательно, мы видим необходимость совершенствования уголовного законодательства в целях охраны прав и законных интересов граждан, организаций, всего общества. Однако без поддержки народа государство не сможет в полной мере решать задачи противодействия преступности с помощью одного уголовного законодательства.

Приоритетным для мировой цивилизации является обращение к духовной нравственности и возрождению правового наследия прошлого, к традициям великих мировых религий. Необходимо научиться относиться к уголовному закону как к нравственной ценности, уметь видеть в каждом совершенном преступлении нарушение нравственного запрета.

Начало XXI века ознаменовано 2000-летием христианства, именно с этого периода появляется ряд работ о соотношении духовности, нравственности и права. В XXI веке религия по-прежнему является важным фактором, влияющим на духовную жизнь всего многонационального народа с разным вероисповеданием. Если мы обратимся к библейской истории, то увидим, что первым грехом был мятеж прародителей человечества против Бога. Следовательно можно сделать вывод, что потребность правового регулирования в сфере религиозных отношений (в том числе уголовно-правовой аспект) возникла еще в древности. Попытки вмешательства политических сил в сферу религии можно найти во многих памятниках отечественного права.

Самая главная взаимосвязь христианства и права – в единстве охраняемых интересов. Во второй заповеди сказано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». В полной мере права и свободы человека признала действующая Конституция РФ, в статье 2 указано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1, с. 2]. Таким образом, действующий Основной закон, как и религиозная доктрина, отдает приоритет интересам человека. Все действия, направленные против человека, должны быть признаны нелегитимными, а исходя из религии – греховными.

В современном обществе прослеживается явный кризис в духовной и социальной жизни, что оказывает отрицательное влияние на уровень преступности. Проблема современного общества – конфликт ценностей и культур. И невозможно в этом вопросе не согласиться с мнением русского футуролога Э. Тоффлера, который рассматривает экстремизм как конфликт ценностей и культур [9, с. 94]. В этом плане представляет интерес позиция Ю. М. Антоняна, который о причинах этнорелигиозного терроризма говорил следующее: «Современный этнорелигиозный терроризм представляет собой главным образом столкновение двух мировых культур – ислама и христианства, Востока и Запада, если понимать их не географически, а как ареалы распространения определенных цивилизаций. Это столкновение двух ментальностей, двух мировосприятий, двух отношений к жизни и труду» [9, с. 94].

Под лозунгами ислама с середины 90-х годов исламистский экстремизм, крайним выражением которого является терроризм, оказывает влияние на политическую

жизнь многих стран, включая Россию. Для того, чтобы понять природу современного терроризма, необходимо изучить и понять суть исламского вероучения как с религиозной, так и с правовой точек зрения. Единого определения терроризма в законодательстве разных стран мы не найдем. Достаточно полно, на наш взгляд, определение терроризма дал В. П. Емельянов – это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы, направленные на устранение всего населения либо различных социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения, либо отказ от него в интересах террористов [4, с. 138].

Для того, чтобы рассмотреть исламское право как юридическое явление необходимо разобраться в таких понятиях, как шариат и фикх. Исламская традиция рассматривает шариат как совокупность обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных им через своего Посланника пророка Мухаммада.

Шариат предоставляет возможность самостоятельно подходить к решению мирских дел, так как в священных текстах отсутствуют детальные нормы. Именно благодаря этому появилась наука о нормативной стороне шариата – фикх. Однако, к сожалению, фикх часто далеко отходит от исходного значения. Шариат провозглашает ряд ценностей, таких как религия, жизнь, разум, честь и достоинство.

Фикх должен ориентировать на такие начала, как умеренность, избегание крайностей, исключение вреда. Необходимо понимать, что многие правила ведения войны, отношения к иноверцам вырваны из исторического контекста и не отражают современных реалий и больше не обосновывают нетерпимость и жестокость исламских радикалов. Экстремисты считают, что вправе совершать насилие над теми, кто не подчиняется воле Аллаха. Оправдывают они такое право, ссылаясь на слова пророка Мухаммада: «Если кто-нибудь из вас увидит нечто запрещенное шариатом, то пусть изменит его своей рукой, а если не сможет сделать этого рукой, то пусть остановит грех своим языком, а если и так не сможет, то хотя бы своим сердцем, и это будет самым слабым проявлением веры!» [8, с. 234]. Мы видим, что для обоснования своих действий террористы акцентируют внимание на первой части высказывания – предотвращении отклонений от шариата «рукой», т. е. насильственным путем.

Известные мусульманские мыслители поясняют, что смысл шариата не в буквальной трактовке его предписаний, а в том, чтобы постичь его главные цели, осознать пользу практического применения положений Корана и сунны пророка Мухаммада. В этом плане следует отметить, что террористы грубо попирают нормы шариата, которые, даже в ходе войны, запрещают убивать женщин и детей, т. е. с точки зрения международного права – всех некомбатантов.

Ислам осуждает фанатизм и экстремизм в вопросах религии, в подтверждение чего можно привести слова пророка Мухаммада: «Не переходите пределов в религии; воистину, тех, кто был до вас, погубила чрезмерность в религии» [8, с. 277]. В Коране подчеркивается, что Аллах видит все, что делают люди. Православная же церковь говорит, что Бог видит все добрые дела и прегрешения человека, знает любую его тайную мысль. Важная составная часть как ислама, так и христианства – Божий суд, на котором праведники будут награждены, а грешники осуждены.

Что касается современного культурно-религиозного состояния и климата в Российском обществе, то мы полагаем, что в регулировании взаимоотношений между властью и религией прослеживаются позитивные тенденции. Конституция РФ поставила свободу совести на важное место в системе гражданских прав и свобод. Введен запрет на установление в качестве государственной или обязательной какой-либо религии, а также на пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Позитивные сдвиги в области противодействия религиозной преступности просматриваются с момента вступления в полномочия В. В. Путина. Уже 10 января 2000 года своим Указом новый Президент утвердил «Концепцию национальной безопасности РФ». Согласно данной Концепции интерес российского общества состоит в «духовном обновлении России». В 2005 году был опубликован доклад Министерства юстиции о возможных ограничениях въезда иностранных миссионеров путем сокращения выдачи въездных виз иностранным религиозным деятелям и об усложнении процедуры регистрации религиозных объединений [3, с. 38].

Однако представляется, что есть основания пересмотра ряда уголовно-правовых норм с целью их совершенствования в противодействии экстремизму и терроризму. В частности:

1. было бы полезным дополнить составы умышленных преступлений против жизни и здоровья квалифицирующим признаком «в связи с отправлением или под видом отправления религиозного обряда»;
2. криминализовать насильственные понуждения граждан к:
 - выражению, изменению религиозных убеждений или отказу от них;
 - участию в деятельности религиозного или иного общественного объединения или выходу из него;
 - участию в религиозных обрядах, церемониях.

Религия может быть частью правосознания (как в русском православии), право может принимать форму религии (как в католицизме и протестантизме), право может быть частью религии (как в исламе), но как бы мы ни выстраивали отношения между правом и религией несомненно одно: говорить о праве, профилактике преступлений безотносительно к религии невозможно.

Нормальное функционирование гражданского общества в любом государстве, межконфессиональный мир представляют собой главную ценность. Одним из условий установления такого мира является создание и совершенствование системы профилактических мероприятий религиозного экстремизма и терроризма с привлечением общественности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – М.: Эксмо, 2015. – 63 с.
2. Беспалько В. Г. Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X–XXI вв.: Монография. – М.: ИНФРА – М., 2016. – 232 с.
3. Горностаева Л. Г. Мировые религии: морально – правовой дискурс: Монография – М.: РАП, 2013. – 326 с.
4. Маникеева А. Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно – правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. Наук

(12.00.08) / Маникеева Алсу Флюровна; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2005. – 24 с.

5. МВД РФ. Состояние преступности в России за январь–июнь 2016 / ФКУ «Главный информационно – аналитический центр». – Москва, 2016. – 46 с.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – Москва, 2000. – 16 с.
7. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г.
8. Рахманова Е. Н. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 192 с.
9. Криминология. Учебник / О. В. Старков, Л. Д. Башкатов. Юридический центр Пресс.– СПб., 2004. – 63 с.

Bugayev V. A., Sudarikova T. E. Influence of religion on criminality // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 104–109.

Our country is unique in that it manages to coexist peacefully representatives of different religious movements. The main task of the state to maintain this peaceful coexistence, despite the increasing number of crimes committed on religious grounds, the revitalization of the terrorists and extremists in the world. Because the religious theme has acquired a new context after a series of terrorist acts of 11 September 2001, from that moment, this issue became the object of serious research. Crimes motivated by religious hatred and enmity one of the most difficult and non-obvious, in connection with which there is a serious problem of qualification of these crimes. In this regard, in this article try to explore what makes people manipulating religious texts, referring to the theological authority, distorting the information received from the teachings of various religions, to commit terrible crimes, destroying all who adhere to another religion.

Keywords: religion, religious crimes, the effect of religion on crime, religious freedom, terrorism, extremism, Islam, Christianity.

Spisok literaturyi

1. The Russian Constitution: adopted by popular vote December 12, 1993 goda. – М.: Eksmo, 2015. – 63 p.
2. V. G. Bepal'ko Religious crimes in criminal law of Moses, and their projection in the Russian legislation X – XXI centuries.: Monograph. – М.: INFRA – М., 2016. – 232 с.
3. LG Gornostaeva World Religions: moral – legal discourse: Monograph – М.: RAP 2013.
4. Manikeeva, A. F. Religious hatred or enmity as a motive of committing a crime: criminal – legal and criminological aspects: Avtoref. dis. onsoisk. scientists. step. cand. jurid. Sciences (12.00.08) / AlsuManikeevaFilyurovna; Kazan State University. IN AND. Ulyanov – Lenin. – Kazan, 2005. – 24с.
5. Interior Ministry. State crime in Russia in January – June 2016 / PKU "Main Information – Analytical Center". – Moscow, 2016. – 46 с.
6. Bases of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. – Moscow, 2000. – 16 с.
7. Address by the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly: Address of the President to the Federal Assembly on April 26, 2007.
8. Rakhmanov E. N. Human rights. Crime. Globalization. Experience of complex criminological research: Monograph. – М.: Russian Academy of Justice, 2009 – 192 p.
9. Starks, OV Kriminoteologiya / OV Starks, LD Bashkatov: Legal Center Press; St. Petersburg, 2004. – 63 с.

УДК 343.914

КВАЛИФИКАЦИЯ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Волошин И. А., Евдокимова И. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена проблемным аспектам квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 122 УК РФ. Целью исследования является анализ особенностей квалификации поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, для достижения которой выдвинуты задачи определения понятия заражения, момента окончания преступления, особенностей элементов его состава. В статье также дается оценка существующим пробелам в законодательстве и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, ВИЧ, вирус иммунодефицита человека, поставление в опасность заражения, инфицирование.

Одним из наиболее важных неотъемлемых прав человека является право на охрану здоровья. Уголовное законодательство РФ признает здоровье человека приоритетным объектом уголовно-правовой охраны. Это предопределило объединение в самостоятельную первую главу раздела преступлений против личности Особенной части Уголовного кодекса РФ преступлений против жизни и здоровья. Сейчас мир переживает пандемию ВИЧ – это эпидемия, охватившая целые страны и континенты. В связи с этим особую роль играет процесс криминализации такого преступления, как заражение ВИЧ-инфекцией, предусмотренного ст. 122 УК РФ.

Опасность ВИЧ-инфекции обусловлена тремя обстоятельствами: 1) она поражает иммунную систему человека, которая защищает его от заболеваний; 2) лицо, заразившееся этой болезнью, длительное время может не знать об этом (инкубационный период ВИЧ может достигать 10 лет) и представлять при несоблюдении правил предосторожности опасность для окружающих; 3) в случае развития болезни последняя фактически неизлечима, больной в течение короткого времени уходит из жизни. Так как ВИЧ-инфекция относится к числу особо опасных инфекций, в целях ограничения распространения этого заболевания законодатель в ч. 1 ст. 122 УК РФ установил уголовную ответственность даже лишь за одно заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. По словам российского медика, специалиста в области профилактики и лечения инфекций, вызываемых вирусом иммунодефицита человека, В. В. Покровского, «по темпам роста заболеваемости ВИЧ-инфекцией Россия вышла на 3-е место после Южноафриканской республики и Нигерии. 64 % всех новых диагнозов ВИЧ в Европе приходятся на Россию». Именно поэтому актуальность исследования вопросов уголовно-правовой квалификации

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 122 УК РФ, не вызывает сомнений, а научные дискуссии на этот счет становятся все активнее и активнее.

Исходя из диспозиции указанной статьи, состав заведомого поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122 УК РФ) является формальным, т. е. для квалификации достаточно совершения фактических действий, создающих опасность заражения вирусом. При этом мнения ученых касательно объективной стороны преступления расходятся: часть из них полагает, что рассматриваемое деяние совершается только активными действиями инфицированного [1, с. 195–196], другие же [2, с. 50] считают, что поставление в опасность заражения может осуществляться как путем действия, так и в результате бездействия.

Большинство теоретиков все-таки сходятся на том, что только активные действия, умышленно направленные на инфицирование больного, могут образовывать состав ч. 1 ст. 122 УК РФ. При этом, естественно, судам и органам предварительного следствия в каждом случае следует устанавливать способ поставления в опасность и посредством назначения соответствующей экспертизы доказывать наличие реальной и непосредственной угрозы заражения.

Особо проблематично в литературе решается вопрос о том, в какой момент заражение ВИЧ-инфекцией считается оконченным и что именно понимается под заражением. В Энциклопедическом медицинском словаре под заражением понимается проникновение возбудителя инфекции в организм человека и животного, приводящее к развитию той или иной формы инфекционного процесса (болезнь, носительство возбудителей инфекций) [3, с. 389]. Ряд исследователей не заостряет внимание на негативных последствиях и рассматривает заражение как фактическую передачу возбудителя болезни другому человеку [4, с. 351].

Развитие ВИЧ имеет несколько стадий: инкубации, первичных проявлений, субклиническую и стадию вторичных заболеваний. На наш взгляд, выявление факта развития вируса на любой из данных стадий в организме потерпевшего должно признаваться заражением, а деяние виновного следует квалифицировать по ч. 2 ст. 122 УК РФ. Однако если в организме лица будут обнаружены лишь возбудители ВИЧ, наличие которых явно недостаточно для развития заболевания, виновный будет нести уголовную ответственность при наличии прямого умысла в соответствии с ч. 1 ст. 122 УК РФ.

Главной проблемой при уголовно-правовой оценке поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, на наш взгляд, является способ инфицирования. Медицинская наука выделяет несколько основных путей передачи инфекции: половой, парентеральный (через кровь) и вертикальный (от матери к плоду). Не вызывает сомнений общественная опасность и наказуемость первых двух способов, а вот на счет последнего ведутся споры в ученых кругах. С одной стороны, инфицированная женщина, рожаящая ребенка, реализует свое право на материнство, а с другой – создает опасность заражения или, что хуже, заражает ВИЧ-инфекцией еще не родившегося ребенка. Медиками доказано, что возможность заражения плода во время беременности составляет 25–35% и эта вероятность выше в 2 раза при грудном вскармливании инфицированной матерью.

На сегодняшний день действия женщины больной ВИЧ, которая осуществляет свою репродуктивную функцию и тем самым подвергает свое чадо опасности зара-

жения, не получили однозначной правовой оценки. Действующее законодательство не запрещает ВИЧ-инфицированным женщинам давать новую жизнь, но вместе с тем УК РФ запрещает действия, направленные на поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией вне зависимости от способа его осуществления. На наш взгляд, действия инфицированной матери, поставившей плод в опасность заражения, исключают уголовную ответственность, т. к. отсутствует объект посягательства, ведь согласно уголовно-правовой теории началом жизни признается начало физиологических родов.

Однако иным образом складываются обстоятельства, когда больная ВИЧ-инфекцией вскармливает младенца грудью. В этой ситуации она подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 122 УК РФ, если заболевание ВИЧ не наступило, и по ч. 2 ст. 122 УК РФ – при фактическом заражении ребенка. Для правильной квалификации надлежит установить факт того, что женщина достоверно знала о наличии у нее ВИЧ-инфекции и предвидела возможность заражения ребенка. Доказательством осведомленности лица может служить получение им соответствующей медицинской справки по результатам анализов и подписание специальной формы предупреждения об уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией.

Примечание к ст. 122 УК содержит специальное основание освобождения от уголовной ответственности – согласие потерпевшего. Однако в законе однозначно не определены понятие и признаки такого согласия. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является определение, данное С. В. Познышевым: «Согласие – волеизъявление, данное серьезно, выражающее обдуманное решение субъекта; данное добровольно, а не в силу какого-либо принуждения; не вызванное обманом, а данное с пониманием последствий деяния, на которое дается согласие, данное лицом вменяемым и не по совершении, а до совершения деяния» [5, с. 58–59]. Исходя из этого, можно выделить следующие признаки согласия, предусмотренного примечанием к ст. 122 УК: 1) характеризующие субъективные свойства согласия (действительность; добровольность); 2) выражающие объективные признаки (своевременность, конкретность и истинность).

Стоит также отметить, что в законе не решен вопрос о возрасте потерпевшего, дающего согласие, т. е. речь идет о действительности волеизъявления такого лица. Среди ученых бытуют разные мнения на этот счет, но, на наш взгляд, наиболее приемлемым является мнение А. В. Сумачева, что действительным в ст. 122 УК РФ должно признаваться волеизъявление лица, достигшего возраста 16 лет, точно так же, как и субъектом преступления является лицо, достигшее 16-ти летнего возраста [6, с. 110–111].

Субъективную сторону характеризуемого преступления составляет прямой умысел (заведомость). Инфицированный субъект знает о необходимости соблюдения им определенных санитарно-гигиенических правил, но сознательно пренебрегает ими, нарушает эти правила, понимая, что тем самым ставит потерпевшего в опасность заражения.

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовно-правовая регламентация поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией имеет недостатки. Существует мнение, что нормы ст. 122 УК РФ практически не работают ввиду отсутствия четких научно-обоснованных рекомендаций по наиболее значимым проблемам ее применения. В их числе можно выделить следующие: 1) определение круга деяний, образующих поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией; 2) установление момента заражения; 3) выявление значимости способа инфицирования при правовой оценке деяния; 4) определение понятия и правовых признаков согласия потер-

певшего на заражение ВИЧ-инфекцией. Предлагается устранить названные пробелы путем корректировки ст.122 и внесения в нее соответствующих ранее названных изменений. Необходимо совершенствование и конкретизация законодательства в данной сфере и разработка эффективного механизма медицинского и правового предупреждения этого особо опасного заболевания.

Список литературы

1. Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Наука, 2002. – 405 с.
2. Викторов И. С. Уголовная ответственность за распространение венерических заболеваний. – Саратов: Слово, 1980. – 322 с.
3. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. Б. В. Петровского. – М.: ЭКСМО, 1982. – 708 с.
4. Комментарий к УК с постановочными материалами и судебной практикой / Под ред. С. И. Никулина. – М.: Наука, 2002. – 448 с.
5. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. – Саратов: Слово, 1976. – 371 с.
6. Сумачев А. В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (03 декабря 2017 года).

Voloshin I. A. Evdokimova I. S. Qualification of infection HIV - by an infection: problems of theory // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 110–113.

The article is devoted to the problem aspects of the qualification of the crime provided by part 1 of Article 122 of the Criminal Code of the Russian Federation. The aim of the study is to analyze the features of the qualification of placing in the risk of contracting HIV infection. To achieve the goal were put following tasks: to determine the concept of infection, the moment of the end of the crime, the characteristics of its elements. The article also assesses the existing gaps in the legislation and suggests ways of their elimination.

Key words: HIV infection, HIV, human immunodeficiency virus, placing in the risk of infection, infectioning.

Spisok literaturyi

1. Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. G. N. Borzenkova, V.S. Komisarova. – М.: Nauka, 2002. – 405 s.
2. Viktorov I. S. Ugolovnaya otvetstvennost za rasprostranenie venericheskikh zabolevaniy. – Saratov: Slovo, 1980. – 322 s.
3. Entsiklopedicheskiy slovar meditsinskih terminov / Pod red. B.V. Petrovskogo. – М.: EKSMO, 1982. – 708 s.
4. Kommentariy k UK s postateynymi materialami i sudebnoy praktikoy / Pod red. S. I. Nikulina. – М.: Nauka, 2002. – 448 s.
5. Krasikov A. N. Suschnost i znachenie soglasiya poterpevshego v sovetskom ugolovnom prave. – Saratov: Slovo, 1976. – 371 s.
6. Sumachev A. V. Publichnost i dispozitivnost v ugolovnom prave. – М.: Nauka, 2003. – 544 s.
7. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 13.06.1996 N 63-FZ// [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (03dekabrya 2017 goda).

УДК 343.95:159.923-058.55

ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Зиневич О. Я., Симбирева Я. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Целью исследования является выявление проблемных аспектов криминальной психологии, в том числе при изучении личности преступника, и предложение методов решения данной проблемы, в том числе поиск компромисса между этическими, социально-политическими и научными основами изучения личности преступника.

В ходе изучения рассматривается эффективность использования конкретных методов в криминальной психологии. Влияние биологических, социальных и психологических факторов на формирование личности преступника.

Также обозначены проблемы изучения социально-психологического фактора преступного поведения серийных убийц: феномен «маски нормальности»; наличие механизма защиты психики данной категории преступников.

Ключевые слова: психология, криминальная психология, преступление, преступник, криминалистика, умышленное убийство, серийный убийца.

Криминальная психология исторически является основным теоретическим разделом юридической психологии. Её предмет – психические закономерности, которые возникают и существуют в системе «человек – преступление». Этот раздел юридической психологии исследует проблемы природы преступного поведения, преступной мотивации, групповой преступности, формирования преступных установок и преступного менталитета в целом [6, с. 175–176].

Известны следующие задачи криминальной психологии: изучение личности преступника; исследование роли личностного и ситуационного фактора в преступном событии; исследование последствий преступного поведения для личности, совершившей преступление, а также жертвы и общества в целом; изучение возможности корректировки преступных установок, её целесообразности и эффективности; интеграция психологического знания о личности преступника в иные правовые науки; поиск компромисса между этическими, социально-политическими и научными основами изучения личности преступника.

Последняя задача в отечественной юридической психологии фактически никак не решается, т. к., с одной стороны, доктрина уголовного права, выступая в качестве своеобразного социального государственного заказа, требует только таких результатов исследований, которые ей бы не противоречили. С другой стороны, положения доктрины уголовного права, являясь конструкцией искусственной, нередко противоречат научным выводам, полученным в результате исследований психологической составляющей феномена «преступление» [10, с. 45].

Существует специфика в использовании отдельных психологических методов при решении задач криминальной психологии. Так, в целом юридическая психология заимствует методы исследования у психологии общей ввиду достаточной схожести предмета исследования. Иная картина в криминальной психологии. Ситуация противостояния исследователя и исследуемого делает малоэффективным использование большинства известных методов.

Отношения, которые рассматриваются в криминальной психологии, преимущественно конфронтационные, поэтому использование традиционных методов возможно только в случае оптимизации их для целей криминальной психологии [2, с. 57–58]

Рассмотрим эффективность использования конкретных методов в криминальной психологии.

Особенностью исследования личности преступника фактически всегда является ее ретроспективность (исследование личности преступника в обстановке, не включающей преступную составляющую). Если мы детерминируем преступное поведение как результат воздействия среды на личностно значимые компоненты психики, то исследование этих компонентов вне влияния среды всегда будет содержать коэффициент погрешности.

Любое посягательство детерминируется комплексом криминологических, экономических, социально-психологических и идеологических факторов.

Поэтому при исследовании личности преступника необходимо учитывать и содержание различных криминологических факторов.

Содержание криминологических факторов обусловлено криминализацией общественных отношений. В самом общем виде криминализацию можно определить как явление, выражающееся в замене нормальных, естественных отношений в различных сферах отношениями патологическими, искаженными, неестественными, основанными на физическом и психическом насилии, криминальной эксплуатации несовершеннолетних. Если говорить криминологическим языком, то криминализация представляет собой внедрение преступных образцов и действий в систему социальной жизни, отношений между людьми, социум [11, с. 75].

Рассмотрим биологические, социальные и психологические факторы формирования личности преступника.

Криминалистика и юридическая психология достаточно давно изучают личность преступника, [5, с. 32] однако, если проанализировать динамику исследований, с достаточно высокой степенью надежности можно сделать вывод о понижении эффективности данного исследования. Используемые в современной криминалистической и психологической науке методики, базирующиеся на данных о личности преступника, являются в основном заимствованными (методика построения психологического профиля неизвестного преступника, методика географического профилирования, методика «анализ утверждений»).

Причиной подобного выступает некоторая «устарелость» исходных базовых положений в учении о личности преступника, базирующаяся не на научных, а на философских установках, имеющих преимущественно доктринально-идеологическое обоснование.

В современной персонологии существует достаточно большое количество самостоятельных теорий личности, противоречащих друг другу. Эти теории эмпирически подтверждены и порой очень слабо пересекаются. Вывод – психика людей не подчиняется какому-то единому общему алгоритму, определенные группы людей функционируют на различных этапах жизненного пути, а порой и просто в различных ситуациях по разным законам. Но если это так, то в психологических исследованиях личности преступника целесообразно несколько вернуться назад к дискуссиям о доминанте отдельного фактора человеческой психики у отдельных групп людей.

Данное положение не представляет собой попытку пересмотра правового статуса личности в целом, нерационально оспаривать общеизвестный тезис о равенстве всех перед законом. Однако данное положение о равенстве не предполагает одинаковости людей, одинаковости сил движущих ими, одинаковости факторов, определяющих их преступное поведение.

Таким образом, тезис о взаимообусловленности биологического, социального и индивидуально-психологического факторов преступного поведения является целесообразным только в доктринально-правовом понимании, для реализации криминологически значимых задач он тупиковый. В криминалистике целесообразно разработать принципиально новую типологию личности преступника, основанием деления в которой на первых порах будет выступать доминирующий фактор психики.

Известный отечественный исследователь Ю. В. Чуфаровский, изучая соотношение биологического, социального и индивидуально-психологического, пришел к следующим выводам: сопоставив соотношение биологического и социального в структуре личности в процессе ее онтогенеза, соотношение этих факторов неодинаково в различных подструктурах.

Косвенное, опосредствованное влияние социального фактора на особенности биологической подструктуры не менее очевидно, как и влияние биологического на подструктуру направленности личности, хотя пол, тип и структуру нервной системы, патологии и задатки человек получает при рождении. Даже биологическая подструктура, где речь идет о сугубо врожденных и наследственных свойствах индивида, не свободна полностью от влияния среды.

Достаточно сложным оказывается взаимодействие биологического и социального факторов на высшей подструктуре направленности, проявляющейся в личностных качествах и поведении человека, в характере его социальной активности [1, с. 92–93]

Как видно, речь не идет о равенстве проявления социального, биологического и индивидуально-психологического факторов, говорится только о самом факте их взаимосвязи и взаимообусловленности. Однако не могут три фактора быть идеально или примерно сбалансированными, т. к. это противоречит принципу эволюционной специализации организма. До сих пор не доказано, что данный принцип не регулирует нашу психическую деятельность.

Основные типы преступлений (насильственные и корыстные) радикально отличаются по своей природе, поэтому нецелесообразно говорить и об одинаковости причин, их детерминирующих. Действительно, агрессивность и корысть – предель-

но различные образования, характерные для достаточно отличающихся групп преступников.

Индивидуально-психологический фактор преступного поведения исследован явно недостаточно, что вызывает значительные проблемы при изучении данной группы преступников. Рассмотрим серийных преступников как представителей, чье поведение детерминировано описываемым фактором.

Серийным преступником следует считать лицо, совершившее три и более отдельных, разделенных между собой периодами эмоционального покоя преступления в отношении лиц, подпадавших под сложившийся в его сознании образ жертвы [3, с. 98].

Выявление отличительных черт, присущих только серийным преступникам, порой сводится к поиску оригинального мотива преступления, однако «сами мотивы не могут быть преступными. Преступным способно быть только поведение, а оно зависит от выбора средств для реализации мотивов». Таким образом, мы сконцентрируем внимание не на особенностях проявления психики рассматриваемых преступников вовне, а на самих её особенностях.

Объективно сложно выдвинуть версию о причастности к совершению серийных преступлений лица, которое всеми окружающими воспринимается положительно, однако именно данной особенностью часто отличаются серийные преступники.

Рассматриваемая особенность получила название «маска нормальности» и в своем содержании сводится к наличию способностей лица казаться абсолютно нормальным, психически полноценным человеком, не будучи таковым в действительности [4, с. 210–211].

Без сомнения, большинство серийных преступников характеризуются повышенным интеллектом, развитыми артистическими способностями, однако этот артистизм не объясняет возможности ведения двойной жизни в течение достаточно длительного времени. Другими словами, «маска нормальности» у серийных преступников не может быть объяснена осознанными ухищрениями по созданию преступником положительного имиджа, т. к. рассматриваемые попытки рано или поздно станут понятными окружающим людям.

Исходя из изложенного, можно выделить два момента исследуемой проблемы.

В своей некриминальной жизни, на взгляд постороннего наблюдателя, большинство серийных убийц являются ярко выраженными социально адаптированными личностями. Так, А. Сливко был залуженным учителем РСФСР, А. Сударушкин – доктором медицинских наук, профессором, А. Чикатило – уважаемым педагогом.

Если бы социально адаптированное поведение серийных убийц являлось результатом притворства, то окружающие их люди интуитивно почувствовали бы это или, во всяком случае, не смогли бы характеризовать серийных убийц безусловно положительно [7, с. 305].

Так, причина возникновения у ряда рассматриваемых лиц «маски нормальности» является необходимостью блокирования психикой неосознаваемых потребностей личности из-за социальных запретов. Чтобы блокируемые потребности не достигали критической массы, они «выводятся» вовне небольшими порциями. Эти процессы получили название механизмов защиты психики. Именно механизмы за-

щиты личности обуславливают социально одобряемое поведение субъекта, хотя, естественно, приводят к незначительным конфликтным моментам, которые определяют несколько пониженное положительное восприятие человека окружающими.

Для серийных убийц в целом не характерны малозначительные конфликты, что и приводит к формированию у окружающих мнения об идеальном супруге, замечательном отце, прекрасном соседе. Так как мы не находим в обыденной жизни серийных преступников последствий проявления механизмов защиты, то мы вправе предположить, что сброс энергии, бессознательного происходит у серийных преступников совершенно иным образом, чем у иных людей. Логичным представляется положение о том, что описанный выброс энергии происходит непосредственно в момент совершения преступлений. Другими словами, психика серийного убийцы ориентирована не на постепенный вывод бессознательной энергии, а на разовый ситуационный выброс [2, с. 43]. Именно поэтому подавляющее большинство серийных убийц не могут вспомнить свое состояние в момент совершения убийства. Представляется, что указанный выброс бессознательной энергии не является аналогом по отношению к механизмам защиты психики у обычных людей, т. к. последние уменьшают выход инстинктов до социально допустимого уровня, в случае же с серийными преступниками социально допустимых пределов не существует.

Таким образом, феномен «маски нормальности» серийного убийцы объясняется тем, что особенности его психики позволяют сбросить весь груз бессознательного напряжения в одноволевом акте, что приводит к исчезновению предпосылок действия механизмов защиты психики. Серийный убийца не притворяется нормальным человеком; после совершения преступления, лишенный груза инстинктов, он временно представляет собой образец психически сбалансированного человека. Рассмотренный механизм психологической регуляции обеспечивает серийному преступнику состояние психологического комфорта, поэтому, добиваясь его, серийный преступник будет совершать преступления вновь и вновь.

Наличие оригинальных психологических механизмов, вероятно, характерно и для иных групп преступников с доминантой индивидуально-психологического фактора, но данная тема еще ждет своих исследователей.

Без сомнения, сказанное о факторах, детерминирующих преступное поведение, несколько нетрадиционно, однако вероятно, что оно будет еще одним штрихом, раскрывающим секреты предельно сложного феномена – преступного поведения.

Список литературы

1. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: учебно-методическое пособие: Право и закон. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 1996. – 167 с.
2. Еникеев М. И. Юридическая психология: монография. – М.: Издательство РГТЭУ, 2005. – 184 с.
3. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. – М.: Издательство Норма, 2005. – 327 с.
4. Антонян Ю. М. Психология преступника и расследование преступления. – СПб.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. – 272 с.
5. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. – СПб.: Издательства Норма, 2010. – 120с.
6. Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. – М.: Издательство РГТЭУ, 2007. – 207 с.
7. Еникеев М. И. Структура и система юридической психологии. – М.: Издательство РГТЭУ, 2015. – 358 с.

8. Зелинский А. Ф. Криминальная психология: пособие для студентов. –Спб.: Издательство Норма, 2015. – 259 с.
9. Пирожков В. Ф. Юридическая психология. Право и закон.-М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. – 132 с.
10. Васильев В. Л. Юридическая психология. – М.: Издательство Норма, 2012. – 84 с.
11. Никульченкова Е. В. Посягательства на личную неприкосновенность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и противодействие. Монография. АНО ВПО «Омский экономический институт». Омск, 2010.

Zinevich O., Simbiryova I. Problems and aspects of studind criminal personality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 114–119.

Criminal psychology historically is the basic theoretical section of legal psychology. The subject of criminal psychology is mental laws arising and existing in the system "person crime". The given section of legal psychology investigates problems of the nature of criminal behaviour, criminal motivation, group criminality, formation of criminal installations and, maybe, criminal mentality as a whole. The traditional problems of legal psychology are studying the personality of the criminal; researching the role of the personal and situational factor in the criminal event; research of criminal consequences for the person who committed a crime, the victim, the society; studying the possibility of correcting criminal intentions, its expediency and efficiency; integration of psychological knowledge of the personality of the criminal into other legal sciences; compromise searching between the ethical, socio-political and scientific bases of studying of the criminal's personality.

Keywords: psychology, criminal psychology, crime, criminal, criminology, murderer, serial killer.

Spisok literaturyi

1. Chufarovskiy Yu. V. Yuridicheskaya psihologiya: uchebno-metodicheskoe posobie: Pravo i zakon. – М.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K». – 1996. – 167 s.
2. Enikeev M. I. Yuridicheskaya psihologiya: monografiya. – М.: Izdatel'stvo RGTEU. – 2005. – 184 s.
3. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugovolnyih dokazatel'stvah. – М.: Izdatel'stvo Norma. – 2005. – 327 s.
4. Antonyan Yu. M. Psihologiya prestupnika i rassledovanie prestupleniya. – Spb.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K». – 2009. – 272 s.
5. Gernet M. N. Sotsialnyie faktoryi prestupnosti. – Spb.: Izdatel'stva Norma. –2010. – 120s.
6. Eminov V. E. Sledstvennyie deystviya: psihologiya, taktika, tehnologiya. – М.: Izdatel'stvo RGTEU. – 2007. – 207 s.
7. Enikeev M. I. Struktura i sistema yuridicheskoy psihologii. – М.: Izdatel'stvo RGTEU. – 2015. – 358 s.
8. Zelinskiy A. F. Kriminal'naya psihologiya: posobie dlya studentov. –Спб.: Izdatel'stvo Norma. – 2015. – 259 s.
9. Pirozhkov V. F. Yuridicheskaya psihologiya. Pravo i zakon.-М.: Izdetel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K». – 2008. – 132 s.
10. Vasilev V. L. Yuridicheskaya psihologiya. – М.: Izdatel'stvo Norma. – 2012. – 84 s.
11. Nikulchenkova E. V. Posyagatel'stva na lichnyuyu neprikosnovennost nesovershennoletnih: kriminologicheskaya harakteristika i protivodeystvie. Monografiya. ANO VPO «Omskiy ekonomicheskiy institut». Omsk. 2010.

УДК 346.7

ФАНТОМ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Исютин-Федотков Д. В.

Адвокатское бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры»

В статье рассматривается проблема введения в язык закона и язык права термина «комплаенс». Приведены причины, по которым термин «комплаенс» для отечественной юридической теории и практики не нужен. Основные положения, задачи и цели того, что называют «комплаенс», установлены общей превенцией, или предупреждением. За нарушения антимонопольного законодательства может наступать административная и (или) уголовная ответственность. Административным правом, криминологией и уголовным правом изучен институт общей превенции или предупреждения. В этой связи нет необходимости во введении в оборот такого термина, как «антимонопольный комплаенс». «Комплаенс» для отечественной юридической науки фантом, а для русского языка – варваризм. При наличии в русском языке синонимов термина «комплаенс», а в науке – разработанных институтов «комплаенс» представляет собой лишь модное слово. Развивать необходимо институт антимонопольной превенции, или предупреждения.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс, криминология, уголовное право, правонарушение, преступление, антимонопольное законодательство, язык закона, язык права, превенция, предупреждение.

В юридических науках в последние годы актуальной стала проблема использования четкого и адекватного понятийного аппарата, который, как известно, отражает основные принципы и законы любой науки. Важное теоретическое и практическое значение имеет язык научного общения юристов, система понятий и обозначающих их терминов. В связи с этим особый интерес представляют тенденции развития языка закона и языка права и их негативные проявления. Одной из таких тенденций является использование заимствованной (иноязычной) лексики в языке закона и языка права.

Использование иноязычной лексики в русском языке неизбежно оказывает влияние на язык науки, «при этом посредством особого рода определений вводятся новые языковые выражения, уточняются уже существующие и, таким образом, вырабатывается научная терминология, т. е. совокупность слов или словосочетаний с точным, единственным значением в рамках данной научной дисциплины» [1, с. 30].

Под влиянием языковых и внеязыковых факторов русский язык пополняется заимствованной или иноязычной лексикой. По мнению В. Я. Радецкой, «к языковым факторам можно отнести направленность к зауживанию многозначности слова или уточнению понятия, которое оно обозначает. Внеязыковыми факторами иноязычных заимствований являются причины социально-исторического характера – разносторонние связи между народами: торгово-экономические, политические, культурные. В результате таких отношений происходит процесс перемещения слов из одного языка в другой» [12, с. 156].

Языковые факторы зачастую носят объективный характер, в некоторой степени отвечают «потребностям самого языка, так как вписываются в основные тенденции его развития (например, отвечающие действию закона речевой экономии) и заимствования, не отвечающие требованиям необходимости, заимствования, которых можно было бы избежать при ситуации более бережного отношения к природному русскому слову» [3, с. 111].

Следует согласиться с Н. С. Валгиной в том, что «на волне удовлетворения потребностей языка всплыло много словесного хлама, ненужного, засоряющего язык. Иностранное слово стало не только необходимым, нужным, но и привлекательным, престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода, желание быть «наравне с веком»» [3, с. 109].

Антимонопольное право также не обошли эти тенденции. Ярким примером этому служит активное навязывание термина «комплаенс», который относительно недавно используется в российской юридической литературе. В переводе с английского compliance означает согласие, соответствие и происходит от глагола to comply – исполнять [20]. По мнению Э. А. Иванова, «комплаенс», или «комплаенс-контроль» возник в англосаксонской правовой системе и рассматриваемому термину «до настоящего времени российским ученым и юристам-практикам не удалось подобрать в русском языке какой-либо эквивалент» [5, с. 3].

В отечественном юридическом лексиконе чаще используется термин «антимонопольный комплаенс», который впервые прозвучал в долгосрочной стратегии ФАС России в 2013 г. [2, с. 5; 17]. В настоящее время ФАС России подготовила проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которым в законодательство предлагается ввести понятие «антимонопольный комплаенс» и дать его определение.

По мнению антимонопольного органа, «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольный комплаенс) – совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом (актами) хозяйствующего субъекта либо другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с таким хозяйствующим субъектом, если такие внутренние акты распространяются на такого хозяйствующего субъекта, и направленных на соблюдение им требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения» [18]. Таким образом, основная цель «комплаенса» – соблюдение антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения.

Цель так называемого «антимонопольного комплаенса» свидетельствует, что рассматриваемый институт уже давно существует в российском праве в рамках других традиционных институтов. В этой связи «комплаенс» не рекомендуется к применению в отечественном языке закона и языке права по следующим причинам:

1. В самом определении понятия «антимонопольный комплаенс» уже содержится его эквивалент – «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства». С точки зрения экономии языковых оборотов, термин «комплаенс» более короткий, чем российский

эквивалент. В этой связи мы попытались найти в отечественной юридической практике термин, который бы отображал коротко сущность и содержание «комплаенса». На наш взгляд, таким термином является превенция, или предупреждение, предохранение, пресечение, предотвращение (от позднелатинского слова *praeventio* – опережаю, предупреждаю; английского *prevention*) [13]. При этом термин превенция является устоявшимся и давно используется в юридической литературе, а термины предупреждение и пресечение содержатся в антимонопольном законодательстве (см. ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»). С точки зрения русского языка, например, эквивалент «предупреждение» является наиболее оптимальным для замены термина «комплаенс», т. к. последний является варваризмом или иноязычным словом, не освоенным русским языком и нарушающим чистоту речи. Здесь интересно отметить, что многочисленные обсуждения вопроса закрепления термина «антимонопольный комплаенс» в законодательстве «с представителями ФАС России, в том числе круглый стол “Антимонопольный комплаенс: текущая практика и перспективы развития”», состоявшийся в Аналитическом центре 24 ноября 2015 г., показывают, что внутри ведомства нет четкой и единой позиции относительно того, что представляет собой антимонопольный комплаенс. В частности, наблюдается систематическая путаница между антимонопольным комплаенсом и торговосбытовыми политиками, которые являются лишь частью антимонопольного комплаенса» [16].

2. Известно, что в уголовном праве существует:

- превенция общая (которая означает профилактику, предупреждение преступлений под воздействием уголовно-правового запрета). Общая превенция достигается путем установления в уголовном законе не только норм-запретов, но и норм, управомочивающих (например, об освобождении от уголовной ответственности в случае позитивного после преступного поведения виновного). Общее предупреждение осуществляется уже с момента опубликования закона [7];
- превенция частная (означает профилактику, предупреждение совершения новых преступлений лицами, уже совершившими какие-либо преступления, что достигается путем применения к ним мер уголовного наказания, а также принудительных мер медицинского и воспитательного характера, условного осуждения) [15].

В административном праве общая превенция (общее предупреждение) также состоит в предупреждении правонарушений со стороны лиц, склонных к их совершению. Этих лиц от совершения правонарушений удерживает возможность применения административного наказания, угроза лишения каких-либо благ: свободы, привычного образа жизни; отрыв от работы; финансовые потери и т. д. Одной из целей общего предупреждения является формирование боязни совершения правонарушения. При этом угроза неотвратимости административного наказания должна пройти через сознание лица, склонного к совершению правонарушения, и оказать позитивное влияние на уровень его неправомерной активности. Сдерживающий эффект различных административных наказаний неодинаков, например, административный арест устрашает сильнее, чем административный штраф [11, с. 37–40].

3. За нарушение антимонопольного законодательства существует административная и уголовная ответственность. Административное право, уголовное право и криминология занимаются различными проблемами, но в том числе вопросами:

- правовых и организационных мер, направленных на соблюдение субъектами требований антимонопольного и уголовного законодательства;
- причин и условий нарушений законодательства;
- предупреждения нарушения антимонопольного законодательства, др.

Указанные науки выработали систему способов, приёмов, средств сбора, обработки, анализа и оценки информации о правонарушениях, преступности, причинах и условиях правонарушений, личности лица, совершившего правонарушение, мерах борьбы с правонарушениями и преступностью, методов криминологического прогнозирования развития и планирования мер борьбы с преступностью, а также реализации рекомендаций по совершенствованию практики предупреждения правонарушений и возможностей оценки эффективности этой деятельности.

Так, например, в административном праве существует административная деликтология, в рамках которой изучаются цели, задачи, методы, способы предупреждения административных правонарушений, эффективность применения административно-правовых мер борьбы с административными правонарушениями и т. д. [4].

Таким образом, «антимонопольный комплаенс» не нужен, т. к. цели и задачи, которые ему установлены в законопроекте, разрабатываются в рамках традиционных направлений юридической науки.

4. По мнению авторов упоминаемого нами законопроекта, «для организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства хозяйствующий субъект принимает внутренний акт (акты) и (или) применяет иные внутренние акты, в том числе другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с таким хозяйствующим субъектом, если такие внутренние акты распространяются на хозяйствующего субъекта».

Представляется, что «внутренний акт», о котором идет речь в законопроекте, скорее всего является нормативным актом, т. к. обладает следующими признаками:

- это письменный официальный документ, принимаемый уполномоченным единоличным или коллегиальным органом хозяйствующего субъекта;
- такой документ устанавливает или отменяет нормы права (т. е. обязательные правила, рассчитанные на многократное применение);
- документ адресован, как правило, работникам хозяйствующего субъекта.

Внутренние акты к локальным нормативным актам относят такие ученые, как В. В. Лаптев [9, с. 17], Т. В. Кашанина [6, с. 92–95], С. И. Носов [10, с. 122], Р. С. Кравченко [8, с. 74] и др. Таким образом, акты хозяйствующего субъекта, направленные на организацию антимонопольного предупреждения, являются составной частью системы законодательства. Как мы ранее отметили, общая превенция, или предупреждение начинается с момента опубликования нормативного правового акта. Следовательно, издание хозяйствующим субъектом внутреннего акта для организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства является ничем иным, как общей превенцией или

предупреждением. А ознакомление работников хозяйствующего субъекта с таким внутренним актом равно как создание (назначение) подразделений (лиц), отвечающих за функционирование «антимонопольного комплаенса», является механизмом реализации общей превенции или предупреждения. В таблице нами показано, что «антимонопольный комплаенс» ничем не отличается от общей превенции, или предупреждения.

Таблица № 1.

Общая превенция или предупреждение	
<i>Административное право, уголовное право и криминология</i>	<i>«Антимонопольный комплаенс»</i>
Разработка и принятие нормативного правового акта	Хозяйствующий субъект принимает внутренний акт
<p>Система способов, приёмов, средств сбора, обработки, анализа и оценки информации о правонарушениях, преступности, причинах и условиях правонарушений, личности лица, совершившего правонарушение.</p> <p>Меры борьбы с правонарушениями и преступностью, методы криминологического прогнозирования развития и планирования мер борьбы с преступностью, а также реализации рекомендаций по совершенствованию практики предупреждения правонарушений и возможностей оценки эффективности этой деятельности.</p> <p>Установление в законе норм-запретов и норм, управомочивающих (например, об освобождении от уголовной ответственности в случае позитивного поведения виновного).</p> <p>Предупреждение правонарушений со стороны лиц, склонных к их совершению. От совершения правонарушений лиц удерживает возможность применения административного наказания, угроза лишения каких-либо благ. Одной из целей общего предупреждения является формирование боязни совершения правонарушения, и т. д.</p>	<p>Разработка мер, направленных на снижение хозяйствующим субъектом рисков нарушения антимонопольного законодательства</p>
Меры, направленные на осуществление контроля над функционированием общей превенции, или предупреждения,	Разработка мер, направленных на осуществление контроля над функционированием антимонопольного «ком-

определены в нормативных правовых актах	плаенса»
Опубликование нормативного правового акта	Ознакомление работников хозяйствующего субъекта с внутренним актом
Органы и (или) должностные лица, ответственные за функционирование общей превенции, или предупреждения определены нормативными правовыми актами	Назначение должностного лица, ответственного за функционирование «комплаенса»

Следуя логике «антимонопольного комплаенса», Государственная инспекция труда должна инициировать разработку и внедрение «трудового комплаенса», МЧС России – «противопожарного комплаенса» и т. д.

В этой связи нет необходимости во введении в оборот языка закона и языка права такого термина, как «антимонопольный комплаенс». В рамках общей превенции, или предупреждения достаточно развивать элементы и механизмы системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства со стороны должностных лиц хозяйствующих субъектов. С нашей точки зрения, конечная цель «антимонопольного комплаенса» – предупреждение преступного поведения должностных лиц, осуществляющих финансовую и хозяйственную деятельность в сфере публичных закупок. Очевидно, что качественная и эффективная система мер, направленная на соблюдение требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения, пресекает преступное поведение должностных лиц.

Здесь интерес представляет документ под названием «Методические рекомендации по внедрению внутреннего контроля соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства о государственном оборонном заказе и законодательства, регулирующего закупочную деятельность», который размещен на официальном сайте ФАС России [19]¹. В п. 2 указанных рекомендаций предлагается термин «внутренний контроль соблюдения сводного законодательства», под которым понимается «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, правовых и организационных мер и инструментов, предусмотренных внутренним актом (актами) хозяйствующего субъекта и направленных на проверку и стимулирование соблюдения хозяйствующим субъектом требований сводного законодательства и предупреждение нарушения сводного законодательства в целях снижения регулируемых рисков». Под «сводным законодательством» в методических рекомендациях понимаются федеральные законы «О защите конкуренции», «О государственном оборонном заказе», «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Таким образом, предлагается

¹ В источнике имеется информация о том, что указанные рекомендации утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.04.2017 № 795-р, однако поиски этого документа на сайте Правительства России, а также в информационно-справочных правовых системах не привели к успеху.

синоним «антимонопольному комплаенсу» – «внутренний контроль соблюдения сводного законодательства».

На основании изложенного можно сделать вывод, что термин «антимонопольный комплаенс» является варваризмом. Следует согласиться с В. Я. Радецкой, что использование иноязычных слов оправданно в случаях, «когда это слово более полно и однозначно отражает сущность понятия, если заимствованное слово стилистично раскрывает или уточняет понятие, если отсутствуют синонимичные единицы в одном языке, одинаковые по значению, если оно переносится в том значении, которое имеет в другом языке. Бездумное и бесцельное заимствование иноязычных слов лишь затрудняет восприятие научного текста» [12, с. 160].

С точки зрения административного права, уголовного права, криминологии «антимонопольный комплаенс» – фантом, образ общей превенции, или предупреждения из прошлого, подаваемый под модным термином (фантом от французского слова *fantome* и греческого слова *phantasma* – призрак, привидение; призрачное видение; мечта) [14]. Очевидно, что это совершенно не препятствует развитию его идеологии в рамках общей превенции, или предупреждения с учетом особенностей антимонопольного законодательства. Либо «антимонопольный комплаенс» можно преподнести как специфический механизм реализации общей превенции, или предупреждения в антимонопольной сфере.

В заключение можно отметить, что для антимонопольного права важно не только смысловое наполнение применяемого термина и практические рекомендации, разработанные на основе тех или иных дефиниций, но и единство, универсальность терминологии для доступности понимания. Важно и то, что внедрение иноязычных слов в язык закона и язык права должны идти через научные дискуссии.

Список литературы

1. Берков В. Ф. Общая методология науки: учебное пособие. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2001. – 227 с.
2. Бодрягина О. Комплаенс – стимул, принуждение или инструмент контроля? [Интервью с А. Г. Цыгановым] // Конкуренция и право. – 2016. – № 2. – С. 5–9.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
4. Гензюк Э. Е. Административная деликтология : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 324 с.
5. Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС: монография. – М.: Юриспруденция, 2015. – 136 с.
6. Кашанина Т. В. Хозяйственные товарищества и общества: Правовое регулирование внутрифирменной деятельности. – М.: Изд. гр. ИНФРА-М-КОДЕКС, 1995. – 554 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков и др.; под ред. Г. А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 736 с.
8. Кравченко Р. С. Корпоративное управление: Обеспечение и защита права акционеров на информацию (российский и англо-американский опыт). – М.: СПАРК, 2002. – 112 с.
9. Лаптев В. В. Акционерное право; Ин-т гос-ва и права РАН. – М.: Контракт, 1999. – 246 с.
10. Носов С. И. Акционерное законодательство России: История, теоретический анализ, тенденции развития / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 264 с.
11. Оноколов Ю. П. Главная цель административных наказаний – превенция административных правонарушений и преступлений // Административное право и процесс. – 2014. – № 8. – С. 37–40.
12. Радецка В. Я. Мова науки криміналістики: дис. ... канд. юрид. наук. – Київ, 2002. – 182 с.

13. Словарь иностранных слов русского языка.
URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/превенция Дата обращения: 24.04.2017.
14. Словарь иностранных слов. URL: <http://www.megaslov.ru/html/f/fantom.html> (дата обращения: 26.04.2017).
15. Большой юридический словарь. Петролекс.
URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php (дата обращения: 24.04.2017).
16. Антимонопольный комплаенс: текущая практика и перспективы развития: аналитический доклад, декабрь 2015. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7838.pdf> (дата обращения: 26.04.2017).
17. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг., утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013.
18. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов.
URL: <http://regulation.gov.ru/projects#пра=50178> (дата обращения: 27.04.2017).
19. ФАС России. Главная. Документы. Методические рекомендации по внедрению внутреннего контроля соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства о государственном оборонном заказе и законодательства, регулирующего закупочную деятельность.
URL: <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=15246> (дата обращения: 01.08.2017).
20. Cambridge Dictionary. Англо-русский словарь.
URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/compliance> (дата обращения: 21.04.2017).

Isyutin-Fedotkov D. V. Phantom in the prevention of offenses // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 2. – P. 120–128.

The article deals with the problem of introducing the term «compliance» into the language of law and the language of law. The reasons why the term «compliance» for domestic legal theory and practice is not needed is given. The main provisions, tasks and goals of what is called «compliance» are established by general prevention or warning. For violations of the antimonopoly legislation may come administrative and (or) criminal liability. Administrative law, criminology and criminal law studied the institution of general prevention or prevention. In this regard, there is no need to introduce into circulation such a term as «antimonopoly compliance». «Compliance» for domestic jurisprudence phantom, and for the Russian language – barbarism. In the presence of synonyms in Russian for «compliance», and in the science of the developed institutes «compliance» is just a fashionable word. It is necessary to develop an institution of antimonopoly prevention or prevention.

Keywords: Antimonopoly compliance, criminology, criminal law, offense, crime, antimonopoly legislation, language of law, language of law, prevention, warning.

Spisok literatury

1. Berkov, V. F. *Obschaya metodologiya nauki: uchebnoe posobie* / V. F. Berkov. – Minsk: Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus, 2001. – 227 s.
2. Bodryagina, O. *Komplaens – stimul, prinuzhdenie ili instrument kontrolya?* [Intervyu s A. G. Tsyiganovym] / O. Bodryagina // *Konkurentsya i pravo*. – 2016. – № 2. – S. 5–9.
3. Valgina, N. S. *Aktivnyie protsessyi v sovremennom russkom yazyike: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* / N. S. Valgina. – M.: Logos, 2003. – 304 s.
4. Genzyuk, E. E. *Administrativnaya deliktologiya :dis. ... d-ra yurid. nauk* / E.E. Genzyuk. – M., 2001. – 324 s.
5. Ivanov, E. A. *Antikorrupsionnyiy komplaens-kontrol v stranah BRIKS: monografiya* / E.A. Ivanov. – M.: Yurisprudentsiya, 2015. – 136 s.
6. Kashanina T. V. *Hozyaystvennyie tovarischestva i obschestva: Pravovoe regulirovanie vnutrifirmennoy deyatel'nosti* / T. V. Kashanina. – M.: Izd. gr. INFRA-M-KODEKS, 1995. – 554 s.
7. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyiy)* / K. A. Barysheva, Yu. V. Gracheva, G. A. Esakov i dr.; pod red. G. A. Esakova. – 7-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2017. – 736 s.
8. Kravchenko, R. S. *Korporativnoe upravlenie: Obespechenie i zaschita prava aktsionerov na informatsiyu (rossiyskiy i anglo-amerikanskiy opyt)* / R. S. Kravchenko. – M.: SPARK, 2002. – 112 s.
9. Laptev V. V. *Aktsionerno pravo* / V. V. Laptev; In-t gos-va i prava RAN. – M.: Kontrakt, 1999. – 246 s.

10. Nosov S. I. Aktsionernoe zakonodatelstvo Rossii: Istoriya, teoreticheskiy analiz, tendentsii razvitiya / S.I. Nosov; Ros. akad. gos. sluzhbyi pri Prezidente Ros. Federatsii. – M. : Izd-vo RAGS, 2001. – 264 s.
11. Onokolov Yu. P. Glavnaya tsel administrativnykh nakazaniy – preventsiya administrativnykh pravonarusheniy i prestupleniy / Yu. P. Onokolov // Administrativnoe pravo i protsess. – 2014. – # 8. – S. 37–40.
12. Radetska V. Ya. Mova nauki krimInallistiki: dis. ... kand. yurid. nauk / V. Ya. Radetska. – KiYiv, 2002. – 182 s.
13. Slovar inostrannykh slov russkogo yazyika. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fw/words/preventsiya Data obrascheniya: 24.04.2017.
14. Slovar inostrannykh slov. URL: <http://www.megaslov.ru/html/f/fantom.html> (data obrascheniya: 26.04.2017).
15. Bolshoy yuridicheskiy slovar. Petroleks. URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php (data obrascheniya: 24.04.2017).
16. Antimonopolnyiy komplaens: tekuschaya praktika i perspektivy razvitiya: analiticheskiy doklad, dekabr 2015. Analiticheskiy tsentr pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7838.pdf> (data obrascheniya: 26.04.2017).
17. Strategiya razvitiya konkurentsii i antimonopolnogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii na period 2013–2024 gg., utv. Prezidiumom FAS Rossii 03.07.2013.
18. Federalnyiy portal projektov normativnykh pravovykh aktov. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=50178> (data obrascheniya: 27.04.2017).
19. FAS Rossii. Glavnaya. Dokumentyi. Metodicheskie rekomendatsii po vnedreniyu vnutrennego kontrolya soblyudeniya antimonopolnogo zakonodatelstva, zakonodatelstva o gosudarstvennom oboronnom zakaze i zakonodatelstva, reguliruyushego zakupochnuyu deyatel'nost. URL: <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=15246> (data obrascheniya: 01.08.2017).
20. Cambridge Dictionary. Anglo-russkiy slovar. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/slovar/anglo-russkiy/compliance> (data obrascheniya: 21.04.2017).

УДК 342.724

СВОБОДА СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ТЕОРЕТИКО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Миронова О. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В работе анализируются конституционно-правовые принципы взаимоотношений России и религиозных организаций, рассматривается роль этих положений в гарантировании свободы вероисповедания, определении правового статуса религиозных организаций. Указывается, что на данный момент принцип гарантирования свободы вероисповедания охватывает два сбалансированных аспекта: обеспечение правомерной реализации объединениями верующих свободы религии и ее охрану.

Ключевые слова: свобода вероисповедания (религии), гарантирование свободы вероисповедания (религии), религиозные организации (объединения верующих), органы государственной власти, конституционно-правовое регулирование.

Обеспечение свободы религии как конституционно-правового принципа отношений объединений верующих и Российского государства прежде всего следует из провозглашения России правовым и демократическим государством. В соответствии с Конституцией РФ свобода вероисповедания является неотчуждаемой и незабываемой, гарантируется и не может быть отменена. Закрепление Основным Законом России свободы религии означает не только обязательство государства ее гарантировать, обеспечивать, но и создать механизм ее защиты. Отметим, что соответствующая конституционно-правовая основа для выполнения этих задач заложена действующим законодательством. Так, Россия способствует развитию религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств, проживающих на ее территории. Это означает обеспечение указанным общинам всего объема свободы вероисповедания, а не только ее «конституционного минимума», как иногда предлагается. Степень свободы вероисповедания, доступная религиозным меньшинствам, чье поведение отклоняется от общепринятых в обществе норм, согласно мнению экспертов по свободе религии является очевидным индикатором ее соблюдения в обществе в целом [2, с. 12].

Религиозный плюрализм тесно связан с другой предпосылкой свободы вероисповедания – желанием религиозной общины (как правило, религии большинства) сосуществовать с другими объединениями верующих в толерантном режиме. Как отмечает В. Еленский, такая «устремленность к толерантному сосуществованию в подавляющем большинстве случаев возникает ... скорее как результат довольно длительной эволюции, развития богословия и религиозной культуры» [3, с. 15]. Исходя из этого, роль конституционно-правовых норм в обеспечении указанной предпосылки заключается в ее поддержке. В частности, государство способствует уста-

новлению терпимости и уважению между гражданами, исповедующими религию или не исповедующими ее, между верующими разных вероисповеданий и их религиозными организациями.

Считаем, что конституционно-правовыми средствами обеспечения свободы вероисповедания являются и закреплённые Основным Законом и законодательством России правовые принципы взаимоотношений государства и религиозных организаций. В частности, эти исходные положения обеспечивают внутреннюю автономию объединений верующих от необоснованного вмешательства государства, защищают равный правовой статус всех религиозных организаций, запрещают безосновательное ограничение в правах или выделение групп верующих, в том числе на основании их убеждений, и тому подобное.

Обеспечение свободы религии также предполагает определенный минимальный объем прав объединений верующих, правомерная реализация и охрана которых должна быть обеспечена конституционно-правовыми нормами. В настоящее время таким международно признанным минимумом есть права религиозных организаций, закреплённые ст. 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.

Конституционными средствами обеспечения правомерной реализации свободы вероисповедания можно считать закрепление базовым Законом процессуальных форм реализации объединениями верующих своих прав [4]. Например, благотворительная деятельность и милосердие могут осуществляться религиозными организациями как самостоятельно, так и через созданные ими общества, братства, ассоциации и другие объединения, общественные фонды, право предоставлять религиозное образование может реализовываться объединениями верующих путем создания учебных заведений и групп, а также в других формах с использованием для этого помещений, принадлежащих или предоставляемых этим группам в пользование.

Другими юридическими средствами правомерной реализации свободы вероисповедания в конституционно-правовом регулировании отношений государства и религиозных организаций является конкретизация, закрепление процедуры реализации их прав, в том числе путем определения соответствующих обязанностей органов государственной власти и порядка их соблюдения в отношениях с объединениями верующих.

Конституцией России закреплены следующие гарантии, которыми религиозные организации могут воспользоваться для защиты своих прав в сфере свободы вероисповедания:

- права и свободы человека и гражданина защищаются судом;
- каждый имеет право обращаться за защитой своих прав к Уполномоченному по правам человека;
- каждый имеет право после использования всех национальных средств правовой защиты обращаться за защитой своих прав и свобод в соответствующие международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом или участником которых является Россия.

В конституционно-правовом регулировании отношений государства и религиозных организаций следует учитывать, что средства охраны свободы вероисповедания

в России должны учитывать и ее обязательства, предусмотренные ст. 2.3 Международного пакта о гражданских и политических правах:

а) обеспечить любому лицу, право которого нарушено, эффективное средство правовой защиты, в том числе если это нарушение было совершено официальными лицами;

б) обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты;

в) обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются.

Другой группой конституционно-правовых гарантий, обусловленных рассматриваемым принципом отношений государства и религиозных организаций, по нашему мнению, являются требования законодательства, которыми регулируются указанные взаимосвязи. При этом следует учитывать, что согласно Конституции России:

- при принятии новых законов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод;

- каждому гарантируется право знать свои права и обязанности;

- законы и другие нормативно-правовые акты, определяющие права и обязанности граждан, должны быть доведены до сведения населения в порядке, установленном законом;

- законы и другие нормативно-правовые акты, определяющие права и обязанности граждан, не доведенные до сведения населения в порядке, установленном законом, являются недействительными;

- законы и другие нормативно-правовые акты не имеют обратного действия во времени, кроме случаев, когда они смягчают или отменяют ответственность лица. Исходя из практики Конституционного суда России законы и другие нормативно-правовые акты имеют обратное действие во времени в отношении юридических лиц только в случаях, когда смягчается или отменяется их ответственность, а предоставление обратного действия во времени таким нормативно-правовым актам может быть предусмотрено путем прямого указания об этом в законе или ином нормативно-правовом акте [5].

Кроме того, для охраны свободы вероисповедания имеет значение и то, что установление основных принципов свободы мысли, совести, религии и убеждений предполагает возложение на все органы государственной власти и местного самоуправления официального обязательства по уважению и соблюдению этого права.

Итак, свобода вероисповедания как одно из фундаментальных и неотчуждаемых прав человека гарантируется и имеет широкую защиту. Вместе с тем при определенных обстоятельствах осуществление указанного права все же ограничивается. Таких случаев немало, и они вызывают острые споры. Это, например, вопрос законности обязательной иммунизации и допустимости отказа от переливания крови,

проблемы, связанные с лечением через жертвоприношения людей и животных и т. д.

Известно, что объем ограничений, возложенных государством на исповедание религиозных убеждений – один из критериев оценки степени свободы вероисповедания в обществе, следовательно, определение таких границ является объектом многих дискуссий.

Либеральный подход к свободе вероисповедания ограничивает ее только в случае возможного конфликта с фундаментальными правами человека или базовыми ценностями конституционного уровня. Эти границы оцениваются как таковые, значительно отличаются от совокупности законодательных актов конституционного права и понятия правового порядка в целом. Считаем, что именно в условиях либерального подхода к свободе религии ее ограничения, как и других основных прав, становится, по выражению А. Шайо, «примирением государства и свободы в конституционализме». При этом свобода вероисповедания остается правилом, а ее ограничение – допустимым исключением [6, с. 276].

В то же время вопросу о пределах осуществления свободы религии уделено внимание и на надгосударственном уровне. Для международных и региональных соглашений по правам человека установление нормативных требований к ограничению государствами свободы вероисповедания имеет равноценное значение наряду с ее юридическим закреплением. В частности, ст. 9.2 Европейской конвенции по правам человека, ст. 18.3 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 3.1 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений предусмотрено ограничение свободы исповедовать религию в интересах охраны общественного безопасности, порядка, здоровья и морали, основных прав и свобод других лиц.

1. Приведенные нормы, позиция Страсбургского суда относительно границ осуществления фундаментальных прав, Общий комментарий Комитета по правам человека ООН ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах свидетельствуют об избрании указанными документами и институтами в вопросе ограничения свободы вероисповедания либерального подхода к этому праву. В частности, исходя из позиции Европейского Суда по правам человека, ограничения, которые допускаются ст. 9.2 Европейской конвенции по правам человека, выполняют две взаимосвязанные функции. Во-первых, перечисляют основания, на которые может ссылаться государство для ограничения свободы религии. Во-вторых, такой перечень способствует защите верующих и их групп от произвольного ограничения государством этого права. Кроме того, исходя из позиции указанного суда, системе Европейской конвенции по правам человека свойственен компромисс между потребностями в защите демократического общества и правами человека, следовательно, государствам следует стремиться к балансу между осуществлением свободы религии и необходимостью защиты всего демократического общества в целом [7, с. 269–270].

Несмотря на важность теоретической разработки ограничений права исповедовать религию, в отечественной науке конституционного права этот вопрос фактически не исследован. Исходя из положений действующего законодательства, осу-

щественные права на свободу вероисповедания может быть ограничено законом только в интересах охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других людей. В то же время приведенная норма Основного Закона России, по нашему мнению, однозначно определяется как ограничивающая право. Ведь, как отмечалось, свобода вероисповедания не сводится к правам, предусмотренных ч. 1 ст. 35 Конституции России. В частности, это право охватывает не упомянутые Основным Законом России свободу иметь и менять религию, право родителей или лиц, их заменяющих, воспитывать своих детей в соответствии с собственными убеждениями и отношения к религии. Эти права, напомним, охватываются внутренним аспектом свободы вероисповедания и являются абсолютными правами, ограничение которых не допускается. Поэтому указанными документами по правам человека, пар. 8 общего комментария Комитета ООН по правам человека ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплена возможность ограничивать только внешний аспект свободы религии – свободу ее исповедовать. Из изложенного следует, что ограничение свободы вероисповедания может применяться только в отношении действий группы верующих, а не против самой религии или объединения как такового. Ограничения не могут быть направлены на уничтожение религиозного плюрализма как среды и предпосылки свободы вероисповедания.

Также заметим, что в последнее время во многих странах, том числе и России, все чаще религиозный фактор связывается с национальной безопасностью.

В настоящее время свобода исповедовать религию все чаще характеризуется следующими ограничениями: 1) отказ в регистрации устава (положения) религиозной организации; 2) прекращение деятельности религиозной организации, являющейся юридическим лицом, по решению суда; 3) проповедование религиозных вероучений, выполнение религиозных обрядов или иная каноническая деятельность священнослужителей, религиозных проповедников, наставников, других представителей зарубежных организаций, являющихся иностранными гражданами и временно находящаяся в России, ограничивается только теми религиозными организациями, по приглашению которых они прибыли, и осуществляется по официальному согласованию с государственным органом, который зарегистрировал устав (положение) соответствующей религиозной организации.

Отметим, что вопрос ограничения свободы вероисповедания требует дальнейшего исследования. В частности, ст. 14 базового Закона предусмотрено применение единственной санкции, которую российские суды могут использовать в отношении религиозных организаций, нарушающих закон – принудительная ликвидация. Закон не предусматривает возможности выдачи предупреждения или наложения штрафа. В то же время при этом не учитывается, что указанные нарушения могут иметь различную степень общественной опасности. Считаем, что это не соответствует принципам юридической ответственности.

Итак, мы можем сделать следующие выводы:

1. Обеспечение свободы религии как конституционно-правового принципа отношений государства и объединений верующих охватывает два сбалансированных аспекта: правомерную реализацию этого права и его охрану.

2. Указанный принцип является совокупностью взаимосвязанных правовых средств, среди которых: содействие обеспечению исходных предпосылок свободы вероисповедания и связанных с ней других прав, обеспечение международно признанного минимума прав религиозных организаций, конкретизация и закрепление процессуальных форм реализации этих прав. Такими средствами являются и кон-

ституционно-правовые принципы отношений государства и объединений верующих, а также требования законодательства и правоприменительной деятельности. Охрана свободы вероисповедания предполагает проработку и законодательное закрепление механизмов противодействия нарушениям этого права, его защиты, основ юридической ответственности, требований к ограничению государством свободы исповедовать религию.

3. Ограничениям подлежит только внешний аспект свободы вероисповедания – свобода исповедовать религию – исключительно ради защищенных Конституцией России интересов охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других людей.

Список литературы

1. Конституция России от 12.12.1993 г. – URL: <http://www.constitution.ru/>. дата обращения 20.11.2017
2. Интровігне М. Свобода релігій в Європі // Релігійна свобода: природа, правові і державні гарантії: Науковий щорічник. За заг. ред. д.філос.н. А. Колодного і к.філос.н. В. Єленського. – К.: Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, 1999. – С. 9–12.
3. Єленський В. Релігійна свобода: українська реальність і світовий досвід // Релігійна свобода і права людини: Правничі аспекти. У 2 т. – Т. 2. – Львів: Свічадо, 2001. – С. 7–22.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ(ред. от 06.07.2016) – [Электронный ресурс]: URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/>-дата обращения 20.11.2017
5. Судебная практика и законодательство – 125-ФЗ О свободе совести и о религиозных объединениях - [Электронный ресурс]: URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/>-дата обращения 20.11.2017
6. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): Пер. с венг. – М.: Юристь, 2001. – 292 с.
7. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М.: МНИМП, 1998. – 600 с.

Vironova O. Freedom of conscience and religion: the theoretical and legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 129–134.

The theoretical and methodological aspects of constitutional and legal regulations in the relations to state and communities of religious people as well as for the defence of freedom of belief in the Russia are considered in this work, development of law regulations. The following constitutional and legal principles about relations of these institutions are researched: guarantee for freedom of religion, separation of state, public schools from communities of religious people; equality of religious organizations on legal ground; banning of discrimination of communities of religious people. The role of these principles is considered in order to guarantee freedom of belief. Constitutional and legal status of communities of religious people in the Russia, the status of the Russian state as a participant of juridical actions in realization to research religion are analyzed in the thesis.

Key words: freedom of belief (religion), guarantee for freedom of belief (religion), religious organizations (communities of religious people), the Russian state organizations, constitutional and legal regulations.

Spisok literatury

1. Konstitutsiya Rossii ot 12.12.1993 g. – URL: <http://www.constitution.ru/>. data obrascheniya 20.11.2017
2. Introvigne M. Svoboda religiy v Evropi // Religlyna svoboda: priroda, pravovl I derzhavnI garantiYi: Naukoviy schorlchnik. Za zag. red. d.filos.n. A. Kolodnogo I k.filos.n. V. Elenskogo. – K.: Institut filosofiyi Im. G. S. Skovorodi NAN UkraYini, 1999. - S.9 - 12.
3. Elenskiy V. Religlyna svoboda: ukraYinska realnIst I svItoviy dosvId //Religlyna svoboda I prava lyudini: PravnichI aspekti. U 2 t. – T. 2. – LvIv: SvIchado, 2001. – S. 7–22.
4. O svobode sovesti i o religioznyih ob'edineniyah: Federalnyiy zakon ot 26.09.1997 N 125-FZ(red. ot 06.07.2016) - [Elektronnyiy resurs]: URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/-data obrascheniya 20.11.2017>
5. Sudebnaya praktika i zakonodatelstvo — 125-FZ O svobode sovesti i o religioznyih ob'edineniyah - [Elektronnyiy resurs]: URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/-data obrascheniya 20.11.2017>
6. Shayo A. Samoogranichenie vlasti (kratkiy kurs konstitutsionalizma): Per. s veng. - M.: Yurist', 2001. - 292 s.
7. Gomen D., Harris D., Zvaak L. Evropeyskaya konventsiya o pravah chelovekai Evropeyskaya sotsialnaya hartiya: pravo i praktika. – M.: MNIMP, 1998. – 600 s.

УДК 343.618:343.85

УСИЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ДОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ ПУТЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ ЗА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРАВНАРУШЕНИЯ

Мидловец М. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В работе исследуются нормы национального законодательства, устанавливающие административную и уголовную ответственность за совершение правонарушений в сфере дорожного движения, проводится анализ административного и уголовного законодательства, устанавливающего виды, размер наказаний. Автор указывает на достаточность и адекватность вида и размеров санкций за уголовно-наказуемые правонарушения в сфере безопасного дорожного движения и эксплуатации транспорта. Автор приходит к выводу, что борьбу с дорожно-транспортной преступностью следует планировать исходя из умысла деяния, который имеет место при нарушении Правил дорожного движения и не всегда связан с наступлением общественно-опасных последствий. Поэтому, в первую очередь, повышения требуют размеры и сроки наказаний административных правонарушений. Также автор обосновывается неэффективность использования отдельных видов наказаний, предлагаются пути их разрешения, раскрываются положительные стороны применения таких видов наказаний, как конфискация имущества, общественно-полезные работы.

Ключевые слова: дорожно-транспортные правонарушения, преступления, наказание, штраф, лишение права управления транспортным средством, общественно-полезные работы, конфискация транспортного средства.

Аварийность на дорогах является бичем современной России, а борьба и противодействие дорожно-транспортной преступности выступает одним из наиболее актуальных направлений политики любого развитого государства. Причиной этому, бесспорно, выступает как конституционная обязанность каждого государства обеспечить безопасность своих граждан, так и особая вредоносность дорожно-транспортных происшествий. Общественная опасность дорожно-транспортных преступлений и даже административных правонарушений в сфере безопасного движения и эксплуатации транспорта не вызывает сомнений. Именно поэтому государство устанавливает административную ответственность за нарушение правил дорожного движения, и уголовную – за причинение вреда жизни и здоровью граждан в процессе эксплуатации транспортных средств с нарушением установленных норм и предписаний.

Так, Российская Федерация не является исключением.

Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность лишь за такие наиболее противоправные нарушения в сфере дорожного движения, которые привели к серьезным общественно-опасным последствиям, а именно только к тем, что причинили тяжкий вред здоровью человека либо смерть. При этом законодатель относит данную категорию преступлений исключительно к

таким, что совершены по неосторожности. Соответственно, и наказания, предусмотренные в санкциях ст. 264, 264.1, 268 УК РФ [3], являются относительно мягкими, в сравнении с санкциями за соответствующие преступления в большинстве других стран российские меры уголовно-правовой профилактики дорожно-транспортной преступности представляются малодейственными. Но, по-нашему мнению, именно признание законодателем неосторожной формы вины таких деяний связано с лояльностью ответственности.

В качестве наказания за неосторожные преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, УК РФ выделяет следующие:

- ограничение свободы на срок до трех лет; до четырех лет;
- принудительные работы на срок до пяти лет (ст. 268 УК РФ) и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – на срок до двух лет; до трех лет; до четырех лет; до пяти лет;
- обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет;
- штраф в размере от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет;
- арест на срок до четырех месяцев, до шести месяцев;
- лишение свободы на срок до двух лет; до четырех лет; до пяти лет; от двух до семи лет; до семи лет; от четырех до семи лет.

При этом зачастую в дорожно-транспортных преступлениях назначают основное наказание, связанное с ограничением свободы, либо штраф, и дополнительное – в виде принудительных или обязательных работ и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Но при всем этом наказания за преступления в сфере обеспечения безопасности дорожного движения являются достаточно гуманными.

Следует отметить мнение Епифанова Ю. А., что «там, где жестче Правила дорожного движения и серьезнее наказание за их нарушение, показатели аварийности и травматизма ниже». Автор указывает, что наименьшая аварийность и травматизм на дороге отмечается в Великобритании, а в последнее время наметилось снижение уровня дорожно-транспортной преступности в Беларуси и странах Балтии [7, с. 153]. Многие авторы указывают на необходимость ужесточения наказаний за совершение дорожно-транспортных преступлений [6; 9]. Мы же разделяем мнение Кудрявцева В. Л. о необходимости установления соразмерного наказания [8].

Так, признавая неосторожный характер дорожно-транспортных преступлений, законодатель понимает, что виновное лицо совершило общественно опасные действия непреднамеренно, а потому не может привлекаться к суровому наказанию. С другой стороны, нами уже неоднократно высказывалось мнение о наличии двух самостоятельных форм вины в дорожно-транспортном происшествии. Так, любое преступление является и дорожно-транспортным происшествием, и дорожно-

транспортным правонарушением, выразившимся в осознанном нарушении Правил дорожного движения. То есть это можно отобразить в такой схеме: состоялось дорожно-транспортное происшествие из-за осознанного умышленного виновного совершения дорожно-транспортного правонарушения, которое при причинении тяжкого вреда здоровью или жизни человека становится преступлением. Но в дорожно-транспортных преступлениях всегда имеет место виновное административное правонарушение Правил дорожного движения. И здесь заключается виновный характер деяния. А потому борьба с дорожно-транспортной преступностью должна строиться на ужесточении меры административной ответственности и повышении мер наказания за них.

В Главе 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту – КоАП РФ) содержится 42 статьи (ст. 12.1 – 12.37 КоАП РФ) [4], в которых закреплена административная ответственность за различные составы правонарушений, а также различного рода санкции.

Анализ норм КоАП РФ позволил выделить такие виды наказаний за совершение дорожно-транспортного правонарушения.

- Предупреждение. Чаще всего предупреждение налагается вместе с административным штрафом. Оно выражается в том, что виновному лицу выписывается постановление о вынесении предупреждения за незначительное правонарушение. Но на практике такой вид наказания (его наложение) занимает столько же времени, что и оформление штрафа. Поэтому сотрудники ГИБДД ограничиваются устным предупреждением, которое нигде не фиксируется. И если письменное предупреждение еще может быть основанием для более осторожной езды в соответствии с правилами, так как его наличие будет иметь отягчающий эффект в случае повторного нарушения Правил дорожного движения, то устное предупреждение вообще не играет никакой предупредительной функции.

Ранее, еще в советские годы, использовались талоны, которые прокалывались за каждое административное правонарушение, и таким образом, без лишних затрат времени, фиксировалось предупреждение. Сейчас, с развитием технологий, можно было бы ввести чипованные карты (аналогичные банковским), в которых отражалась бы вся информация о владельце и история его правонарушений. Это снизит коррупционность в данной сфере, а также сделает невозможным избежать справедливой ответственности и соразмерного наказания. Впоследствии такие чипы можно выпускать в водительском удостоверении.

- Административный штраф. Как денежное взыскание штраф призван выступить материальным лишением для лица, сознательно нарушившего Правила дорожного движения. В этом проявляется карательная функция штрафа. С ней тесно связана его профилактическая функция – предупреждение нарушений путем опасения наложения штрафа или иного наказания. Но, проведя анализ всех норм об административных правонарушениях, можно с уверенностью сказать, что применяемые на данный момент размеры штрафов не способны обеспечить надлежащую профилактику. Так, в основном, к частным лицам (водителям) применяются административные штрафы в размере 500 руб., 800 руб., реже – 1 000 руб., 1 500 руб., и лишь не-

сколько составов административных дорожно-транспортных правонарушений (в том числе – совершение правонарушения повторно) караются штрафом в размере 3000 руб., 5000 руб. Только управление транспортным средством в состоянии опьянения либо передача управления транспортным средством лицу без права управления ним, либо лишения такого права, либо находящемуся в состоянии опьянения наказываются штрафом от 5 000 до 30 000 руб. В отношении должностных лиц административные штрафы варьируются в зависимости от степени общественной опасности правонарушения и составляют от 10 000 до 50 000 руб. Для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – от 100 000 до 500 000 руб. Порой создается впечатление, что административный арест практически не применяется в отношении должностных и юридических лиц. Хотя такие размеры штрафов повышают профилактику нарушения такими лицами Правил дорожного движения, все же они совершаются довольно часто. Как мы видим, особенно на территории Крыма, часты случаи аварий с участием крупногабаритных грузовых транспортных средств. Собственниками и управляющими таких компаний не соблюдаются требования технической безопасности транспортных средств, а также требования допуска к управлению ними водителей с надлежащими медицинскими показателями, с соблюдением нормированности их работы за рулем. Возникает вопрос, почему таких лиц не привлекают к административной ответственности, если уж к уголовной их привлечь невозможно? Кроме того, при наложении и исполнении (уплате) таких штрафов, можно было бы выделить больше средств на ремонт дорог.

- Лишение права управления транспортным средством. Во-первых, сразу отметим, что законодатель не предусматривает полного лишения права виновного управлять транспортным средством. В ст. 12.1–12.37 КоАП РФ предусмотрены лишь ограничения права управлять транспортным средством на определенный срок: от 1 до 3 месяцев; от 2 до 4 месяцев; от 4/3 до 6 месяцев; от 6 месяцев до 1 года; от 1 до 1.5 года; от 1,5 до 2 лет. Так, с одной стороны, такое наказание предотвратит совершение таким лицом нарушений на дорогах в течение определенного периода времени. С другой стороны, такое наказание может привести к совершению иного – управлению транспортным средством лицом, лишенным права управлять транспортным средством (ст. 12.7 КоАП РФ). По нашему мнению, такое наказание следует применять лишь в случае совершения уголовно-наказуемого нарушения Правил дорожного движения, либо при таком административном правонарушении, как управление транспортным средством в состоянии опьянения. При этом срок должен быть значительно повышен – от 1 года до 5 лет.

- Административный арест – временное задержание нарушителя. Представляет, что данный вид наказания должен негативно сказаться на нарушителе как мера ограничения его свободы, но, по нашему мнению, данный вид не несет положительную нагрузку для общества и государства, а в отношении нарушителя не дает того положительного воспитательного эффекта, который ожидается. В действующем административном законодательстве такой вид наказания применяется крайне редко, особенно в отношении дорожно-транспортных правонарушителей. И все же КоАП РФ предусматривает административный арест на срок до 15 суток, хотя минимальный срок не предусматривается (ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ).

- Конфискация. Данный вид наказания применяется лишь в отношении тех виновных, которые самовольно, без разрешения либо с нарушением используют специальные звуковые сигналы или световые приборы, цветографические схемы оперативных служб. При этом оно касается лишь конфискации соответствующих приборов. В зарубежных странах активно используется такой вид наказания, как конфискация авто, которое затем может быть продано на аукционе, а вырученные деньги поступают в бюджет страны или города. Представляется, что такое наказание решило бы сразу не одну проблему. Так, нарушитель был бы наказан. Предупредительно-профилактическая функция налицо, так как такое серьезное лишение (материальное) будет воздерживать водителей от нарушений и создания аварийной обстановки на дорогах. Более того, будет пополняться бюджет, а такие доходы могут быть использованы на улучшение качества дорожного покрытия, установку дорожных знаков и периодическое обновление дорожной разметки.

Таким образом, нет необходимости в ужесточении уголовной ответственности и наказаний за дорожно-транспортные преступления. В то же время следует пересмотреть систему мер административных наказаний в данной сфере, увеличить штрафы, применять такие виды наказаний, как общественно-полезные, обязательные и принудительные работы, конфискация авто.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрании законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., N 50, ст. 4873.
2. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2007. N 7. Ст. 837.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1
5. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Текст] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. N 47. Ст. 4531.
6. Епифанов Ю. А. Зарубежный опыт организации безопасности дорожного движения // Бизнес в законе. – 2011. – №1. – С. 152 – 154.
7. Козун А. В. Некоторые аспекты совершенствования уголовной ответственности за транспортные преступления. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/13157#3>
8. Кудрявцев В. Л. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник ЮУПИ. – 2012 – № 2 (8). – С. 89 – 99.
9. Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Любимов Леонид Вячеславович. – М.: РГБ, 2005. – 234 с.

Midlovets M. V. Strengthening Effectiveness Of Struggle Against Road Crime By Improving The System Of Punishment For Road Traffic Trafficking Rules // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 135–140.

The work examines the norms of national legislation that establish administrative and criminal liability for committing offenses in the field of traffic. An analysis of administrative and criminal legislation establishing the types and size of penalties is conducted. The author points out the sufficiency and adequacy of the type and amount of sanctions for criminal-punishable offenses in the field of safe traffic and the operation of transport. The author comes to the conclusion that the fight against road traffic criminality should be planned proceeding from the intent of the deed that takes place when the traffic rules are violated and is not always connected with the onset of socially dangerous consequences. Therefore, first and foremost, administrative penalties require the size and timing of penalties. The author also substantiates the ineffectiveness of using certain types of punishments, suggests ways to resolve them, reveals the positive aspects of the use of such types of punishments as confiscation of property, public works.

Keywords: traffic offenses, crimes, punishment, fine, deprivation of the right to drive a vehicle, public works, confiscation of a vehicle.

Spisok literatury

1. Federal'nii zakon ot 10.12.1995 N 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» // Sobranii zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 11 dekabrya 1995 g., N 50, st. 4873.
2. Federal'nogo zakona ot 9 fevralya 2007 g. N 16-FZ «O transportnoi bezopasnosti» [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. N 7. St. 837.
3. Ugolovni kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. N 63-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 iyunya 1996 g. N 25 st. 2954.
4. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnih pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. N 195-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 7 yanvarya 2002 g. N 1 (chast' I) st. 1
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 N 1090 «O Pravilah dorozhnogo dvizheniya» (vmeste s «Osnovnimi polozheniyami po dopusku transportnih sredstv k ekspluatatsii i obyazannosti dolzhnostnih lits po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya») [Tekst] // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1993. N 47. St. 4531.
6. Epifanov, YU.a. Zarubezhni opit organizatsii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya / YU.A. Epifanov // Biznes v zakone. – 2011. – №1. – S. 152 – 154.
7. Kozun, A. V. Nekotore aspekti sovershenstvovaniya ugolovnoi otvetstvennosti za transportnie prestupleniya. [Elektronniy resurs] / A. V. Kozun // Rezhim dostupa <http://www.lawtech.ru/journal/articles/13157#3>
8. Kudryavtsev, V. L. Prestupleniya protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transporta / V.L. Kudryavtsev // Vestnik YUUPI. – 2012 – № 2 (8). – S. 89 – 99.
9. Lyubimov, L. V. Dorozhno-transportnie prestupleniya: problemi zakonodatel'nogo konstruirovaniya sostavov i differentsiatsii otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Lyubimov Leonid Vyacheslavovich. – M.: RGB, 2005. – 234 s.

УДК 343.37:340.130.24

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Скворцова О. В., Новик М. П., Панасенко А. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проанализированы нормы и санкции глав 21, 22, 23 УК РФ. Рассмотрены виды наказаний, назначаемых за данные преступления в сфере экономики. Выявлены некоторые проблемы построения санкций в каждой главе. Проведен анализ судебной практики по применению отдельных видов наказаний, сравнительная характеристика которых проработана посредством отображения в таблицах и графиках. Определены возможные пути решения выявленных проблем и выработаны некоторые рекомендации относительно усовершенствования законодательства, регулирующего уголовные правоотношения в сфере экономики.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, уголовное наказание, санкция, штраф, лишение свободы, дифференциация ответственности.

По мере развития Российской Федерации (далее – РФ) как правового государства и совершенствования уголовной политики законодателем было внесено значительное количество поправок в Уголовный кодекс (далее – УК) РФ. Это двоякое явление, которое носит как положительный характер, что заключается в изменении отдельных уголовно-правовых норм и направлений, связанных с противодействием преступности, так и негативный, о чем свидетельствует тот факт, что за весь период применения действующего УК РФ в него внесено множество недостаточно продуманных, спонтанно и хаотично подготавливаемых изменений и дополнений. Это, в свою очередь, приводит к неоднозначности в толковании и применении норм, а также к широкой альтернативности, реализуемой правоприменителем в последующем. Так, например, Ю. С. Жариков считает, что изменения и дополнения, которые вносятся депутатами, являются теоретически непроработанными и их принятие зависит от индивидуальных факторов [1, с. 178]. Эти поправки, как правило, обусловлены ситуационной необходимостью, а не переменами в общественных отношениях и увеличением процента криминальных ситуаций.

Так, проблема построения и применения санкций актуальна еще с апреля 2002 года, когда Президент впервые выдвинул эту тему в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ. Президент РФ отметил, что необходима гуманизация уголовного законодательства и системы наказаний в целом, так как применение суровых санкций за незначительные преступления не искореняет преступность, а, наоборот, ожесточает людей. К тому же, согласно целям уголовной политики, наказание должно быть соразмерным характеру и степени общественной опасности совершенного деяния и опасности самого субъекта преступления, то есть не слишком суро-

вым и не слишком мягким, чтобы не порождать стереотипов безнаказанности в обществе, а также обеспечивать соблюдение принципа неотвратимости наказания.

Цели данного научного исследования: изучить проблемы построения санкций в 8 разделе УК РФ; выявить изменения в конструировании санкций за преступления в сфере экономики; продемонстрировать связь проблем в санкциях глав 21, 22, 23 УК РФ; определить возможные пути решения выявленных проблем.

Итак, за время действия УК РФ 1996 года большое количество изменений было внесено в главу 21 «Преступления против собственности». Но несмотря на то, что в данной главе не осталось ни одной статьи, в которую бы не вносились изменения и дополнения (а в некоторые и по несколько раз), санкции статей построены с определенными проблемными моментами.

Санкции статей главы 21 предусматривают назначение следующих видов наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест и лишение свободы. Половина наказаний, предусмотренных за преступления против собственности, а именно ограничение свободы (20,7 %), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (1,7 %), арест (20,7 %) – практически не действуют, а такие как обязательные работы (34,5 %) и исправительные работы (37,9 %) – применяются судом крайне редко. В то время, как наиболее актуальными видами наказаний являются штраф (55,2 %), принудительные работы (67,2 %) и лишение свободы (91,4 %) реально либо условно (с преобладанием в последнее время условного осуждения), что мы видим из сравнительной таблицы 1 и диаграммы 1. Процентное соотношение определяется к общему количеству санкций главы 21, равному 58.

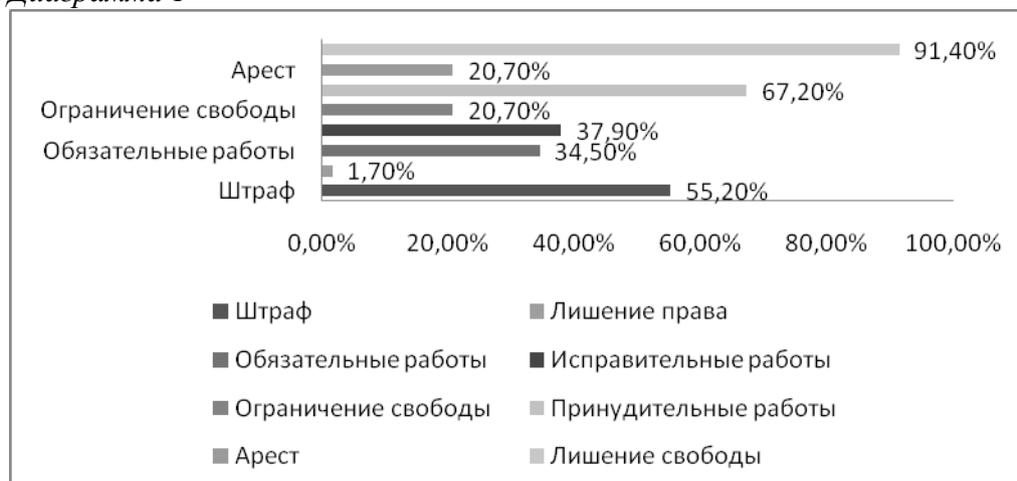
Таблица 1

Основные наказания в санкциях гл. 21 УК РФ

	Где предусмотрено	Кол-во санкций	В % ко всем санкциям
Штраф	ч.ч. 1–3 ст. 158, ст. 158.1, ч.ч. 1–3, ч.ч. 5–6 ст. 159, ч.ч. 1–3 ст. 159.1, ч.ч. 1–3 ст. 159.2, ч.ч. 1–3 ст. 159.3, ч.ч. 1–3 ст. 159.5, ч.ч. 1–3 ст. 159.6, ч.ч. 1–3 ст. 160, ч. 1 ст. 165, ч.ч. 1–2 ст. 166, ч. 1 ст. 167, ст. 168 УК	32	55,2
Обязательные работы	ч.ч. ст. 158, ст. 158.1, ч.ч. 1–2, ч. 5 ст. 159, ч.ч. 1–2 ст. 159.1, ч.ч. 1–2 ст. 159.2, ч.ч. 1–2 ст. 159.3, ч.ч. 1–2 ст. 159.5, ч.ч. 1–2 ст. 159.6, ч.ч. 1–2 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 167, ст. 168 УК	20	34,5
Исправительные работы	ч.ч. 1–2 ст. 158, ст. 158.1, ч.ч. 1–2, ч. 5 ст. 159, ч.ч. 1–2 ст. 159.1, ч.ч. 1–2 ст. 159.2, ч.ч. 1–2 ст. 159.3, ч.ч. 1–2 ст. 159.5, ч.ч. 1–2 ст. 159.6, ч.ч. 1–2 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 167, ст. 168 УК	22	37,9

Ограничение свободы	ч. 1 ст. 158, ст. 158.1, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1, ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 166, ч. 1 ст. 168 УК	12	20,7
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	ч. 3 ст. 160 УК	1	1,7
Принудительные работы	ч.ч. 1–3 ст. 158, ст. 158.1, ч.ч. 1–3, ч.ч. 5–6 ст. 159, ч.ч. 1–3 ст. 159.1, ч.ч. 1–3 ст. 159.2, ч.ч. 1–3 ст. 159.3, ч.ч. 1–3 ст. 159.5, ч.ч. 1–3 ст. 159.6, ч.ч. 1–3 ст. 160, ч.ч. 1–2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 164, ч.ч. 1–2 ст. 165, ч.ч. 1–2 ст. 166, ч.ч. 1–2 ст. 167, ст. 168 УК	39	67,2
Арест	ч. 1 ст. 158, ст. 158.1, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 166, ч. 1 ст. 167 УК	12	20,7
Лишение свободы	Во всех санкциях, кроме ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6 УК	53	91,4

Диаграмма 1

Проанализировав вышеуказанную диаграмму 1, можно прийти к выводу, что по частоте использования основных наказаний в санкциях принудительные работы занимают второе место после наказания в виде лишения свободы. Принудительные работы как вид наказания были введены ст. 8 Федерального закона от 7 декабря

2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] с целью гуманизации уголовного законодательства и расширения возможности для суда назначать наказания, не связанные с лишением свободы. Согласно ст. 53.1 УК РФ «принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые» [3].

Необходимо также отметить, что условное осуждение не входит в законодательно закрепленный исчерпывающий перечень наказаний, предусмотренный ст. 44 УК РФ, что говорит о необходимости реформирования не только санкций, но и системы наказаний.

Отсутствует принцип согласованности санкций как между самими статьями в главе 21, так и с санкциями статей других разделов, например, с разделом преступлений против жизни и здоровья, преступлений в сфере экономической деятельности.

Имеет место чрезмерная альтернативность ряда санкций за преступления против собственности – законодателем предусмотрено до 8 основных альтернативных видов наказаний. Наиболее перегруженными являются следующие статьи (без учета санкций, содержащих наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью): в расчет берется 7 основных альтернативных видов наказания — ч. 1 ст.158, ст. 158.1 УК РФ.

На примере кражи по ст. 158 УК РФ рассмотрим судебную практику назначенных видов наказаний за январь–октябрь 2017 года [4] по таблице 2:

Таблица 2

№ п/п	Наименование суда, вынесшего приговор	Квалификация преступления	Назначенное наказание
1	Ключевский районный суд Алтайского края. Приговор от 10 октября 2017 г.	п. «в» ч. 3 ст.158 УК РФ	3 года лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года
2	Кировский районный суд г. Ростова-на-Дону. Приговор от 13 января 2017 г.	п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ	2 года и 3 месяца лишения свободы
3	Федеральный суд Кировского района г. Кемерово Кемеровской области. Приговор от 13 сентября 2017г.	п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ	1 год и 6 месяцев лишения свободы
4	Заводской районный суд. Приговор от 30 августа 2017 г.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК	1 год лишения свободы
5	Дзержинский районный суд г. Оренбурга	п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ	штраф в размере 10 000 рублей; ограничение свободы сроком на 4 месяца
6	Советский районный суд г. Владивостока. Приговор от 19 апреля 2017г.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	2 года и 6 месяцев лишения свободы

7	Первомайский районный суд	п. «б» ч. 2 ст. 158; п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ	1 года 8 месяцев лишения свободы; 1 года 8 месяцев лишения свободы
8	Первореченский районный суд. Приговор от 29 марта 2017 г.	п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ	2 года лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года 6 месяцев
9	Заволжский районный суд г. Ярославля. Приговор от 08 сентября 2017 г.	ч. 1 ст. 158 УК РФ	230 часов обязательных работ
10	Железнодорожный районный суд г. Хабаровска. Приговор от 27 июня 2017 г.	п. «а» ч. 3 ст. 158, п. «а» ч. 3 ст. 158, п.п. «а, в» ч. 3 ст. 158 УК РФ	лишения свободы сроком на 3 года; лишение свободы на 2 года 6 месяцев; лишение свободы на 3 года и 1 месяц

Если проанализировать и сравнить наказания, назначенные судами первой инстанции по ч. 1–3 ст. 158 УК РФ, то можно прийти к выводу, что часто применяемыми являются: лишение свободы без условного осуждения – 60 %, лишение свободы с условным осуждением – 20 %, а на исправительные работы, обязательные работы и штраф приходится всего по 10 % на каждый вид. Кроме того, суд часто в приговоре не назначает дополнительное наказание за совершенное общественно-опасное деяние.

Также существует большой разрыв между минимальной и максимальной границами каждого вида наказания в санкциях, например, в ч. 2 ст. 166 УК РФ: от двух месяцев (по ч. 2 ст. 56 УК РФ) до семи лет лишения свободы. Таким образом, разрыв – в 42 раза [5]. Данные проблемы ставят под угрозу единство применения судебной практики и нарушают один из важнейших конституционных принципов – принцип равенства граждан перед законом. Целесообразным будет закрепить в санкциях статей до трех основных видов наказания – за преступления небольшой и средней тяжести, два – за тяжкие преступления и один – за особо тяжкие преступления. Также необходимо исключить из санкций статей альтернативность вида «штраф – лишение свободы», так как по принципу расположения наказаний в ст. 44 УК РФ от менее строгого к более строгому и степени ограничений, которые претерпевает осужденный впоследствии, нельзя прийти к выводу, что они равнозначны. Это может привести на практике к необоснованно широкому применению штрафа. Кроме того, необходим более индивидуальный подход к совершенному преступлению с последующей реализацией закрепленной законодателем данной альтернативы: применение наказания согласно характеру совершенного общественно опасного деяния, учета личности виновного лица и наступившим последствиям. Отдельного внимания заслуживает такая проблема, как безальтернативность некоторых санкций статей в отношении определенной категории лиц: инвалиды, несовершеннолетние, женщины, поскольку это ставит их в неравное положение по отношению к другим осужденным. Необходимо снизить границы наказаний в

санкциях в зависимости от иерархии и значимости объектов преступного посягательства. Так, например, жизнь и здоровье человека являются наиболее приоритетными в охране со стороны государства в лице уполномоченных органов, чем собственность как объект преступления. Таким образом, целесообразно снизить максимальный размер наказания в виде лишения свободы на 1 год (с 6 лет до 5 лет) в таких статьях, как ч. 3 ст.ст. 158, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160 УК РФ, тем самым переводя данные преступления из категории тяжких в категорию средней тяжести. В ч. 2 ст. 167 УК РФ предусмотрена ответственность за неосторожное причинение смерти или иные тяжкие последствия в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества, что свидетельствует о повышенной общественной опасности данного преступного деяния, так как в подобных случаях имеет место посягательство на два объекта – чужое имущество и жизнь человека. Целесообразным представляется увеличить наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, а также дополнить ст. 167 УК РФ ч. 3, в которой бы устанавливалась ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, и предусмотреть наказание в виде лишения свободы от пяти до десяти лет, в том числе с назначением дополнительного наказания в виде штрафа. А также включить штраф в качестве дополнительного вида наказания в ч. 4 ст. 166, ч. 2 ст. 167 УК РФ, но с учетом судом положений ст. 64 УК РФ [6].

За неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения по ч. 1 ст. 166 УК РФ возможно, на наш взгляд, предусмотреть освобождение от уголовной ответственности в связи с отсутствием значительного ущерба, сформулировав данное положение в примечании к статье.

Кроме того, 3 июля 2016 года Федеральным законом № 323-ФЗ в данную главу была введена целая ст. 158.1 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию. Диспозиция статьи указывает именно на повторность деяния лицом. Согласно п. 2 ч. 4 ст. 4.3 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) РФ, повторность совершенного однородного административного правонарушения входит в круг обстоятельств, отягчающих административную ответственность [7]. Согласно чему совершенно не обоснован законодателем как перевод данного административного правонарушения в уголовную плоскость, так и возможность альтернативного назначения столь сурового наказания в виде лишения свободы на срок до 1 года, поскольку по ч. 1 ст. 56 УК РФ «наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 настоящего Кодекса» [3]. А по ст. 63 УК РФ повторность не включена в перечень обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность. Соответственно возникает еще одна законодательная проблема, порождающая некие трудности при практической реализации данных норм правоприменителями.

Правонарушения в сфере экономической деятельности в данный момент можно отнести к наиболее динамическим и стремительно развивающимся видам преступ-

лений. Если в 2013 году было совершено 3 729 преступлений, то в 2016 году эта цифра увеличилась до 5 358.

Диаграмма 2

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ

В связи с этим наиболее остро стоит проблема построения санкций за данный вид преступлений. На сегодняшний день 22 глава УК РФ состоит из 54 статей, которые содержат 130 санкций. Большая часть из них являются альтернативными; так, по 2 вида наказаний включены в 17 % от общего числа санкций, 3 наказания – в 55 % санкций, 4 наказания – в 11 % санкций, 5 наказаний – в 8 % санкций, один вид наказания включен в 9 % санкций. По сравнению с предыдущими редакциями УК РФ количество альтернативных санкций увеличилось, например, в 2011 году 3 вида наказаний содержалось лишь в 19 % санкций, а один вид наказания предусматривался 36 % санкций, что является, по нашему мнению, положительным сдвигом. Присутствие промежуточных по строгости наказаний предоставляет свободу суду и возможность его индивидуализировать. Но и количество «беспредельно альтернативных» санкций тоже увеличилось, если в 2011 году 5 наказаний предусматривалось 2 % санкций, то сейчас цифра увеличилась до 8 %. Как справедливо отмечает Т. В. Непомнящая, «оптимальным представляется наличие в санкциях норм не более трех–четырёх основных видов наказания» [8, с. 218].

Эта тенденция обострила проблему соотношения нижних и верхних пределов санкций. Так, 18 % санкций предусматривают лишение свободы до 5 лет, 17 % – до 6 лет, 13 % – до 7 лет, 14% – до 2 лет, 12 % – до 3 лет, 7 % – до 4 лет. Из приведенных данных можно сделать вывод о достаточно широком пределе наказаний в рамках санкций, особенно в части лишения свободы. Санкция ч. 2 ст. 179 УК РФ вообще предусматривает наказание в виде лишения свободы до 10 лет, что в 60 раз превышает нижний предел. Санкция же ч. 2 ст.171.2 УК РФ предусматривает либо штраф, либо лишение свободы в качестве основных видов наказания. Такая альтернатива кажется не совсем логичной, ведь они довольно далеки друг от друга в системе уголовных наказаний, предусмотренной ст. 44 УК РФ.

Вызывает интерес и то, что пределы наказаний за некоторые квалифицированные составы не отличаются от пределов, установленных за основные составы. К примеру, ч. 1 ст. 191.1 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до 2 лет, а ч. 2. ст. 191.1 УК РФ – на срок до 3 лет, или ч. 1 ст. 193 УК РФ устанавливает санкцию в виде лишения свободы на срок до 3 лет, а ч. 2. ст. 193 УК РФ – на срок до 4 лет. В ст. 200.2 УК РФ, где в ч. 1 предусматривается наказание в виде лишения сво-

боды до 5 лет, разрыв между нижним и верхним пределом – 5 лет. А санкция ч. 2 той же статьи устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет, тут разрыв уже составляет 4 года. В этом случае законодатель не учел категорию преступления, установив меньший разрыв между минимальным и максимальным наказанием за тяжкое преступление, нежели за преступление средней тяжести.

Если сопоставить санкции статей за преступления в сфере экономической деятельности с санкциями за преступления против собственности, можно увидеть проблему отсутствия их согласованности. Так, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривает штраф в размере от ста до пятисот тысяч рублей. Наряду с этим размер штрафа за такие преступления, как злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, причинившие крупный ущерб (на сегодняшний день он составляет один миллион пятьсот тысяч рублей (ч. 1 ст. 185 УК РФ)), фиктивное банкротство, причинившее крупный ущерб (превышающий два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (ч. 1 ст. 197 УК РФ)), незаконное получение государственного целевого кредита, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству (ч. 2 ст. 176 УК РФ), составляет от ста до трехсот тысяч рублей. Это говорит о том, что преступления, причинившие действительно огромный ущерб государству, законодателем оценены как преступления, обладающие меньшей степенью опасности, нежели кража. Как отмечает Ю.А. Демидов, «санкция должна рассматриваться в системе других санкций, а не в отрыве от них» [9, с. 184].

К настоящему времени процентное соотношение основных видов наказаний за экономические преступления выглядит следующим образом:

Диаграмма 3

Следует отметить, что такое наказание, как принудительные работы, составляющие ни много ни мало – 25 % от общего числа санкций, стало применяться с 1 января 2017 года, что является положительным сдвигом в системе назначения наказаний.

В 2016 году, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ, было осуждено 5 358 человек (это 0,7 % от общего числа осужденных). Условное осуждение было применено к 1275 обвиняемым, штраф как основное наказание применялось 1467 раз, как дополнительное – 463 раза, лишение свободы было применено 813 раз, ограничение свободы как основное – 79 раз, как дополнительное – 4 раза, исправительные работы – 144 раза, обязательные работы – 648 раз.

Как видим, одним из наиболее распространённых и применяемых наказаний является штраф. Для преступлений в сфере экономической деятельности это действительно одна из лучших мер уголовного наказания. Он пополняет государственную казну, на его исполнение не требуются затраты, но в то же время актуальной проблемой для данного вида наказания являются его размеры. Обратившись к санкции ч. 2 ст. 174 УК РФ, видим, что легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, совершенное в крупном размере (свыше полутора миллионов рублей), наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей, то есть максимальный размер штрафа в 7,5 раз меньше причиненного ущерба. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 176 УК РФ, а именно незаконное получение кредита, причинившее крупный ущерб (два миллиона рублей), также наказывается штрафом до двухсот тысяч рублей. Тут разрыв уже составляет 12,5 раз. Незаконное предпринимательство по ч. 2 ст. 171 УК РФ, совершенное организованной группой или в особо крупном размере (девять миллионов рублей), наказывается штрафом от ста до пятисот тысяч рублей (разрыв в 18 раз). И таких примеров достаточно много.

По нашему мнению, назначение штрафов в таком размере не восстанавливает социальную справедливость, вряд ли исправит осужденного, а самое главное – не предупредит совершение новых преступлений, так как совершать их просто выгодно. Эту тенденцию мы уже можем наблюдать, обратившись к приведенным выше статистическим данным. Исходя из этого, можно сделать вывод, что цели наказания, указанные ст. 43 УК РФ, реализуются не в полной мере. Штрафы должны быть в размере, кратном причиненному ущербу. Тогда рентабельность совершения таких преступлений резко упадет.

Проблему составляет и такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. А именно – практически его отсутствие в качестве основного вида наказания. Непредусмотренность его в санкциях за такие преступления, как фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) видится просто нелогичным. Тем самым законодатель дает возможность совершать подобные преступления вновь и вновь.

Санкции за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК РФ), по нашему мнению, более продуманны и содержательны. В них отсутствует такая проблема, как излишняя альтернативность, размеры штрафов существенно выше и исчисляются в размерах, кратных сумме коммерческого подкупа. В 19 из 20 санкций присутствует такое наказание, как лишение

свободы, что воплощает в себе функцию предупреждения преступлений. Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью законодателем включено в большинство санкций в качестве дополнительного наказания, что тоже является одним из положительных моментов.

Исходя из вышеизложенного материала, можно прийти к выводу, что в главу 21 «Преступления против собственности» законодателем было внесено огромное количество изменений, дополнений и уточнений. Одни из последних, наиболее существенных, – введение новой ст. 158.1 УК РФ и отмена ст. 159.4 УК РФ. Только за первое полугодие 2017 года было принято 7 поправок, однако данные поправки касались, как правило, диспозиций и примечаний к статьям, не затрагивая существующие проблемные моменты санкций.

Предполагается, что законодателю необходимо наиболее тщательно, в первую очередь, с теоретической точки зрения проанализировать санкции статей данного раздела и, в последующем, скорректировать существующие проблемные моменты, возникающие в ходе применения той или иной уголовно-правовой нормы в отношении виновного лица. Приходится признать верным утверждение А. И. Коробеева, что «в настоящее время теоретические основы конструирования санкций уголовно-правовых норм еще в достаточной мере не разработаны» [10, с. 101] и констатацию Э. Ф. Побегайло, что «санкции — это “Ахиллесова пята” УК РФ» [11, с. 48].

На наш взгляд, необходимо включить в некоторые статьи дополнительный вид наказания в виде штрафа либо квалифицирующие признаки с назначением соответствующего основного наказания и дополнительного, но на усмотрение суда с учетом наличия либо отсутствия отягчающих обстоятельств по ст. 64 УК РФ. Самое суровое из действующих видов наказания – лишение свободы – применять при наличии строго определенных условий, а также с учетом характера и степени общественной опасности деяния либо исключить совсем, например, из санкций ст. 168, ч. 1 ст.ст. 158, 159, 160, 165, 167 УК РФ.

Также целесообразным будет изменить расположение перечня статей в главе 21 по значимости объектов преступного посягательства, то есть по иерархии: от более ценного к менее ценному.

Санкции, предусмотренные главой 22 УК РФ, также нуждаются в серьезной корректировке. Несмотря на частые изменения, вносимые законодателем, большинство проблем остается стабильными на протяжении многих лет. Санкции за преступления в сфере экономической деятельности должны быть согласованы со статьями других глав и содержать в себе, прежде всего, имущественные ограничения, а размеры штрафа необходимо существенно увеличить.

Итак, к наиболее существенным недостаткам построения санкций всего раздела 8 можно отнести следующие, требующие законодательной корректировки, моменты: приоритетное применение определенных видов наказаний – реальное либо условное лишение свободы, с преобладанием условного осуждения; игнорирование судами назначения обязательных работ, ограничения свободы, ареста; отсутствие согласованности между санкциями статьей одной главы и статьями разных глав; чрезмерная альтернативность санкций; безальтернативность санкций к определенной категории лиц – инвалидам, несовершеннолетним, женщинам.

Список литературы

1. Жариков Ю. С. Правоотношения в механизме уголовно-правового регулирования. – М.: изд. СГУ, 2012. – 178 с.
2. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», 1997–2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2017. – 320 с.
4. Судебная практика [Электронный ресурс]: Приговоры по уголовным делам, 2017. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/category/72.html>.
5. Силкин В. П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08) / Силкин Вячеслав Петрович; Вологодский институт права и экономики Минюста России. — Санкт-Петербург, 2004. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovye-sanktsii-za-prestupleniya-protiv-sobstvennosti>.
6. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовно-уго наказания», 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/.
7. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017), 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
8. Непомнящая Т. В. Проблемы наказания за преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Омского университета. – Серия «Право». – 2011. – №1 (26). – 218–219 с.
9. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975. – 184 с.
10. Коробеев А. И. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. А. И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2008. – 101 с.
11. Алексеев А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006. – 48 с.

Skvortsova O.V., Novik M.P., Panasenko A.R. Problems of building sanctions for crimes in the economic sphere // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 141–152.

In the article the norms and ratihabitions of the heads 21, 22, 23 of Russian Federation Criminal Code have been analyzed. The types of criminal penalty imposed for these financial crimes have been considered. Some problems of building ratihabitions in each chapter have been identified. An analysis of judicial practice on the use of certain types of criminal penalty, the comparative characteristics of which have been worked out through the display in tables and graphs, have been made. The possible ways of solving the elicited problems have been identified and some recommendations for improving legislation, regulating criminal relations in the sphere of economy, have been developed.

Key words: financial crimes, offenses against property, crimes in the economic action, crimes against interests of service in commercial and another organizations, criminal sanction, ratihabition, deprivation of freedom, differentiation of amenability.

Spisok literaturyi

1. Zharikov, Yu. S. Pravootnosheniya v mehanizme ugovolno-pravovogo regulirovaniya / Yu.S. Zharikov. — M.: izd. SGU, 2012. — 178 s.
2. "Konsultant Plyus" [Elektronnyiy resurs]: Federalnyiy zakon ot 07.12.2011 # 420-FZ (red. ot 03.07.2016) "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii", 1997-2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864.
3. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. — Moskva : Prospekt, 2017. — 320 s.
4. Sudebnaya praktika [Elektronnyiy resurs]: Prigovoryi po ugovolnyim delam, 2017. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/category/72.html>.
5. Silkin, V. P. Ugolovno-pravovyye sanktsii za prestupleniya protiv sobstvennosti [Elektronnyiy resurs]: avtoref. dis. na soisk. uchen.step. kand. jurid. nauk (12.00.08) / Silkin Vyacheslav Petrovich; Vologodskiy institut prava i ekonomiki Minyusta Rossii. — Sankt-Peterburg, 2004. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovye-sanktsii-za-prestupleniya-protiv-sobstvennosti>.
6. «KonsultantPlyus» [Elektronnyiy resurs]: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.12.2015 N 58 (red. ot 29.11.2016) «O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugovolnogo nakazaniya», 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/.
7. «KonsultantPlyus» [Elektronnyiy resurs]: «Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnyih pravonarusheniyah» ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.08.2017), 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
8. Nepomnyaschaya, T.V. Problemyi nakazaniya za prestupleniya v sere ekonomicheskoy deyatel'nosti / T.V. Nepomnyaschaya // Vestnik Omskogo universiteta. — Seriya «Pravo». — 2011. — №1.(26). — 218 – 219 s.
9. Demidov, Yu.A. Sotsialnaya tsennost i otsenka v ugovolnom prave/ Yu. A. Demidov — M.: Yurid. lit, 1975. — 184 s.
10. Korobeev, A. I. Rossiyskoe ugovolnoe pravo: kurs lektsiy. T.1. Prestuplenie / pod. red. A.I. Korobeeva. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2008. — 101 s.
11. Alekseev, A. I. Rossiyskaya ugovolnaya politika: preodolenie krizisa / A.I. Alekseev, V.S. Ovchinskiy, E. F. Pobegaylo. — M.: Norma, 2006. — 48 s.

УДК 343

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ

Чеботарева Г. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается понятие уголовной политики, ее предмет, эволюция научных представлений об уголовной политике. Поскольку в настоящее время понятие уголовно-правовой политики и формы ее реализации трактуются по-разному, иногда – диаметрально противоположно, рассматриваются причины различных подходов относительно обозначенной проблемы и позиции ведущих теоретиков уголовного права.

Автором поддерживается точка зрения, что стратегия и тактика противодействия преступности определяются не только нормами права, и в частности уголовного права, но также и мерами чисто социального характера. Однако все разновидности политик, которые принадлежат к политике борьбы с преступностью, подчинены уголовной политике, ориентированной на всестороннее предотвращение преступности. Аргументируется, что уголовная политика находится в тесной взаимосвязи с криминологической политикой. Они существенно совпадают в отношении отдельных сторон их формирования и реализации. В то же время каждая из них решает свои задачи. Целесообразно рассматривать уголовную политику как комплекс целей, задач, стратегий и мероприятий уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и криминологического характера.

Предлагается авторский вариант определения уголовной политики: это особый вид государственной деятельности, определяющий направления и методы борьбы с преступностью, устранение причин, ее порождающих, с использованием как юридических средств, методов и криминологических идей, так и социально-экономических, политических, ориентированных на соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: уголовная политика, противодействие, преступность, научные представления, криминологические идеи, уголовный закон.

Одной из значимых и сложных проблем в уголовно-правовой науке является разработка теоретических основ уголовной политики. Задачами уголовной политики является оптимизация деятельности государства в борьбе с преступностью, создание атмосферы стабильности, безопасности на территории государства и его отдельных субъектов, каждого гражданина и общества в целом. Взвешенная, эффективная и сбалансированная уголовная политика государства сможет обеспечить активную и действенную борьбу с преступностью, укрепление законности и правопорядка.

Понятие уголовной политики, определение круга проблем, составляющих ее предмет, на различных этапах развития подвергались изменениям. Поэтому одной из значимых и сложных проблем современной антиуголовной деятельности государства является разработка доктринальных положений уголовной политики, ее понятийного аппарата, методологического инструментария, содержания, направлений, приоритетов и форм реализации.

Решение указанных теоретических вопросов во многом зависит от выяснения истории формирования научных представлений об уголовной политике.

Содержанию понятия «уголовная политика» посвящено множество исследований. Наиболее активно этот вопрос изучался во второй половине двадцатого века. Это работы А. А. Герцензона, М. Д. Шаргородского В. Ф. Абрамкина, Г. А. Аванесова, Н. А. Беляева, М. М. Бабаева, В. А. Владимирова, И. М. Гальперина, П. С. Дагеля, Н. И. Загородникова, А. И. Коробейникова и др.

Значительное внимание вопросам уголовной и уголовно-правовой политики учёными-юристами уделяется и в последнее время. Это труды В. Н. Кудрявцева, Э. Ф. Побегайло, Н. А. Лопашенко, М. Ю. Воронина и др.

Несмотря на значительную историю становления и развития института уголовной политики, однозначные теоретические подходы относительно понятия, содержания, форм реализации не определены и не сформулированы. Поэтому необходимо установление основных идей, характеризующих развитие уголовной политики, ее предмета, места в политической системе, принципов, структуры и специфики деятельности по разработке и реализации стратегии борьбы с преступностью.

Впервые понятие «уголовная политика» было использовано в 1804 году в работах известного немецкого криминалиста Ансельма Фейербаха и впоследствии стало широко применяться не только в научном обороте. К первым работам по уголовной политике, появившимся в конце XIX начале XX века, относятся труды Ф. Листа, М. Чубинского, С. К. Гогеля.

В настоящее время понятие уголовно-правовой политики и формы ее реализации трактуются по-разному, иногда – диаметрально противоположно.

Причины различных подходов относительно обозначенной проблемы кроются, во-первых, в различном определении содержания и масштабов этой политики, во-вторых, в попытках определения содержания и масштабов политики в сфере противодействия преступности. Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что ее различные определения можно понимать в широком, среднем или узком толковании «уголовной политики», что определяется тем, в чем авторы видят назначение этой политики и как он связывает ее с другими разновидностями близких политик, которые выделяются в науке [1, с. 6].

М. Ю. Воронин считает, что концепции (подходы) по определению уголовной политики можно разделить на три группы: 1) уголовная политика предполагает всю совокупность мер уголовно-правового воздействия на преступность; 2) уголовная политика заключается в осуществлении мероприятий в сфере социальной профилактики преступности, что влияет на ее детерминанты и в применении уголовно-правовых мер; 3) уголовная политика предусматривает широкий спектр мер, начиная от уголовно-правовых и заканчивая мерами социального развития [2, с. 4–17].

В начале прошлого века Н. П. Чубинский в отношении понятия «уголовная политика» поставил следующие вопросы: 1) должна ли уголовная политика предусматривать ведение борьбы с преступностью в целом, оставляя решение вопроса по предотвращению преступлений для других дисциплин; 2) должна ли

уголовная политика давать законодателю указания только для лучшей постановки дела борьбы с преступностью, или, не ограничиваясь этим, должна иметь в виду и более широкую задачу по лучшей организации всего дела правосудия в стране; 3) каковы основания уголовной политики и возможные пределы, ограничивающие как сферы исследований, так и ее воздействие [3, с. 44].

Вопросы, поставленные М. П. Чубинским, являются актуальными и в современный период становления уголовной политики.

В частности, Н. А. Лопашенко, раскрывая содержание политики в области противодействия преступности методами уголовного закона, констатирует возможность использования нескольких понятий: «уголовно-правовая политика», «уголовная политика», «политика в сфере борьбы с преступностью» [1, с. 28]. Несколько по-другому видит эту проблему А. И. Коробеев, который, кроме того, выделяет социальную политику в области борьбы с преступностью, понимая уголовную политику как генеральную линию, определяющую основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, выработки и реализации мер, направленных на предотвращение преступлений, и уголовно-правовую политику, которая определяет ключевые задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения, и отражается в нормах уголовного права, актах толкования норм на практике их применения [4, с. 54–59].

Г. Ю. Лесников считает, что современная уголовная политика значительно шире по содержанию, чем уголовно-правовая. Относительно уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслей права уголовная политика выполняет методологическую роль [5, с. 101].

В широком смысле толкует понятие «уголовная политика» и А. А. Герцензон, который включил в это понятие все, что прямо или косвенно было направлено на борьбу с преступностью [6, с. 179].

Согласно концепции Е. Ф. Побегайло, уголовная политика – это государственная политика в области борьбы с преступностью и «в реальной жизни борьба с преступностью осуществляется комплексно с использованием возможностей каждой из указанных политик» [7, с. 87–88].

Достаточно широко толкует уголовную политику В. П. Ревин. Он рассматривает ее в трех ипостасях: как государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих государственных актах; как особый вид социальной деятельности, направленный на активное наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям; как научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний [8, с. 34].

По мнению А. Л. Репецкой, понятие «уголовная политика» означает «исходные требования борьбы с преступностью». Она предусматривает разработку и реализацию в деятельности компетентных органов норм уголовного (материального, процессуального) и уголовно-исполнительного права,

устанавливающих криминализацию (декриминализацию) и пенализацию (депенализацию) деяний, систему мер уголовно-правового реагирования на их совершение, условия и порядок применения этих мер, систему и порядок реализации мер непосредственного профилактического воздействия на факторы, продуцирующие преступность [9, с. 8].

Среди ученых, толкующих понятие «уголовная политика» в широком смысле, наиболее удачным, по нашему мнению, является определение А. В. Коробеева, А. В. Усса и Ю. В. Голика: «Уголовная политика в традиционном ее понимании есть генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [4, с. 12].

Классическое узкое толкование (учитывая буквальное понимание этого термина) предложил В. М. Кудрявцев. Уголовной политикой он обозначает только ту часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая реализуется средствами и методами уголовного права [10, с. 16]. Узкое определение понятия «уголовная политика» сформулировал Ф. Лист, который определил ее как «систематическую совокупность оснований, сформировавшихся на научном исследовании причин преступления и действия применения наказания, с помощью которых государство борется с преступностью» [11, с. 47].

Об уголовной политике как политике определения основных направлений стратегии и тактики борьбы с преступностью говорил П. Фрис, определяя уголовно-правовую политику как самостоятельное направление внутренней политики, которое, на основании общей теории борьбы с преступностью, разрабатывает стратегию и тактику, формулирует основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, способы их достижения, и выражается в нормах уголовного закона, практики их применения, актах официального толкования уголовно-правовых норм и Постановлениях Пленума Верховного суда (составные части уголовно-правовой политики) [12, с. 16].

В то же время считаем, что стратегия и тактика противодействия преступности определяются не только нормами права и в частности уголовного права. Так, по мнению В. П. Ревина, уголовная политика опирается на интегративные качества социальной политики государства, положения теории управления и наук уголовно-правового цикла, а также достижения социологии и политологии [8, с. 35]. «Уголовная политика, – писал А. А. Герцензон – реализуется в процессе применения на практике как специальных мер (криминологических, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, уголовно-правовых), так и мер чисто социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т. д.)» [6, с. 23].

Учитывая сказанное, государственная политика борьбы с преступностью должна сочетать в себе не только правовые, но и социальные, экономические, воспитательные и другие мероприятия и средства, направленные на профилактику, предотвращение, пресечение преступлений, сокращение наиболее опасных ее проявлений.

При более узком или так называемом буквальном понимании уголовной политики и принимая во внимание то, что эта политика должна быть обязательно определена правовыми нормами, в рамках уголовной политики различают политику уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, политику в сфере профилактики преступности, политику уголовно-тактическую, уголовно-профилактическую, криминалистическую, пенитенциарную, оперативно-розыскную и др. [1, с. 262–267].

Актуальным является определение в рамках уголовной политики государства ее структурных элементов как специфических феноменов, в частности выделить ее компоненты в каждой структурной части глобальной уголовной политики государства, аспекты которых связаны с: а) уголовно-правовыми функциями – криминализацией или декриминализацией деяний; б) уголовно-процессуальными функциями, связанными с уголовным судопроизводством, которое регламентирует порядок применения компетентными органами государства таких видов мер государственного принуждения, как предварительное заключение, расследование, вынесение приговора и т. д.; в) уголовно-исполнительными функциями, которые определяют порядок регулирования условий содержания, определение правового статуса заключенных и осужденных, обеспечение режима и охраны и т. д., а также исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы; г) криминологическими функциями, на почве изучения феномена преступности, ее причин и условий, определения основных направлений и мер воздействия, в том числе: взятие под стражу, предотвращение преступлений в местах предварительного заключения и уголовно-исполнительных учреждениях открытого и закрытого типа.

Несмотря на определенную общность содержательных признаков и принципов, соответствующие разновидности государственной политики в этих сферах должны иметь свои главные, по возможности, четко очерченные признаки и статусы.

Поскольку является очевидным, что наличие преступности в обществе и государстве подрывает безопасность провозглашенных и гарантированных государством ценностей, влияние на преступность (ее разновидности, тенденции) является неотъемлемой функцией государства. Главное направление этого влияния – борьба с преступностью. Поэтому следует согласиться с утверждением, что все разновидности политик, которые принадлежат в широком смысле к политике борьбы с преступностью, подчинены уголовной политике, ориентированной прежде всего на всестороннее предотвращение преступности.

По нашему мнению, именно предупреждение преступности является определяющей идеей, что дает возможность констатировать самостоятельность существования специальной – уголовной политики. Политическое влияние и значение компонентов предмета уголовной политики ученые определяют по-разному, поскольку она в основном предусматривает деятельность государства в сфере предупреждения преступности [1, с. 44]. Одновременно считают, что ее содержание этим не исчерпывается, ведь к ее предмету, кроме предотвращения, относятся такие компоненты, как собственно преступность (как феномен), личность преступника, причины и условия, а также методы и методики исследования

преступности (без чего невозможно успешно осуществлять профилактическую деятельность).

Поскольку приоритет в сфере определения преступного и наказуемого принадлежит уголовно-правовой политике, то именно ей и отводится основополагающее место среди других политик в области борьбы с преступностью. При этом важно также учитывать исследования состояния структуры и динамики преступности, а также личности преступника.

В отношении воздействия на причины и условия преступности (как приоритета криминологической политики) можно согласиться с А. И. Долговой в том, что это влияние составляет «целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [13, с. 219–220].

Как справедливо отмечает Г. М. Миньковский, поскольку предупреждение преступности не существует обособленно, оно заключается в :а) выявлении, устранении или ослаблении и нейтрализации причин преступности, отдельных ее видов, а также условий, им способствующих; б) выяснении и устранении ситуаций, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; в) выявлении в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение последнего; г) определении лиц, появление которых свидетельствует о реальной возможности совершения преступлений, для дальнейшего осуществления на них сдерживающего и корректирующего воздействия [14, с. 280].

Именно поэтому во время выяснения содержания уголовной политики следует отметить то, что она органично включает в себя аспекты криминологического предупреждения преступлений.

По нашему мнению, уголовная политика находится в тесной взаимосвязи с криминологической политикой. С одной стороны, она в некотором смысле определяет приоритеты уголовно-правовой политики, ее стратегическую линию, в частности, направленность на предотвращение преступлений. С другой стороны, криминологическая политика подчинена уголовно-правовой, поскольку последняя решает вопрос относительно противоправности и наказуемости деяния и формирует соответствующее поле деятельности по предотвращению преступлений. Поэтому стоит согласиться с тезисом, что от того, какой круг деяний будет определен преступным, какой характер наказуемости этих деяний, при каких условиях и на каких основаниях уголовная ответственность будет исключаться или заменяться другими мерами воздействия, зависит развитие уголовной политики в целом.

По нашему мнению, уголовно-правовая и криминологическая политика существенно совпадают в отношении отдельных сторон их формирования и реализации. В то же время каждая из них решает свои задачи.

Таким образом, подводя итог, следует обратить внимание, что вопрос уголовной политики имеет продолжительную историю своего формирования и разработки, но при этом существует множество подходов к пониманию уголовной политики в широком и узком значении. Целесообразно рассматривать уголовную политику как комплекс целей, задач, стратегий и мероприятий уголовно-правового, уголовно-

процессуального, уголовно-исполнительного и криминологического характера. Это обусловлено тем, что борьба с преступностью не может ограничиваться отдельными, несвязанными между собой мерами, которые не будут иметь общих целей и направлений воздействия. Именно системное рассмотрение и разработка уголовной политики позволит осуществить качественное, эффективное, своевременное противодействие преступности.

Поэтому уголовно-правовую политику следует рассматривать как многогранное явление, как определенный вид деятельности государства по противодействию преступности с использованием не только средств уголовного права, но и с использованием других средств: организационных, экономических, культурных, административных, криминологических, процессуальных. Кроме того, уголовно-правовая политика – это еще и соответствующая отрасль науки, которая имеет предметом своего исследования указанный вид деятельности. Подобный подход к рассматриваемому понятию дает возможность проанализировать различные теоретические и практические аспекты уголовной политики.

Как следует из исторического анализа развития идей об уголовной политике, она имела длительный процесс становления и своего формирования, а также характеризуется разноплановостью понимания ее как в целом, так и отдельных составляющих. Такой плюрализм в генезисе уголовной политики обусловил состояние неоднозначного ее понимания и в современное время. Это, в свою очередь, означает, что требуется проведение фундаментальных научных исследований всех направлений уголовной политики и выработки единого универсального ее понимания.

В связи с решением указанных проблем можно предложить следующий вариант определения уголовной политики: это особый вид государственной деятельности, определяющий направления и методы борьбы с преступностью, устранение причин, ее порождающих, с использованием как юридических средств, методов и криминологических идей, так и социально-экономических, политических, ориентированных на соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Все элементы политики в сфере борьбы с преступностью строятся на базе общих для них всех конституционных принципов, что определяет их единство. Принципами современной уголовной политики можно считать: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип демократизма, принцип справедливости, принцип гуманизма, принцип неотвратимости ответственности, принцип уважения человеческого достоинства и др. Несомненно, наличие единых основных принципов для всех элементов политики в сфере борьбы с преступностью служит их координации, согласованию направлений и методов реализации и, прежде всего, в правовой форме через правотворчество, правоприменение и соответствующие юридические акты.

Список литературы

1. Лопашенко Н. А. Уголовная политика / Лопашенко Н. А.; Отв. за вып.: Бусыгина И. А. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
2. Воронин М. Ю. К определению содержания уголовной политики // Теоретические и прикладные аспекты использования новейших научных достижений в сфере борьбы с преступностью: Сборник материалов ежегодной Международной научно-практической конференции (18-19 октября 2007 г.). – Тула, 2007. – С. 4–17.
3. Чубинский М. П. Курс уголовной политики. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909. – 450 с.
4. Голик Ю. В., Коробеев А. И., Усс А. В. Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 240 с.
5. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). Монография. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 200 с.
6. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. – М.: Юрид. лит., 1970. – 286 с.
7. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. – Саратов, 2004. – С. 87–109.
8. Ревин В. П. Уголовная политика современной России и реформирование уголовного законодательства // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступности в современной России: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 27 февраля 2013. – М.: Изд-во СГУ, 2013. – С. 33–44.
9. Репецкая А. Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. – Иркутск, 1994. – 151 с.
10. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – 300 с.
11. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М., 2004. – 110 с.
12. Фрис П. Л. Типы уголовно-правовой политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 6-й международной научно-практической конференции 29–30 января 2009 г. – М.: Проспект, 2009. – С. 15–18.
13. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. – 912 с.
14. Миньковский Г. М. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. – М.: Акад. управ. МВД России, 2004. – 296 с.

Chebotareva G. The evolution of scientific conceptions of criminal policy // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 153–161.

The article discusses the concept of criminal policy, its subject, the evolution of scientific conceptions of criminal policy. As currently the concept of penal policy and shape its implementation are interpreted in different, sometimes diametrically opposite-false, discusses the causes of different approaches regarding the problems and positions of leading theorists of the criminal law.

The author took the view that not only the law, particularly criminal law, but also measures of a purely social nature, determines the strategy and tactics of counteraction of crime. However, all the varieties of policies that belong to the policy of fight against crime, subject to criminal policy aimed at the comprehensive prevention of crime. It's argued that criminal policy is closely linked with criminological policy. They are essentially the same in respect of individual aspects of their formation and implementation. At the same time, each of them solves the problem. It is advisable to consider criminal policy as a set of goals, objectives, strategies and measures of criminal-legal, criminal procedural, penal and criminological nature.

The author's definitions of criminal policy: it is a special form of state activity that determines the direction and methods of dealing with crime, the causes that generates it, using both legal means, methods, and criminological ideas and the socio-economic, political, focused on the observance and protection of the rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: criminal politics, opposition, crime, scientific notation, criminology ideas criminal law.

Spisok literatury

1. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika / Lopashenko N. A.; Otv. za vyip.: Busygina I. A. – M.: Volters Kluver, 2009. – 608 c.
2. Voronin M. Yu. K opredeleniyu sodержaniya ugolovnoy politiki // Teoreticheskie i prikladnyie aspektyi ispolzovaniya noveyshih nauchnyih dostizheniy v sfere borbyi s prestupnostyu: Sbornik materialov ezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18-19 oktyabrya 2007 g.). – Tula, 2007. – S. 4–17.
3. Chubinskiy M. P. Kurs ugolovnoy politiki / Chubinskiy M. P. – Yaroslavl: Tip. Gub. pravl., 1909. – 450 c.
4. Golik Yu. V., Korobeev A. I., Uss A. V. Ugolovno-pravovaya politika. Tendentsii i perspektivy / Golik Yu. V., Korobeev A. I., Uss A. V. – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1991. – 240 c.
5. Lesnikov G. Yu. Ugolovnaya politika Rossiyskoy Federatsii (problemyi teorii i praktiki). Monografiya / Lesnikov G. Yu. – M.: Zakon i pravo, YuNITI-DANA, 2004. – 200 c.
6. Gertsenzon A. A. Ugolovnoe pravo i sotsiologiya. Problemyi sotsiologii ugolovnoy prava i ugolovnoy politiki / Gertsenzon A.A. - M.: Yurid. lit., 1970. - 286 c.
7. Pobegaylo E.F. Krizis sovremennoy rossiyskoy ugolovnoy politiki // Prestupnost i ugolovnoe zakonodatelstvo: realii, tendentsii, vzaimovliyanie. Sbornik nauchnyih trudov. – Saratov, 2004. – S. 87–109.
8. Revin V. P. Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii i reformirovanie ugolovnoy zakonodatelstva // Aktualnyie problemyi teorii i praktiki protivodeystviya prestupnosti v sovremennoy Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 27 fevralya 2013. – M.: Izd-vo SGU, 2013. – S. 33–44.
9. Repetskaya A. L. Vinovnoe povedenie poterpevshego i printsip spravedlivosti v ugolovnoy politike. – Irkutsk, 1994. – 151 s.
10. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya / otv. red. B. N. Kudryavtsev, A. M. Yakovlev. — M.: Nauka, 1982. — 300 s.
11. List F. Zadachi ugolovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoe yavlenie / sost. i pre-disl. V. S. Ovchinskogo. M., 2004. – 110 s.
12. Fris P. L. Tipy ugolovno-pravovoy politiki // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy 6-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29-30 yanvarya 2009 g. – M.: Prospekt, 2009. – S. 15–18.
13. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov/Pod obsch. red. d. yu. n.,prof. A. I. Dolgovoy. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2005. – 912 s.
14. Minkovskiy G. M. Izbrannyye trudy. V 3 t. T. 1 / Minkovskiy G. M. – M.: Akad. uprav. MVD Rossii, 2004. – 296 c.

УДК 343.983

ОПЫТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Чернецкий О. К.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Особенность следственного эксперимента заключается в том, что во время его осуществления проводятся опытные действия с целью проверки и уточнения информации и получения новых обстоятельств преступления. Исследование познавательной природы следственного эксперимента нуждается в выделении и определенном анализе тактических приемов опытного характера. Именно от качества разработанных криминалистикой тактических приемов осуществления отдельных следственных действий зависит прежде всего повышение эффективности деятельности следственных органов. Положение концепции тактического приема как элемента криминалистической тактики в рамках исследования тактики следственного эксперимента применялась фрагментарно, хотя использование этой концепции является необходимым условием разработки тактических приемов исследуемого нами следственного действия. При выделении и исследовании тактических приемов следственного эксперимента необходимо выходить из системно-структурных.

Ключевые слова: следственный эксперимент, следственные действия, тактика следственных действий, тактические приемы, опытные действия.

Особенность следственного эксперимента заключается в том, что во время его осуществления проводятся опытные (экспериментальные) действия с целью проверки и уточнения ведомостей и получения новых обстоятельств криминального правонарушения.

Сегодня много теоретических и практических вопросов в этой сфере остаются нерешенными и дискуссионными, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на эффективности работы следователей в раскрытии и расследовании преступлений. В частности, сегодня остается недостаточно разработанной тактика следственного эксперимента, которая предусматривает выделение и предложение тактических приемов данного следственного действия. Зачастую тактические приемы следственного эксперимента подменяются условиями, принципами, способами организации или подготовки к нему. Кроме этого, следует отметить, что в криминалистической литературе называются лишь отдельные тактические приемы следственного эксперимента.

Необходимо заметить, что исследование характера опытных действий носит важное в научном плане значение. Поскольку именно при проведении опытных действий (на динамической стадии) проявляются тактические приемы следственного эксперимента. В этом смысле правильно отмечает А. Р. Ратинов, что именно опытные действия являются сердцевиной следственного эксперимента [1, с. 323].

Исследование характера экспериментальных действий лежит в плоскости про-

цессуального порядка проведения следственного эксперимента. Так, в законодательстве Российской Федерации (ст. 181 УПК РФ) не подчеркивается опытный(исследовательский) характер следственного эксперимента. Ведь непосредственно при проведении опытов в обстановке, которая имела место раньше при совершенном преступлении, проверяются, уточняются и устанавливаются важные для дела обстоятельства, версии, причины и условия, которые содействовали совершению преступлений. Кроме этого, ст. 181 УПК РФ регламентирует, что выполнение этих действий допускается при условиях, которые не унижают достоинства лиц, принимающих в них участие, и не являются опасными для их здоровья.

О проведении всех действий в рамках следственного эксперимента следователь составляет протокол, который подписывают лица, принимающие в нем участие, понятые и следователь.

В криминалистической литературе предложены некоторые криминалистические рекомендации относительно опытных действий. Итак, в случаях, когда опытные действия охватывают две точки на местности, кроме следователя, который является организатором следственного эксперимента, в качестве его помощника может выступать другой следователь или сотрудник органа дознания. Кроме этого, для проведения следственного эксперимента (а именно опытных действий) могут быть задействованы и другие лица.

В литературных источниках делались попытки определения отдельных требований к опытным действиям. В частности, С. А. Шейфер отмечает, что опытные действия должны воссоздавать отображенные в материалах дела подлинные действия. Чтобы исключить случайный результат, однородные опыты повторяются. По его мнению, они должны меняться (упрощаться и усложняться), что позволит определить независимость результата опыта от измененных условий его проведения [2, с. 123]. Более того, проведение опытных действий с существенным различием от подлинных действий расценивается практикой как нарушение уголовно-процессуального законодательства.

Заслуживает внимания позиция А. Р. Ратинова, который в рамках исследования психологии следственного эксперимента отмечает, что эксперимент характеризуется тем, что при его проведении воспроизводится раньше указанная ситуация и проводятся опытные действия. По его мнению, соблюдение схожести действительного и экспериментального события справедливо и для динамической части эксперимента. При моделировании определенного явления или действия следователь сталкивается также с технической невозможностью абсолютно точного его повторения, с неполной осведомленностью, так как они выполнялись или протекали в действительности. Отсюда он предлагает два важных требования: 1) вариантность опытов, которая связана с изменением объективных, субъективных факторов; 2) многообразие проведения опытов [3, с. 323–332]. Следует отметить, что по этому поводу в специальной литературе высказывались некоторые соображения [4, с. 57; 5, с. 208–213; 6, с. 60]. Так, В. П. Колмаков, Л. Е. Ароцкер отмечают, что для достижения точного и объективного результата эксперимента необходимо его повторять в измененных условиях. При этом можно определить, какое влияние на опытные действия осуществляют условия проведения [7, с. 29]. Ф. В. Глазырин, А. П. Кругликов отме-

чают, что количество опытов определяет следователь. Однородные опыты необходимо повторять с целью исключения случайного результата. При этом условия проведения опытов должны быть неизменными [8, с. 44]. В. Е. Коновалова отмечает, что повторение опытов позволит исключить случайные результаты и достоверно выяснить определенный факт. Не рекомендуется осуществлять опыты следователю или понятым. Для этого должны быть приглашены специальные лица (статисты), а следователь и понятые должны наблюдать за проведением опытов. Следователь регулирует очередность проведения опытов и определяет специфику каждого из них [9, с. 148].

По поводу выполнения схожих опытных действий с теми, что имели место при совершении преступления, в специальной литературе высказывались определенные соображения. Так, Ф. В. Глазырин, А. П. Кругликов отмечают, что схожесть выполняемых действий с теми, что проверяются достигаются путем их выполнения в том же темпе, с теми же предметами [8, с. 43].

Более четко определяет тактические приемы следственного эксперимента С. Ф. Шумилин: 1) повторение опытных действий в тех же условиях; 2) повторение опытных действий в измененных условиях; 3) воспроизведение «контрольных» действий при участии дублеров; 4) расчленение опытных действий на этапы [10, с. 410].

А. Н. Халиков при рассмотрении должностных преступлений в качестве тактических приемов предлагает многообразие проведения опытных действий [11, с. 254–259; 12, с. 163–165].

Итак, следует обратить внимание, что в специальной литературе делались попытки исследования тактики отдельных видов следственного эксперимента. Однако необходимо заметить, что тактика следственного эксперимента определяется целью, видом и содержанием тактических приемов с действиями опытного характера.

Мы считаем целесообразным обособление тактических приемов с действиями опытного характера при проведении следственного эксперимента.

Тактическими приемами с действиями опытного характера следственного эксперимента являются:

- 1) проведение опытных действий с каждым лицом отдельно;
- 2) проведение опытных действий на месте события;
- 3) проведение (демонстрация) опытных действий в присутствии заинтересованных лиц (подозреваемого, пострадавшего, свидетеля);
- 4) согласование рассказа с демонстрацией опытных действий;
- 5) проведение и демонстрация опытных действий незаинтересованным лицом;
- 6) проведение и демонстрация опытных действий заинтересованным лицом (подозреваемым, пострадавшим, свидетелем);
- 7) привлечение к опытным действиям лица с определенными профессиональными навыками;
- 8) проведение опытных действий в определенной последовательности (от самого сложного к наименее, или наоборот);
- 9) проведение более сложных экспериментальных действий, чем имели место раньше;

10) проведение менее сложных опытных действий, чем имели место раньше;

11) повторяемость опытных действий без изменения условий, но при изменении других факторов. Указанные тактические приемы имеют высокий уровень общности. Их выделение, по нашему мнению, есть базой для разработки систем тактических приемов отдельных видов следственного эксперимента и конкретных тактических приемов в определенных следственных ситуациях.

Таким образом, тактические приемы с действиями опытного характера следственного эксперимента – это наиболее рациональное, эффективное, научно-обусловленное направление действия следователя в определенных тактических условиях, сопряженное с проведением опытных действий. Выделение тактических приемов с действиями опытного характера, по нашему мнению, есть базой для разработки систем тактических приемов отдельных видов следственного эксперимента и конкретных тактических приемов в определенных следственных ситуациях. При выделении и исследовании тактических приемов с действиями опытного характера следственного эксперимента необходимо выходить из системно-структурных соображений. Тактические приемы следственного эксперимента необходимо рассматривать в неразрывном единстве со следственной ситуацией, тактическим решением, тактическим риском, тактической задачей.

Список литературы

1. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. – М: Юрлитинформ, 2001. – 323 с.
2. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 123 с.
3. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. – М: Юрлитинформ, 2001. – С. 323–332.
4. Гусаков А. Н., Филющенко А. А. Следственная тактика (в вопросах и ответах): Учеб. пособ. – Свердловск, Изд-во Урал ун-та, 1991. – 57 с.
5. Советская криминалистика. Криминалистическая техника следственной тактика / Под ред. В. П. Колмакова. – К.: Высшая школа, 1973. – С. 208–213.
6. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: Учеб. пособ. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. – 60 с.
7. Колмаков В. П., Ароцкер Л. Е. Следственный эксперимент на предварительном следствии: Метод. пособ. / Под ред. проф. Н. Н. Бокариуса. – Харьков, 1949. – 29 с.
8. Глазырин Ф. В., Кругликов А. П. Следственный эксперимент: Учеб. пособие / Отв. ред. Р. С. Белкин. – Волгоград, Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1981. – 44 с.
9. Настольная книга следователя: Научно-практическое издание для следователей и дознавателей / Н. И. Панов, В. Ю. Шепитько, В. Е. Коновалова и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Ин Юре, 2007. – 148 с.
10. Шумилин С. Ф. Следственный эксперимент // Руководство по расследованию преступлений: Учеб. пособие. – М.: Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 410 с.
11. Халиков А. Н. Следственные действия по делам о должностных преступлениях: система, характеристика, тактика. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 254–259.
12. Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 163–165.

Shernezkiy O. Experienced actions in conducting an investigative experiment // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – T. 2 (68). № 3. – P. 162–166.

The peculiarity of the investigative experiment is that during its implementation, experimental actions are conducted, in order to verify and clarify the information and obtain new circumstances of the crime. Investigation of the cognitive nature of the investigative experiment requires the identification and specific analysis of tactical techniques of an experimental nature. It is precisely from the quality of the tactical methods developed by criminology of the implementation of certain investigative actions that first of all the increase of the effectiveness of the activity of the investigative bodies depends. The concept of tactical reception as an element of forensic tactics in the framework of the investigation of the tactics of the investigative experiment was applied fragmentarily, although the use of this concept is a necessary condition for the development of tactical methods of the investigative action we are investigating. When isolating and investigating the tactical methods of the investigative experiment, it is necessary to leave the system-structural ones.

Key words: investigative experiment, investigative actions, tactics of investigative actions, tactical methods, experimental actions.

Spisok literatury

1. Ratinov A. R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley [Tekst]. – M: Yurlitinform, 2001. – S. 323.
2. [Sheyfer S. A. Sledstvennyye deystviya. Osnovaniya, protsessualnyy poryadok i dokazatelstvennoe znachenie [Tekst]. – M.: Yurlitinform, 2004. – S. 123.
3. Ratinov A. R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley [Tekst]. – M: Yurlitinform, 2001. – S. 323–332.
4. Gusakov A. N., Filyuschenko A. A. Sledstvennaya taktika (v voprosah i otvetah) [Tekst]: Ucheb. posob. – Sverdlovsk, Izd-vo Ural un-ta, 1991. – S. 57.
5. Sovetskaya kriminalistika. Kriminalisticheskaya tehnika sledstvennaya taktika [Tekst] / Pod red. V. P. Kolmakova. – K.: Vysshaya shkola, 1973. – S. 208–213.
6. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V., Yashin V. N. Sledstvennyye deystviya [Tekst]. Ucheb. posob. – M.: MosU MVD Rossii, Knizhnyy mir, 2006. – S. 60.
7. Kolmakov V. P., Arotsker L. E. Sledstvennyy eksperiment na predvaritelnom sledstvii [Tekst] : Metod. posob. // Pod red. prof. N. N. Bokariusa. — X., 1949. – S. 29.
8. Glazyirin F. V., Kruglikov A. P. Sledstvennyy eksperiment [Tekst]: Ucheb. posobie / Otv. red. R.S. Belkin. – Volgograd, Nauchno-issledovatel'skiy i redaktsionno-izdatel'skiy otdel, 1981. – S. 44.
9. Nastol'naya kniga sledovatelya [Tekst]: Nauchno-prakticheskoe izdanie dlya sledovateley i doznavateley / N. I. Panov, V. Yu. Shepitko, V.E. Konovalova i dr. – 2-e izd., pererab. i dop. – K.: In Yure, 2007. – S. 148.
10. Shumilin S.F. Sledstvennyy eksperiment [Tekst] // Rukovodstvo po rassledovaniyu prestupleniy: Ucheb. posobie. – M.: Izd-vo NORMA (Izd. gruppа NORMA-INFRA-M), 2002. – S. 410.
11. Halikov A. N. Sledstvennyye deystviya po delam o dolzhnostnykh prestupleniyah: sistema, harakteristika, taktika [Tekst]. – M.: Yurlitinform, 2008. – S. 254–259.
12. Halikov A. N. Osobennosti rassledovaniya polucheniya vzyatok dolzhnostnyimi litsami pravoohranitelnykh organov [Tekst]. – M.: Yurlitinform, 2006. – S. 163–165.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 349.41

СОСТАВ ЗЕМЕЛЬ РЕКРЕАЦИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Алимов З. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная работа посвящена исследованию и изучению состава земель рекреационного назначения. С целью определения перечня указанных земель автором делается попытка раскрыть состав земель рекреационного назначения, тем самым определить, какие именно земли могут входить в состав данных земель. Указанная работа даёт возможность выделить перечень тех объектов, нахождение которых на тех или иных землях позволяет относить данные земли к землям рекреационного назначения. Также в работе указываются аспекты, позволяющие относить отдельные как земли, так и земельные участки к землям рекреационного назначения.

Огромное значение имеет данное исследование как для науки земельного права, так и при изучении дисциплины «Земельного права». Определение состава земель рекреационного назначения позволяет определить сущность, значение и специфику земель рекреационного назначения. Использование теоретических аспектов, определения состава земель рекреационного назначения в научно-исследовательских работах способствует удобству изложения правового материала, позволяет исследователю сформулировать проблему, определить ее пределы и логично раскрыть свои идеи.

Ключевые слова: земельный участок, земля, земли, земли рекреационного назначения, рекреация, отдых, состав земель.

В силу ч. 2 ст. 98 Земельного кодекса Российской Федерации предусмотрен состав земель рекреационного назначения. Согласно данной норме, в состав земель рекреационного назначения входят земельные участки, на которых находятся дома отдыха, пансионаты, кемпинги, объекты физической культуры и спорта, туристические базы, стационарные и палаточные туристско-оздоровительные лагеря, детские туристические станции, туристские парки, учебно-туристические тропы, трассы, детские и спортивные лагеря, другие аналогичные объекты [1].

Исходя из вышеуказанной статьи, можно прийти к выводу, что ее положения являются не исчерпывающими, следовательно, в состав земель рекреационного назначения могут входить иные земли, на которых размещены рекреационные объекты, а также те, которые используются для рекреационных целей. Таким образом, состав земель рекреационного назначения по своему содержанию является достаточно сложным, так как земли используемые для отдыха могут находить своё отображение и на землях, отнесённых к иным категориям. В связи с чем целесообразно провести исследование, установить, какие земли могут относиться к землям рекреационного назначения.

Перед тем как приступить к определению всего состава земель рекреационного назначения, было бы логично и рационально провести анализ рекреационных объектов, тем самым определить, что понимается и подразумевается под теми объектами, которые включены в перечень ч. 2 ст. 98 ЗК РФ, которые, находясь на тех или иных землях, позволяют относить данные земли к землям рекреационного назначения. Раскроем каждый из указанных видов земель по отдельности.

Земельные участки, на которых находятся дома отдыха. Согласно национальному стандарту РФ ГОСТ Р 55319-2012 «Услуги средств размещения. Общие требования к специализированным средствам размещения», под домом отдыха понимается специализированное средство размещения, расположенное в рекреационной зоне, предоставляющее услуги размещения, питания, по организации досуга и развлечений [11]. Таким образом, можно выделить несколько характерных признаков, присутствующих данному объекту: 1) предоставление таким объектом услуг размещения и питания, направленного на организацию досуга и развлечений; 2) месторасположение данного объекта, одним из основных требований которого является нахождение такого объекта на территории рекреационной зоны.

Земельные участки, на которых находятся пансионаты. В соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 54599-2011 «Услуги средств размещения. Общие требования к услугам санаториев, пансионатов, центров отдыха», под пансионатом понимается предприятие, расположенное обычно в курортной или сельской местности и предоставляющее комплекс услуг по организации отдыха: услуг размещения, питания, физкультурно-оздоровительных услуг и услуг по организации досуга [12]. Следовательно, к вышеуказанным рекреационным объектам относятся предприятия, которые, во-первых, осуществляют комплекс услуг по организации отдыха, размещения, питания, досуга и физкультурно-оздоровительных услуг; во-вторых, данные объекты размещены в курортной либо в сельской местности.

Вместе с тем, к курортной местности относятся территории, которые в соответствии со ст. 3 ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» признаны курортами. В свою очередь, курорты бывают федерального, регионального и местного значения. К курортам федерального значения относятся территории, признанные таковыми в соответствии с постановлением Правительства РФ от 7 декабря 1996 г. № 1426 «Об утверждении Положения о признании территорий лечебно-оздоровительными местностями и курортами федерального значения» [4]. Курортами регионального и местного значения на территории Республики Крым признаются территории в соответствии со ст. 3 ЗРК «О курортах, природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях Республики Крым».

Что касается территорий сельской местности, то к таким территориям в соответствии с п. 1 ст. 2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относятся поселки, села, станицы, деревни, хутора, кишлаки, аулы и другие сельские населенные пункты.

На основании вышеприведенных положений можно прийти к следующему выводу: 1) земельные участки, расположенные в пределах курортных территорий и на которых находятся пансионаты, признаются землями рекреационного назначения;

2) земельные участки, которые находятся на территории сельской местности, на которых, в свою очередь расположены пансионаты, также относятся к землям рекреационного назначения.

Земельные участки, на которых находятся кемпинги. Понимание данного объекта находит своё отображение в национальном стандарте РФ ГОСТ Р 53423-2009 «Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Термины и определения»: под кемпингом понимается ограниченная территория с санитарными объектами, на которой располагаются шале, бунгало, палатки, автофургоны, автоприцепы, передвижные автодома, а также оборудованные площадки для размещения палаток, автофургонов и прочих объектов [14].

В соответствии с вышеуказанным Национальным стандартом под шале, бунгало понимаются отдельно стоящие домики с кухонным оборудованием. Палатка – тканевое укрытие, разбираемое и складывающееся для удобства транспортирования. Передвижной автодом – жилой дом-авто, прицеп со спальными местами и кухонным оборудованием, стационарно установленный в определенном месте [14].

Таким образом, земельные участки либо отдельные части земельного участка, на которых расположены вышеуказанные объекты, признаются землями рекреационного назначения. К таким землям также могут относиться земельные участки либо их части, расположенные на территории населённого пункта в пределах особо охраняемой зоны.

Земельные участки, на которых находятся объекты физической культуры и спорта. Согласно ст. 2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», под объектами спорта понимаются объекты недвижимого имущества или комплексы недвижимого имущества, специально предназначенные для проведения физкультурных мероприятий и (или) спортивных мероприятий, в том числе спортивные сооружения. Вместе с тем, под спортивным сооружением понимается инженерно-строительный объект, созданный для проведения физкультурных мероприятий и (или) спортивных мероприятий и имеющий пространственно-территориальные границы. В свою очередь, в соответствии с Приказом Государственного комитета РФ по физической культуре и туризму от 30 ноября 1995 г. № 325 «О рекомендуемых штатах физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений» предусмотрены виды объектов физической культуры и спорта [7].

Согласно ст. 37.1 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», объекты спорта подлежат занесению во всероссийский реестр объектов спорта по правилам, установленным Приказом Министерства спорта РФ от 12 сентября 2014 г. № 766 «Об утверждении Порядка формирования и ведения Всероссийского реестра объектов спорта, предоставления сведений из него и внесения в него изменений» [6].

Исходя из вышеизложенных положений, можно прийти к выводу, что земельные участки либо их части, на которых расположены объекты спорта, которые, в свою очередь, отображены во всероссийском реестре объектов спорта, относятся к землям рекреационного назначения. Что касается объектов физической культуры, то в отношении таких объектов реестр не ведётся, однако нахождение таких объектов на

тех или иных землях позволяет также относить земельные участки либо их части к землям рекреационного назначения.

Земельные участки, на которых находятся туристические базы, стационарные и палаточные туристско-оздоровительные лагеря. Под туристической базой в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 53423-2009 «Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Термины и определения» понимается предприятие, предлагающее размещение, а также возможности и соответствующее оборудование для занятия спортом и развлечений, рестораны и магазины [14]. Из определения следует, что основной задачей туристической базы является размещение лиц, прибывших как для отдыха, так и для занятия спортом. В основном такое размещение предлагается в шале, бунгало или в автодоме.

Сегодня действующее законодательство не даёт легального определения туристско-оздоровительным лагерям, однако согласно национальному стандарту РФ ГОСТ Р 51185-2014 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования», туристско-оздоровительные лагеря отнесены к специализированным средствам размещения для отдыха и организации досуга. В свою очередь, специализированными средствами размещения признаются объекты туристской индустрии, представляющие собой средства размещения, которые предоставляют услуги в соответствии с назначением, специализацией, профилем работы и/или направлением деятельности, а именно: туристские, оздоровительные, спортивные, физкультурно-оздоровительные, образовательные и другие [10].

Вышеприведённые положения дают возможность установить, что туристические базы и туристско-оздоровительные лагеря выступают в качестве мест, предназначенных для отдыха, организации досуга, проведения как спортивных, так и физкультурно-оздоровительных мероприятий, в связи с чем нахождение данных объектов на тех или иных землях (за исключением земель населённых пунктов) позволяет относить их к землям рекреационного назначения.

Земельные участки, на которых находятся детские туристические станции. В силу положений национального стандарта РФ ГОСТ Р 52887-2007 «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления», детские туристические станции выступают в качестве организаций отдыха детей и их оздоровления. В свою очередь, данные организации могут быть как стационарными, так и передвижными, палаточными, с круглосуточным или дневным пребыванием, на базе образовательных, досуговых, спортивных учреждений, учреждений социального обслуживания, санаторно-курортных учреждений [15].

Земельные участки, на которых находятся туристские парки. Сегодня действующее законодательство не раскрывает понятия туристского парка, из-за чего возникают сложности при определении данного объекта, более того, отсутствие такого понимания приводит к невозможности как описания, так и идентификации вышеуказанного объекта. В связи с чем, на наш взгляд, видится целесообразным закрепить на нормативном уровне модели понимания туристского парка. Так, проанализировав ФЗ «О туристической деятельности в РФ» и ЗРК «О туристской деятельности в Республике Крым», можно прийти к выводу, что под «туристским парком» следует понимать специальную территорию, на которой размещены объекты тури-

стического показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные, информационные, интеллектуальные и иные потребности туристов, содействовать поддержанию их жизнедеятельности, восстановлению и развитию их физических сил.

Земельные участки, на которых находятся учебно-туристические тропы, трассы. Согласно положениям национального стандарта РФ ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования», под учебно-туристическими тропами понимаются обустроенные и особо охраняемые экотуристские маршруты, создаваемые с целью экологического просвещения населения через установленные по маршруту знаки туристской навигации, например, информационные стенды [9].

Содержание понятия учебно-туристических трасс закреплено в национальном стандарте РФ ГОСТ Р 50681-2010 «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг», в соответствии с которым учебно-туристической тропой признается маршрут следования туристов (экскурсантов), разработанный в соответствии с требованиями безопасности и включающий посещение различных исторических мест, культурных объектов, природных ландшафтов и т. п. в культурно-познавательных, оздоровительных, спортивных и других целях [13].

Что касается вышеуказанных трас и троп, то они могут устанавливаться как в особо охраняемых зонах на территории населённого пункта, так и за их пределами.

Земельные участки, на которых находятся детские и спортивные лагеря. В соответствии с ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», детские и спортивные лагеря выступают в качестве организаций отдыха детей и их оздоровления, под которыми понимаются организации сезонного действия или круглогодичного действия независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, основная деятельность которых направлена на реализацию услуг по обеспечению отдыха детей и их оздоровления.

В свою очередь, спортивные лагеря относятся к группе специализированных средств размещения для отдыха и организации досуга, которые предоставляют услуги размещения и дополнительные услуги в соответствии с назначением, специализацией, профилем работы и/или направлением деятельности, а именно – туристские, оздоровительные, спортивные, физкультурно-оздоровительные, образовательные и другие.

Что касается размещения таких объектов на тех или иных земельных участках, то особое значение имеет месторасположение такого участка. В случае нахождения такого участка в границах черты населенного пункта, вне пределов особо охраняемых зон, то независимо от того, что на таком земельном участке расположены объекты, относящиеся к рекреационным объектам, такие земли не будут признаваться землями рекреационного назначения.

В соответствии с ч. 2 ст. 98 ЗК РФ к землям рекреационного назначения относятся земли, на которых, кроме вышеперечисленных объектов, расположены иные аналогичные объекты. В такой связи особое внимание следует также уделить иным

рекреационным объектам, нахождение которых на тех либо иных землях позволяет также относить такие земли к землям рекреационного назначения.

Исходя из содержания ч. 2 ст. 98 ЗК РФ, следуя формальной логике, можно прийти к выводу, что иные аналогичные объекты должны обладать рядом специфических признаков, в частности: возможностью использовать такие объекты для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности.

Сделаем попытку раскрыть перечень тех аналогичных объектов, которые в соответствии с действующим законодательством обладают специфическими признаками, тем самым относятся к тем рекреационным объектам, нахождение которых на тех или иных землях позволяет относить данные земли к землям рекреационного назначения.

Отдельные объекты, обладающие возможностью использоваться для отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности, закреплены в национальном стандарте РФ ГОСТ Р 51185-2014 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования». К таким объектам можно отнести следующие: 1) из числа специализированных средств размещения для отдыха и организации досуга – усадьбы с проживанием, центры отдыха, рекреационные центры, деревни отдыха спортивные базы, лагеря труда и отдыха; 2) из числа средств размещения для отдыха, оздоровления и организации досуга детей и юношества – детские центры отдыха и оздоровления, рекреационные центры для детей и подростков, специализированные или профильные лагеря краеведческие, языковые, танцевальные компьютерные, образовательные, экологические, физкультурно-оздоровительные, образовательные [15]; 3) из числа туристских специализированных средств размещения – туристские приюты, туристские деревни (деревни отдыха), горные приюты, стоянки, кемпинги. Таким образом, вышеперечисленные организации рационально отнести к аналогичным объектам, предусмотренным ч. 2 ст. 98 ЗК РФ.

В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 1 ФЗ РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», п. 14 ч. 1 ст. 1 ЗРК «О туристской деятельности в Республике Крым», гостинцы выступают в качестве объектов туристской индустрии, представляющих собой коллективное средство размещения с определенным количеством номеров. Вместе с тем к гостиницам равным образом приравниваются отели, апартаменты, сюит-отели, отели-гарни, курортные отели, клубы с проживанием, парк-отели, мотели. Из этого следует, что указанные учреждения, также соотносятся аналогично с объектами, закреплёнными ч. 2 ст. 98 ЗК РФ.

В приказе Министерства экономического развития РФ «Об утверждении Требований к описанию и отображению в документах территориального планирования объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения» от 7 декабря 2016 г. № 793 указано, что к объектам спортивного назначения относятся следующие объекты: спортивные центры, стрельбище, тир, лыжные базы, лодочные станции, яхт-клубы, спортивные арены, спортивные сооружения с ледовым покрытием закрытые, конно-спортивные базы, ипподромы, велотреки, автодромы, мотодромы, картинги, корты крытые и открытые, физкультурно-спортивные комплексы, спортивно-культурные комплексы [5].

Указанные объекты по своему функциональному назначению выполняют идентичные функции аналогично объектам, указанным в ч. 2 ст. 98 ЗК РФ, в связи с чем расположение этих объектов на отдельных землях позволяет относить такие земли к землям рекреационного назначения.

Также стоит отметить, что перечень всех выше перечисленных объектов является не исчерпывающим, так как нами был представлен пример возможных объектов, которые по своим функциям относятся к аналогичным объектам, предусмотренным в ч. 2 ст. 98 ЗК РФ.

Стоит также подчеркнуть, что к землям рекреационного назначения могут относиться земельные участки либо их части, расположенные в пределах иных земель, входящих в состав земель особо охраняемых территорий и объектов. Среди таких можно выделить:

1) Из числа земель особо охраняемых природных территорий. В соответствии с п. г ст. 7 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» в качестве одной из задач, возлагаемых на государственные природные заповедники, является развитие познавательного туризма. В свою очередь, для развития познавательного туризма на территории указанных заповедников могут размещаться учебно-туристические тропы, трассы, которые в случае их нахождения на том или ином земельном участке либо его части, в силу ч. 2, 3 ст. 98 ЗК РФ, позволяют относить такой участок либо его часть к землям рекреационного назначения.

Согласно п. 4 ст. 10 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» на отдельных земельных участках биосферного полигона государственного природного биосферного заповедника для развития познавательного туризма, физической культуры и спорта допускается размещение объектов капитального строительства и связанных с ними объектов инфраструктуры. Вместе с тем, на основании распоряжения Правительства РФ «Об утверждении прилагаемого перечня объектов капитального строительства и связанных с ними объектов инфраструктуры, размещение которых допускается на территориях биосферных полигонов государственных природных биосферных заповедников» от 23 апреля 2012 г. № 603-р на территории биосферного полигона государственного природного биосферного заповедника разрешено размещение гостевых домов с сопутствующими хозяйственно-бытовыми постройками, конюшней, горнолыжных трасс [2]. Указанные объекты подпадают под перечень тех объектов, предусмотренных п. 2 ст. 98 ЗК РФ, нахождение которых на тех или иных землях, позволяет относить указанные земли к землям рекреационного назначения.

Исходя из содержания п. г ст. 13 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» на национальные парки возлагаются задачи по созданию условий для регулируемого туризма и отдыха. Следовательно, на территории национальных парков в связи с созданием условий для туризма и отдыха, могут размещаться рекреационные объекты, предусмотренные п. 2 ст. 98 ЗК РФ в связи с чем, отдельные земельные участки либо их части, находящиеся на территории национальных парков, могут, относиться к землям рекреационного назначения.

Вместе с тем, стоит отметить, что на территории Республики Крым существуют особо охраняемые территории местного значения, на которых также могут нахо-

даться земли рекреационного значения. Так, одной из задач ландшафтно-рекреационных парков является создание условий для эффективного развития туризма, отдыха и рекреационной инфраструктуры в природных условиях. Таким образом, на территории ландшафтно-рекреационных парков для реализации указанных целей могут размещаться объекты, указанные в п. 2 ст. 98 ЗК РФ. Следовательно, законодательство Республики Крым допускает, что на территории ландшафтно-рекреационных парков могут размещаться земли рекреационного назначения.

2) Из числа земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов. В соответствии со ст. 3 ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» к курортной местности относятся территории, которые признаны курортами. Следует также отметить, что в соответствии с ЗРК «О курортах, природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях Республики Крым» на территории курортов могут размещаться дома отдыха, а также пансионаты, которые, в соответствии с п. 2 ст. 98 ЗК РФ, в случае нахождения на земельном участке либо его части позволяют относить такой участок к землям рекреационного назначения.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в случае нахождения на земельных участках домов отдыха и пансионатов, в пределах лечебно-оздоровительных местностей и курортов, указанные земельные участки, на которых расположены вышеуказанные объекты, признаются землями рекреационного назначения.

Продолжая раскрывать состав земель рекреационного назначения, целесообразно подчеркнуть, что к землям рекреационного назначения относятся также земельные участки либо их части, расположенные на землях иных категорий, в частности:

1) Из числа земель населённых пунктов. В соответствии с п. 1 ст. 83 ЗК РФ землями населенных пунктов признаются земли, используемые и предназначенные для застройки и развития населенных пунктов. В то же время п. 2 ст. 83 ЗК РФ устанавливает, что границы городских, сельских населенных пунктов отделяют земли населенных пунктов от земель иных категорий. В силу указанных норм, законодатель определил, что по общему правилу все земли, находящиеся в пределах населённого пункта, признаются землями населённых пунктов. Однако указанные правила имеют определённые исключения. Так, в силу п. 10 ст. 85 ЗК РФ в пределах границ населенных пунктов могут выделяться зоны особо охраняемых территорий, в которые включаются земельные участки, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное особо ценное значение. Более того, согласно абзацу первому п. 10 ст. 85 ЗК РФ на зоны особо охраняемых территорий распространяются требования, установленные для земель особо охраняемых территорий и объектов, в состав которых входят и земли рекреационного назначения. Следовательно, в границах населённых пунктов, в пределах зон особо охраняемых территорий, могут находиться земли рекреационного назначения.

Следует также отметить, что в абзаце 5 Письма Министерства экономического развития РФ от 14 сентября 2009 г. № Д23-2977 «О переводе земель лесного фонда в земли населенных пунктов» содержатся следующие разъяснения: в пределах границ населенных пунктов могут выделяться зоны особо охраняемых территорий, в

которые включаются земельные участки, имеющие рекреационное значение (пункт 10 статьи 85 Земельного кодекса). В соответствии с пунктом 2 статьи 98 Земельного кодекса в состав земель рекреационного назначения входят земельные участки, на которых находятся дома отдыха, пансионаты, кемпинги, объекты физической культуры и спорта, туристические базы, стационарные и палаточные туристско-оздоровительные лагеря, дома рыболова и охотника, детские туристические станции, туристские парки, учебно-туристические тропы, трассы, детские и спортивные лагеря, другие аналогичные объекты [8].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что в случае нахождения на земельных участках либо их частях, расположенных в границах населённых пунктов, в пределах зон особо охраняемых территорий, объектов, предусмотренных в ч. 2 ст. 98 ЗК РФ, такие земельные участки либо их части признаются землями рекреационного назначения.

2) Из числа земель лесного фонда. В соответствии с п.п. 8 п. 1 ст. 25 ЛК РФ установлено, что использование лесов возможно для рекреационных целей. В свою очередь ст. 41 ЛК РФ определяет, что леса могут использоваться для осуществления рекреационной деятельности в целях организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности. Вместе с тем при осуществлении рекреационной деятельности на лесных участках допускается возведение физкультурно-оздоровительных, спортивных и спортивно-технических сооружений.

В то же время в силу ст. 102 ЛК РФ в состав лесов также входят защитные леса и особо защитные участки лесов, на территории которых могут размещаться лесопарковые зоны. Одновременно с этим, согласно Положению «Об определении функциональных зон в лесопарковых зонах, площади и границ лесопарковых зон, зеленых зон» от 14 декабря 2009 г. № 1007, в лесопарковой зоне выделяются зона активного отдыха и прогулочная зона. Прогулочная зона выделяется в менее посещаемых населением местах лесопарковой зоны для организации прогулочных и туристических маршрутов [3].

Опираясь на указанные ранее сведения, можно прийти к следующему: во-первых, в соответствии с ЛК РФ на землях лесного фонда допускается как возведение физкультурно-оздоровительных, спортивных и спортивно-технических сооружений, так и использование земельных участков либо их частей, на которых расположены указанные объекты в рекреационных целях; во-вторых, в случае нахождения на землях лесного фонда объектов, предусмотренных в п. 2 ст. 98 ЗК РФ, то в такой связи земельные участки либо их части, на которых размещены указанные объекты, признаются землями рекреационного назначения, указанные земли функционируют в соответствии с правовым режимом, установленным для земель рекреационного назначения.

Исходя из проведённого анализа, можно констатировать, что земли рекреационного назначения по своему составу являются достаточно сложной категорией, так как земли, предназначенные для рекреационных целей, могут находиться на землях, принадлежащих иным категориям. Такая констатация выражается в следующем: во-первых, п.1 ст. 98 ЗК РФ устанавливает, что, землями рекреационного назначения признаются земли, предназначенные и используемые для организации отдыха, ту-

ризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан; во-вторых, п. 2 ст. 98 ЗК РФ конкретизирует, что в состав земель рекреационного назначения входят земельные участки, на которых расположены объекты, предусмотренные 98 ст. ЗК РФ; в-третьих, законодатель каким-либо образом не ограничил сферу действия ст. 98 ЗК РФ, которая распространяется на земли населённых пунктов в пределах зон особо охраняемых территорий, на земли особо охраняемых территорий и объектов, на земли лесного фонда.

В такой связи напрашивается вывод, что в соответствии с требованиями действующего законодательства все земли, которые предназначены и используются для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан, а также на которых размещены объекты, предусмотренные п. 2 ст. 98 ЗК РФ, за исключением земель, находящихся в составе земель сельскохозяйственного назначения, земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности и земель иного специального назначения, земель водного фонда, земель запаса, признаются землями рекреационного назначения.

Таким образом, рассматривая и определяя состав земель рекреационного назначения, на основании проведённого анализа можно сделать соответствующие выводы.

1. Раскрыли понимание и сущность объектов, закреплённых в п. 2 ст. 98 ЗК РФ, тем самым определили, какие характерные признаки присущи конкретному объекту, что позволяет использовать данные объекты для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан, нахождение которых на тех или иных землях позволяет относить данные земли к землям рекреационного назначения. Среди характерных признаков, свойственных каждому объекту, можно отметить общие, которые принадлежат к объектам, закреплённым в п. 2 ст. 98 ЗК РФ, в частности, к таким признакам можно отнести следующие: во-первых, возможность предоставления такими объектами услуг, направленных на организацию досуга и развлечений; во-вторых, данные объекты специально предназначены для проведения физкультурных мероприятий и (или) спортивных мероприятий; в-третьих, деятельность таких объектов направлена на реализацию услуг по обеспечению отдыха детей и их оздоровления; в-четвёртых, указанные объекты также направлены на обеспечение туристских, физкультурно-оздоровительных, образовательных и иных услуг; в-пятых, упомянутые объекты способны удовлетворить духовные, информационные, интеллектуальные и иные потребности туристов, содействовать поддержанию их жизнедеятельности, восстановлению и развитию их физических сил.

2. Установили, какие объекты можно использовать для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан, тем самым отнести их к иным аналогичным объектам, закреплённым в п. 2 ст. 98 ЗК РФ, нахождение которых на тех или иных землях позволяет относить данные земли к землям рекреационного назначения. Среди них можно выделить следующие: усадьбы с проживанием, центры отдыха, рекреационные центры, деревни отдыха, спор-

тивные базы, лагеря труда и отдыха, детские центры отдыха и оздоровления, рекреационные центры для детей и подростков, специализированные или профильные лагеря краеведческие, языковые, танцевальные компьютерные, образовательные, экологические, физкультурно-оздоровительные, образовательные, туристские приюты, туристские деревни (деревни отдыха), горные приюты, стоянки, кемпинги, гостиницы, отели, апартаменты, сьют-отели, отели-гарни, курортные отели, клубы с проживанием, парк-отели, мотели, спортивные центры, стрельбище, тир, лыжные базы, лодочные станции, яхт-клубы, спортивные арены, спортивные сооружения с ледовым покрытием закрытые, конно-спортивные базы, ипподромы, велотреки, автодромы, мотодромы, картинги, корты крытые и открытые, физкультурно-спортивные комплексы, спортивно-культурные комплексы.

3. Определили, что к землям рекреационного назначения также могут относиться земельные участки либо их части, расположенные в пределах иных земель, входящих в состав земель особо охраняемых территорий и объектов, в частности:

1) земли особо охраняемых природных территорий, на которых расположены:

- а) государственные природные заповедники, в пределах которых размещены учебно-туристические тропы, трассы;
- б) биосферные полигоны государственного природного биосферного заповедника, в границах которого находятся гостевые дома с сопутствующими хозяйственно-бытовыми постройками, конюшни, горнолыжные трассы;
- в) национальные парки, на которых установлены рекреационные объекты, предусмотренные п. 2 ст. 98 ЗК РФ;
- г) ландшафтно-рекреационные парки Республики Крым, где также размещены объекты, указанные в п. 2 ст. 98 ЗК РФ;

2) земли лечебно-оздоровительных местностей и курортов, в пределах которых расположены дома отдыха, а также пансионаты.

4. Отметим, что к землям рекреационного назначения относятся также земельные участки либо их части, расположенные на землях иных категорий, в частности к таким могут относиться:

1) земли населённых пунктов в случае нахождения на таких землях в пределах зон особо охраняемых территорий объектов, предусмотренных в п. 2 ст. 98 ЗК РФ;

2) земли лесного фонда, если на указанных землях пребывают объекты, предусмотренные в п. 2 ст. 98 ЗК РФ.

5. Выявили, что все земли, которые предназначены и используются для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан, а также на которых размещены объекты, предусмотренные п. 2 ст. 98 ЗК РФ либо им аналогичные, за исключением земель находящихся в составе земель сельскохозяйственного назначения, земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности и земель иного специального назначения, земель водного фонда, земель запаса, признаются землями рекреационного назначения.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136 -ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.04.2012 г. № 603-р «Об утверждении прилагаемого перечня объектов капитального строительства и связанных с ними объектов инфраструктуры, размещение которых допускается на территориях биосферных полигонов государственных природных биосферных заповедников» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 18. – Ст. 2254.
3. Постановление Правительства РФ от 14.12.2009 г. № 1007 «Об утверждении Положения об определении функциональных зон в лесопарковых зонах, площади и границ лесопарковых зон, зеленых зон» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009 г – № 51. – Ст. 6312.
4. Об утверждении Положения о признании территорий лечебно-оздоровительными местностями и курортами федерального значения: Постановление Правительства РФ от 7 декабря 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 51. – Ст. 5799.
5. Приказ Министерства экономического развития РФ от 7.12.2016 г. № 793 «Об утверждении Требований к описанию и отображению в документах территориального планирования объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.10.2017. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.01.0.271.
6. Приказ Министерства спорта РФ от 12.09.2014 г. № 766 «Об утверждении Порядка формирования и ведения Всероссийского реестра объектов спорта, предоставления сведений из него и внесения в него изменений» // Российская газета. – 2014 г. – № 251.
7. Приказ Государственного комитета РФ по физической культуре и туризму от 30.11.1995 г. № 325 «О рекомендуемых штатах физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений» предусмотрены виды объектов физической культуры и спорта [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.10.2017. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.01.0.271.
8. Письмо Министерства экономического развития РФ от 14.09.2009 г. № Д 23-2977 «О переводе земель лесного фонда в земли населенных пунктов» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.10.2017. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.01.0.271
9. ГОСТ Р 56642-2015 Туристские услуги. Экологический туризм. М.: Стандартинформ. – 2016 г.
10. ГОСТ Р 51185-2014 Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования. М.: Стандартинформ. – 2015 г.
11. ГОСТ Р 55319 – 2012 Услуги средств размещения. Общие требования к специализированным средствам размещения. М.: Стандартинформ, – 2013 г.
12. ГОСТ Р 54599-2011 Услуги средств размещения. Общие требования к услугам санаториев, пансионатов, центров отдыха. М.: Стандартинформ, – 2012 г.
13. ГОСТ Р 50681-2010 Туристские услуги. Проектирование туристских услуг. М.: Стандартинформ. – 2011 г.
14. ГОСТ Р 53423-2009 Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Термины и определения. М.: Стандартинформ. – 2010 г.
15. ГОСТ Р 52887-2007 Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления. М.: Стандартинформ. – 2007 г.

Alimov Z. Composition of land of recreational purpose // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 167–179.

This work is devoted to the study and study of the composition of recreational lands. In order to determine the list of these lands, the author attempts to disclose the composition of recreational lands, thereby determining which land can be included in the land. This work makes it possible to distinguish a list of those objects whose location on certain lands allows them to relate these lands to recreational lands. Also in the work are specified those aspects that allow to refer separate as land and land to recreational purposes.

Of great importance is this study, both for the science of land law, and for the study and educational discipline of land law. The definition of the composition of recreational lands allows us to determine the nature, significance and specificity of recreational lands. The use of theoretical aspects, the definition of the composition of recreational lands in research works contributes to the convenience of presenting the legal material, allows the researcher to formulate the problem, determine its limits and logically disclose their ideas.

Keywords: land, land, land, recreational land, recreation, recreation, land composition.

Spisok literaturyi

1. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2001 g. № 136 -FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 44. – St. 4147.
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23.04.2012 g. N 603-r «Ob utverzhdenii prilagaemogo perechnya ob"ektov kapital'nogo stroitel'stva i svyazannyh s nimi ob"ektov infrastruktury, razmeshchenie kotoryh dopuskaetsya na territoriyah biosfernyh poligonov gosudarstvennyh prirodnyh biosfernyh zapovednikov» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2012. – № 18. – st. – 2254.
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.12.2009 g. № 1007 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob opredelenii funkcional'nyh zon v lesoparkovyh zonah, ploshchadi i granic lesoparkovyh zon, zelenykh zon» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2009 g – № 51. – st. – 6312.
4. Ob utverzhdenii Polozheniya o priznanii territorij lechebno-ozdorovitel'nykh i mestnostyami i kurortami federal'nogo znacheniya: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 dekabrya 1996 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1996 g. – № 51. – St. 5799.
5. Prikaz Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya RF ot 7.12.2016 g. № 793 «Ob utverzhdenii Trebovanij k opisaniyu i otobrazheniyu v dokumentah territorial'nogo planirovaniya ob"ektov federal'nogo znacheniya, ob"ektov regional'nogo znacheniya, ob"ektov mestnogo znacheniya» [EHlektronnyj resurs]. Data obnovleniya: 24.10.2017. Dostup iz sistemy GARANT // EHPS «Sistema GARANT» : GARANT-Maksimum. Vsyarossiya / NPP «GARANT-SERVIS-UNIVERSITET». Versiya 8.01.0.271.
6. Prikaz Ministerstvasporta RF ot 12.09.2014 g. № 766 «Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya i vedeniya Vserossijskogo reestra ob"ektov sporta, predstavleniya svedenij I znego I vneseniya v nego izmenenij» // Rossijskaya gazeta. – 2014 g. – № 251.
7. Prikaz Gosudarstvennogo komiteta RF po fizicheskoj kul'ture i turizmu ot 30.11.1995 g. № 325 «O rekomenduemykh shtatah fizkul'turno-ozdorovitel'nykh i sportivnykh sooruzhenij» predusmotreny vidy ob"ektov fizicheskoj kul'tury i sporta [EHlektronnyj resurs]. Data obnovleniya: 24.10.2017. Dostup iz sistemy GARANT // EHPS «Sistema GARANT» : GARANT-Maksimum. Vsyarossiya / NPP «GARANT-SERVIS-UNIVERSITET». Versiya 8.01.0.271.
8. Pis'mo Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya RF ot 14.09.2009 g. № D 23-2977 «O perevoze zemel' lesnogo fonda v zemli naseleennykh punktov» [EHlektronnyj resurs]. Data obnovleniya: 24.10.2017. Dostup iz sistemy GARANT // EHPS «Sistema GARANT» : GARANT-Maksimum. Vsyarossiya / NPP «GARANT-SERVIS-UNIVERSITET». Versiya 8.01.0.271
9. GOST R 56642-2015 Turistskie uslugi. Ehkologicheskij turizm. M.: Standartinform. – 2016 g.
10. GOST R 51185-2014 Turistskie uslugi. Sredstva zmeshcheniya. Obshchie trebovaniya. M.: Standartinform. – 2015 g.
11. GOST R 55319 – 2012 Uslugi sredstva zmeshcheniya. Obshchie trebovaniya k specializirovannym sredstvam razmeshcheniya. M.: Standartinform. – 2013 g.
12. GOST R 54599-2011 Uslugi sredstv razmeshcheniya. Obshchie trebovaniya k uslugam sanatoriev, pansionatov, centrov ot dyha. M.: Standartinform. – 2012 g.
13. GOST R 50681-2010 Turistskie uslugi. Proektirovanie turistskih uslug. M.: Standartinform. – 2011 g.
14. GOST R 53423-2009 Turistskie uslugi. Gostinicyi drugie sredstva razmeshch eniyaturistov. Terminy I opredeleniya. M.: Standartinform. – 2010 g.
15. GOST R 52887-2007 Uslugi detyam v uchrezhdeniyah ot dyha I ozdorovleniya. M.: Standartinform. – 2007 g.

УДК 34.01

ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Камалова Г. Г.

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Автором рассматривается эволюция научных взглядов на информацию, а также законодательных и теоретико-правовых подходов к пониманию правовой природы информации как правовой категории. Отмечена имеющаяся недостаточная определенность нормы-дефиниции, определяющей понятие «информации» как правовой категории, базирующейся на семантической теории информации, и необходимость ее совершенствования в условиях развития информационного общества, новых научных теорий, потребность выявления особенностей правовой природы информации и углубленного изучения совокупности ее свойств.

Ключевые слова: информация, сведения, сообщения, данные, носитель информации, правовой режим информации, информационное право, правовая категория, понятие, концепция.

Широкое применение современных информационно-коммуникационных технологий и формирование информационного пространства в глобальном масштабе выступают на современном этапе главнейшими факторами устойчивого развития, что неизбежно повышает роль информации и общественных отношений, направленных на получение актуальной и достоверной информации, свободу творчества и распространения информации. Все это не могло не отразиться на системе российского права и обусловило появление и успешное развитие информационного права, которое аккумулирует результаты деятельности законодательных и иных правотворческих органов, правоприменения, научных исследований специалистов права в области правового регулирования информационной сферы. Важнейшим принципом информационного права является доступность информации – свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом.

Понятие «информация» первоначально связывалось с социальной и коммуникативной деятельностью людей. С развитием науки, техники и общественных отношений наблюдается постепенное проникновение понятия в сферу гуманитарных наук. В теорию журналистики оно входит в 20–30 гг. XX в., где делаются попытки систематизации источников информации, изучаются особенности потребителя и условий восприятия социальной информации. Совершенствование средств коммуникации и технической передачи информации способствовали развитию научной теории информации, предпосылкой которой явились разработка и введение в научный оборот понятия «энтропия». В основе теории информации лежат работы Р. Хартли и К. Шеннона, заложившие точное представление о количестве информации и уменьшении неопределенности на основе выбора из массива возможностей.

Известная фраза К. Шеннона о том, что информация не является материей или энергией, невзирая на свою образность, лишь выделяет информацию по отношению

к другим объектам и не учитывает многообразие и многомерность информации как объекта познания. Шенноновская теория делает акцент на синтаксическом аспекте информации, выражающемся в совокупности характеристик информационных сигналов, знаков, сообщений, их взаимосвязях и специфике процессов, и не дала ей содержательного определения, базируясь в этом аспекте на положениях общественных наук.

В развитие Шенноновской теории в середине XX в. была разработана концепция разнообразия У. Р. Эшби. Существенный вклад в понимание роли информации в сложных самоорганизующихся системах внес Н. Винер. Развитие исследований в данном направлении и их результаты стали основой формирования кибернетики и информатики, с чьим развитием термин «информация» твердо обосновался в системе общенаучных терминов и понятий.

Аспекты семантических и аксиологических сторон информации изучались в иных направлениях развития научной мысли. Семантическая концепция направлена на измерение содержания передаваемых сообщений в процессе коммуникации и соотнесения информационных кодов и объектов, являющихся основой информационного образа. Прагматическая теория основана на ценности информации для принятия решений. Интересной также представляется попытка построения качественной теории информации [1].

Известно множество определений термина «информация», используемых в различных науках в зависимости от их потребностей. Обобщение существующих научных теорий информации и их прикладных интерпретаций позволяет утверждать, что существуют два основных подхода к определению этого понятия. Первый подход характерен для точных, естественных и базирующихся на их основе технических наук. Информация определяется ими исходя из свойства вариативности относительно устойчивых материальных состояний объектов, передающих и хранящих информацию. Второй подход свойственен общественным и гуманитарным наукам, включающим в понятие информации только информационные объекты (сведения, сообщения, данные), полученные или разработанные человеком и включенные в его деятельность, а также представленные и обрабатываемые с использованием искусственных систем.

Информация общественными науками определяется через образ, возникающий в мышлении человека после получения им информационных объектов и установления связей с ранее полученными знаниями и понятиями. Характеризуя информацию, И. Л. Бачило писала, что «это воспринимаемая и понимаемая человеком характеристика окружающего мира во всем его разнообразии, которая возникает в процессе познания последнего и позволяет на основе свойств предметов, явлений, процессов, фактов и отражения их в различных формах восприятия отличать их признаки, элементы, значения и устанавливать связи и зависимости всего многообразия проявления материального, духовного, идеологического мира» [2, с. 25].

Достаточно быстро по меркам истории науки понятие «информация» вышло за пределы отдельных наук, объем понятия расширился, и оно стало философской категорией. Традиционное философское понимание информации связано с действием закона отражения и разнообразия. В последние десятилетия признано междисци-

плинарное значение термина и понятия «информация». Сформировалось научное философское направление – философия информации, направленное на становление нового научного мировоззрения и парадигмы на основе философского понимания природы информации, изучения различных систем и объектов идеальной реальности [3].

Таким образом, суммируя, можно утверждать, что понимание феномена информации прошло путь от повседневного «житейского» представления до базовой философской категории. По мере научного анализа сущности феномена информации эволюционируют преобладающие концептуальные подходы. Современная наука продолжает исследование информации в разных аспектах с учетом особенностей предмета и объекта соответствующей науки и следует ожидать дальнейшего углубления понимания ее сущности и закономерностей, лежащих в основе. Многообразие объяснений феномена информации, характерное для различных научных областей, свидетельствует о ее сложности и многомерности.

Феномен информации в праве рассматривается применительно к правовому регулированию общественных отношений. В пределах юридических наук также можно выделить различающиеся взгляды на рассматриваемое понятие. Понятийный аппарат информационного права играет важнейшую роль, так как образует его язык как систему понятий разной степени общности, предназначенный для придания большей однозначности содержания теории информационного права, создающей необходимые условия совершенствования законодательства. Система терминов и понятий любой науки базируется на результатах исследований ее предметной области и выделенных закономерностях. Предметная область информационного права как молодой динамично развивающейся комплексной отраслевой юридической науки, находящейся на одном из начальных этапов своего развития, широка и многогранна, так как информация является результатом познания человеком действительности, метасредством его деятельности и представлена во всяком общественном отношении, многие из которых требуют правового регулирования.

В основе слова «понятие» древне-русский глагол «поятие», означавший схватить или взять в собственность [4, с. 42]. Понятие выступает отображением в мышлении (абстракции) единства существенных свойств и отношений объекта, т. е. следствием мыследеятельности лица, смоделировавшего сущность явления или процесса предметной области. Дефиниция объекта в праве, закрепленная в законодательстве, должна характеризовать его основные юридически значимые (сущностные) свойства. В связи с этим Д. А. Керимов пишет: «В общей цепи познавательного движения мысли образуют “опорные пункты”, “узловые звенья” в виде юридических понятий и определений, опираясь на которые исследование продвигается ко все более глубокому, всестороннему и конкретному познанию правовых явлений» [5, с. 19–20].

Понятие и термин в праве могут образовываться посредством придания общепотребительным словам особого правового смысла, его разработки усилиями ученых и практиков юридической деятельности, а также использования специальных неправовых терминов и понятий в праве, изначально принадлежавших к иным областям научного знания. Законодательно закрепляются наиболее необходимые в

правоприменительной практике понятия. Формирование понятий и терминов, используемых в праве, может быть обусловлено потребностями правовой науки. Теоретики И. С. Самощенко и В. М. Сырых в связи с этим писали, что понятия правовой науки выступают необходимым инструментом раскрытия специфических закономерностей правовых явлений [5, с. 255].

В российском законодательстве определение понятия «информация» впервые появилось в 1995 г. В целом информационное законодательство 90-ых гг. концептуально отличалось широким заимствованием цивилистических подходов, а также закреплением информации в числе объектов гражданского права. В ныне действующем законе [6] законодатель, используя десятилетний опыт правового регулирования информационной сферы, отошел от предыдущих концепций и усовершенствовал норму-дефиницию, определяющую информацию без указания на ее относимость различным объектам, что в большей мере соответствует правилам юридической техники, являясь более краткой и точной. Современное информационное законодательство характеризуется акцентом на нематериальной природе информации. Анализируя использованную законодателем дефиницию нельзя не согласиться с А. В. Минбалеевым, который отмечает, что легальное определение понятия «информация» в законодательстве России и стран ближнего зарубежья «строится на семантической теории информации как сведений» [7, с. 97].

Понятие «информация» выступает важнейшей базовой категорией информационного права. Однако законодательно закрепленное определение оставляет открытыми целый ряд вопросов, так как содержание категории раскрывается через набор неуточненных понятий: «сведения», «сообщения» и «данные». Попытки охарактеризовать и определить сущность последних сталкиваются с множеством проблем: разнообразие подходов, цикличность дефиниций и другие. Понятия «данные», «сведения», «сообщения» часто используются параллельно с термином «информация» как его синонимы [8, с. 28–29].

Буквальное толкование слова «данные» позволяет предполагать, что оно образовано от «дано», «даны». Специалисты различных областей науки и практики дают разнообразные его определения. Обобщая их позиции можно утверждать, что данные представляют собой информацию, которая: (1) служит для принятия решения; (2) хранится в определенной форме; (3) является результатом регистрации сигналов; (4) предназначена для обработки, передачи или интерпретации техническими средствами обработки информации и людьми. В законодательстве и нормативно-правовых актах слово «данные» активно используется как компонент множества терминов: данные бухгалтерского учета, персональные данные, статистические данные и т. д., отражая различные аспекты анализируемого понятия.

Не менее разнообразны подходы к пониманию понятия «сообщение», которое может определяться как объект, который представляет собой: (1) совокупность сообщаемых сведений; (2) средство общения; (3) упорядоченную совокупность сигналов, передаваемых по каналам связи.

Таким образом, одно из базовых понятий информационного права требует проведения дальнейших исследований в целях раскрытия его правовой сущности, так как определение через три, в свою очередь, не определенных понятия представляет-

ся весьма спорным. Попытка определить категорию «информация» наталкивается на многообразие аспектов, требующих отражения в дефиниции и, соответственно, ее усложнение. Последнее нежелательно, так как любая законодательная дефиниция должна быть сформулирована не только точно, но и максимально кратко и доступно.

Следует поддержать высказываемые сомнения специалистов в необходимости официального определения понятия «информация», учитывая отсутствие единого научного воззрения на ее сущность и многоаспектный характер объекта. Термины и понятия, имеющие общенаучный или общеупотребительный характер, как правило, не требуют нормативно-правовой дефиниции и поэтому необходимость легального определения информации сомнительна. Регулирующее и правоприменительное значение данной дефиниции нивелируется тем, что информация, наряду с материей и энергией, выступает общеправовой категорией. Достижения философской и иных наук могут быть учтены в доктрине права, если разработанные ими понятия являются бесспорными и нуждаются во включении в сферу права.

Вместе с тем специалистами отмечается, что существующее законодательное определение информации является достаточно общим, нейтральным и выполняет необходимые функции правовой дефиниции [9, с. 42]. Полагаем, что действительно оно допускает необходимое широкое понимание и толкование категории «информация» в праве, что отражает потребности правового регулирования, которое строится исходя из их места и роли информации как метасредства деятельности различных субъектов.

Нельзя не отметить, что помимо понятия «информация» российское законодательство активно использует целый массив смежных понятий: мысль, слово, информационные ресурсы, информационные продукты, документы и материалы, результаты интеллектуальной деятельности и другие. Изучение правовой категории «информация» предполагает их включение в поле исследования с формированием единого комплекса взаимосвязанных контекстов.

Информация не является объектом материального мира, но неразрывно связана с материей, так как передается и хранится материальными объектами. Традиционно для обозначения материальных объектов, передающих и хранящих информацию, используют наименование «носитель информации». Философское понимание носителя информации включает в них совокупность материальных объектов, несущих информацию, включая человека. Общеизвестным является невозможность информации без материальной основы, так как она является свойством материи и неотделима от нее. При рассмотрении человека как носителя информации отмечается, что информация существует в сознании человека на основе нейрофизиологических процессов и, следовательно, имеет свою материальную основу. Сознание человека имеет сложную природу и активно исследуется специалистами в области философии, биологии, психологии, медицины и иных наук. Современная гипотеза психологии о многомерности психики человека исходит из ее понимания как отражения объективной реальности в физиолого-биохимических и электрофизиологических реакциях мозга [10, с. 254]. Рассматривая человека в качестве материального носителя, следует учитывать нейронную организацию мозга и невозможность его функ-

ционирования вне организма, что позволяет применять понятие носителя с определенными оговорками и лишь к человеку в целом.

Понимание материального носителя в праве традиционно ограничено материальными объектами и физическими полями. Так, к носителям сведений при охране государственной тайны закон относит материальные объекты, в том числе физические поля, в которых такие сведения находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов. Законодатель, выделяя бумажные, электронные и иные носители информации, опосредует взаимосвязь информации и ее носителя с процессами фиксирования, которые в свою очередь определяются через процессы получения и закрепления сведений. Традиционно право в состав носителей информации не включает человека, рассматривая его как субъекта правоотношений.

Правовое регулирование оборота информации производится системой ее правовых режимов. Правовой режим исследуется специалистами теории права и отраслевых правовых наук. Специалисты отмечают, что использование правового режима в отраслевых юридических науках связано с факторами деятельности, территории, ситуации или специфики объекта [11, с. 56]. В последнем случае следует говорить об объектных правовых режимах, обеспечивающих стабильность и устойчивость регулируемых общественных отношений и способствующих эффективному использованию соответствующих объектов.

Одним из отраслевых объектных правовых режимов выступает правовой режим информации. Ранее закон раскрывал правовой режим информационных ресурсов как режим, устанавливаемый нормами, регулирующими порядок документирования, право собственности на документы, определяющими категорию информации по уровню доступа к ней и порядок правовой защиты. Действующее законодательство не содержит подобного понятия, но в последние десятилетия правовому режиму информации уделено значительное внимание специалистами информационного права, что обусловлено его ролью в системе понятий и терминов информационного права. Наиболее основательно эта категория рассмотрена в исследованиях Л. К. Терещенко, результаты которых создают основу для изучения специальных правовых режимов информации.

Поскольку правовой режим информации представляет собой отраслевой правовой режим, то его можно определить как особый порядок правового регулирования, выраженного в системе юридических средств, характеризующихся особым сочетанием взаимодействующих между собой методов правового регулирования и создающих особую направленность регулирования – желаемое социальное состояние информационных общественных отношений и конкретную степень благоприятности (неблагоприятности) для достижения цели режима – удовлетворение законных интересов субъектов права в информационной сфере.

Содержание правового режима выражено в совокупности его компонентов, в отношении которых позиции специалистов информационного права варьируются. По мнению Д. В. Огородова, правовой режим информации охватывает объект правоотношений, его юридически значимые признаки и виды (если он является сложным и имеет свои разновидности), а также характер субъективных прав в отноше-

нии объекта [12, с. 45–48]. Позиция представляется неполной, так как по меньшей мере не включает в правовой режим обязанности субъекта правового режима. А. А. Антопольским высказана позиция о включении в содержание порядка создания объекта и доступа к нему вопросов защиты прав субъектов и юридической ответственности в отношениях по поводу этого объекта [13, с. 18]. Указанный состав также оставляет открытыми определенные вопросы: отсутствуют обязанности субъекта, возможность юридической ответственности за нарушение режима и другие. Осуществив специальное диссертационное исследование, Л. К. Терешенко в содержание правового режима информации включает: (1) целевое назначение режима; (2) объект правового регулирования; (3) правовой статус субъектов режима; (4) массив способов правового регулирования и средств юридического воздействия [9, с. 126].

Анализ выделенных позиций позволяет говорить о возможности анализа информации как компонента правового режима, характеризуемом через его объем, свойства и виды. Стержнем информационного права выступает общий правовой режим информации, базирующийся на основополагающих идеях и началах права, выражающих его сущность и отраженных в принципах. Они вытекают из идей свободы и справедливости, закрепляют объективные закономерности общественных отношений, фундаментальные социальные ценности, которые имеют содержательное значение для обеспечения правопорядка [14, с. 126; 15, с. 21]. Важнейшими отраслевыми принципами информационного права являются принцип свободы доступа к информации, принцип ограничения информационных прав и свобод исключительно на основании и в случаях, предусмотренных федеральным законом, принцип свободы производства и распространения информации, в отношении которой законодательством не установлены ограничения, и принцип баланса интересов личности, общества и государства. Правовые режимы информации, основанные на соответствующих правовых принципах, являются общими и не требуют специального регулирования.

Внимание исследователей в последние годы сконцентрировано на специфике правовых режимов информации. Правовая природа информации и ее свойства остаются несколько в стороне. Так как право является сложной динамически развивающейся системой, то продолжает совершенствоваться на основе достижений науки и техники, права и изменения концептуальных подходов к информационной сфере. Развитие комплекса естественных и общественных наук, философских теорий, выявление особенностей правовой природы информации и совокупности ее свойств будет способствовать дальнейшему переосмыслению основополагающих идей и, соответственно, пониманию правовой категории «информация», а также подходов к определению информации как правовой категории. Наполнение существующих понятий новым содержанием необходимо для более глубокого отражения предмета исследования и является следствием роста научных знаний о нем.

Список литературы

1. Мазур М. Качественная теория информации. – М.: Мир, 1974. – 328 с.
2. Бачило И. Л. Информационное право: учебник. – М.: Юрайт, 2017. – 417 с.
3. Колин К. К. Философские тезисы о природе информации // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2015. – № 1 (17). – С. 52–58.
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

5. Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред.: Кудрявцев В. Н.; редкол.: А. М. Васильев, В. П. Казимирчук, Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц, В. М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1980. – 308 с.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
7. Минбалеев А. В. Категория «Информация» в законодательстве стран ближнего зарубежья: сравнительный анализ // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2007. – № 28 (100). – С. 96–98.
8. Юрченко И. А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 208 с.
9. Терещенко Л. К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 415 с.
10. Поликарпова Е. В. Сознание человека и обработка социальной информации // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. – № 7. – С. 259–273.
11. Петров Д. Е. Общетеоретические вопросы соотношения категорий «метод правового регулирования» и «правовой режим» // Юридическая мысль. 2015. – № 4 (90). – С. 54–59.
12. Огородов Д. В. Правовые отношения в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 243 с.
13. Антопольский А. А. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 289 с.
14. Кузнецов П. У. Основы информационного права. – М., 2014. – 336 с.
15. Полякова Т. А. Базовые принципы правового обеспечения информационной безопасности // Труды института государства и права РАН. 2016. – № 3 (55). – С. 17–40.

Kamalova G. G. Information as a legal category: development of conceptual // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 180–187.

The author considers the evolution of scientific views on information for as well as legislative and theoretical and legal approaches to understanding the legal nature of information as a legal category. He notes the lack of certainty of the norm-definition that defines the concept of the legal category "information". This category is based on the semantic theory of information. In the conditions of the development of the information society, new scientific theories need to improve it. There is a need to identify features of the legal nature of information and an in-depth study of the totality of its properties.

Keywords: information, messages, data, information carrier, legal information regime, information law, legal category, concept

Spisok literatury

1. Mazur M. Kachestvennaya teoriya informatsii. M.: Mir, 1974. – 328 s.
2. Bachilo I.L. Informatsionnoe pravo: uchebnik. M.: Yurayt, 2017. – 417 s.
3. Kolin K.K. Filosofskie tezisy o prirode informatsii // Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk (Russkaya sektsiya). 2015. – № 1 (17). – S. 52-58.
4. Stepanov Yu. S. Konstantyi: Slovar russkoy kulturyi. M.: Shkola «Yazyiki russkoy kulturyi», 1997. – 824 s.
5. Metodologicheskie problemyi sovetskoy yuridicheskoy nauki / отв. ред.: Kudryavtsev V. N.; редкол.: A. M. Vasilev, V. P. Kazimirchuk, D. A. Kerimov, V. S. Nersesyan, V. M. Chhikvadze. M.: Nauka, 1980. – 308 s.
6. Ob informatsii, informatsionnyih tehnologiyah i o zaschite informatsii: federalnyiy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sbranie zakonodatelstva RF. 2006. № 31 (1 ch.). St. 3448.
7. Minbaleev A.V. Kategoriya «Informatsiya» v zakonodatelstve stran blizhnego zarubezhya: sravnitelnyiy analiz // Vestnik YuUrGU. Ser.: Pravo. 2007. – # 28 (100). – S. 96-98.
8. Yurchenko I.A. Informatsiya konfidentsialnogo haraktera kak predmet ugovovno-pravovoy ohranyi: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. – 208 s.
9. Tereschenko L.K. Pravovoy rezhim informatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2011. – 415 s.
10. Polikarpova E.V. Soznanie cheloveka i obrabotka sotsialnoy informatsii // Izvestiya YuFU. Tehnicheskie nauki. 2012. – № 7. – S. 259–273.
11. Petrov D.E. Obscheteoreticheskie voprosyi sootnosheniya kategoriy «metod pravovogo regulirovaniya» i «pravovoy rezhim» // Yuridicheskaya myisl. 2015. – № 4 (90). – S. 54–59.
12. Ogorodov D.V. Pravovyye otnosheniya v informatsionnoy sfere: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2002. – 243 s.
13. Antopolskiy A.A. Pravovoe regulirovanie informatsii ogranichenogo dostupa v sfere gosudarstvennogo upravleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. – 289 s.
14. Kuznetsov P.U. Osnovy informatsionnogo prava. M., 2014. – 336 s.

УДК 343.98.065

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Саранкина Ю. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье исследуются теоретические и практические вопросы преодоления глобальных экологических проблем, в частности: сокращение озонового слоя и загрязнение атмосферы, изменение климата, сохранение биоразнообразия, кислотные дожди, опустынивание; также обозначаются основные направления их разрешения.

Ключевые слова: глобальные экологические проблемы, сокращение озонового слоя и загрязнение атмосферы, трансграничное перемещение загрязняющих веществ, изменение климата, сохранение биоразнообразия, кислотные дожди, опустынивание, ресурсный кризис.

Составляющей экологической системы планеты является природная среда. Современное состояние природной среды характеризуется наличием глобальных экологических проблем: сокращение озонового слоя и загрязнение атмосферы, трансграничное перемещение загрязняющих веществ, изменение климата, сохранение биоразнообразия, кислотные дожди, опустынивание, ресурсный кризис и т. п. Указанные проблемы сегодня вызывают особую озабоченность со стороны мирового сообщества, поскольку являются результатом антропогенной деятельности, зачастую противоречащей законам природы. Указанные экологические проблемы ни одно государство не в состоянии преодолеть самостоятельно, поскольку в их основе лежат явления и процессы планетарного масштаба. Именно поэтому их преодоление возможно лишь при участии всего мирового сообщества путем выработки согласованной международной экологической политики, основывающейся на эффективных организационно-правовых методах и средствах. О необходимости совместных действий по предотвращению разрушения планетарной экологической системы говорил в начале XX века В. И. Вернадский [1].

На сегодняшний день большинство стран задействовано в разрешении глобальных экологических проблем и на основе международного сотрудничества определяют рациональные нормы природопользования.

Необходимо отметить, что ведущую роль в международном экологическом сотрудничестве играет ООН, органы которой занимаются, в том числе, и вопросами охраны окружающей среды. В ООН существует и специальная программа по охране окружающей среды – ЮНЕП. Сегодня вопросами охраны окружающей среды занимается и Международный союз охраны природы и природных ресурсов, который был создан еще в 1956 году.

В последние годы наблюдается активизация многостороннего международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды. Международное сотрудничество в этом направлении осуществляется путем: координации нормотворческой деятельности по урегулированию трансграничных экологических проблем (разработка модельных законов); взаимодействия государств по реализации экологических программ под эгидой ООН; регулирование природоохранной деятельности посредством конвенций, договоров и соглашений, основанных на едином подходе различных государств к решению экологических проблем; совместных природоохранных проектов, научно-технического сотрудничества и др.

Основой международного сотрудничества по решению глобальных экологических проблем выступают договоры. Так, например, между Россией, Японией и США было подписано соглашение в 1897 году об охране морских котиков в Тихом океане [2]. С 1954 по 1973 годы был заключен ряд соглашений по вопросам защиты морей от загрязнения нефтью, иными сбросами и радиоактивными отходами.

Ключевым в истории международного экологического сотрудничества является Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, который был подписан в Москве в 1963 году более чем 100 странами [3]. А в 1977 году была подписана Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [4].

Кроме того, огромное значение для международной охраны окружающей среды имеют конвенции. Например, Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года [5], Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 года [6], Конвенция о помощи в случае ядерной войны или радиационной аварийной ситуации 1986 года [7], Конвенция о перевозке опасных грузов 1989 года [8], Монреальский протокол о веществах, разрушающих озоновый слой 1987 года [9], Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 года [10] и др.

Рассмотрим более подробно некоторые глобальные экологические проблемы.

Так, например, проблема глобальных климатических изменений, по мнению ученых, связана с ожидаемым потеплением, причиной которого являются техногенные выбросы парниковых газов, обладающих способностью задерживать тепловое излучение земной поверхности, нагретой Солнцем. Накопление парниковых газов в атмосфере приведет к потеплению, которое будет сопровождаться таянием полярных льдов, подъемом уровня Мирового океана, затоплением густонаселенных приморских низменностей и островных государств, опустыниванию, сокращению летних осадков на 15–20% в основных сельскохозяйственных районах. По прогнозам ученых, к 2035 году ожидается удвоение содержания CO₂ в атмосфере. Соответственно, глобальное потепление составит от 1,5 до 4,50 градусов С. К этому времени ожидается подъем уровня моря от 8 до 29 см и до 65 см к 2100 году. Наиболее высокий процент выбросов приходится на такие страны, как Китай и США [11].

Одним из наиболее действенных путей решения проблемы изменения климата является переориентация всех стран на рациональное использование энергоресурсов, а также сокращение выбросов в атмосферу парниковых газов. Для реализации

указанного мировому сообществу необходимо переходить от традиционных способов получения энергии к альтернативным (например, к использованию ветряных электростанций, солнечных батарей и т. п.). Кроме того, необходимо разрабатывать и усовершенствовать нормативную правовую базу, содержащую нормы, регламентирующие снижение выбросов парниковых газов. Сегодня многие страны мира взяли на себя обязательства, содержащиеся в Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотском протоколе. На уровне правительств отдельных стран принимаются законы, регулирующие углеродные выбросы. По прогнозам климатологов, для сдерживания роста температуры в пределах до 2 градусов, страны до 2050 года должны снизить глобальные выбросы по сравнению с уровнем 1990 года, а к концу XXI века – сократить до нуля.

По данным аналитиков, Россия с 2000 года в среднем снижала выбросы углекислого газа на 3,6 % ежегодно, Великобритания – на 3,3 %, Франция – на 2,7 %, США – на 2,3 %. Среднегодовое снижение углеродных выбросов за последние 15 лет составило 1,3 % [11]. Очевидно, что темпы снижения выбросов слишком низкие. По оценкам экспертов, для предотвращения необратимых изменений климата ежегодное снижение выбросов углекислого газа вплоть до 2100 года должно составлять не менее 6,3 %.

В. В. Путин отметил: «Устанавливая квоты на вредные выбросы, используя другие, по своему характеру тактические меры, мы на какой-то срок снимем остроту проблемы, но кардинально ее не решим. Нам нужны качественно иные подходы. Речь должна идти о внедрении принципиально новых технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии». Иными словами, достичь такого темпа снижения возможно при внедрении энергосберегающих технологий, а также при переходе на альтернативные источники энергии. Однако это достаточно дорого и далеко не все страны способны тратить миллиарды на внедрение энергосберегающих технологий и альтернативных источников энергии. Поэтому генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун считает, что большая доля ответственности в борьбе за сохранение климата лежит на странах со стабильной экономикой, так называемых «развитых» странах. С целью оказания помощи развивающимся странам в 2010 году под эгидой ООН был создан «Зеленый климатический фонд». И хотя Российская Федерация не является участником указанного фонда, однако готова выделять денежные средства на реализацию программ фонда. С 2015 года фонд реализует несколько крупных проектов по оказанию помощи развивающимся странам в борьбе с негативными последствиями изменения климата (в Африке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Латинской Америке).

Кроме того, в ходе Всемирной конференции ООН, состоявшейся 12 декабря 2015 года в Париже, 195 делегаций поддержали соглашение, которое должно прийти на смену Киотскому протоколу, срок действия которого истекает в 2020 году. А в апреле 2016 года было подписано Парижское соглашение по климату, к которому присоединились 175 стран (в том числе и Российская Федерация) [11]. Основная цель указанного соглашения – снижение выбросов парниковых газов и сдерживание повышения средней температуры на планете. Однако указанное соглашение не лишено недостатков. Так, например, в документе не предусматриваются меры от-

ветственности за невыполнение обязательств странами – участницами соглашения, а также не определены конкретные обязательства государств по сокращению выбросов парниковых газов.

Еще одной глобальной экологической проблемой является проблема кислотных дождей, поскольку за последние десять лет наблюдается тенденция увеличения объемов выбросов окислов серы и азота, аммиака и летучих органических соединений. Источниками таких выбросов являются: теплоэлектростанции и другие стационарные источники при сжигании ископаемого топлива – около 88 %; топливно-энергетический комплекс – 85 % подобных выбросов; животноводческие предприятия (при применении удобрений).

Последствиями кислотных дождей являются: экономические потери (становятся безрыбными озера; из-за подкисления почвы усыхают леса и как следствие – мы теряем древесину; гибнут живые организмы, попавшие в зону поражения; кислотные дожди могут спровоцировать астму, сердечные и легочные заболевания у человека и др.). Необходимо отметить, что наиболее подвержены выпадению кислотных дождей США, Китай и Россия, Япония и Канада. Разрешить указанную проблему удастся только путем внедрения альтернативных технологий в работу теплоэлектростанций, топливно-энергетического комплекса, животноводческих предприятий.

Следующей глобальной экологической проблемой является опустынивание. Опустынивание представляет собой серьезную экологическую и социально-экономическую проблему не только для Российской Федерации, но и для всего мира. За всю историю агролесомелиорации в России создано 2,75 млн га защитных лесонасаждений различных видов. Цифра хотя и внушительная, но на сегодняшний день она составляет менее четвертой части от общей потребности. Полностью лесонасаждениями защищено лишь 12 % от нуждающихся в этом сельскохозяйственных территорий.

Общая площадь фонда лесоразведения превышает 20 млн га. Из них 9,8 млн га составляют земли, на которых требуется создать защитные лесные насаждения всех видов. Кроме того, дополнительным объектом лесоразведения могут быть высвободившиеся сельскохозяйственные угодья, площадь которых, по оценке, составляет несколько десятков миллионов гектаров.

В России эрозия почв каждый год выводит из сельскохозяйственного оборота около 50 тысяч га угодий. Постепенно исчезают пастбища. Лишь застой в сельском хозяйстве пока спасает многие из них от полной деградации. В последние годы практически полностью прекратились посадки лесополос, образующих благоприятный микроклимат для сельскохозяйственных полей.

Экономический ущерб от этих неблагоприятных процессов огромен. По прогнозам специалистов, в ближайшее время площадь подверженной засухой степной или лесостепной зоны в России может увеличиться почти в 2 раза, а засушливые степи Поволжья и Северного Кавказа могут превратиться в настоящую пустыню.

Опустыниванию способствуют как естественные процессы, так и антропогенные воздействия на природу. Причинами опустынивания являются: парниковое потепление (ожидается, что в результате парникового потепления площадь пустынь увеличится на 17 %); внедрение водоемких культур; нерациональное орошение, что

может привести к засолению почвы; высокая концентрация скотоводческих хозяйств вблизи артезианских скважин; увеличение количества транспортных средств.

Для борьбы с опустыниванием в 1994 году в Париже была принята Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием в наиболее страдающих от него странах [12].

Необходимо отметить, что в России сегодня реализуется программа по борьбе с опустыниванием, в рамках которой проводятся различные мероприятия гидротехнического, агро- и лесомелиоративного характера, предпринимаются почвовосстановительные меры и т. д. В качестве примера можно привести строительство и реконструкцию оросительных систем в Алтайском крае и Воронежской области; рекультивацию 1,7 тысячи га опустыненных и нарушенных земель; высадку лесных культур в Алтайском крае, протяженность которой составила 820 км и др. Кроме того, в Российской Федерации планируется создать национальный центр Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием [13]. Однако проводимых мер оказывается недостаточно.

Еще одной глобальной экологической проблемой является проблема сохранения биологического разнообразия. Видовое богатство природы напрямую зависит от естественных и антропогенных факторов. Исходя из данных Государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды в 2015 году, на сегодняшний день под угрозой исчезновения находится от 0,1 % беспозвоночных и до 30 % земноводных видов животного мира. Кроме того, угроза исчезновения не исключена для 5 % растений [14].

При этом основными угрозами биоразнообразию являются: разрушение местобитаний животных и растений; химическое загрязнение окружающей среды; фрагментация ландшафтов и «островизация» природных экосистем; трансформация традиционного агроландшафта; угроза трансформации аборигенного биоразнообразия за счет инвазий чужеродных видов; угрозы биоразнообразию, связанные с высоким уровнем браконьерства и переэксплуатацией биологических ресурсов; угрозы лесному биоразнообразию в связи с лесными пожарами и другими антропогенными воздействиями, повреждениями вредными организмами и болезнями леса [15].

С целью разрешения проблемы сохранения биоразнообразия в мире был принят Стратегический план в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–2020 годы [16]. В соответствии с указанным документом все страны обязуются предпринимать меры к сохранению биоразнообразия. В рамках указанного плана были закреплены двадцать целевых задач по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, принятые в Айти. В свою очередь правительства стран приняли на себя обязательства по закреплению в национальном законодательстве и национальных стратегиях, планах указанных целевых задач.

Подводя итог, необходимо отметить, что с целью преодоления глобальных экологических проблем необходимо:

постепенно переориентировать все страны на рациональное использование энергоресурсов и сокращение выбросов в атмосферу парниковых газов. Это возможно при условии перехода от традиционных способов получения энергии к альтернативным;

необходимо разрабатывать и совершенствовать нормативную правовую базу, содержащую нормы, регламентирующие снижение выбросов парниковых газов;

необходимо пересмотреть содержание Парижского соглашения по климату, а именно в аспекте установления мер ответственности за невыполнение обязательств странами – участницами соглашения, а также в аспекте определения конкретных обязательств, которые берут на себя государства по сокращению выбросов парниковых газов.

Список литературы

1. Международное сотрудничество в природоохранной деятельности. URL : <http://b-energi.ru/biblioteka/ecologiya> – дата обращения (10.04.2017).
2. Соглашение об использовании и охране морских котиков в Тихом океане 1897 года. URL : <http://www.eclife.ru/laws/inter/1992/01.php> – дата обращения (10.04.2017).
3. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 года. URL : http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/609152 – дата обращения (10.04.2017).
4. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года. URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/557030 – дата обращения (10.04.2017).
5. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml – дата обращения 10.04.2017.
6. Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml – дата обращения 10.04.2017.
7. Конвенция о помощи в случае ядерной войны или радиационной аварийной ситуации 1986 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuchelp.shtml – дата обращения (10.04.2017).
8. Конвенция о перевозке опасных грузов 1989 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/euro_agreement.shtml – дата обращения (10.04.2017).
9. Монреальский протокол о веществах, разрушающих озоновый слой 1987 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml – дата обращения (10.04.2017).
10. Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 года. URL : <http://base.garant.ru/1119814/> – дата обращения (10.04.2017).
11. Глобальное изменение климата. URL : <http://tass.ru/spec/climate> – дата обращения (10.04.2017).
12. Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием в наиболее страдающих от него странах 1994 года. URL : <http://docs.cntd.ru/document/901893003> – дата обращения (10.04.2017).
13. Глава Минприроды России Сергей Донской 27 мая выступил на Пленарном заседании 2-ой Ассамблеи Программы ООН по окружающей среде (г. Найроби, Кения). URL : <http://www.unepcom.ru/news/news2016/1230-160527unea2.html> – дата обращения (10.04.2017).
14. В Минприроды России состоялся семинар по сохранению биоразнообразия. URL : <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=180738> – дата обращения (10.04.2017).
15. Пятый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации». – М. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2015 г., 124 с.
16. Стратегический план в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–2020 годы. URL : <https://www.cbd.int/undb/media/factsheets/undb-factsheet-sp-ru.pdf>

Sarankina J. A. Global ecological problems of the present: the characteristic and the basic directions of overcoming // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 188–194.

The article explores theoretical and practical issues of overcoming global environmental problems, in particular, such as: ozone layer depletion and atmospheric pollution, climate change, biodiversity conservation, acid rains, desertification, and the main directions for their resolution.

Key words: global environmental problems, ozone layer depletion and atmospheric pollution, trans-boundary movement of pollutants, climate change, biodiversity conservation, acid rain, desertification, resource crisis.

Spisok literatury

1. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v prirodoohrannoj deyatelnosti. URL : <http://b-energi.ru/biblioteka/ecologiya> – дата обращения (10.04.2017).
2. Soglasenie ob ispol'zovanii i ohrane morskikh kotikov v Tihom okeane 1897 goda. URL : <http://www.eclife.ru/laws/inter/1992/01.php> – дата обращения (10.04.2017).
3. Dogovor o zapreshchenii ispytaniy yadernogo oruzhiya v atmosfere, kosmicheskom prostranstve i pod vodoj 1963 goda. URL : http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/609152 – дата обращения (10.04.2017)
4. Konvenciya o zapreshchenii voennogo ili lyubogo inogo vrazhdebnogo ispol'zovaniya sredstv vozdeystviya na prirodnyu sredyu 1977 goda. URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/557030 – дата обращения (10.04.2017).
5. Konvenciya o transgranichnom zagryaznenii vozduha na bol'shie rasstoyaniya 1979 goda. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml – дата обращения (10.04.2017).
6. Venskaya konvenciya ob ohrane ozo-novogo sloya 1985 goda. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml – дата обращения (10.04.2017).
7. Konvenciya o pomoshchi v sluchae yadernoj vojny ili radiacionnoj avarijnoj situacii 1986 goda. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuchelp.shtml – дата обращения (10.04.2017).
8. Konvenciya o perevozke opasnykh gruzov 1989 goda. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/euro_agreement.shtml – дата обращения (10.04.2017).
9. Monreal'skij protokol o veshchestvah, razrushayushchih ozonovyj sloj 1987 goda. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml – дата обращения (10.04.2017).
10. Soglasenie o vzaimodejstvii v oblasti ehkologii i ohrany okruzhayushchej prirodnoj sredy 1992 goda. URL : <http://base.garant.ru/1119814/> – дата обращения (10.04.2017).
11. Global'noe izmenenie klimata. URL : <http://tass.ru/spec/climate> – дата обращения (10.04.2017).
12. Konvenciya OON po bor'be s opustynivaniem v naibolee stradayushchih ot nego stranah 1994 goda. URL : <http://docs.cntd.ru/document/901893003> – дата обращения (10.04.2017).
13. Glava Minprirody Rossii Sergej Donskoj 27 maya vystupil na Plenarnom zasedanii 2-oj Assamblei Programmy OON po okruzhayushchej srede (g. Najrobi, Keniya). URL : <http://www.unepcom.ru/news/news2016/1230-160527unea2.html> – дата обращения (10.04.2017).
14. V Minprirody Rossii sostoyalsya seminar po sohraneniyu bioraznoobraziya. URL : <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=180738> – дата обращения (10.04.2017).
15. Pyatyj nacional'nyj doklad «Sohranenie bioraznoobraziya v Rossijskoj Federacii». – М. Ministerstvo prirodnyh resursov i ehkologii Rossijskoj Federacii, 2015. 124 s.
16. Strategicheskij plan v oblasti sohraneniya i ustojchivogo ispol'zovaniya bioraznoobraziya na 2011-2020 gody. URL : <https://www.cbd.int/undb/media/factsheets/undb-factsheet-sp-ru.pdf>

УДК 343.98.065

**О ПЕРСПЕКТИВЕ ПРИЗНАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В КАЧЕСТВЕ
РАСЧЕТНОГО СРЕДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МИРОВОЙ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КРИПТОВАЛЮТЫ В
СТРАНАХ МИРА**

Черечук К. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье исследуется правовая природа возникновения и оборота криптовалюты на основе анализа практики ее внедрения в качестве платежного средства иностранными государствами, освещена прецедентная практика оборота биткоина в других странах как расчетного элемента с целью принятия в последующем решения Российской Федерацией относительно введения криптовалюты в качестве аналога денежных средств. В России появление криптовалюты разделило взгляды Правительства и Президента, с одной стороны, и субъектов, совершающих денежные операции в связи с ведением внешнеэкономической деятельности, с другой стороны, на систему денежных отношений. Одна сторона во главе интересов ставит безопасность экономики и финансовой системы страны, в то время как вторая сторона заинтересована исключительно в принятии единой денежной валюты мира для упрощения проведения расчетов. Однако в настоящее время крайне сложно установить критерий стоимости криптовалюты и его базис. Стоимость рубля в России основывается на золотом запасе и всегда обоснованно изменяется.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, легализация доходов, оборот денежных средств, средство платежа, веб-ресурс, цифровая валюта, фьючерсный контракт, лицензирование.

Сейчас все перед Правительством Российской Федерации все чаще становится вопрос о введении в гражданский оборот на территории России электронной единицы расчета, являющейся альтернативой денежных единиц расчета, то есть приравнять их силу в правовом и экономическом поле. Мировая тенденция развития ноу-хау и электронно-вычислительной техники привели к тому, что в мире уже существует более 50 разновидностей криптовалюты. В связи с обращением и созданием криптовалюты возникает вопрос о ее правовом регулировании на национальном и международном уровнях. Здесь возникает немало препятствий, которые необходимо в будущем преодолеть. Очевидной из них является то, что многие не знают о существовании криптовалюты. Следующей дилеммой является недостаточное обсуждение и отсутствие обработки сущности биткоина и его аналогов со стороны государственных органов при принятии законов или иных нормативных актов. Наиболее острым препятствием становится механизм закрепления понятия криптовалюты в законодательстве.

Первый вопрос касается того, стоит ли вообще допускать обращение соответствующей криптовалюты в пределах юрисдикции конкретного государства. США,

Германия, Япония, Франция, Финляндия и другие страны не только позволили оборот соответствующей валюты, но и законодательно закрепили ее правовой режим, разъяснили понятие биткоинов и аналогов и сформировали соответствующую судебную практику [2, с. 24].

Штат Калифорния первым из всех позволил использовать криптовалюту, приняв Assembly Bill 129. Этот закон позволяет любой компании, ассоциации или физическому лицу участвовать в обороте денег, отличных от законных платежных систем. Но проблема в штате Калифорния заключается в том, что Assembly Bill 129 не регулирует введение криптовалютного бизнеса. В Нью-Йорке соответствующая проблема решена в августе 2015 г. путем законодательного закрепления в New York Codes, Rules and Regulations. Появляется понятие Bitlicense – лицензии на введение криптовалютного бизнеса. Однако стоит отметить, что на федеральном уровне существует потребность в унификации отношений касательно криптовалюты. Из решений судей разных штатов можно утверждать, что результат рассмотрения дела порой существенно отличается. Примером этого служит решение судьи Окружного судьи Восточного округа Техаса (Case NO. 4: 13-CV-416) и решения Окружного суда Флориды (Case NO.: F14-2923). В первом случае биткоин был признан валютой и решен вопрос о применении определенного законодательства к операциям с этой криптовалютой. Однако результат рассмотрения второго случая противоположный, решением суда было снято обвинение и факт легализации доходов, полученных преступным путем, не нашел подтверждения [2, с. 25].

Существуют определенные государства, которые вообще запрещают использование криптовалюты, что обусловлено высокими рисками по ее использованию и необходимостью детальной проработки операций с ней, но все-таки они проявляют интерес к ее существованию и законодательному закреплению. Среди таких стран выделяется Китай. В марте 2014 г. Народный банк рекомендовал китайским банкам и платежным системам до 15 апреля этого же года закрыть счета 15 веб-ресурсов, которые использовали торговлю биткоинами. Но все-таки в январе 2016 г. Народный банк Китая сообщил о встрече, на которой обсуждался вопрос о возможности запуска собственной цифровой валюты [5].

Второй проблемой, которая является наиболее фундаментальной и очевидной, является правовая природа криптовалюты. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что на международном уровне сегодня отсутствует единство в понимании правовой природы криптовалюты, поэтому государства по-разному определяют понятие биткоина и его аналогов.

Европейский суд в решении от 22.10.2015 определил, что биткоин необходимо считать валютой (средством платежа), а не товаром. Это было обусловлено тем, что возникали определенные трудности относительно налогообложения криптовалюты. Соответствующее решение установило, что все операции, связанные с обменом биткоинов (bitcoin), будут облагаться так же, как и операции с традиционными валютами. Европейская судебная практика по сути приравнивала криптовалюту к законному платежному средству. Но все-таки, согласно действующему законодательству ЕС, цифровая валюта считается товаром и подпадает под регулирование Граждан-

ского законодательства как товар, а договор купли-продажи по криптовалюте является договором-купли продажи товара.

США разрешил оборот криптовалюты, но и здесь есть разные мнения относительно ее правовой природы. Уже сформировалась прецедентная практика, благодаря чему в этом государстве криптовалюту рассматривают как «валюту или другую форму денег». В штате Вашингтон цифровая валюта 4343 это объект денежных переводов в соответствии с требованиями Закона «Об унификации денежных услуг». Кроме того, в сентябре 2015 г. Американская государственная комиссия, которая занимается биржевыми фьючерсными контрактами, приравняла биткоин к биржевым товарам [3].

Третьим проблемным вопросом являются субъекты криптовалюты и отношения между ними. Здесь речь идет о том, кто имеет право создавать криптовалюту и осуществлять операции по ней.

В настоящее время наблюдается тенденция по введению лицензии на цифровую валюту. Примером является статья 200 главы 1 раздела 23 Нью-Йоркского кодекса, которая была принята Департаментом финансовых услуг штата Нью-Йорк в июле 2015 г. В ней устанавливается понятие криптовалюты, порядок получения лицензии, порядок и срок подачи жалобы и уплаты сбора. Проблемой является длительный период предоставления права на введение криптовалютного бизнеса. Лицензию через год после ее введения получили только Circle (биткоин-кошелек) и Ripple (финансово-технический стартап), а около 26 других компаний еще ждали подтверждения своих заявок.

Закон «Об унификации денежных услуг» (штат Вашингтон) устанавливает, что компании могут использовать криптовалютные переводы после получения Вашингтонской Лицензии оператора по переводу денежных средств. Это требование относится к биржам, предоставляющим услуги по обмену наличных денег на криптовалюту и наоборот, и по обмену только цифровых денег. Компании, которые предоставляют криптовалютные кошельки, должны провести аудит безопасности компьютерной системы для того, чтобы получить соответствующую лицензию. Транзакции между физическими лицами в криптовалюте не требуют разрешения.

Следующей проблемой является налогообложение криптовалюты. Европейский Суд в своем решении по делу *Skatteverket v. David Hedqvist* (C-264/14) постановил, что субъекты, которые занимаются обменом национальных валют на виртуальную криптовалюту Bitcoin, освобождаются от НДС.

Примером неблагоприятной налоговой политики является позиция Австралии. Речь здесь идет о том, что, руководствуясь письмом и инструкцией Налоговой службы Австралии, на практике существует проблема с двойным налогообложением: один раз налог на товары и услуги учитывается при обмене денег на цифровые валюты, а второй раз – при оплате товаров и услуг по их помощи.

В России Центробанк в конце января 2014 г. впервые высказался насчет биткоинов и достаточно критично. Согласно ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке РФ (Банке России)», выпуск на территории РФ денежных суррогатов запрещается [1].

Федеральной службой по финансовому мониторингу 6 февраля 2014 г. было выпущено информационное сообщение, в котором шла речь об ограничении использования криптовалюты в качестве расчета. Это связано прежде всего с тем, что, во-первых, насчитывается порядка 50 видов криптовалют, во-вторых, отсутствует единая (центральная система) выпуска криптовалюты (а если приравнять криптовалюту с денежной банкнотой – нет субъекта, имеющего право на эмиссию такой валюты), в-третьих, анализируя вышеуказанное, отсутствует возможность регулирования не только оборота самой криптовалюты, но и регулирования ее ценности. В настоящее время пользователи данного вида так называемой электронной валюты достаточно анонимны в своих действиях, так как отсутствует отчетная документация, подтверждающая официальный оборот криптовалюты. Вышеуказанные особенности оборота криптовалюты, в особенности ее анонимность, послужили предпосылками негативных тенденций: криптовалюта стала активно использоваться в мире при торговле наркотиками, оружием, поддельными документами и иной преступной деятельности. Данные факты, а также возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания, служат предпосылками высокого риска потенциального вовлечения криптовалют в схемы, направленные на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма [5].

Таким образом, Российская Федерация как государство в лице Банка России и Федеральной службы финансового мониторинга указала на свое отношение к криптовалютам.

Сейчас стратегия радикально поменялась: законодатель и регулятор склонны рассматривать в криптовалютах новое и весьма перспективное направление в экономике. В настоящий момент ЦБ и заинтересованные ведомства вырабатывают совместную позицию в отношении статуса криптовалют, после чего будут определены подходы к их регулированию. В Госдуме создали межведомственную рабочую группу по оценкам рисков оборота криптовалюты, которая в перспективе подготовит рамочный документ, некий унифицированный правовой акт, проясняющий экономический и юридический аспекты оборота криптовалют.

Наиболее острой является проблема применения уголовной ответственности за действия, совершенные с применением криптовалюты. Примером этого является решение Окружного суда Флориды, в котором суд пришел к выводу, что любая незначительная продажа биткоинов тому, кто планирует использовать их в преступных целях, не является достаточным основанием для обвинения в легализации (отмывании) доходов, полученных незаконным путем, даже при том, что преступное намерение очевидно при продаже криптовалюты.

В России каких-либо иных нормативных документов, законодательно устанавливающих наказание за оборот и использование криптовалют, принято не было. Таким образом, в Уголовном кодексе, Кодексе об административных правонарушениях, Налоговом кодексе или иных, действующих на территории Российской Федерации, кодексах не закреплены нормы, напрямую относящиеся к криптовалютам.

Таким образом, в настоящее время режим криптовалюты в России и многих странах находится в правовом вакууме. Насущным является вопрос о законодатель-

ном разъяснении и закреплении этого понятия через принятие соответствующих норм в сфере налогового, банковского, гражданского и хозяйственного права. Кроме того, необходимым и целесообразным является введение соответствующей лицензии на криптовалютную деятельность, которая минимизирует отмывание денег или финансирование терроризма. Рано или поздно будут урегулированы отношения по цифровой валюте, но это будет, скорее всего, нецелесообразное и необоснованное копирование опыта другого государства, что может привести к негативным последствиям.

Список использованной литературы

1. Письмо Пресс-службы Центрального банка РФ «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» [Электронный ресурс]. – URL : http://www.cbr.ru/press/-PR.aspx?file=27012014_1825052.htm – 27 января 2014 года.
2. Поппер Н. Цифровое золото: Невероятная история биткойна. М.: Диалектика, 2016. – 358 с.
3. Регулирование криптовалют: возглавит ли государство процесс, который нельзя остановить. URL : <http://www.forbes.ru/biznes/338503-regulirovanie-kriptovalyutvozglavit-li-gosudarstvo-process-kotoryu-nelzya-ostanovit>
4. Рожков Ю. В., Черная И. П. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации // Безопасность Евразии. 2012. № 2. – С. 263–271.
5. Тихонов И. Будущее криптовалюты в России. URL: <http://bits.media/budushchee-kriptovalyuty-v-rossii>
6. Форк А. Bitcoin. Больше, чем деньги. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко, 2014. – 290 с.

Chereuchuk K. V. On the prospect of recognizing the cryptognizing the cryptocurrency as a payment partner of Russia on the basis of the analysis of world practice of using elektronnyh money and legal nature of cryptocurrencies in countries around the world // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 2 (68). № 3. – P. 195–199.

The article examines the legal nature of the occurrence and circulation of cryptocurrency based on the analysis of practice of its implementation as a means of payment foreign countries, illuminated by the case-law of the circulation of bitcoin in other countries as a design element for adoption in subsequent decisions of the Russian Federation on the introduction of cryptocurrencies as an alternative to cash. In Russia the emergence of bitcoin has shared the views of the Government And the President, on the one hand, and subektov committing monetary transactions in connection with the conduct of foreign economic activity, on the other hand, the system of monetary relations. One side at the head of the security interests of the economy and the financial system at a time, as the second party is interested only in adopting a single monetary currency of the world for simplification of the calculations. However, at present, it is difficult to establish the criterion of value of cryptocurrency and its basis. The value of the ruble in Russia is based on the gold reserve and always reasonably changed.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, money laundering, circulation of money, payment method, web resource, digital currency, futures contract, licensing.

УДК 349.41 : 342.7

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ)

Елькин С. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматриваются особенности законодательного обеспечения возникновения права государственной собственности на земельные участки Республики Крым (обращение в государственную собственность – «национализация»). Основываясь на которых, автор обосновывает, что порядок, основания возникновения данного права, отношения, связанные с компенсацией стоимости данных земельных участков в связи с прекращением права собственности у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на них, включенные в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, урегулированы действующим законодательством Республики Крым.

Ключевые слова: национализация, обращение в государственную собственность, собственность Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым, земельный участок.

Для современной правовой доктрины и юридической практики актуальными являются вопросы соотношения и взаимодействия частного и публичного права при определении юридической природы прав на землю в условиях действия норм Конституции Российской Федерации, Земельного и Гражданского кодексов Российской Федерации, других законов, направленных на обеспечение регулирования земельных отношений, как на новых методологических и теоретических основах, так и в период принятия и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Несмотря на появляющуюся в последнее время судебную практику, включая практику Конституционного суда Российской Федерации, по рассматриваемой в данной статье сфере, интерес к определению юридической природы оснований и порядка возникновения прав на землю Республики Крым (обращение в государственную собственность земельных участков – «национализация»), остается не исследованным в российской правовой доктрине [1; 2].

Поясняется это тем, что принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов - особый случай, требующий специальных мер, в том числе направленных на обеспечение реализации имущественных прав участников гражданских, земельных правоотношений, сложившихся в Республике Крым до ее принятия в Российскую Федерацию, и впервые возникновения прав Республики Крым как нового субъекты данных правоотношений.

Республика Крым принята в состав Российской Федерации на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов в соответствии с положениями Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – Закон № 6-ФКЗ) [3].

Согласно части 3 статьи 7 Закона № 6-ФКЗ Государственный Совет Республики Крым и Совет министров Республики Крым, Законодательное Собрание города Севастополя вправе осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов, которые не могут противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

В соответствии со статьей 12.1 Закона № 6-ФКЗ на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 01 января 2019 года особенности регулирования имущественных, градостроительных, земельных и лесных отношений, а также отношений в сфере кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним могут быть установлены нормативными правовыми актами Республики Крым и нормативными правовыми актами города федерального значения Севастополя по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере.

Пунктом 3 части 1 статьи 75 Конституции Республики Крым установлено, что к ведению Государственного Совета Республики Крым относится принятие постановлений Государственного Совета Республики Крым и внесение в них изменений [4].

Частями 2, 4 Закона Республики Крым от 15 мая 2014 года № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым - Парламенте Республики Крым» Государственный Совет по вопросам, отнесенным к его компетенции, принимает законы и постановления, которые обязательны к исполнению на всей территории Республики Крым [5].

Порядок принятия Государственным Советом законов и постановлений определяется Конституцией Республики Крым, указанным Законом, Регламентом Государственного Совета.

Исходя из вышеизложенного, принятие постановлений Государственного Совета Республики Крым, определение их содержания, внесение в них изменений, а также определение процедуры принятия постановлений и внесение в них изменений, относится к исключительной компетенции Государственного Совета Республики Крым.

В соответствии со статьей 95 Конституции Республики Крым до урегулирования вопросов интеграции Республики Крым в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации, а также принятия предусмотренных Конституцией Республики Крым законов и иных нормативных правовых актов Республики Крым, Конституция Республики Крым применяется с учетом положений До-

говора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов и положений Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [4].

Таким образом, правовой анализ вышеуказанных норм позволяет сделать вывод, что Российская Федерация на «переходный период» предоставила Республике Крым право регулирования имущественных и земельных правоотношений на территории Республики Крым.

Постановлением от 17 марта 2014 года № 1745-6/14 «О независимости Крыма» (далее – Постановление № 1745-6/14 [6]) Верховная Рада Автономной Республики Крым, исходя из прямого волеизъявления народов Крыма на референдуме 16 марта 2014 года, которое показало, что народы Крыма высказались за вхождение в состав России, за выход из состава Украины и за создание независимого государства, руководствуясь Декларацией о независимости Республики Крым, принятой на внеочередном пленарном заседании Верховного Совета Автономной Республики Крым 11 марта 2014 года и внеочередном пленарном заседании Севастопольского городского Совета 11 марта 2014 года, провозгласила Крым независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус.

Пунктом 8 Постановления № 1745-6/14 установлено, что Республика Крым в лице Верховной Рады Автономной Республики Крым обращается к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта Российской Федерации со статусом республики.

Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 г. № 1745-6/14 «О независимости Крыма»: государственная собственность Украины, находящаяся на день принятия настоящего Постановления на территории Республики Крым, является государственной собственностью Республики Крым (пункт 6); собственность профсоюзных и иных общественных организаций Украины, находящаяся на день принятия настоящего Постановления на территории Республики Крым, является собственностью подразделений соответствующих организаций, находящихся в Республике Крым, а если таковых не имеется - государственной собственностью Республики Крым (пункт 7).

Так, на основании Постановления Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 г. № 1745-6/14 «О независимости Крыма» в собственность Республики Крым национализированы:

- предприятия и имущества морского транспорта сферы управления Министерства инфраструктуры Украины и Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, расположенные на территории Республики Крым и г. Севастополя: Государственная судоходная компания «Керченская паромная переправа»; Государственные судоходные компании «Керченская паромная переправа, «Керченский морской рыбный порт», «Служба капитана Керченского морского рыбного порта», «Феодосийский морской торговый порт», «Ялтинский морской торговый порт», «Севастопольский морской торговый порт»,

«Севастопольский морской рыбный порт», «Евпаторийский морской торговый порт», Керченский государственный морской технологический университет, Южный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии; филиалы Государственного предприятия «Администрация морских портов Украины» и др. (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 г. № 1757-6/14 «О национализации предприятий и имущества морского транспорта сферы управления Министерства инфраструктуры Украины и Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, расположенных на территории Республики Крым и г. Севастополя») [7];

- имущество, предприятия, учреждения, организации агропромышленного комплекса, расположенного на территории Республики Крым: Государственный концерн «Национальное производственно-аграрное объединение «Массандра», Государственные предприятия: Никитский ботанический сад – Национальный научный центр, Агрофирма «Магарач», «Таврида», «Судак», «Гурзуф», «Завод шампанских вин «Новый свет», «Симферопольский винодельческий завод», «Торговый дом «Никитский сад» Никитского ботанического сада – Национального научного центра и др. (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1836-6/14) [8];

- имущество территориальных органов Государственной экологической инспекции Украины, территориальных органов и государственных предприятий сферы управления Государственной службы геологии и недр Украины, Министерства экологии и природных ресурсов Украины, Министерства чрезвычайных ситуаций Украины, подразделения Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, расположенное на территории Республики Крым (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1837-6/14) [9];

- целостные имущественные комплексы предприятий лесного и охотничьего хозяйства сферы управления Государственного агентства лесных ресурсов Украины и иных государственных органов, расположенных на территории Республики Крым и г. Севастополя (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1871-6/14) [10];

- имущество территориальных органов Государственного агентства земельных ресурсов Украины, государственных предприятий сферы управления Государственного агентства земельных ресурсов Украины, регионального филиала государственного предприятия сферы управления Государственного агентства земельных ресурсов Украины, территориального органа Государственной инспекции сельского хозяйства Украины, расположенных на территории Республики Крым (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1872-6/14) [11];

- предприятия, организации и имущество сферы управления Государственного агентства водных ресурсов Украины, водные объекты (водохранилища), расположенные на территории Республики Крым (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 04 апреля 2014 года № 1948-6/14) [12];

- учебные заведения, научные, научно-технические, научно-исследовательские учреждения, расположенные на территории Республики Крым: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Государственное учреждение «Крымский государственный медицинский университет имени С.И. Георгиевского», Национальная академия природоохранного и курортного строительства, Национального университета биоресурсов и природопользования Украины, Крымский юридический институт Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, обособленное структурное подразделение «Крымский институт права Национального университета «Одесская юридическая академия» и др. (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 11 апреля 2014 года № 2042-6/14 [13], Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2079-6/14; Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 11 апреля 2014 года № 2029-6/14);

- имущество санитарно-эпидемиологической службы на железнодорожном и водном транспорте, расположенные на территории Республики Крым (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 11 апреля 2014 года № 2026-6/14) [14];

- имущество территориальных органов, предприятий, учреждений сферы управления Государственного агентства рыбного хозяйства Украины, расположенного на территории Республики Крым (Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2084-6/14); иное имущество органов и учреждений Украины, расположенных на территории Республики Крым.

С учетом вышеперечисленных, в период с 17 марта 2014 года по 30 апреля 2014 года Государственным Советом было принято 17 Постановлений по вопросам национализации.

В соответствии с частью 3 статьи 7, статьей 23 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [3], статьями 75, 76 Конституции Республики Крым [4] Государственный Совет Республики Крым своим Постановлением от 30 апреля 2014 г. № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» [15] установил, что до разграничения собственности между Российской Федерацией, Республикой Крым и муниципальной собственностью все государственное имущество (государства Украины) и бесхозяйное имущество, находящееся на территории Республики Крым, а также движимое и недвижимое имущество, указанное в Приложении к настоящему Постановлению, учитывается как собственность Республики Крым.

В развитие статьи 12.1 Закона № 6-ФКЗ был принят Закон Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» (далее – Закон № 38-ЗРК [16]).

Статьей 2 Закона Республики № 38-ЗРК права на имущество, возникшие до вступления в силу Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ на территории Республики Крым в соответствии с нормативными правовыми актами, действовав-

шими до указанного момента (далее – ранее действовавшие акты), признаются следующими правами, установленными законодательством Российской Федерации: право частной собственности и право общей собственности признаются соответственно правом частной собственности и правом общей собственности; право коммунальной собственности территориальных громад признается собственностью соответствующих муниципальных образований; все земли, кроме частной, муниципальной собственности, а также земель, отнесенных в соответствии с настоящим Законом к землям лесного фонда, признаются собственностью Республики Крым; земли, отнесенные в соответствии с настоящим Законом к землям лесного фонда, признаются собственностью Российской Федерации.

Право собственности на земельные участки и иные объекты недвижимого имущества, возникшее до вступления в силу Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ, на территории Республики Крым у физических и юридических лиц, включая иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, *сохраняется*.

19 января 2015 года Законом Республики Крым № 72-ЗРК/2015 «О внесении изменений в Закон Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» (далее – Закон № 72-ЗРК/2015) абзац 1 пункта 2 статьи 2 изложен в новой редакции: «Право собственности на земельные участки и иные объекты недвижимого имущества, возникшее до вступления в силу Федерального конституционного закона» от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», «на территории Республики Крым у физических и юридических лиц, включая иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, *сохраняется за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и Республики Крым*».

Статьей 1 вышеуказанного Закона № 72-ЗРК/2015 Закон Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» также дополнен статьей 2-1.

Согласно абзацев 1, 2 пункта 1 вышеуказанной статьи 2-1 право собственности Украины на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, находившееся по состоянию на 17 марта 2014 года на территории Республики Крым, следует считать прекращенным на основании постановления Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 года № 1745-6/14 «О независимости Крыма» в связи с возникновением права собственности Республики Крым на такое имущество.

Право собственности профсоюзных и иных общественных организаций Украины, не имевших подразделений на территории Республики Крым по состоянию на 17 марта 2014 года, на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, находившееся на территории Республики Крым по состоянию на 17 марта 2014 года, следует считать прекращенным на основании постановления Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 года № 1745-6/14 «О незави-

симости Крыма» в связи с возникновением права собственности Республики Крым на такое имущество.

В соответствии с абзацем 3 части 1 вышеуказанной статьи 2-1 право собственности на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, прекращается у прежнего правообладателя и возникает у Республики Крым со дня включения такого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым».

Согласно пункта 2 статьи 2-1 земельные участки и иные объекты недвижимости, указанные в части 1 статьи 2-1, подлежат учету в Реестре имущества, находящегося в собственности Республики Крым, ведение которого осуществляется в порядке, установленном Советом министров Республики Крым.

В соответствии с пунктом 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» государственная регистрация прав на земельные участки и иные объекты недвижимости, указанные в части 1 статьи 2-1, осуществляется на основании выписок из Реестра имущества, находящегося в собственности Республики Крым, ведение которого осуществляется в порядке, установленном Постановлением Совета министров Республики Крым от 14 мая 2014 года № 89 (в редакции от 6 августа 2014 года) «О вопросах учета имущества, находящегося в собственности Республики Крым (вместе с Положением об учете имущества, находящегося в собственности Республики Крым)» и приказом Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым от 11 августа 2014 года № 9 «Об организации работы по учету имущества, находящегося в собственности Республики Крым».

На сегодняшний день сложилась судебная практика применения нормы абзаца 3 части 1 статьи 2-1 Закона Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым». Так, по делам об оспаривании пунктов Перечня имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденного Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым», арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к общему выводу, что подобные дела необходимо рассматривать в исковом производстве в связи с наличием спора о праве (к указанному выводу пришли арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций по делам: № А83-3233/2014, № А83-3635/2014, № А83-1072/2015, № А83-1238/2015, № А83-1658/2015, № А83-1840/2015, А83-1772/2015, № А83-1643/2015).

Также следует отметить, что по судебным делам по исковым заявлениям о признании права собственности на объекты недвижимого имущества, находящиеся в Перечне имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций применили положения абзаца 3 части 1 статьи 2-1 Закона Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-

ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» (решения арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций по делам: № А83-5014/2015, № А83-4995/2015, № А83-4997/2015, № А83-5009/2015, № А83-4991/2015).

Вместе с тем, в соответствии с частью 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только *при условии предварительного и равноценного возмещения*.

Статьей 235 Гражданского кодекса Российской Федерации [17] установлено, что обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится *на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков* в порядке, установленном статьей 306 Гражданского Кодекса Российской Федерации, т.е. в случае принятия Российской Федерацией закона, прекращающего право собственности, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этого акта, в том числе стоимость имущества, возмещаются государством. Споры о возмещении убытков разрешаются судом.

Следует также отметить, что отношения, связанные с компенсацией стоимости имущества в связи с прекращением права собственности у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 г. № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым», урегулированы:

- законом Республики Крым от 30 декабря 2016 года № 345-ЗРК/2016 «Об особенностях регулирования в Республике Крым отдельных имущественных отношений» [18], Постановлением Совета министров Республики Крым от 6 марта 2017 года № 109 «Об определении уполномоченного исполнительного органа государственной власти Республики Крым» [19];

- постановлениями Совета министров Республики Крым:
от 12 мая 2017 года № 250 «Об утверждении формы соглашения о выплате компенсации стоимости имущества в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» [20];

от 12 мая 2017 года № 251 «Об утверждении Порядка осуществления уполномоченным органом проверки достоверности представленных документов для получения компенсации стоимости имущества в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Рес-

публики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» [21];

от 09 июня 2017 года № 306 «Об утверждении Методики расчета суммы компенсации стоимости имущества, подлежащей выплате в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» [22];

Приказом Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым от 11 апреля 2017 года № 533 «Об утверждении формы заявления о получении компенсации стоимости имущества в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» [23].

Исходя из изложенного, в результате проведенного анализа законодательных и нормативных актов, регулирующих отношения по возникновению права собственности на земельные участки Республики Крым:

- порядок возникновения права собственности на земельные участки Республики Крым, находившиеся на территории Республики Крым до 17 марта 2014 года реализован нормами:

в период с 17 марта 2014 года по 30 апреля 2014 года - 17 Постановлениями Государственного Совета Республики Крым по вопросам национализации, принятыми на основании Постановления № 1745-6/14;

с 19 января 2015 года - статьями 2, 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», в системной взаимосвязи со статьей 12.1 Закона № 6-ФКЗ подлежащими преимущественному применению на территории Республики Крым по отношению к Земельному и Гражданскому кодексам Российской Федерации (до 01 января 2019 года);

- право собственности на земельные участки, включенные в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный Постановлением Государственного Совета Республики Крым № 2085-6/14 прекращается у прежнего правообладателя и возникает у Республики Крым со дня их включения в данный Перечень;

- указанные земельные участки подлежат учету в Реестре имущества, находящегося в собственности Республики Крым, ведение которого осуществляется в порядке, установленном Советом министров Республики Крым;

- государственная регистрация прав на указанные земельные участки осуществляется на основании выписок из Реестра имущества, находящегося в собственности Республики Крым, ведение которого осуществляется в порядке, установленном Постановлением Совета министров Республики Крым;

- отношения, связанные с компенсацией стоимости данных земельных участков в связи с прекращением права собственности у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на них, включенные в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный Постановлением № 2085-6/14, урегулированы;

- все земли, кроме частной и муниципальной собственности, признаются собственностью Республики Крым.

При этом изложенные нормы дополняют статьи 235, 306 Гражданского кодекса Российской Федерации, не могут рассматриваться как нарушающие требования части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации.

Список литературы:

1. Донская Л.Д. Правовые аспекты национализации в Крыму / Л.Д. Донская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 145–151.
2. Елькин С.В. Особенности правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым: практика Конституционного суда Российской Федерации / С.В. Елькин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 1. – С. 255-263.
3. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СПС КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/.
4. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года) // Крымские известия. – № 68(5479). – 12.04.2014.
5. О Государственном Совете Республики Крым - Парламенте Республики Крым : Закон Республики Крым от 15 мая 2014 года № 2-ЗРК // Крымские известия. – № 94(5505). – 21.05.2014.
6. О независимости Крыма : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 года № 1745-6/14 // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым, 2014. – № 3. – часть 1.
7. О национализации предприятий и имущества морского транспорта сферы управления Министерства инфраструктуры Украины и Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, расположенных на территории Республики Крым и г. Севастополя : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 г. № 1757-6/14 // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым. – 2014. – № 3 – часть 1.
8. О национализации имущества предприятий, учреждений, организаций агропромышленного комплекса, расположенных на территории Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1836-6/14 // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым. – 2014. – № 3 – часть 2.
9. О национализации имущества предприятия, учреждения, организации агропромышленного комплекса, расположенного на территории Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1836-6/14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/23700758/>.
10. О национализации территориальных органов, предприятий и имущества сферы управления Министерства экологии и природных ресурсов и иных государственных органов, предприятий, расположенных на территории Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 г. № 1837-6/14 // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым. – 2014. – № 3 – часть 2.
11. О национализации территориальных органов предприятий, ти имущества сферы управления Государственного агентства земельных ресурсов Украины и иных государственных органов,

- предприятий расположенных на территории Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 года № 1872-6/14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea.regnews.org/doc/hq/05.htm>
12. О национализации предприятий, организаций и имущества сферы управления Государственного агентства водных ресурсов Украины, расположенных на территории Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 04 апреля 2014 г. № 1948-6/14 // Крымские известия. – 2014. – № 98-99 (5509-5510).
 13. О национализации учебных заведений, научных, научно-технических, научно-исследовательских учреждений, предприятий, расположенных на территории Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 11 апреля 2014 года № 2042-6/14 // Крымские известия. – 2014. – № 105-106 (5516-5517).
 14. О национализации имущества санитарно-эпидемиологической службы на железнодорожном и водном транспорте : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 11 апреля 2014 года № 2026-6/14 // Крымские известия. – 2014. – № 113-114 (5524-5525).
 15. О вопросах управления собственностью Республики Крым : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014. № 2085-6/14 // Крымские известия. – 2014. – № 90 (5501).
 16. Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым : Закон Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК // Крымские известия. – 2014. – № 153 (5564).
 17. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32 (05.12.1994). – Ст. 3301.
 18. Об особенностях регулирования в Республике Крым отдельных имущественных отношений : Закон Республики Крым от 30 декабря 2016 года № 345-ЗРК/2016 // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2017. – № 1.
 19. Об определении уполномоченного исполнительного органа государственной власти Республики Крым : Постановление Совета министров Республики Крым от 6 марта 2017 года № 109. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>
 20. Об утверждении формы соглашения о выплате компенсации стоимости имущества в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым : Постановление Совета министров Республики Крым от 12 мая 2017 года № 250. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>
 21. Об утверждении Порядка осуществления уполномоченным органом проверки достоверности представленных документов для получения компенсации стоимости имущества в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» : Постановление Совета министров Республики Крым от 12 мая 2017 года № 251. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>
 22. Об утверждении Методики расчета суммы компенсации стоимости имущества, подлежащей выплате в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» : Постановление Совета министров Республики Крым от 09 июня 2017 года № 306. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>
 23. Об утверждении формы заявления о получении компенсации стоимости имущества в связи с прекращением у прежнего правообладателя и возникновением у Республики Крым права собственности на такое имущество, включенное в Перечень имущества, учитываемого как

собственность Республики Крым, утвержденный постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» : Приказ Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым от 11 апреля 2017 года № 533. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>

Elkin Sergey. Legal support for the emergence of property rights on land plots of the Republic of Crimea (conversion to state property) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – С. 200–212.

In the article the features of the legislative providing of origin of right of государственной ownership are examined on lot lands of Republic of Crimea (an appeal in a public domain is "nationalization"). Being base on that, an author grounds, that order, основывая origins of this right, relations, related to indemnification of cost of these lot lands in connection with stopping of right of ownership for a former legal owner and origin at Republic of Crimea the ownership rights on them, plugged in List of the property taken into account as property of Republic of Crimea, are well-regulated the current legislation of Republic of Crimea.

Keywords: nationalization, appeal to state property, property of the Republic of Crimea, state Council of the Republic of Crimea, land

Spisok literatury:

1. Donskaya L.D. Pravovye aspekty nacionalizatsii v Krymu / L.D. Donskaya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 145–151.
2. El'kin S.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya zemel'nyh otnoshenij na territorii Respubliki Krym: praktika Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii / S.V. El'kin // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2017. – Т. 3 (69). – № 1. – С. 255–263.
3. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 marta 2014 goda № 6-FKZ «O prinyatii v Rossij-skuyu Federaciyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub'ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // SPS Kon-sul'tantPlyus: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/.
4. Konstituciya Respubliki Krym (prinyata Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 11 ap-relya 2014 goda) // Krymskie izvestiya. – № 68(5479). – 12.04.2014.
5. O Gosudarstvennom Sovete Respubliki Krym - Parlamente Respubliki Krym : Zakon Res-publiki Krym ot 15 maya 2014 goda № 2-ZRK // Krymskie izvestiya. – № 94(5505). – 21.05.2014.
6. O nezavisimosti Kryma : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 17 marta 2014 goda № 1745-6/14 // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym, 2014. – № 3. – chast' 1.
7. O nacionalizatsii predpriyatij i imushchestva morskogo transporta sfery upravleniya Mini-sterstva infrastruktury Ukrainy i Ministerstva agrarnoj politiki i prodovol'stviya Ukrainy, raspolozhennyh na territorii Respubliki Krym i g. Sevastopolya : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 17 marta 2014 g. № 1757-6/14 // Sbornik nor-mativno-pravovyh aktov Respubliki Krym. – 2014. – № 3 – chast' 1.
8. O nacionalizatsii imushchestva predpriyatij, uchrezhdenij, organizacij agropromyshlennogo kompleksa, raspolozhennyh na territorii Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 26 marta 2014 goda № 1836-6/14 // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym. – 2014. – № 3 – chast' 2.
9. O nacionalizatsii imushchestva predpriyatiya, uchrezhdeniya, organizacii agropromyshlennogo kompleksa, raspolozhennogo na territorii Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstven-nogo Soveta Respubliki Krym ot 26 marta 2014 goda № 1836-6/14. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/23700758/>.
10. O nacionalizatsii territorial'nyh organov, predpriyatij i imushchestva sfery upravleniya Ministerstva ehkologii i prirodnyh resursov i inyh gosudarstvennyh organov, predpriyatij, raspolozhennyh na territorii Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 26 marta 2014 g. № 1837-6/14 // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym. – 2014. – № 3 – chast' 2.
11. O nacionalizatsii territorial'nyh organov predpriyatij, ti imushchestva sfery upravleniya Gosudarstvennogo agentstva zemel'nyh resursov Ukrainy i inyh gosudarstvennyh organov, predpriyatij raspolozhennyh na territo-

rii Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 26 marta 2014 goda № 1872-6/14. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://crimea.regnews.org/doc/hq/05.htm>

12. O nacionalizacii predpriyatij, organizacij i imushchestva sfery upravleniya Gosudarstvennogo agentstva vodnyh resursov Ukrainy, raspolozhennyh na territorii Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 04 aprelya 2014 g. № 1948-6/14 // Krymskie izvestiya. – 2014. – № 98-99 (5509-5510).

13. O nacionalizacii uchebnyh zavedenij, nauchnyh, nauchno-tehnicheskikh, nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdenij, predpriyatij, raspolozhennyh na territorii Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 11 aprelya 2014 goda № 2042-6/14 // Krymskie izvestiya. – 2014. – № 105-106 (5516-5517).

14. O nacionalizacii imushchestva sanitarno-ehpidemiologicheskoy sluzhby na zheleznodorozhnom i vodnom transporte : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 11 aprelya 2014 goda № 2026-6/14 // Krymskie izvestiya. – 2014. – № 113-114 (5524-5525).

15. O voprosah upravleniya sobstvennost'yu Respubliki Krym : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 30 aprelya 2014. № 2085-6/14 // Krymskie izvestiya. – 2014. – № 90 (5501).

16. Ob osobennostyah regulirovaniya imushchestvennyh i zemel'nyh otnoshenij na territorii Respubliki Krym : Zakon Respubliki Krym ot 31 iyulya 2014 goda № 38-ZRK // Krymskie izvestiya. – 2014. – № 153 (5564).

17. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. – № 32 (05.12.1994). – St. 3301.

18. Ob osobennostyah regulirovaniya v Respublike Krym ot del'nyh imushchestvennyh otnoshenij : Zakon Respubliki Krym ot 30 dekabrya 2016 goda № 345-ZRK/2016 // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. – 2017. – № 1.

19. Ob opredelenii upolnomochennogo ispolnitel'nogo organa gosudarstvennoj vlasti Respubliki Krym : Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 6 marta 2017 goda № 109. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>

20. Ob utverzhenii formy soglasheniya o vyplate kompensacii stoimosti imushchestva v svyazi s prekrashcheniem u prezhnego pravoobladatelya i vzniknoveniem u Respubliki Krym prava sobstvennosti na takoe imushchestvo, vkluchennoe v Perechen' imushchestva, uchityvaemogo kak sobstvennost' Respubliki Krym : Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 12 maya 2017 goda № 250. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>

21. Ob utverzhenii Poryadka osushchestvleniya upolnomochennym organom proverki dostovernosti predstavennyh dokumentov dlya polucheniya kompensacii stoimosti imushchestva v svyazi s prekrashcheniem u prezhnego pravoobladatelya i vzniknoveniem u Respubliki Krym prava sobstvennosti na takoe imushchestvo, vkluchennoe v Perechen' imushchestva, uchityvaemogo kak sobstvennost' Respubliki Krym, utverzhdenyj postanovleniem Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 30 aprelya 2014 goda № 2085-6/14 «O voprosah upravleniya sobstvennost'yu Respubliki Krym» : Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 12 maya 2017 goda № 251. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>

22. Ob utverzhenii Metodiki rascheta summy kompensacii stoimosti imushchestva, podlezhashchej vyplate v svyazi s prekrashcheniem u prezhnego pravoobladatelya i vzniknoveniem u Respubliki Krym prava sobstvennosti na takoe imushchestvo, vkluchennoe v Perechen' imushchestva, uchityvaemogo kak sobstvennost' Respubliki Krym, utverzhdenyj postanovleniem Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 30 aprelya 2014 goda № 2085-6/14 «O voprosah upravleniya sobstvennost'yu Respubliki Krym» : Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 09 iyunya 2017 goda № 306. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>

23. Ob utverzhenii formy zayavleniya o poluchenii kompensacii stoimosti imushchestva v svyazi s prekrashcheniem u prezhnego pravoobladatelya i vzniknoveniem u Respubliki Krym prava sobstvennosti na takoe imushchestvo, vkluchennoe v Perechen' imushchestva, uchityvaemogo kak sobstvennost' Respubliki Krym, utverzhdenyj postanovleniem Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 30 aprelya 2014 goda № 2085-6/14 «O voprosah upravleniya sobstvennost'yu Respubliki Krym» : Prikaz Ministerstva imushchestvennyh i zemel'nyh otnoshenij Respubliki Krym ot 11 aprelya 2017 goda № 533. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rk.gov.ru/rus/docs/post/post1.htm>

УДК 340

КОДИФИЦИРОВАННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лукашева Н. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье обосновывается теоретическое положение о том, что указания в большинстве кодексов на их большую юридическую силу по сравнению с другими федеральными законами, находятся в коллизии с теми правовыми нормами, которые установлены федеральными законами и не соответствуют по своему содержанию кодексам. Эти коллизии нуждаются в анализе с помощью соответствующих логических средств. Между тем, в научной литературе указанные коллизии игнорируются и обычно считается, что приоритет кодексов перед другими законами является аксиомой. Автор доказывает, что огорка о приоритете кодексов имеет правоприменительное значение только для разрешения коллизий между кодексами и ранее принятыми федеральными законами. Коллизии между нормами, устанавливающими такой приоритет, и позднее принятыми федеральными законами должны разрешаться в пользу последних.

Ключевые слова: кодексы, федеральные законы, толкование, коллизии, Конституционный суд.

Проблема соотношения кодифицированных законодательных актов с другими федеральными законами, разрешения коллизий между первыми и вторыми приобрела существенную остроту. Она вносит неопределенность в правоотношения, что отрицательно сказывается на защите прав участников таких правоотношений. Рассматриваемая проблема имеет также и правотворческий аспект: несмотря на последовательность позиции законодателя, нельзя утверждать, что эта позиция бесспорна и не нуждается в коррективах. Исходя из изложенного, обращение к исследованию соотношения кодифицированных законодательных актов и других федеральных законов должно быть признано актуальным.

Актуальность проблемы, о которой здесь идет речь, обуславливается также отсутствием научных публикаций, в которых комплексно и всесторонне исследовалась бы эта проблема. Лишь некоторые ее аспекты стали предметом внимания ученых В. А. Белова, Н. Д. Егорова, В. П. Камышанского, Ю. А. Тихомирова. Проблема приоритета кодифицированных законодательных актов привлекла внимание юристов-компаративистов Р. Давида и К. Жоффре-Спинози, К. Цвайгерта и Х. Кётца.

Целью настоящей статьи является поиск путей преодоления на стадиях правоприменения и правотворчества правовой неопределенности, порождаемой положениями кодексов, предусматривающими преимущество при правоприменении норм,

которые ими установлены, перед правовыми нормами, установленными другими федеральными законами.

Проблема придания кодифицированным законодательным актам преимущества при правоприменении, установления требований к другим федеральным законам соответствовать кодифицированным законодательным актам, как представляется, возникла вследствие того, что в течение десятков лет юридическая наука не уделяла должного внимания исследованию коллизий в праве и путей их разрешения. Стало складываться без достаточных оснований такое представление, что разрешение коллизий в праве не представляет собой сложной задачи. А раз так, то можно эту задачу немножко усложнить приданием кодексам большей юридической силы по сравнению с другими федеральными законами. Очевидно, имелось в виду, что суды разберутся. Но ведь оказалось, что не разобрались. В результате страдает правовая определенность.

Правовая определенность и до этого страдала. И масштабы этого явления были едва ли не планетарными. Это можно было заметить еще в юридической практике Древнего Рима. Объем настоящей статьи не позволяет, однако, анализировать эту практику. Обратимся к более позднему опыту. Немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кётц пишут: «Первые десятилетия после вступления в силу ГК (имеется в виду ГК Франции 1804г. – Н. Л.) представляли собой малопродуктивную позитивистскую фазу его развития, которая характеризовалась буквальным и логическим толкованием его текста (так называемая «школа толкования» – *ecoledelexegese*). Судебная практика при этом совершенно игнорировалась» [1, с. 148]. Авторы, правда, не поясняют нам, по какой причине школа, которая характеризовалась буквальным и логическим толкованием, оказалась «малопродуктивной». Или «буквальное и логическое толкование» – это вообще плохо, недостойно, может быть, даже и непристойно, или ученые вместе с судьями, представлявшими эту «школу», не смогли подняться на необходимый научный и профессиональный уровень. Скорее всего – и то и другое, подтверждением чего является уничижительная оценка Ф.К. ф. Савиньи сложившейся на то время теории правотолкования, которую (уничижительную оценку) он обосновывает и причинами, зависящими от этой теории, и дефектностью самой идеи научиться правотолкованию путем изучения соответствующей теории [2, с. 389].

Ученик Ф. К. ф. Савиньи и соратник по исторической школе права Г. Ф. Пухта прямо называет юридическую герменевтику поверхностной, бесплодной, не проникающей в суть дела, сухой дисциплиной [3, с. 57]. Это уже больше похоже не на научную дискуссию, а на ругательство. «Бесплодная» – это, конечно, сказано о самой сущности науки правотолкования. Но на бесплодности и надо было сосредоточиться, а не усиливать эту характеристику признаками, которые сущности юридической герменевтики никак не касаются, ибо поверхностность, сухость и неумение проникнуть в суть дела – это признаки сложившейся к тому времени теории правотолкования, результат работы ученых, которые создали эту теорию в таком виде, не сумели преодолеть поверхностность, придать ей живой характер и проникнуть в суть дела.

Впрочем, К. Цвайгерт и Х. Кётц все-таки оставляют «школе толкования» шанс на реабилитацию, указывая, что эта школа оказалась не в состоянии быть полезной судьям «при применении ГК в условиях изменившихся социальных отношений» [1, с. 148]. Выходит, что все-таки «школа толкования» оказалась несостоятельной не в силу своей сущности и даже не вследствие низкого теоретического и профессионального уровня, а вследствие изменений, произошедших в регулируемых общественных отношениях.

В условиях современной России нет никаких оснований утверждать, что какой-либо закон вследствие изменившихся общественных отношений стал неприемлем для этих отношений, которые его отторгают, как отторгает живой организм чужеродную клетку. Тогда, может быть, будет признано допустимым использовать методы «школы толкования» – буквальное и логическое толкование – для того, чтобы понять как буквальное значение положений законодательных актов и вообще, и в особенности тех положений кодифицированных законодательных актов, которые придают им большую по сравнению с другими федеральными законами силу, так и логические, в том числе и системные, связи этих положений с другими положениями тех же законодательных актов, других федеральных законов, а особенно с положениями Конституции?

В соответствии с частью третьей ст. 76 Конституции «федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам». Это конституционное положение не только характеризуется юридической определенностью, но и является удобным для логического анализа. Понятие федеральных конституционных законов, которое употребляется в части третьей ст. 76 Конституции – это видовое понятие по отношению к родовому понятию федеральных законов. При правоприменении это видовое понятие толковать очень просто: федеральными конституционными законами являются федеральные законы, которые самим законодателем обозначены как федеральные конституционные. Термин «федеральные законы», употребляемый в части третьей ст. 76 Конституции, обозначает соответствующий род. Однако из контекста этой части явствует, что под словом «федеральные законы» здесь понимаются только те федеральные законы, которые не являются федеральными конституционными. Таким образом, федеральные законы, не являющиеся конституционными, не могут противоречить федеральным конституционным законам. В части третьей ст. 76 Конституции также логически закреплена (такое можно заметить, исходя из позиций «школы толкования») правовая норма, которая обнаруживается при помощи вывода *asontraio* и в соответствии с которой к федеральным законам не предъявляется требование соответствия каким-либо другим федеральным законам. Это – норма, которая логически закреплена в части третьей ст. 76 Конституции. И с ее наличием в содержании указанной статьи соглашается Конституционный суд: «Ни один закон в силу ст. 76 Конституции Российской Федерации не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой» (Определение от 3 февраля 2000г. № 22-О).

В соответствии с частью первой ст. 15 Конституции она имеет высшую юридическую силу, а законы не должны противоречить Конституции. Следовательно, с учетом изложенной выше правовой позиции Конституционного суда, положения

кодифицированных законодательных актов, придающие этим актам большую юридическую силу по сравнению с другими федеральными законами, противоречат Конституции. Можно было бы сказать, что упомянутые положения вследствие противоречия Конституции применяться не должны. Но такому утверждению препятствует выработанная Конституционным Судом правовая позиция, в соответствии с которой при обнаружении несоответствия Конституции федерального закона, подлежащего применению при разрешении конкретного дела, суд обязан обратиться в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности этого закона (Постановление от 16 июня 1998г. № 19-п «По делу о толковании отдельных положений ст.ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»). Позднее эта правовая позиция была отражена в п.13 ст.13 АПК и п.3 ст.15 КАС. Но приведенная в Определении от 3 февраля 2000г. № 22-О правовая позиция Конституционного суда, в соответствии с которой федеральный закон, не относящийся к категории федеральных конституционных законов, не может иметь большей юридической силы по сравнению с другими федеральными законами, была воспринята законодателем непоследовательно. Возможно, это связано с тем, что она изложена не в постановлении Конституционного суда, а в определении. Имеется в виду, что в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС основанием отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке является неправильное применение норм материального права, в частности неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовых позиций, изложенных в постановлениях (а не определениях) Конституционного суда. В этом законодательном положении логически закреплена правовая норма, которая обнаруживается при помощи вывода от последующего правового явления (права апелляционного суда отменить или изменить решение суда первой инстанции при наличии основания, указанного в п.3 ч.3 ст. 310 КАС) к предыдущему правовому явлению (обязанности судов толковать закон с учетом правовых позиций, изложенных в постановлениях Конституционного суда). А п. 4 ст. 108 КАС предусматривает, что в решении суда могут содержаться ссылки на решение Конституционного суда, к которым в соответствии со ст.170 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» относятся не только постановления, а и заключения и определения Конституционного суда.

Поэтому продолжим логический анализ положений кодифицированных законодательных актов, придающих этим актам большую юридическую силу по сравнению с другими федеральными законами. Но прежде сделаем оговорку относительно преодоления опыта «школы толкования» в части буквального и логического толкования законодательных положений. Какая концепция восторжествует – естественно – правовая, социологическая, аксиологическая, реалистическая, позитивистская или любая другая – это вопрос десятой очереди. Главное в том, что юрист – профессионал должен уметь буквально и логически исследовать нормативные положения. Сегодня же неумение это делать преподносится как достоинство. Профессионал не может пояснить, где, в какой части и почему ему тесно в рамках позитивного права. По большому счету, он не умеет работать с нормативными текстами. Но зато он, отбрасывая позитивное право, борется за утверждение естественно-правового подхода при правоприменении, за утверждение судейского правотворчества и т.п. Все

это – допустимо, но только после освоения позитивного права, действующего в стране и обязательного в силу Конституции, с помощью соответствующих логических средств. Поэтому возвратимся к дальнейшему логическому анализу.

Итак, имеем положения кодифицированных законодательных актов о том, что другие федеральные законы должны соответствовать указанным актам. Это – предписания законодателя, а потому они не могут игнорироваться. Но это не исключает постановки вопросов о коллизиях между такими законодательными положениями и иными положениями федеральных законов и о способах их разрешения. Представляется логичным утверждение о том, что при обнаружении противоречия между положением федерального кодифицированного законодательного акта и федерального закона, который был принят ранее, коллизия может быть разрешена при помощи правила *lex posterior derogat priori*. Это правило должно применяться и к случаям, когда ранее принятый федеральный закон устанавливает специальные нормы, поскольку содержащееся в кодексе требование о соответствии ему других федеральных законов по своему юридическому содержанию может приравниваться к запрету на применение положений ранее принятых федеральных законов, на соответствующих положениям кодекса.

Средством разрешения коллизии между кодексами и другими ранее принятыми федеральными законами может служить и оговорка «если иное не установлено федеральным законом», которая может содержаться и в положении, установленном кодифицированным законодательным актом, и в конкурирующем положении иного федерального закона. Такая оговорка, включенная в федеральный закон, исключает применение соответствующего положения этого закона вопреки положениям других федеральных законов, в том числе кодексов. Если же такая оговорка включена в кодифицированный законодательный акт, то она исключает применение соответствующего положения кодекса. И такому действию указанной оговорки не препятствует правило о большей юридической силе кодекса по сравнению с другими федеральными законами. Заметим также, что оговорка, о которой идет речь, действует в отношении как ранее, так и позднее принятых федеральных законов, в том числе кодексов. Еще одно средство, которое является достаточно юридически определенным и, которое исключает применение ранее установленных федеральных законов, противоречащих кодифицированному законодательному акту, – это указание в кодифицированном акте на применение ранее принятых федеральных законов только в части, в которой они не противоречат новому кодифицированному законодательному акту. Реальное значение такого указания, как складывается впечатление, надлежащим образом еще не осмыслено. Имеется в виду, что такое указание исключает применение специальных правовых норм, установленных ранее принятыми федеральными законами. Это создает угрозу неоправданного исключения действия многих специальных правовых норм, особенно в тех случаях, когда такое указание содержится в крупных законодательных актах, какими всегда являются кодексы. Однако законодатель часто использует упомянутое указание в кодифицированных законодательных актах (например, в ст. 423 ТК) и в федеральных законах о введении в действие кодифицированных законодательных актов. В частности, такое указание содержится в федеральных законах о введении в действие каждой из четырех

частей Гражданского кодекса. С учетом таких указаний оговорка о высшей юридической силе кодифицированных законодательных актов в той части, в которой она касается ранее принятых федеральных законов, утрачивает практическое значение. Следует также учитывать, что такая оговорка, включенная в позднее принятые федеральные законы, исключает применение положений ранее принятых кодифицированных законодательных актов.

Тогда обратимся к анализу коллизии между указанием в кодифицированных законодательных актах об их большей юридической силе и положениями других федеральных законов. Логично будет, если этот анализ будет осуществлен, исходя из позиций «школы толкования», с использованием соответствующих логических средств. При этом коллизии между ранее принятым кодифицированным законодательным актом, с одной стороны, и позднее принятыми федеральными законами, с другой, должны будут разрешаться на уровне правовых норм, а не в целом. Такие коллизии между правовыми нормами сначала должны разрешаться по правилу *lex posterior derogat priori*. Преимущественно перед этим правилом будет применяться правило *lex specialis derogat generali*. Эта коллизия реально существует, ибо указанная норма кодифицированного акта придает большую юридическую силу этому акту, а из логики связей между ранее и позднее принятыми федеральными законами следует, что коллизия, о которой здесь идет речь, должна разрешаться в пользу правовой нормы, установленной позднее принятым федеральным законом.

Указанная коллизия не может быть разрешена при помощи правила *lex specialis derogat generali*, поскольку соответствующие конкурирующие правовые нормы не соотносятся как общая и специальная, ввиду того, что сферы их действия совпадают лишь в небольшой части, в остальной сфере действия каждой из них выходит за пределы действия другой. При таких условиях коллизия, о которой идет речь, должна быть разрешена в пользу нормы, установленной позднее принятым федеральным законом (а не в пользу правовой нормы, установленной ранее принятым кодифицированным законодательным актом, содержащим указание на его большую по сравнению с другими законами юридическую силу) в соответствии с правилом *lex posterior derogat priori*.

Выходит, что коллизии между правовыми нормами, которые установлены позднее принятыми федеральными законами, с одной стороны, и указаниями в кодифицированных законодательных актах на их большую юридическую силу, – с другой, должны разрешаться в пользу названных правовых норм. А противоположные утверждения не отражают все содержание соответствующих законодательных актов, являются следствием отказа от логического их анализа.

В итоге преимущественное значение указания на большую юридическую силу кодифицированных законодательных актов по сравнению с другими федеральными законами сводится к преимущественному применению норм, установленных такими актами, перед правовыми нормами, которые установлены ранее принятыми федеральными законами, если потребность в применении положения о приоритете соответствующего кодекса перед другими федеральными законами не исключена оговоркой в ранее принятом федеральном законе о применении его положений, если иное не установлено федеральным законом, они включаются в позднее принятый

федеральный закон правилом о применении ранее принятых федеральных законов только в части, не противоречащей новому кодифицированному законодательному акту.

Поскольку «школа толкования» побеждена не только во Франции, Западной Европе, но и в России, логический анализ, который был здесь осуществлен, не может восприниматься ни наукой, ни юридической практикой. Он отбрасывается так же, как когда-то логические средства толкования отбрасывал Г. Кельзен, поскольку они вообще, по его мнению, являются негодными и дают противоположные результаты [4, с. 426]. Возникает вопрос о том, достаточно ли попыток применения таких средств совершил классик мировой позитивистской мысли и основатель чистого учения о праве, чтобы сделать вывод об их негодности. А может быть они для него являются негодными *a priori*?

Подобно Кельзену и современные российские ученые попыток разрешения с помощью логических средств коллизий между указаниями в кодифицированных законодательных актах об их большей юридической силе по сравнению с другими федеральными законами, с одной стороны, и правовыми нормами, установленными иными федеральными законами, - с другой, не предпринимают. В частности, Ю. А. Тихомиров сделал вывод о том, что правоприменительная практика признает доминирующую роль Гражданского кодекса: «Достаточно сослаться на Постановление Конституционного суда РФ от 23 февраля 1999 г. по делу о проверке конституционности части второй ст. 29 ФЗ от 3 февраля 1996 г. «О банках и банковской деятельности». Речь шла о допустимости действий банков в одностороннем порядке снижать размер процентов по вкладам на основании части второй ст. 29 названного Федерального закона. Между тем, ГК РФ не допускает таких действий, что и послужило основанием для признания указанной нормы не соответствующей Конституции РФ» [5, с. 53–54]. Однако ссылка Ю. А. Тихомирова на Постановление Конституционного суда от 23 февраля 1999 г. № 4-П является некорректной. Основанием признания не соответствующей Конституции ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» являлось несоответствие указанного законодательного положения статьям 34 и 55 (части 2 и 3) Конституции, а не Гражданскому кодексу. Что касается противоречий между нормами, установленными федеральными законами, в т. ч. кодексами, то Конституционный суд в упомянутом Постановлении подчеркнул, что они должны разрешаться судами общей юрисдикции. Выходит, что ссылка на это Постановление никак не может быть признана достаточной для обоснования преимуществ Гражданского кодекса.

В. А. Белов главным основанием правила о приоритете Гражданского кодекса над другими законами называет «предположение о разумности всяких действий законодателя, в том числе такого как признание за одним из принятых им законов значения кодифицированного акта – акта, содержащего общие положения и принципы, подчиняющие себе все правовое регулирование в целом. Отсутствие правила о приоритете кодифицированных актов лишает их смысла» [6, с. 238]. А что же делать с кодексами, которые не содержат оговорок о приоритете? Считать, что в этом случае законодатель действовал неразумно? Или считать, что такая оговорка в ука-

занных кодексах все-таки есть, поскольку законодатель не мог действовать неразумно?

Следует заметить, что принцип разумности при правотолковании учитывать необходимо. Ведь законы принимаются для людей, а поэтому должны соответствовать природе человека. Абстрактно рассуждая, только вера может быть поставлена выше разума. Но Российская Федерация – светское государство (часть первая ст. 14 Конституции). А принципы, даже если они закреплены в Конституции, имеют свои пределы применения. Нельзя без каких-либо оговорок применять этот принцип, ибо предположение о разумности правила о приоритете кодифицированных законодательных актов в такой же мере может быть отнесено и к позднее установленным федеральными законами правовым нормам, противоречащим положениям кодифицированного законодательного акта.

Необходимо было бы учесть и замечание Р. Давида и К. Жоффре-Спинози о том, что «использовать общие формулы против конкретных – это значит перевернуть принцип «специальный закон имеет преимущество перед общим». Это, в свою очередь, чревато риском поставить под угрозу правопорядок в целом, заменить судебную практику, основанную на толковании закона, судебной практикой, руководствовавшейся несколькими весьма общими нормами» [7, с.90].

Признание преимущества кодифицированных законодательных актов, столь естественное для отечественной юридической науки, оспаривают К. Цвайгерт и Х. Кётц: «Никогда, однако, национальные законы или обычаи не рассматривались при этом как низшие по отношению к кодексам в том, что касалось их значения и методов толкования. Эту традицию стоит сохранить. За исключением тех случаев, когда законодатель специально оговаривает иное, кодексы не имеют никакого приоритета по сравнению с не включенными в них законами. Кодексы и отдельные законы в том, что касается их толкования, равнозначны для юристов. Это еще более верно, если вспомнить, что наименование кодекса получили многие законы, ни в коей мере не претендующие на выражение всеобщих принципов» [1, с. 82–83].

Изложенное дает основание для вывода о том, что признание приоритета кодифицированных законодательных актов по отношению к позднее принятым федеральным законам *delegelata* является не соответствующим действующему позитивному праву. *Delegeferend* а признание такого приоритета является нецелесообразным. Отстаивая упомянутый приоритет, В. А. Белов пишет: «Правила ГК должны предпочитаться правилам иных законов просто потому, что это – правила кодекса, т.е. общие положения (принципы), предопределяющие одно – единое направление развития и единообразное содержание гражданско-правового регулирования всех общественных отношений определенного типа. Если бы законодатель не желал установления таких начал, незачем было бы принимать Кодекс – вполне возможно было бы обойтись разрозненными законодательными актами (так называемым вермишелевым законодательством)» [6, с. 165]. С учетом изложенного выше относительно общих формул и принципов аргументы В. А. Белова в пользу большей юридической силы кодифицированных законодательных актов могут быть в большей мере использованы против этого утверждения.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что приданием приоритета кодифицированным законодательным актам правотолкование, разрешение коллизий в праве и правоприменение осложняются до той степени, когда начинает становиться уместной цитата из произведения Р.ф. Иеринга «Юридическая техника»: «Какую пользу приносят точнейшие и подробнейшие законы, если судья (как это, например, было в позднейшем императорском периоде в Риме да имеет место и ныне в Англии) при самом сильном желании едва способен овладеть ими? Какая польза от тончайших определений понятий и разграничений, если их применение к отдельному случаю наталкивается на величайшие затруднения вследствие недостатка в формальной осуществимости закона?» [8, с. 331].

Приведем два примера (больше не позволяет объем статьи). Первый: Гражданский кодекс (ст. 3) закрепляет большую юридическую силу устанавливаемых им правовых норм. При этом из положений ст. 130, 260–287 ГК явствует, что этот Кодекс распространяется и на земельные отношения. Но Земельный кодекс (ст. 2) предусматривает приоритет этого Кодекса среди других федеральных законов в регулировании земельных отношений, допуская регулирование имущественных отношений по поводу земельных участков гражданским законодательством только в части, не урегулированной земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами (ст. 3 ЗК). Подчеркнем, что в этой статье дважды указывается на «законодательство», то есть регулирование имущественных отношений по поводу земельных участков гражданским законодательством (в т.ч. и Гражданским кодексом) допускается только в случаях, когда указанные отношения не урегулированы не только федеральными законодательными актами, но и подзаконными актами федеральных органов исполнительной власти и даже законами и другими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Положения, ограничивающие применение в частности Гражданского кодекса к имущественным отношениям по поводу использования земельных участков сельскохозяйственного назначения, содержатся также в п. 6 ст. 1 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Это обилие правил о приоритетах не только оттесняет Гражданский кодекс на периферию правового регулирования имущественных отношений по поводу земельных участков и оборота земель сельскохозяйственного назначения, но и вообще исключает возможность рационального разрешения соответствующих законодательных коллизий.

Подобная ситуация сложилась и в связи с приданием приоритета Трудовому кодексу (ст. 5 ТК). Наряду с этим приоритетом предусматриваются пределы, в которых могут устанавливаться особенности правового регулирования труда (ст. 252 ТК). Специально предусматривается возможность распространения на государственных гражданских служащих и муниципальных служащих трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права с особенностями, предусмотренными соответствующими нормативными правовыми актами (часть седьмая ст. 11 ТК). Позднее принимается Федеральный закон «О государственной гражданской службе», который вообще не называет Трудовой кодекс в числе нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с гражданской

службой (ст. 5), очевидно, относя этот Кодекс к другим федеральным законам, содержащим нормы трудового права, которые применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной названным Федеральным законом. Выходит, что в конечном счете приоритет имеет этот федеральный закон, а не Трудовой кодекс.

Этими двумя примерами не исчерпываются все случаи усложнения правил о приоритетах федеральных кодифицированных законодательных актов и разрешения коллизий между ними и другими федеральными законами. Такое усложнение делает невозможным разрешение в обычных условиях коллизий с участием правовых норм, установленных федеральными кодифицированными законодательными актами. Поэтому положения о приоритете кодексов по сравнению с другими федеральными законами из всех федеральных кодифицированных законодательных актов следует исключить.

Список литературы:

1. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. – Т. I. Основы. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
2. Совиньи Ф. К. ф. Система современного ... права. В 8 т. Т. I. – М.: Статут, 2011. – 510 с.
3. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфор, 2002. – 508 с.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: Издательский дом Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
5. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие. – М., 2005. – 394 с.
6. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1999. – 400 с.
8. Иеринг Р. Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. I. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618 с.

Lukasheva N.N. Codified Legislative Acts in the System of Federal Laws of the Russian Federation
// Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – P. 213–222.

The article substantiates the theoretical proposition that the indications to greater legal force of most codes in comparison with other federal laws are in conflict with those legal norms that are established by federal laws and do not correspond to the content of the codes. These collisions require analysis with the help of appropriate logical means. Meanwhile, these conflicts are ignored in the scientific literature, and the priority of codes over other laws is usually believed to be an axiom. The author proves that the stipulation on the priority of codes is of legal importance only for resolving conflicts between codes and previously adopted federal laws. Conflicts between the norms that set such a priority, and later adopted federal laws should be resolved in favor of the latter.

Keywords: codes, federal laws, interpretation, collisions, Constitutional Court.

Spisok literatury:

1. Tsvaygert K., KYotts H. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2-h tt. – T.I. Osnovy. – M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1998. – 480 s.
2. Sovini F. K. f. Sistema sovremennogo ... prava. V 8 t. T.1. – M.: Statut, 2011. – 510 s.
3. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanski hzakonov. – M.: TsentYurInfor, 2002. – 508 s.
4. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave. – SPb.: Izdatelskiy dom Alef-Press, 2015. – 542 s.
5. Tihomirov Yu. A. Kollizionnoe pravo: Uchebnoe i nauchno-prakticheskoe posobie. – M., 2005. – 394 s.
6. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo. Obschaya chast. T.I. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik. – M.: Yurayt, 2011. – 521 s.
7. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnyie pravovyye sistemyi sovremennosti. – M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1999. – 400s.
8. Iering R. F. Izbrannyye trudyi. V 2 t. T.I. – SPb.: Yuridicheskiiy tsentr Press, 2006. – 618 s.

УДК 34:656.073"20"

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОГРУЗОЧНО-РАЗГРУЗОЧНЫХ РАБОТ (1920–1930 ГГ.)

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено вопросу правового регулирования организации процесса погрузочно-разгрузочных работ в период с 1920 по 1930 гг. С помощью исторического метода автор на примере собранной нормативно-правовой базы обозначает какие основные вопросы были охвачены законодателем в рассматриваемый период в сфере погрузочно-разгрузочных работ. Кроме того, данная работа направлена на освещение вопросов охраны труда лиц, занятых на погрузочных работах. Изучены такие отдельные аспекты, как рабочее время, внутренний распорядок, санитарные и медицинские требования, а также специальные правила для погрузочно-разгрузочных работ на транспорте и др. Проанализированы особенности ответственности лиц, которые курируют процесс погрузочных работ, а также администрации путей, пристани, порта и капитана. Заслуживающим внимание в работе является вопрос о правовом регулировании погрузочных работ с отдельными видами товара, например, со взрывчатыми и легковоспламеняющимися веществами.

Ключевые слова: погрузочно-разгрузочные работы, грузчик, простой судна, перевозка грузов.

Создание Таможенного Союза при Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) способствовало развитию торговых отношений между Россией, Киргизией, Казахстаном, Беларусью и Арменией. Для осуществления международной торговли немаловажное значение имеет перевозка товаров воздушным, наземным и другим видом транспорта. С этим процессом тесно связан процесс погрузочно-разгрузочных работ, который начинается и заканчивает перевозку. С погрузкой и разгрузкой транспортных средств связан один из самых острых вопросов их эксплуатации – вопрос о простоях вагонов или судов. Простои судов срывают выполнение планов перевозок, увеличивают себестоимость последних, приводят к нарушению сроков давности, влекут в ряде случаев порчу перевозимых грузов. Наряду с неуклонно проведенными мероприятиями по развитию советских портов, улучшению их оснащённости перегрузочными механизмами большую роль в ликвидации простоев судов было призвано сыграть именно право, и, в частности, морское право. Нормы морского права устанавливают ответственность лиц, производящих грузовые работы, за задержку судов под погрузкой и выгрузкой сверх положенного времени. С другой стороны, эти нормы предоставляют отправителям и получателям в случае досрочного окончания ими погрузки и выгрузки право на получение от перевозчика определенного вознаграждения [1, с. 172].

Для лучшего обзора нашей работы следует выяснить что же собственно понимается под понятием «погрузочно-разгрузочные работы». Российская энциклопедия по охране труда под ред. В. К. Варова разъясняет, что «погрузочно-разгрузочные

работы – это совокупность операций перемещения груза, изменения его положения в пространстве, не вызывающих при этом изменений физических свойств и качества груза. От уровня организации таких работ зависит не только их производительность, но и безопасность» [2].

Межгосударственный стандарт 2011 г. «Общие требования по обеспечению сохранности при производстве погрузочно-разгрузочных и маневровых работ» дает следующее определение. «Работы погрузочно-разгрузочные – операции, связанные с осуществлением погрузки и выгрузки груза, в том числе с размещением, креплением, уплотнением, выравниванием, рыхлением, разогревом груза, очисткой вагонов, включая наружную поверхность, после погрузки и выгрузки, приведению вагонов в транспортное положение» [3].

Терминологический словарь по строительству на 12 языках, составленный Всесоюзным научно-исследовательским институтом информации по строительству и архитектуре Госстроя СССР дает краткое определение: «Работы погрузочно-разгрузочные – это работы по погрузке, разгрузке и складированию материалов, конструкций и изделий» [4].

Исходя из этого, следует уточнить, что погрузочно-разгрузочные работы несмотря на первоначально кажущуюся простоту исполнения всегда представляет собой процесс, осуществляемый с целью трансформации места нахождения товара, но без изменения его свойств. Как и многие процессы, происходящие с участием физических лиц или их под руководством, данная работа всецело охватывается правовыми нормами.

Рассматриваемый нами период представляет интерес для изучения в связи с тем, что именно в это время на погрузочных работах были задействованы грузчики, а не механические приспособления, что было уже позже. Правовая регламентация режима труда и отдыха, оплаты труда, и даже погрузочного инвентаря подтверждает немаловажное значение, которое уделялось организации процесса погрузки и разгрузки товаров.

Прежде всего, вопросов погрузки товаров коснулся Декрет СНК РСФСР от 12 ноября 1920 г. «О порядке приема, хранения и отпуска импортных и экспортных товаров» [5, с. 719].

Во втором отделе, в части Б «Прием товаров, привозимых морем» указывается, что суда, приходящие из-за границы, направляются для выгрузки непосредственно в порт, где имеется таможня, или товары из этих судов перегружаются в перевозочные для доставки в таможню.

Выгрузка судов производится в той части порта, которая находится в ведении таможни, по грузовым росписям, которые составляются таможенным надзором на товары, назначенные в данный порт, и заключают в себе 1) перечень коносаментов, 2) число мест по каждому коносаменту прописью, их знаки (марки), номера и род упаковки и 3) торговое наименование товаров. Для окончательной проверки выгруженных товаров устанавливается трехнедельный срок со дня окончания выгрузки из данного судна всех товаров [5, с. 723–726].

Более конкретные разъяснения по вопросу организации процесса погрузки и разгрузки были даны в Декрете СНК «Об организации погрузки и разгрузки вагонов

и судов» от 17.02.1921 г. Декрет обязал администрацию железных дорог и районных контор водного транспорта сообщать надлежащим Транспортно-материальным отделам (далее – Трамотам): а) данные о грузообороте тех пунктов, на которых погрузочно-выгрузочные операции ими производятся, и б) сведения об ожидающемся в каждом следующем месяце отправления грузов, прибытия, перегрузке или перевозке в тех же пунктах.

В каждом пункте, в котором Трамот должен был производить погрузочно-разгрузочные операции и осуществлять вывоз грузов он должен был иметь ответственное лицо, которое имело мандат на право руководства работами и на ведение с администрацией путей сообщения различных дел по всем вопросам, связанным с погрузочными операциями.

Принятый в 1921 г. Декрет возложил обязанность на администрацию пристаней сообщать о предстоящей нагрузке, перегрузке и выгрузке грузов уполномоченному Трамота вручением ему под расписку особого наряда на производство указанных операций, в котором указывает количество подлежащих нагрузке, перегрузке и выгрузке судов, места производства этих операций, рода грузов и приблизительный вес их.

Вполне справедливой является оговорка о том, что нагрузка, перегрузка и выгрузка грузов на пристанях должна выполняться Трамотами без нарушения установленных на то сроков и производится вовремя, согласно с действующими правилами и инструкциями, причем законные требования железнодорожных и водных агентов, наблюдающих за погрузочными операциями, должны выполняться служащими и рабочими Трамота беспрепятственно.

Администрация станций или пристани должна была вывесить объявление или составить алфавитный реестр о грузах, прибывших в пункт назначения и послать копию Трамоту. Он в свою очередь должен был немедленно связаться с владельцем груза на предмет получения распоряжения в строго определенный срок о месте вывоза груза или о другом его назначении.

В свою очередь, Окружные комитеты по перевозкам устанавливали сроки для получения ответов от получателей по уведомлении и прибытии грузов, а также очередность вывоза грузов со станций и пристаней в склады получателей и общего пользования, и сообщали для сведения эксплуатационному управлению комиссариата путей сообщения или эксплуатационному речному управлению. За нарушение правил грозил трибунал [6, с. 148–151].

Ввиду достаточной сложности проведения погрузочных работ в порту, существовал особый порядок их проведения. Он регламентировался Обязательными постановлениями, действовавшими в порту (были утверждены Портовым Совещанием 24 апреля 1922 г.).

Это достаточно подробный документ, который регулирует такие вопросы, как меры предосторожности при перевозке на судах и при производстве грузовых операций со взрывчатыми и легковоспламеняющимися веществами, расположение погрузочных баркасов, ответственность портовых рабочих, требования к носильщикам для переноса пассажирского багажа и др.

Пятый раздел постановлений посвящен вопросу о выгрузке, нагрузке, передвижении и хранении товаров. Так, на капитана судна, получившего разрешение стать к пристани, возлагалась обязанность прилагать все старания к тому, чтобы, как можно скорее, принять или выгрузить груз, давая этим возможность воспользоваться пристанью другим судам.

Также устанавливались предельные нормы погрузки и выгрузки, что было весьма разумно. Однако, обстоятельства складывались таким образом, что эти правила не всегда выполнялись, что приводило к нарушению порядка и дисциплины среди портовых грузчиков.

В течении дня с судов должно выгружаться или на них нагружаться не менее [7, с. 33]:

Наименование груза	Количество пудов
Антрацит	2.500
Курной уголь насыпью	2.500
Курной уголь в мешках	3.000
Кузнечный уголь	2.500
Камень 2-х пудовый	3.000
Камень 3-х и 4-х пудовый	3.000
Зерно	4.500
Соль	4.500
Дрова	2.500
Бревна	2.500
Мука	5.000

Существовало указание и на то, что производство всяких работ в порту, особенно в ночное время, должно быть обставлено всеми мерами безопасности, т.е. набережные, сходни, трюмы необходимо было хорошо освещать. Ночные и внеурочные работы, могут производиться лишь по особому разрешению таможни и управления порта.

Все приспособления, служащие для производства грузовых работ на судах, должны были находиться в полной исправности; ответственность за исправное состояние приспособлений и за возможные несчастия, ложилась всецело на судовой администрации.

Грузы и материалы, выгруженные на пристанях общего пользования, должны быть вывезены с них в трехдневный срок.

Все товары, грузы и материалы, находящиеся на пристанях, должны быть так сложены, чтобы не препятствовать свободному и безопасному движению.

Во избежание несчастных случаев с людьми во время грузовых и пассажирских операций на рейде и у пристаней, бортовые отверстия пароходов, выпускающих пар и горячую воду, должны быть прикрыты деревянными щитами или матами.

Выгружаемые с судов товары, разрешается складывать на набережных общего пользования лишь против причалов, занимаемых этими судами, оставляя необходимые безопасные проходы и проезды для подвод и не закладывая трапов, тумб и пожарных кранов.

При нагрузке и выгрузке сыпучих материалов и балласта, обязательно подвешивать брезенты под сходни или устраивать другие подходящие приспособления, чтобы не засорять гаваней.

Грузы должны быть сложены на портовой территории с соблюдением всех необходимых предосторожностей в пожарном и других отношениях. Во всех случаях грузы должны укладываться аккуратно и правильно в расстилку или бунты, с соблюдением всех мер предосторожности. Не допускается складывать грузы: на проездных мостовых, дорогах и переездах.

Охрана всяких грузов, находящихся в порту, лежит на обязанности грузополучателей.

Законодатель обращает внимание и на вопрос о мерах предосторожности при перевозке на судах и при производстве грузовых операций со взрывчатыми и легковоспламеняющимися веществами. Прежде всего указывается, что такие операции могут производиться только днем.

При погрузке динамита и проч., ящики с этим грузом должны укладываться на деревянных стеллажах в особом, запертом на ключ помещении, недоступном для входа команды и пассажиров без ведома капитана и удаленных от источников тепла.

Капитаны и шкипера судов, желающие грузить или выгружать в порту взрывчатые или легковоспламеняющиеся вещества, обязаны уведомлять о том немедленно начальника порта. Производство работ по выгрузке и нагрузке динамита при освещении, кроме электрического, воспрещается.

Во время погрузки и выгрузки динамита, на пароходе поднимается сигнальный флаг «Б» Международного свода сигналов.

Взрывчатые и легковоспламеняющиеся вещества, по выгрузке их с судов должны немедленно удаляться от пристани и портовой территории.

Запрещалось держать на судах огонь и курить при выгрузке и нагрузке легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ, а равно и на пристанях и портовой территории, во время производства на них грузовых операций с такими веществами [7, с. 43].

Еще одним важным документом, регулирующим процесс разгрузки и погрузки грузов в портах в рассматриваемый период, является Постановление СНК СССР от 20 сентября 1924 г. «О погрузочно-разгрузочных и других работах при таможенных и оплате этих работ».

В нем указывается, что работы по погрузке, разгрузке, приему, подготовке к досмотру, клеймению, выпуску из таможен импортных и экспортных грузов, пассажирского багажа и почтовых посылок, которые контролируются таможенной, выполняются организацией, которая заключила договор с данной таможенной.

В таможенных же с небольшим грузооборотом, где исключается возможность привлечения к исполнению указанных работ постоянно действующей организации, эти работы производятся рабочими, доставляемыми в необходимых случаях грузораспределителями или приглашаемыми специально для этой цели таможенной.

Выбор организации для выполнения работ производится таможенными посредством публичных торгов. К торгам допускаются как государственные и кооператив-

ные организации, так и образованные в порядке особых постановлений Народного Комиссариата Труда коллективы, а равно и частные организации. При равенстве предложенных условий предпочтение отдавалось в первую очередь государственным организациям, а затем кооперативным организациям и коллективам.

С организацией, предложившей на торгах наиболее выгодные условия, таможня заключает на срок не свыше 3 лет договор, представляемый на утверждение Таможенно-тарифного комитета.

В случае несостоявшихся торгов, таможне предоставляется выбор организации для выполнения работ по своему усмотрению, при соблюдении, однако, существующих постановлений и с представлением договора на утверждение Таможенно-тарифного комитета.

К указанным работам при каждой таможне допускается одновременно только одна организация, которой присваивается исключительное право производства работ при данной таможне на срок действия договора.

На тот же срок организация, исполняющая при данной таможне погрузочные работы, лишается права производства при той же таможне экспедиторских операций [8].

Среди различных видов перевозок и организации процесса принятия и сдачи груза для этого, важное значение имеют морские перевозки. Основные их преимущества заключаются в достаточно низкой себестоимости доставки грузов на значительные расстояния. В этой категории затраты остаются одними из наиболее демократичных, ведь для движения морского судна топлива требуется существенно меньше по сравнению с железнодорожным, автомобильным либо авиационным транспортном. Из совокупности нормативно-правовых актов, регулирующих погрузочно-разгрузочные работы в этой сфере, следует указать на Положение о морской перевозке от 28 мая 1926 г.

Документ применялся:

а) к морским перевозкам грузов и пассажиров между портами СССР, из портов СССР за границу и в порты СССР из-за границы;

б) к морским перевозкам между иностранными портами, если обе стороны являлись гражданами или юридическими лицами СССР.

В указанном Положении содержатся нормы, регулирующие договорные отношения в ходе погрузки и разгрузки судов. Прежде всего есть указание на то, что продолжительность срока погрузки определяется соглашением сторон. Сторонам предоставляется входить в соглашение о дополнительном, по окончании срока погрузки, сроке ожидания (простое). В счет срока простоя не засчитываются только те дни, когда погрузка на судно не могла состояться вследствие причин, связанных с фрахтовщиком.

Отдельное внимание уделяется вопросу простоя судов. Важное значение имеет тот факт, что размер вознаграждения за простойные дни определяется нормами, принятыми в соответствующих портах и опубликованными подлежащими биржевыми комитетами; в случае же отсутствия таких норм размер означенного вознаграждения определяется расходами по содержанию судна и экипажа.

Фрахтователь обязан по требованию капитана уплачивать вознаграждение за простойные дни по истечении каждого простого дня.

Если фрахтователь этого требования не исполнит и не обеспечит его исполнения, то капитан вправе или прервать погрузку с отказом от договора и взысканием фрахта полностью, или же, не прерывая погрузки, сделать отметку на коносаменте о причитающемся ему вознаграждении за простой и требовать этого вознаграждения от получателя груза.

В случае зафрахтования всего судна капитан не вправе отказаться от приема груза, доставленного до окончания срока погрузки или до окончания срока простоя, если стороны условились о простое, хотя бы принятие и укладка груза могли задерживать судно более условленного срока. За каждый лишний день задержания судна фрахтователь обязан вознаградить фрахтовщика как за простойный день и возместить причиненные ему (фрахтовщику) задержанием убытки.

Рассматриваемое нами Положение помимо всего прочего содержит подробные разъяснения того, как следует поступать с грузами, которые были перемещены ошибочно. Это достаточно целесообразно, т.к. из-за большого количества грузов в порту или даже плохого освещения в ночное время не редко случаются ситуации, когда товары были погружены на другое судно.

Итак, прежде всего, регламентируется, что оказавшийся на судне груз, помещенный без ведома капитана, выгружается в любом порту по усмотрению капитана со взысканием в двойном размере фрахта, причитающегося от пункта отправления до пункта выгрузки, и сверх того всех убытков, которые понесет фрахтовщик вследствие помещения означенного груза.

Груз легковоспламеняющийся, взрывчатый или вообще опасный по своей природе, на погрузку которого фрахтовщик (или капитан) не дал бы своего согласия, может быть во всякое время до сдачи его выгружен в любом пункте либо уничтожен или обезврежен без вознаграждения отправителя, который несет при этом ответственность за издержки и убытки, происшедшие непосредственно или косвенно вследствие погрузки такого груза.

Данное право осуществляется лишь в том случае, если груз был сдан под неправильным наименованием, или если при его приемке фрахтовщик (или капитан) не мог путем наружного осмотра удостовериться в свойстве груза.

Фрахт за перевозку такого груза не возвращается, а если он при отправлении судна не был уплачен, взыскивается полностью.

В случае зафрахтования части судна или определенных судовых помещений капитан вправе по истечении сроков для погрузки и простоя отправиться в плавание по своему усмотрению, хотя бы не весь условленный груз был погружен на судно, причем сохраняется право на получение полного фрахта.

В случае неявки получателя груза или отказа получателя от принятия груза груз выгружается и сдается капитаном на хранение в склад или иное надежное место.

Если сданный на хранение груз не будет востребован в течение двух месяцев со дня прихода судна в порт выгрузки и если при этом фрахтователь не уплатит фрахтовщику всех причитающихся по данной перевозке сумм, фрахтовщик вправе продать груз с публичного торга [9].

В продолжение нашего исследования, следует указать на то, что в рассматриваемый период погрузочные работы проводилось непосредственно грузчиками, а механические приспособления использовались редко. В связи с этим возникала очевидная необходимость правового регулирования труда рабочих, графика работы и отдыха, а также вопросов их вознаграждения. Мы находим подтверждение этому в ходе изучения отдельных нормативно-правовых актов, например, Правил об условиях труда грузчиков при погрузочно-разгрузочных работах, СНК СССР, утвержденных НКТ СССР 20 сентября 1931 г. N 254.

Данные правила включают в себя такие группы вопросов, как категории работников, которые не допускаются к погрузочно-разгрузочным работам, руководство работами, переноска грузов, перемещение грузов с помощью простейших или механических приспособлений, подъем грузов, рабочее время, внутренний распорядок, санитарные и медицинские требования, специальные правила для погрузочно-разгрузочных работ на транспорте.

Общее наблюдение за правильной организацией погрузочно-разгрузочных работ возлагается на администрацию предприятия, организующего эти работы, а на транспорте—на дирекцию железной дороги, администрацию речного госпароходства или бассейна Совторгфлота.

В каждом предприятии, организующем погрузочно-разгрузочные работы, а на транспорте - в соответствующих районных управлениях должно быть выделено лицо, занимающееся вопросом безопасности этих работ.

Что же касается работников, которые исполняют указанные работы, то прежде всего, уточняется, что подростки до 16 лет к погрузочно-разгрузочным работам не допускаются. Если сравнить данные правила с современным законодательством, то очевидно, что законодатель стал гуманнее. Согласно Правилам по охране труда при погрузочно-разгрузочных работах и размещении грузов 2014 г., к выполнению работ допускаются работники в возрасте не моложе 18 лет.

Правила 1931 г. устанавливают, что подростки от 16 до 18 лет и женщины допускаются только к следующим работам:

а) к погрузке и разгрузке: 1) навалочных грузов (песок, гравий, глина, зерно, овощи и т.п.); 2) грузов легкого веса (щепной товар, пустая тара, фрукты в мелкой таре и т.п.); 3) штучных грузов (кирпич, асфальт, жмых и т.п.); 4) пиломатериалов (тес, шелевка, подтоварник и т.п.);

б) к работам по тарировке зерновых грузов и овощей;

в) к работам по доставке зерна к норьям, трубам и лентам элеваторов и перегружателей.

Лица, сильно истощенные и слабосильные, допускаются к погрузочно-разгрузочным работам только на основании соответствующего заключения врачебно-экспертной комиссии при управлении кадров органа труда.

Лица в нетрезвом состоянии к работам не допускаются.

Подростки от 16 до 18 лет и женщины не допускаются к переноске грузов весом свыше 20 кг, а при переноске грузов вдвоем—свыше 50 кг.

Для перемещения грузов весом от 80 кг до 500 кг (каждое место в отдельности) грузчикам должны предоставляться простейшие приспособления: тачки, таскальные доски, медведки, вагончики, тележки и пр.—в зависимости от величины груза.

Для перемещения грузов весом 500 кг и более (каждое место в отдельности) грузчикам должны предоставляться специальные механические приспособления—лебедки, блоки, домкраты, подъемные краны и др. Отступление от этого правила допускается лишь при случайных грузах.

К работе на механических приспособлениях допускаются только лица, имеющие необходимую подготовку и умеющие обращаться с ними.

В местах, где работы производятся с помощью механических приспособлений, не допускается во время работы присутствие посторонних лиц.

Курение разрешается только во время перерывов в работе и притом на местах, специально для этого отведенных.

Внутри пакагузов и внутри судовых трюмов курение запрещается [10].

Еще одним документом, регулирующим вопросы охраны труда лиц, занятых на погрузочных работах, является Постановление СНК СССР от 28 мая 1932 г. N 829 «О погрузочно – разгрузочных операциях и связанных с ними работах на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также внерабочие дни».

Постановлением разрешено проводить погрузочно–разгрузочные операции и связанные с ними работы на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни при необходимости освобождения складочных помещений железнодорожного, водного и местного транспорта, а также для производства нагрузки и выгрузки вагонов и судов в целях предупреждения скопления грузов в пунктах отправления и назначения и простоя подвижного состава.

К указанным работам относятся работы по выкупу грузов, разгрузке и вывозу грузов с территории станций, пристаней и портов, подвозу грузов к станциям, пристаням и портам, погрузке грузов в вагоны или на суда и составлению грузовых документов, а также непосредственно связанная с этими операциями работа на складах соответствующих учреждений и предприятий.

Порядок назначения таких работ возлагается на Народный комиссариат путей сообщения, Народный комиссариат водного транспорта и Цудортранс по принадлежности.

Обязанность производить работы распространяется на государственные и кооперативные предприятия и учреждения и смешанные акционерные общества.

О назначении обязательных работ должно вывешиваться объявление на железнодорожных станциях, пристанях, в портах и в транспортных конторах:

а) в нерабочие дни—за 4 часа до окончания рабочего дня, предшествующего соответствующему нерабочему дню;

б) во внеурочное время—не позднее чем за 4 часа до окончания того же рабочего дня.

Привлечение работников к работам производится с последующим уведомлением инспектора труда [11].

Как мы уже указывали выше, погрузочно-разгрузочные работы связаны с самым неблагоприятным исходом морских перевозок, а именно с вопросом простоев судов,

вагонов и т.д. Важность этого вопроса подтверждается особым правовым закреплением санкций за простой вагонов. Обратимся к Постановлению СНК СССР от 11 октября 1933 г. N 2233 «О штрафах за простой вагонов».

Были установлены следующие размеры штрафов за простой вагонов сверх нормальных сроков под погрузкой и выгрузкой как на путях общего пользования, так и на подъездных путях необщего пользования:

при простое нормальных крытых вагонов и платформ сверх нормы:

- от 1 до 12 час. по 1 руб. за вагоно-час;
- от 13 до 24 час. по 2 руб. за вагоно-час;
- от 25 до 36 час. по 4 руб. за вагоно-час;
- от 37 до 48 час. по 6 руб. за вагоно-час.

Сумма штрафа соответственно повышалась за простой цистерн, изотермических вагонов и вагонов грузоподъемностью свыше 20 тонн – в два раза, за простой большегрузного вагона свыше 40 тонн – в три раза.

Штраф не взимался за простой вагонов, поданных железной дорогой сверх нормы, обусловленной договором с клиентом. Излишек вагонов, образовавшийся в течение суток вследствие неравномерной подачи, для исчисления штрафных сумм зачисляется на следующие сутки.

Данное постановление обязало начальников дорог зачислять суммы, вырученные от штрафов, в доход своей дороги по финансовому плану на следующий квартал, а Народного комиссариата путей сообщения установить контроль за расходованием этих сумм [12].

Подводя итоги настоящего исследования, следует отметить, что правовому регулированию организации процесса погрузочно-разгрузочных работ в СССР в период с 1920 по 1930 гг. уделялось должное внимание, однако некоторые аспекты остались не замеченными. Прежде всего, правовое закрепление получили такие вопросы, как ответственность лиц за погрузочные работы, документальное оформление процесса загрузки и выгрузки судов, рабочее время и время отдыха лиц, занятых на погрузочных работах, выгрузка судов, приходящих из-за границы и др. Что же касается недостатков правового регулирования рассматриваемого процесса, то следует указать, что ввиду рецепции советским правом дореволюционного, многие из важных положений не были законодательно урегулированы, а выступали как правовой обычай.

Список литературы:

1. А. Л. Маковский. Правовое регулирование морских перевозок грузов. Москва: Издательство «Морской транспорт», 1961. – 314 с.
2. Российская энциклопедия по охране труда // Под ред. В. К. Варова, И. А. Воробьева, А. Ф. Зубкова, Н. Ф. Измерова. – М.: НЦ ЭНАС, 2007 [электронный ресурс]. – URL: https://labor_protection.academic.ru/1323 (дата обращения: 02.12.2017).
3. ГОСТ 22235-2010. Межгосударственный стандарт. Вагоны грузовые магистральных железных дорог колеи 1520 мм. Общие требования по обеспечению сохранности при производстве погрузочно-разгрузочных и маневровых работ" (введен в действие Приказом Росстандарта от 12.11.2010 N 420-ст) [электронный ресурс]. – URL: [https://official.academic.ru/20602/...](https://official.academic.ru/20602/) (дата обращения: 01.12.2017).
4. Терминологический словарь по строительству на 12 языках [электронный ресурс]. – URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/...](https://dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/) (дата обращения: 03.12.2017).
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М., 1943. – 818 с.
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М., 1944. – с. 1198.
7. Отчет о деятельности Евпаторийского Морского Порта за 1922-1923 бюджетный год. – Евпатория, Крымполиграфтрест, 1924. – 47 с.
8. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 20 сентября 1924 года «О погрузочно - разгрузочных и других работах при таможенных и оплате этих работ» [электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2172.htm (дата обращения: 01.12.2017).
9. Центральный Исполнительный Комитет СССР. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 28 мая 1926 года. Положение о морской перевозке [электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2918.htm (дата обращения: 05.12.2017).
10. Правила об условиях труда грузчиков при погрузочно-разгрузочных работах (утв. НКТ СССР 20.09.1931 N 254) [электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=94030&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6640747375634777#0818844447035028> (дата обращения: 06.12.2017).
11. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 28 мая 1932 г. n 829. О погрузочно - разгрузочных операциях и связанных с ними работах на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни [электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3829.htm (дата обращения: 02.12.2017).
12. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933 г. » № 63 » Постановления Совета народных комиссаров. О штрафах за простой вагонов [электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/37697> (дата обращения: 28.11.2017).

Klimenko K. P. Legal regulation of loading and unloading works (1920 – 1930 gg.) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – P. 223–233.

This study is devoted to the issue of legal regulation of the process of loading and unloading operations in the period from 1920 to 1930. Using the historical method, the author shows by the example of the collected regulatory framework what the main issues were covered by the legislator in the period under review in the field of loading and unloading operations. In addition, this work is aimed at highlighting the issues of labor protection of persons engaged in loading work. Some aspects such as working hours, internal regulations, sanitary and medical requirements, as well as special rules for loading and unloading operations in transport, etc. were studied. The peculiarities of the responsibility of persons who supervise the process of loading operations, as well as the administration of the ways, pier, port and captain were analyzed. Noteworthy in the work is the question of legal regulation of loading operations with certain types of goods, for example, with explosives and flammable substances.

Keywords: loading-unloading operation, a loader, a simple vessel, freight transportation.

Spisok literaturyi:

1. A. L. Makovskij. Pravovoe regulirovanie morskikh perevozok gruzov. Moskva: Izdatel'stvo «Morskoj transport», 1961. – 314 s.
2. Rossijskaya ehnciklopediya poohrane truda // Pod red. V. K. Varova, I. A. Vorob'eva, A. F. Zubkova, N. F. Izmerova. – M.: NC EHNAS, 2007 [ehlektronnyj resurs]. – URL: https://labor_protection.academic.ru/1323 (data obrashcheniya: 02.12.2017).
3. GOST 22235-2010. Mezhhgosudarstvennyj standart. Vagony gruzovye magistral'nyh zheleznyh dorogkolei 1520 mm. Obshchie trebovaniya po obespecheniyu sohrannosti pri proizvodstve pogruzochno-razgruzochnyh I manevrovnyh rabot" (vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 12.11.2010 N 420-st) [ehlektronnyj resurs]. – URL: <https://official.academic.ru/20602/...> (data obrashcheniya: 01.12.2017).
4. Terminologicheskij slovar' postroitel'stvu na 12 yazykah [ehlektronnyj resurs]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/...> (data obrashcheniya: 03.12.2017).
5. Sobranie zakonov I rasporyazhenij pravitel'stva 1920 g. – M., 1943. – 818 s.
6. Sobranie zakonov I rasporyazhenij pravitel'stva 1921 g. – M., 1944. – s. 1198.
7. Otchet o deyatel'nosti Evpatorijskogo Morskogo Porta za 1922-1923 byudzhetnyj god. – Evpatoriya, Krympoligrafrest, 1924. – 47 s.
8. Sovet Narodnyh Komissarov SSSR. Postanovlenie ot 20 sentyabrya 1924 goda «O pogruzochno – razgruzochnyh I drugih rabotah pritamozhnyah I oplate ehlih rabot» [ehlektronnyj resurs]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2172.htm (data obrashcheniya: 01.12.2017).
9. Central'nyj Iсполnitel'nyj Komitet SSSR. Sovet Narodnyh Komissarov SSSR. Postanovlenie ot 28 maya 1926 goda. Polozhenie o morskoy perevozke [ehlektronnyj resurs]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2918.htm (data obrashcheniya: 05.12.2017).
10. Pravila obusloviyah truda gruzchikov pri pogruzochno-razgruzochnyh rabotah (utv. NKT SSSR 20.09.1931 N 254) [ehlektronnyj resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=94030&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.6640747375634777#0818844447035028> (data obrashcheniya: 06.12.2017).
11. Sovet Narodnyh Komissarov SSSR. Postanovlenie ot 28 maya 1932 g. n 829. O pogruzochno – razgruzochnyh operacijah I svyazannyh s nimi rabotah na transporte vo vneurochnoe vremya, v dvei tri smeny, a takzhe v nerabochiedni [ehlektronnyj resurs]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3829.htm (data obrashcheniya: 02.12.2017).
12. Sobranie zakonov I rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1933 g.» № 63. Postanovleniya Soveta narodnyh komissarov. O shtrafah za prostoj vagonov [ehlektronnyj resurs]. – URL: <http://istmat.info/node/37697> (data obrashcheniya: 28.11.2017).

НАШИ АВТОРЫ

Алимов З. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Благодатная Е. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к. ю. н., доц., заведующий к-рой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гурина Л. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Евдокимова И. С.	студентка 3 курса юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Елькин С. В.	к. ю. н., доц., заведующий к-рой предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Зиневич О. Я.	ассистент к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Змерзлый Б. В.	д. и. н., д. ю. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Исютин-Фетотков Д. В.	к. ю. н., доц., старший юрист Адвокатского бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры»
Ротань В. Г.	д. ю. н., проф., заведующий к-рой гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Коваль А. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Камалова Г. Г.	к. ю. н., доц. к-ры криминалистики и судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Клименко Е. П.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Любинецкий А. Н.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Лукашева Н. Н.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мидловец М. В.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ

	<i>им. В. И. Вернадского»</i>
Миронова О. А.	<i>к. ю. н., доц., начальник к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Новик М. П.	<i>студентка 2-го курса магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Панасенко А. Р.	<i>студентка 2-го курса магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Саранкина Ю. А.	<i>старший преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Симбирева Я. А.	<i>студентка 2 курса юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Скакун О. Ф.	<i>д. ю. н., проф. к-ры теории государства и права Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Скворцова О. В.	<i>к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сорокин Г. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Струнский А. Д.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сударикова Т. Е.	<i>студентка 2 курса юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Чеботарева Г. В.	<i>д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Черечук К. В.	<i>преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Чернецкий О. К.	<i>к. ю. н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шармоянц А. Н.	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Благодатная Е. Ю. Планирование и проведение В/О «Совфрахт» кампаний по фрахтованию в 1933–1934 гг.	3
Гурина Л. В. Правовое регулирование практических мер подготовки кадров торгового флота.....	15
Змерзлый Б. В. Роль монастырей как мест заключения в Российской империи в XIX в.	26
Скаун О. Ф. Экономические права человека и гражданина в контексте методологического экономического подхода к их анализу.....	33
Сорокин Г. А. Оформление и расследование аварий в торговом флоте в России в конце XVII – начале XX в.....	40
Струнский А. Д. Традиционное иудейское право: приемы толкования норм Ветхого Завета... 51	
Коваль А. В. Реформа управления речным и морским транспортом 1930 г.....	61
Любинецкий А. Н. Установление границ морских торговых портов и их статус в СССР в 1920–1930-х гг.....	78
Ротань В. Г. Конституционный характер интегрального правопонимания (правоприменительный аспект)	86
Шармоянц А. Н. Особенности правового регулирования правил приписки морских судов в первой половине XX века в СССР	99

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бугаев В. А., Сударикова Т. Е. Влияние религии на преступность	108
Волошин И. А., Евдокимова И. С. Квалификация заражения ВИЧ-инфекцией: проблемы теории	114
Зиневич О. Я., Симбирева Я. А. Проблемы и основные аспекты изучения личности преступника	118
Исютин-Федотков Д. В. Фантом в предупреждении правонарушений	124
Миронова О. А. Свобода совести и вероисповедания: теоретико-правовой аспект.....	133

Мидловеи М. В.	Усиление эффективности борьбы с дорожной преступностью путем совершенствования системы наказаний за дорожно-транспортные правонарушения	140
Скворцова О. В., Новик М. П., Панасенко А. Р.	Проблемы построения санкций за преступления в сфере экономики	146
Чеботарева Г. В.	Развитие научных представлений об уголовной политике	158
Чернецкий О. К.	Опытные действия при производстве следственного эксперимента.....	167

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Алимов З. А.	Состав земель рекреационного назначения.....	172
Камалова Г. Г.	Информация как правовая категория: развитие концептуальных подходов.....	185
Саранкина Ю. А.	Глобальные экологические проблемы современности: характеристика и основные направления преодоления.....	193
Черевчук К. В.	О перспективе признания криптовалюты в качестве расчетного средства на территории Российской Федерации на основе анализа мировой практики использования электронных денег и правовой природы криптовалюты в странах мира.....	200
Елькин С. В.	Законодательное обеспечение возникновения права собственности на земельные участки Республики Крым (обращения в государственную собственность).....	205
Лукашева Н. Н.	Кодифицированные законодательные акты в системе федеральных законов Российской Федерации.....	218
Клименко Е. П.	Правовое регулирование погрузочно-разгрузочных работ в 1920–1930-х гг	229